

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 3 красавіка 2020 г.

Выпуск 19

Мінск МДЛУ
2021

УДК 94(476+430)(082)
ББК 63.3(4Бел)+63.3(4Гем)
Б 43

Рэкамендаваны Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 3(58) ад 24.11.2020 г.

Рэдакцыйная калегія: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), У. В. Здановіч, У. К. Коршук, А. М. Літвін

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, прафесар А. П. Жытко (БДПУ імя М. Танка); кандыдат гістарычных навук С. У. Жумар (Беларускі НДІ дакументазнаўства і архіўнай справы)

Канферэнцыя праведзена ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Гісторыя, культура, грамадства і дзяржава» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя), а таксама Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падыпраграма № 1 «Гісторыя і культура».

Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. Б43 навук. канф. , Мінск, 3 крас. 2020 г. Вып.19 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2021. – 276 с.

ISBN 978-985-28-0048-8

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

**УДК 94(476+430)(082)
ББК 63.3(4Бел)+63.3(4Гем)**

ISBN 978-985-28-0048-8

© УА «Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт», 2021

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА РЭКТАРА ЁНІВЕРСІТЭТА Н. П. БАРАНАВАЙ

Шаноўныя госці і ўдзельнікі канферэнцыі, дарагія калегі і сябры!

Дазвольце сардэчна вітаць вас на XIX Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», якая ў гэтым годзе мае некалькі адметнасцей.

1) канферэнцыя прысвечана 75-й гадавіне Вялікай Перамогі. Да гэтай надзвычай важнай падзеі супрацоўнікамі Цэнтра беларускай мовы і культуры падрыхтаваны дзве новых выставы: гістарычныя выданні па тэме «Жыві і помні» і асабістыя біяграфіі «Беларускія пісьменнікі на вайне».

2) канферэнцыя праходзіць у перыяд пачатку працы беларуска-германская камісія гісторыкаў, створанай 2 месяцы назад у Берліне ў адпаведнасці з даручэннямі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка і Федэральнага прэзідэнта Германіі Ф.-В. Штайнмайера.

Паводле пункта 1 сумеснага камюніке, прынятага 1 лютага б. г., камісія будзе прыкладаць намаганні для сумеснага даследавання беларускай і нямецкай гісторыі, раскрыцця транснацыянальных і адметных беларуска-германскіх гістарычных сувязяў. У гэтым плане пошук новых дакументальных крыніц, напісанне калектыўных манаграфій з удзелам прадстаўнікоў дзвюх краін адкрывае новыя як блізкія, так і далёкія перспектывы ў даследаванні малавядомых праблем гісторыі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Такія вынікі будуць запатрабаваны не толькі прафесійнымі навукоўцамі, але перш за ўсё студэнцкай моладдзю. Таму значэнне канферэнцыі асабліва актуальна ў справе далейшага развіцця беларускай гістарычнай навукі, а таксама адукацыі і выхавання нашага студэнцтва.

3) канферэнцыя выступае ў якасці адкрытай пляцоўкі для абмеркавання серыі кніг, выстаўленых у гэтай зале і вылучаных на Дзяржаўную прэмію Рэспублікі Беларусі 2020 года. Пераканана, што яны будуць не толькі ўсебакова абмеркаваны, але і знойдуць падтрымку сярод удзельнікаў. На вялікі жаль абмеркаванне будзе праходзіць без аднаго з аўтараў, сябра рэдакцыйнай калегіі з 2004 г., які заўчасна пайшоў з нашага жыцця – прафесара, доктара гістарычных навук Анатоля Васільевіча Шаркова. Яго працы былі ў свой час уласнаручна падораны аўтарам Цэнтру беларускай мовы і культуры і бібліятэцы ўніверсітэта.

Нагадаю, што XIX Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» праводзіцца ў адпаведнасці з планам выканання кафедрай гісторыі, сусветнай культуры і міжнароднага турызму заключнага задання тэмы НДР у рамках падпраграмы «Гісторыя і культура» Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Гісторыя, культура, грамадства і дзяржава» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Упэўнена, што правядзенне падобных сустрэч у МДЛУ на працягу апошніх амаль двух дзясяткаў гадоў стварала спрыяльныя ўмовы для першаснай апрабацыі новых матэрыялаў на існуючай навуковай пляцоўцы з удзелам беларускіх, латвійскіх, літоўскіх, нямецкіх, польскіх, расійскіх і ўкраінскіх даследчыкаў. Новыя думкі і высновы, якія з'яўца ў выніку абмеркавання пастаўленых праблемных пытанняў, не застаюцца толькі ў сферы акадэмічнай навукі, але паўплываюць на вырашэнне актуальных задач у нашым грамадстве, асабліва ў справе выхавання і прафесійнай падрыхтоўкі студэнцкай моладзі. Студэнты нашага ўніверсітэта актыўна ўдзельнічаюць ў навуковай працы, творча даследуючы гістарычную праблематыку і выкарыстоўваючы свае гісторыка-дакументальныя напрацоўкі пры выкананні курсавых і дыпломных праектаў па напрамку спецыяльнасці «Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый (міжнародны турызм)».

Дарагія сябры! Дазвольце аб'явіць адкрытай XIX Міжнародную навуковую канферэнцыю «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» і пажадаць вам поспехаў у яе правядзенні і дасягненні новых вяршынь на ніве гістарычнай навукі.

75-ГОДДЗЕ ВЯЛІКАЙ ПЕРАМОГІ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДХОДЫ

Ю. З. Кантор

80-ЛЕТІЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕВИАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

«Историческая политика» стала одним из рычагов манипулирования массовым сознанием. История Второй мировой войны, ее образы, существующие в массовом сознании, явились фактором, который активно воздействует на сегодняшнюю общественную жизнь в Восточной и Западной Европе, на их внутреннюю и внешнюю политику. Почти в каждом из многочисленных и противоречивых образов прошлого, порожденных национальной памятью о войне, можно увидеть стремления людей (в том числе и политических лидеров) так или иначе оправдать собственный народ или вынести на первый план такой фрагмент исторической истины, который в более выгодном свете показывает своих соотечественников и менее заметен и важен для соседей. Различие исторических оценок – это реальность, которую бессмысленно затушевывать. Увы, ее сюжеты, безусловно относящиеся к «сложным вопросам истории», до сих пор не отрефлексированы, не «выговорены» и оттого полны фобий и мифов. Самый простой из них – отторжение как фактологии, так и историографии советского периода, и априорное отрицание любых нейтральных (не говоря уже о позитивных) его моментах. Кстати, методологически его конструирование носит классический советский характер: в массовое сознание привносится хорошо отретушированная, «идеологически правильная» версия событий. Об этой проблематике и пойдет речь в данном докладе.

Европарламент 19 сентября принял декларацию, в которой причиной Второй мировой войны назван пакт Молотова–Риббентропа. «Вторая мировая война, самая разрушительная в истории Европы, стала непосредственным следствием печально известного нацистско-советского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года, также известного как пакт Молотова–Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, задавшиеся целью завоевать мир, делили Европу на две зоны влияния» [1], – подчеркивается в тексте резолюции, который утвердили на голосовании Европарламента 19 сентября. За день до голосования по резолюции, посвященной 80-летию юбилею пакта Молотова–Риббентропа, евродепутаты провели дебаты и внесли в текст ряд изменений. Одно из наиболее заметных – исчезновение критического упоминания о «Мюнхенском сговоре» 1938 г. как о событии, предшествовавшем пакту Молотова–Риббентропа [2]. Следует заметить, что в 2018 г. Европарламент категоричных оценочных деклараций по Мюнхенскому соглашению не принимал, более того – инициатива его обсуждения или

принятия каких-либо оценочных документов вовсе не звучала в его стенах, явившись в год мрачного юбилея весьма красноречивой фигурой умолчания. Вопрос, почему оценки пакта Молотова–Риббентропа, документа хорошо известного историкам и политикам как минимум в последние три десятилетия, именно сейчас стали столь доминирующими и актуализировались, является риторическим. Совершенно очевидно, что категоричность формулировок связана с текущей политической конъюнктурой.

Заметим, что историко-политический демарш, предпринятый 19 сентября 2019 г. Брюсселем вызвал симптоматичную реакцию в Москве. 22 сентября МИД РФ воспользовался формулировками, вызывающими воспоминания о трактовках пакта в советское время: «СССР никогда не был союзником гитлеровской Германии. Подписание 23 августа 1939 г. договора о ненападении с Германией было вынужденным шагом, который позволил Советскому Союзу отсрочить начало войны почти на два года и укрепить обороноспособность страны для борьбы с агрессором. Благодаря советско-германскому договору о ненападении война началась на стратегически более выгодных для СССР рубежах, и население этих территорий подверглось нацистскому террору на два года позже. Тем самым были спасены сотни тысяч жизней» [3].

Однако, как представляется, важно обратить внимание откуда, из какой точки Евросоюза, возникла идея принятия этой декларации. Мы имеем дело с историко-политическим курьезом. Сегодняшняя Литва небезосновательно считает себя преемницей независимого литовского государства, образовавшегося после революции 1917 г. Именно независимое литовское государство вследствие пакта получило «в подарок» от СССР город Вильно, который с 1939 г. официально называется Вильнюсом и является с тех же пор столицей Литвы. (Впоследствии и Белорусской ССР достался «кусочек» литовской территории – не отошедшие к Литве части земли Виленского края). 10 октября 1939 г. было подписано советско-литовское соглашение «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» [4]. Таким образом, Литва стала третьим – помимо Германии и СССР – государством, получившим вследствие пакта Молотова–Риббентропа территориальные «приращения». То есть, иницилируя вышеназванную декларацию, литовские евродепутаты по логике должны были внести туда тезис об осуждении аннексии Вильно и включения этого города в территорию своего государства, причем в статусе столицы. Этого не произошло. Характерно, что польские депутаты Европарламента, одними из первых поддержавшие принятие документа и дорабатывавшие его первоначальную версию вместе с литовцами, эту тему поднимать не стали.

Вообще, тема «приобретения» городов и территорий весьма аккуратно замалчивается странами, которые увеличили свои размеры в советское время, но теперь, отторгнув советское прошлое, тем не менее не готовы критично отнестись к механизмам этих «приобретений». Отчего неизбежно возникающий при таком дуализме дискомфорт выливается в попытки завуалировать

исторические факты. Например, на украинском портале «1939. Никогда больше» [5], созданном украинским институтом Национальной памяти (структура, действующая под эгидой правительства страны) нет никаких упоминаний о том, как польский город Лемберг «превратился» в советский, украинский Львов. Большое количество материалов на сайте посвящено теме начала Второй мировой. В частности, значительное место занимает сюжет похода РККА через границу 17 сентября 1939 года. И единственно, где авторы предпочитают не вдаваться в подробности и давать оценки, – «присоединение» Львова [6]. Аналогично поступил и крупнейший киевский новостной портал, разместивший в сентябре 2019 г. программную статью «Как Гитлер и Сталин вместе развязали самую кровопролитную войну» [7]. Ключевая глава статьи которой использует в названии прием вербальной актуализации: «Зеленые человечки». В ней нет ни слова про ставший частью УССР Львов. Это «белое пятно» на карте украинской исторической памяти весьма симптоматично. Что касается еще одного приема героизации истории и ее авторов – то портал «1939. Никогда больше» использует его сполна. Один из ключевых разделов посвящен теме борьбы за независимость, в нем центральное в прямом и переносном смысле место занимает С. Бандера [6]. Вряд ли имеет смысл комментировать подобный подход, приносящий историю в жертву исторической политике.

А вот в Белоруссии Маятник исторической политики остался в советском времени и советских стереотипах. Пример тому – ключевая конференция в НАН РБ, которая называлась «Навсегда вместе. К 80-летию воссоединения Западной Белоруссии и БССР», само название которой исключает варианты отношения официальной науки к случившемуся в 1939 г. и его последствиям. Заметим, что в Брестской крепости до сих пор нет мемориального знака в память польских защитников крепости в 1939 г., а в огромном и очень эмоционально и фактологически насыщенном музее Брестской крепости этому сюжету посвящена одна лаконичная витрина. Фигурой умолчания является и отказ белорусской стороны от многократных предложений польских соседей установить на территории музея «Брестская крепость» стелу или хотя бы мемориальную доску в память о событиях обороны Брестской крепости в 1939 году.

Точкой отсчета в «опрокидывании» стереотипов исторической памяти на постсоветском пространстве стал резонансный сюжет с «Бронзовым солдатом» – памятником советскому солдату, тайно, ночью, накануне 9 мая 2007 г. демонтированном с одной из центральных площадей Таллина – Тынисмяги. Строгий монумент, прототипом которого стал эстонский красноармеец В. Раянгу (бывший и знаменитым спортсменом) был установлен в 1947 г. над братской могилой погибших на этом пятачке советских военнослужащих. В начале 1990-х гг. у его подножия был потушен Вечный огонь, а таблички с именами 13 погибших были заменены надписью «Павшим во Второй мировой войне». А середине апреля 2007 г. правительство Эстонии и вовсе приняло решение перенести мемориал из центра города. Причем де-

монтаж курировало министерство обороны Эстонии. Конфликт, расколовший эстонское общество, не потух и после того, как «Бронзовый солдат» был установлен на Военном кладбище и доныне является символом губительной радикализации исторической политики.

В течение последних лет в странах Балтии, ищущих национальный идентитет, происходят колоритные метаморфозы. На первый план исторической политики, формирующей историческое сознание, выходят «новые герои». Это посол независимой Литвы в Берлине полковник К. Шкирпа, активный сторонник сближения Литвы с Германией еще с середины 30-х гг., в 1938 г. создал и возглавил пронацистскую организацию «Жигис» в Клайпеде, финансирующуюся из Берлина [8]. В 1940 г. Шкирпа не выполнил адресованное к дипмиссиям включенных в состав СССР республик указание советского МИДа ликвидировать их зарубежные представительства и не вернулся в Литву после ее советизации. Уже летом 1940 г. он в результате нескольких встреч с представителями германского МИДа начал формирование Фронта литовских активистов. В октябре эту организацию взял «под опеку» Абвер. 25 января Шкирпа представил полковнику Абвера И. Греббе план «освобождения Литвы». Вот его основные тезисы: «Немецкая армия представляется как освободитель Литвы и других угнетенных народов СССР... предлагается: во-первых, организовать общее восстание в Литве после вступления немецких войск; во-вторых, препятствовать снабжению и помощи Красной Армии путем саботажа; в-третьих, встречать немецкие войска как освободителей, оказывая им всяческую поддержку и помощь» [Там же].

Шкирпа, назначенный главой Временного правительства Литвы, из Германии летом 1941 г. выпущен не был, закончил свои дни в Вашингтоне. В 1995 г. он был торжественно перезахоронен в Каунасе – в Пантеоне выдающихся деятелей Литвы, его именем названы улица в Каунасе и аллея в Вильнюсе.

А в Латвии чтят память об ином историческом персонаже – Р. Бангерскисе. В годы оккупации в различные военные формирования немцами было мобилизовано около 110 тыс. граждан Латвии. Главную роль в этой мобилизации сыграл генерал Бангерскис (получивший это звание в период независимости Латвии, а до революции бывший полковником русской армии). Ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС – инспектора латышского легиона. Бангерскис умер в 1958 г. в Западной Германии, так и не представ перед судом – в 1945 г. его интернировали британцы, в 1946 г. он был выпущен из лагеря для военнопленных. В 1995 г. останки Бангерскиса были доставлены в Ригу и торжественно захоронены на братском Воинском кладбище Латвии.

Латвийские участники формирований СС ежегодно в День памяти легионеров проходят шествием по улицам столицы Латвии [9]. Официально власти к этим акциям отношения не имеют, однако их позицию несложно узнать из заявления латвийского МИД, опубликованного на официальном

сайте внешнеполитического ведомства: «Латыши были превосходными солдатами, которые сражались против Советского Союза во Второй Мировой войне» [10].

В духе прославления легионеров СС и иных коллаборационистских формирований следует и стратегия исторической памяти в Эстонии: «Эстонцы получили разрешение сформировать Эстонский легион. Из первых добровольцев был сформирован батальон “Нарва”, самое элитное из когда-либо существовавших эстонских подразделений...» [11], – сообщает школьный учебник. «Эстония потеряла погибшими, бежавшими и депортированными четверть своего населения, 282 000 человек, из них 30 000 непосредственно на фронте. Эстонцев заставляли воевать под чужими знаменами», – сообщает учебник истории Эстонии и резюмирует: «Эстония оказалась в числе проигравших Вторую мировую войну» [Там же]. Комментировать этот вывод нет смысла. И не только потому, что Эстония как самостоятельное государство в этой войне участия не принимала, но и потому, что подобная «оценка», данная в государственном школьном учебнике независимой Эстонии в XXI в. и ставящая ее в один ряд с государствами гитлеровской коалиции, вполне саморазоблачительна и симптоматична.

В том же направлении исторической политики идет и Музей оккупации в Риге. Он обязателен для протокольного посещения иностранных делегаций, его посещение входит в программу школьных уроков истории. «Для народов Западной Европы окончание войны означало возвращение свободы, а народы Восточной Европы попали в тиски коммунистического тоталитаризма. Окончание Второй мировой войны не означало для Латвии освобождения и победы над абсолютным злом, так как после потери независимости, одно зло сменилось другим» [12], – гласит информация на его сайте.

Музеи – на передовой войн за историю. Еще один яркий пример – это Музей Второй мировой войны в Гданьске. Этот молодой музей изначально формировался как рассказ о польском взгляде на Вторую мировую. И это было по-своему уникально, и логично, что такой музей создавался именно в Гданьске. Очень сложная и дискуссионная экспозиция создавалась известными музейщиками и учеными Польши. И коллекция формировалась из частных собраний, что увеличивало его уникальность. Три года назад при смене польского внутривластного ландшафта и при активном участии Института национальной памяти, который (как и на Украине) является структурой правительства, произошла полная смена концепции [13]. Ушли лучшие сотрудники во главе с директором П. Махцевичем и научным куратором Р. Внуком, создававшие изначально масштабную концепцию, дававшую возможность увидеть польский взгляд на события Второй мировой в мире. Ныне же экспозиция является прямой иллюстрацией доминант польской исторической политики. Об этом красноречиво говорит четырехминутный проморолик, созданный по заказу Института национальной памяти, являющегося структурой правительства Республики Польша. Ролик позиционирует Польшу во Второй мировой войне и как главную жертву, и как главного, вернее даже единствен-

ного, победителя [14]. Вот несколько цитат: «Эта война длилась полвека!», «Гитлер и Сталин подписали пакт. Его целью было уничтожение Польши», «Мы возрождаемся как армия» – это про армию Андерса (будто она возникла сама по себе), «Мы сеем страх в воздухе», «Польские евреи с гетто поднимают восстание без шансов на победу», – и, заметим, без шансов на поддержку со стороны поляков. «Папа дал нам надежду» – принципиально, что нет упоминания Солидарности и Леха Валенсы [Там же]. Авторы проморолика «проработали год над проектом, который не говорит правду о польской истории и в который представляет Польшу как “Христа народов”, вечно страдающего, но всегда непобедимого. За рубежом это, естественно, никого не убедит. Хуже, что фильм будут смотреть польские дети в школах. Ущерб, нанесенный молодым умам, может оказаться непоправимым» [15], – с этой позицией трудно не согласиться. Этот музей обязателен для школьных групп и рекомендован к посещению иностранными делегациями.

Непоправимый ущерб имиджу музея нанесла прошлогодняя история с песней «Темная ночь». Именно этот эпизод дал название для данного доклада – так как он очень символичен. Знаменитая песня попала под запрет цензуры, введенной руководством музея. На концерте, посвященном окончанию Второй мировой войны в Европе, польские музыканты хотели спеть «Темную ночь». (Эта песня известна в Польше в переводе Ю. Тувима и была впервые исполнена после войны певицей В. Гран, узницей Варшавского гетто). Директор музея выбежал на сцену, прервал выступление, заявив, что это пропагандистская песня: «Это пример создания легенды о романтическом красноармейце, который воюет за страну Советов и тоскует по дому. Происходит ли эта ностальгия до, после или в перерыве между убийствами, грабежами и изнасилованиями женщин (а часто и детей), массово осуществлявшимися “романтичными” Советами по дороге на Берлин, через земли, населенные поляками... Песня не соответствует истине об участии советских солдат во Второй мировой войне» [16]. Он согнал музыкантов со сцены, явив на той же сцене практически карикатурную фобию с демонизацией сконструированного образа врага. К чести музыкантов, по всей Польше прошли флэшмобы, где артисты пели «Темную ночь» [17].

Увы, цензура проникает в разные сферы общественной активности. Особенно там, где речь идет о сложных вопросах истории и ее темных сторонах. Самый, пожалуй, яркий пример: изъятие из книжных магазинов и консервация тиража книг литовской журналистки Р. Ванагайте. Она занимается исследованием табуированных тем. На территории Литвы было убито 95 % довоенного еврейского населения республики: более 190 тыс. человек [18]. Хотя с 1994 г. в стране ввели Национальный день памяти жертв холокоста, отмечаемый 23 сентября: в дату ликвидации гетто в Вильнюсе в 1943 г., в разных стратах литовского общества отторгается информация об участии, нередко добровольном, местного населения в холокосте. Одним из «взорвавших» литовский социум в этом смысле и стала монография Р. Ванагайте «Свои. Путешествие с врагом» [19], посвященная этой сложнейшей теме и основанная как на официальных документах, так и на свидетельствах устной истории.

Книга была переведена на многие языки и стала бестселлером, однако на родине ее автор подверглась остракизму как со стороны множества простых читателей, так и представителей истеблишмента. Также она исследует тему движения литовских «лесных братьев», утверждая, что это было весьма разнородное сообщество и нельзя всех его членов считать борцами за независимость и называть их именами улицы, как это сейчас происходит в Литве (и иных балтийских государствах). После ее заявлений, издательство приняло решение разорвать с ней контракт и изъять все книги Ванагайте из продажи [20]. Травля в СМИ и от представителей политического истеблишмента была таковой, что побудила литовских правозащитников вспомнить свою советскую «подцензурную» молодость [21].

В историческом знании всегда существуют лакуны, это нормально. История не может быть написана «раз и навсегда»: иначе она превращается в идеологию. А модные нынче заявления о том, что «не надо переписывать историю» имеют отчетливый политический подтекст: под «переписыванием» видится вскрытие «неудобных» фактов и документов. Историю невозможно переписать. Ее можно дописать, выявив новые документы и свидетельства происходившего, или исказить, умалчивая «неудобное», не «укладывающееся» в политический дискурс... И в этом отношении важны совместные проекты историков и музейщиков разных стран: они дают возможность открыто и деполитизировано сопоставить точки зрения, проанализировать документы. Что вовсе не обязательно означает нахождение общей точки зрения, но открывает перспективу избавиться от политизированного контекста и, возможно – от неизжитых ментальных стереотипов. А это уже немало.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Ориентация на пересмотр итогов войны»: как Европарламент объявил пакт Молотова–Риббентропа причиной Второй мировой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/670247-evroparlament-rezolyuciya-vtoraya-mirovaya-voina>. – Дата доступа: 08.01.2020.

2. Война не забыта: Москва и Варшава ссорятся из-за истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/world/433951-40-voyna-ne-zabyta-moskva-i-varshava-ssoryatsya-iz-za-istorii/?updated>. – Дата доступа: 08.01.2020.

3. МИД России. СССР никогда не был союзником гитлеровской Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-70034991_369753. – Дата доступа: 08.01.2020.

4. Договор о передаче Литве города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой с конфиденциальным протоколом к нему [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://runivers.ru/doc/d2-.php?CENTER_ELEMENT_ID=150970. – Дата доступа : 08.01.2020.

5. 1939. Никогда больше [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ww2.memory.gov.ua/>. – Дата доступа : 08.01.2020.

6. 1939. Никогда больше [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ww2.memory.gov.ua/vystavka/>. – Дата доступа : 08.01.2020.

7. Druga pojna svitova w 1939 roku [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://nv.ua/ukr/world/countries/druga-svitova-1939-yak-gitler-rozv-viynu-80-rokiv-z-pochatku-viyni-foto-5004005-2.html?utm_source=set_lang&utm_medium=in_article&utm_campaign=langanalytics. – Дата доступа : 08.01.2020.
8. Slavinas A. Der inszenierte Aufstand / A. Slavinas // Die Zeit. 25.06.1993.
9. Нацисты прошли по коридору // Время новостей. – 2010. – 17 марта.
10. Латыши в составе вооруженных сил Германии во Второй Мировой войне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.lv/ru/informacionnye-materialy-i-dokumenty/publikacii-v-presse/36949-latyshi-v-sostave-vooruzhennyh-sil-germanii-vo-vtoroj-mirovoj-vojne>. Дата доступа: 08.01.2020.
11. Адамсон А., История Эстонии. Учебник для гимназии / А. Адамсон, С. Валдмаа. – Таллин : Коолибри, 2000. – С. 222.
12. История оккупации Латвии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/nacistskaja-okkupacija/latvija-vo-vtoroj-mirovoj-vojne>. – Дата доступа 08.01.2020.
13. Кувалдин С. «Темная ночь» одна на всех. Кто запретил советскую песню в Польше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://snob.ru/entry/177406/?fromtg=1>. – Дата доступа: 08.01.2020.
14. II wojna swiatowa in museum [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=Q88AkN1hNYM&feature=youtu.be> <https://oko.press/ii-wojna-swiatowa-trwala-pol-wieku-wedlug-filmu-wyprodukowa-nego-ipn-wyliczamy-naduzycia/>. – Дата доступа : 09.06.2020.
15. II wojna swiatowa [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://oko.press/ii-wojna-swiatowa-trwala-pol-wieku-wedlug-filmu-wyp-rodukowanego-ipn-wyliczamy-naduzycia/>. – Дата доступа : 09.06.2020.
16. Музей Второй мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://muzeum1939.pl/oswiadczenie-muzeum-ii-wojny-swiatowej-w-gdansk/aktualnosci/2040.html?fbclid=IwAR1eGvzea4Ea7cv9pdH6oox4USoKcynN5E28_MvYQXrP7JcSQko7zVkjQA. – Дата доступа : 09.06.2020.
17. Косевский П. Темная ночь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview?text=&path=wizard&parent-reqid-production-app-host-man-web-yp-299&wiz_type=vital&filmId. – Дата доступа: 08.01.2020.
18. Энциклопедия Катастрофы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.yadvashem.org/yv/ru/holocaust/about/popup/lithuania.asp?height=420&width=560>. – Дата доступа: 09.03.2020.
19. Ванагайте, Р. Свои. Путешествие с врагом / Р. Ванагайте, Э. Зурофф. – М. : Corpus, 2016.
20. Издательство «Альма литтера» изымает из продажи все книги Ванагайте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/izdatelstvo-alma-littera-izymaet-iz-prodazhi-vse-knigi-vanagajte.d?id=76182929>. – Дата доступа: 09.06.2020.
21. Венцлова, Т. Травля Ванагайте очень напоминает советское время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/venclova-travlya-vanagajte-ochen-napominaet-sovetskoe-vremya.d?id=76195009>. – Дата доступа: 09.06.2020.

У. В. Здановіч

ШТОДЗЁННАЕ ЖЫЦЦЁ ГАРАДСКІХ І СЕЛЬСКІХ ЖЫХАРОЎ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ Ў АЦЭНКАХ БЕЛАРУСКІХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ

Нацысцкая акупацыя Беларусі, якая працягвалася з 22 чэрвеня 1941 г. па 28 ліпеня 1944 г. мела для рэспублікі катастрафічныя наступствы. Праз існаванне ў населеных пунктах ваенных камендатур, паліцэйскіх гарнізонаў, раённых і гарадскіх упраў усталявалася сістэма непасрэднага кантакту жыхароў з акупацыйнымі ўладамі. Сацыяльна-эканамічнае і прававое становішча шматмільённага насельніцтва рэзка памянялася. Аднак нягледзячы на тое, што палітыка акупантаў мела шматвектарны характар і закранала эканоміку, адукацыю, ахову здароўя, культуру і рэлігію, праблема паўсядзённасці не стала прыярытэтным накірункам у даследаваннях гісторыкаў савецкага перыяду. У значнай ступені такая сітуацыя была выклікана партыйнымі ўстаноўкамі, згодна з якімі жыццё розных катэгорый насельніцтва на акупаванай тэрыторыі разглядалася як штодзённае змаганне з ворагам. Найбольш яскрава дадзены падыход знайшоў адлюстраванне у манаграфіях «Быт беларускіх сялян у партызанскім краі» [1], «В партизанских краях и зонах [2] і доктарскай дысертацыі А. І. Залескага [3]. Адступленне ад традыцыйнага разгляду паводзінаў грамадзян толькі як гераічных супраціву акупацыйнаму рэжыму было немагчыма, любыя іншыя факты ставілі пад сумненне існаванне савецкай дзяржавы, падтрымліваемай усім народам.

У пачатку 1990-х гг. пачаўся новы, беларускі перыяд айчынай гістарыяграфіі, адной з асаблівасцяў якога стала станаўленне напрамкаў даследаванняў, якія ў савецкія часы па розных прычынах заставаліся па-за ўвагай даследчыкаў. Адным з іх стала гісторыя паўсядзённасці на акупаванай нацыстамі тэрыторыі. Аднак па ступені распрацаванасці тэма саступае ўзроўню вывучанасці праблемы расійскімі даследчыкамі, багаж якіх уключае працы як па гісторыі штодзённасці ваеннага часу агульнарасійскага характару, так і напісаныя на рэгіянальным матэрыяле. Тым не менш, і ў беларускіх гісторыкаў маюцца пэўныя напрацоўкі. Так, праблема штодзённага жыцця гарадскіх і сельскіх жыхароў Беларусі ў час акупацыі знайшла адлюстраванне ў калектыўнай працы «Беларусь в годы Великой Отечественной войны». У адрозненне ад гісторыкаў савецкага перыяду, якія асноўную ўвагу надавалі паказу барацьбы з акупантамі, аўтары, характарызуючы становішча сельскага насельніцтва, падкрэсліваюць, што з аднаго боку, «жыхары беларускіх рэгіёнаў, знаходзячыся пад кантролем акупантаў, у такой абстаноўцы, натуральна, імкнуліся выжыць, хоць нейкім чынам забяспечыць неабходныя сродкі для існавання сваіх сем'яў. Гэта ў многіх выпадках прымушала падпарадкоўвацца патрабаванням заваёўнікаў, працаваць на іх, выплочваць падаткі, выконваць пастаўкі і г.д.» [4, с. 325]. З другога боку, «масавым было і непадпарадкаванне, сабатаж, якія перарасталі ў самых розных месцах Беларусі ў адкрытую барацьбу з ворагам».

Разгорнутая характарыстыка паўсядзённага жыцця жыхароў Беларусі ва ўмовах германскай акупацыі дадзена Я. А. Грэбенем у манаграфіі «Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.)», якая ўбачыла свет у 2016 годзе. «Вынікам нацысцкай акупацыі, – канстатуе аўтар, – стала рэзкае пагаршэнне матэрыяльнага становішча пераважнай большасці грамадзян. Не хапала самага неабходнага для жыцця. Праблемай стала не толькі харчаванне, але і адзенне, абутак, соль і іншыя прадметы першай неабходнасці ... Дадатковым фактарам, які ўплываў на матэрыяльнае становішча грамадзян, стала эксплуатацыя немцамі іх матэрыяльных рэсурсаў ... Вымушанае існаваць з новай уладай, большасць людзей у адносінах да яе прыстасоўвалася, але не прызнавала сваёй, не лічыла для сябе ганебным гэтую ўладу падманваць ... Прыстасоўваючыся да сітуацыі, грамадзяне ўхіляліся ад выплаты падаткаў або імкнуліся іх мінімізаваць, праводзілі махінацыі з карткамі, ўхіляліся ад павіннасцяў, каб захаваць сілы для выжывання ... Акрамя фізічнага знішчэння, грамадзянскае насельніцтва Беларусі сутыкнулася з рэальнай пагрозай смерці на фоне экстрэмальных сацыяльна-эканамічных умоў. Наступствы такога расцягнутага ў часе генацыду выяўляліся паступова, але цалкам адпавядалі духу генеральнага плана “Ост”. Подзвігам з’яўлялася само жыццё ва ўмовах акупацыі, паколькі захаваць яго, выжыць дзеля будучыні было вельмі складана» [5, с. 222, 491, 492, 493].

Жыццё гарадскіх і сельскіх жыхароў Беларусі на акупаванай тэрыторыі разгледжана ў асобным параграфі «Жыццё насельніцтва ў гады акупацыі» 6-томнай «Гісторыі Беларусі». Уведзеныя ў навуковы абарот У. І. Кузьменка новыя дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь пацвярджаюць выснову іншых даследчыкаў аб тым, што паўсядзённае жыццё чалавека ва ўмовах акупацыі было б дакладней назваць «выжыванне». «Матэрыяльнае становішча, жыццёвы ўзровень насельніцтва, – піша гісторык, – вельмі невысокі і перад вайной, рэзка знізіўся на працягу трох гадоў фашысцкай акупацыі. Ва ўмовах пастаяннага падатковага прэса захопнікаў, фактычнага рабавання сельскае насельніцтва было вельмі хутка пастаўлена на грань поўнай галечы ... Яшчэ горшым было становішча жыхароў гарадоў. Нават тыя, хто працаваў, існаваў паўгалодным ... Галодных людзей акупанты прымушалі працаваць па 16–18 гадзін у суткі. Нярэдка выпадакі, калі знясіленыя працоўныя без прытомнасці падаюць каля станкоў ... Разруха, голад, праследаванні акупантаў гналі людзей з горада ў вёску. Разам з стратамі ад фашысцкага генацыду, уgonу ў Нямеччыну, а таксама з эвакуацыяй і мабілізацыяй ў воінскія адзінкі гэта з’явілася прычынай таго, што да лета 1944 г. у Віцебскай вобласці засталася 27 %, у Палескай – 29 %, у Магілёўскай – 35 % даваеннага гарадскога насельніцтва» [6, с. 522, 523].

Выснову пра тое, што чалавек ва ўмовах акупацыі не жыве, а выжывае, падтрымлівае і З. Шыбека. Пры гэтым ён лічыць, што сітуацыя на захадзе Беларусі істотна адрознівалася ад сітуацыі на ўсходзе. «Сяляне-заходнікі пры маўклівай згодзе новых гаспадароў распусцілі нешматлікія калгасы і вярнуліся да індывідуальнага гаспадарання ... На ўсходзе пасля бальшавіцкіх і на-

цысцкіх рэквізіцый людзі жылі пад пагрозай голаду, асабліва ў гарадах ... Захоўваліся калгасы. За найменшую сімпатыю да Чырвонай Арміі і савецкай улады людзей штрафавалі, катавалі, і нават вешалі або забівалі» [7, с. 314, 315]. Асабліва сітуацыя пагоршылася ў 1943 г. «Гарады, адзначае аўтар, – нагадвалі канцэнтрацыйныя лагеры, асабліва ў прыфрантавой паласе ... Працаваць на ваенных прадпрыемствах прыходзілася па 14–15 гадзін у суткі. А заробкі былі ў чатыры-шэсць разоў ніжэй, чым у працоўных з Германіі. У Мінску дзённага заробку хапала на кілаграм бульбы» [Там же]. Становішча ў вёсцы было значна лепш. Як адзначае З. Шыбека, новыя гаспадары былі зацікаўлены ў наладжванні сельскагаспадарчай вытворчасці на патрэбы фронту. Сялянскія сем’і атрымлівалі ва ўласнасць да гектара пад сядзібу і да сямі гектараў палявой зямлі ў часовае карыстанне. Ім дазвалялася мець неабмежаваную колькасць хатніх жывёл, што пры савецкай уладзе забаранялася. Каб падтрымаць збыдзелых сялян ўсходняй Беларусі, немцы летам 1942 г. забяспечвалі іх пасяўным матэрыялам, прывозілі з Германіі плугі, рамантавалі трактары, давалі коней [7, с. 318]. Ствараецца ўражанне, што нацысты з’яўляюцца сапраўднымі выратавальнікамі беларускага сялянства, а іх асноўнай мэтай была клопат аб паляпшэнні становішча жыхароў беларускай вёскі. Але, як піша сам аўтар, сапраўднай мэтай акупантаў было забеспячэнне ўсім неабходным нямецкай арміі.

Пры аналізе акупацыйнага рэжыму нельга абыйсці ўвагай працы Ю. Туронка і Б. К’яры. Так, польскі даследчык, раскрываючы структуру, асноўныя накірункі дзейнасці найбольш значных ваенных фарміраванняў і грамадзянскіх органаў улады у розныя перыяды акупацыі (вайсковае, цывільнае праўленне), не абыходзіць увагай і карныя акцыі захопнікаў. Вызначаючы прычыны такой палітыкі акупантаў у дачыненні да мясцовага насельніцтва, Ю. Туронак піша: «на тэрыторыях дзе не былі занатаваны выступленні партызан, не назіралася “барацьбы з насельніцтвам”» [8, с. 124]. Атрымліваецца, што карная палітыка не з’яўлялася часткай агульнай палітыкі германскага нацызму на акупаваных тэрыторыях, а была адказам на дзеянні партызанскіх сіл. Такім чынам, адказнасць за злачынныя дзеянні акупантаў па сутнасці перакладаецца на партызан, у склад якіх, дарэчы, уваходзілі і мясцовыя жыхары. Аднак, як справядліва адзначае беларускі гісторык А. М. Літвін «з гэтым, відаць, можна пагадзіцца толькі пры адной умове: калі не лічыць за беларускае насельніцтва яўрэяў, цыган, палякаў, беларусаў, рускіх і інш. нац. – камуністаў, камсамольцаў, палітрукоў, былых савецкіх актывістаў – барацьба з імі вялася з першых дзён і і не спынілася б да поўнага іх знішчэння» [8, с. 124].

Цікавай уяўляецца ацэнка жыцця гарадскіх і сельскіх жыхароў Беларусі ў гады нацысцкай акупацыі, дадзеная нямецкім гісторыкам Б. К’яры. «Дыяпазон мясцовых рэакцый на нямецкае панаванне на ўсёй акупаванай тэрыторыі Савецкага Саюза распасціраўся ад бескампраміснага супраціву да інтэнсіўнай падтрымкі. Акупаваныя тэрыторыі ў цені нямецкага тэрору жылі сваім жыццём, якое ў розных рэгіёнах істотна адрознівалася паміж сабой ... Беларусь,

як структурна слабы аграрны раён з адносна нізкімі ўраджаямі, адначасова стала лабараторыяй для ажыццяўлення найгоршай формы нямецкай акупацыйнай палітыкі ... У Беларусі з самага пачатку нямецкай акупацыі дамінантай стала знішчэнне людзей, голад і тэрарыстычная па сваёй сутнасці нямецкая структурная палітыка. А нямецкія службы бяспекі, вермахт і грамадзянская адміністрацыя ў сваім стаўленні да мясцовага насельніцтва не бралі пад увагу ніякіх тактычных разваг. Краіна была жахлівым прыкладам таго, як шчыльна перапляталіся ваенная гаспадарка, сельскагаспадарчая вытворчасць і магчымасці забеспячэння харчавання з мэтай нямецкага ваеннага паходу, расіскай вайной на знішчэнне» [9, с. 10, 14, 15].

Больш рэльефна ўявіць жыццё насельніцтва ў перыяд акупацыі дазваляе гісторыя асобнага населенага пункта. Так, штодзённасць горада Брэста паказана ў зборніку дакументаў «Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы», падрыхтаваным аўтарскім калектывам у складзе дацэнта кафедры ўсеагульнай гісторыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Пушкіна Я. С. Разенблата і супрацоўнікаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці А. Г. Карапузавай і Г. Д. Калуставай [10].

Змешчаныя ў раздзеле 3. «Продовольственное обеспечение города» дакументальныя матэрыялы, раскрываюць праблему харчовага забеспячэння горада. З 1 верасня 1941 г. была ўведзена картачная сістэма на хлеб і іншыя харчовыя тавары, уведзены нормы харчовага забеспячэння жыхароў горада. Адзначым, што картачная сістэма мела фіскальны характар і, у першую чаргу, была накіравана на выяўленне асоб, якія ўхіляліся ад працоўнай павіннасці. Цікавасць уяўляюць крытэрыі норм харчовага забеспячэння: «дзеці да 14 гадоў (К. 1/2), звычайны непрацуючы спажывец (Гр. 1), сем'і людзей, якія працуюць у інтарэсах Германіі (Гр. 2), працуючыя ў інтарэсах Германіі (Гр. 3), рабочыя занятыя на асоба цяжкіх работах (Гр. 4)» (с. 133). Лічбы, пададзеныя ў табліцы, паказваюць, што у лепшым становішчы знаходзіліся прадстаўнікі 3 і 4 груп. Да катэгорыі працуючых у інтарэсах Германіі адносіліся працаўнікі нямецкіх і мясцовых лясных, харчовых, прамысловых і іншых прадпрыемстваў. У склад 4 групы былі ўключаны спецыялісты ваенных прадпрыемстваў і чыгункі, работнікі шахт і каменаломняў [10, с. 129, 133].

У асобым становішчы знаходзіліся яўрэі. Палітыка акупацыйных улад у дачыненні да іх спалучалася рэпрэсіямі з атрыманнем выгады ад працы яўрэяў, якія дамінавалі ў многіх галінах вытворчасці. Аднак, нягледзячы на каштоўнасць яўрэйскіх спецыялістаў, існавалі сур'ёзныя абмежаванні у працы яўрэйскага насельніцтва і яе аплаты. Так, ўжо 18 ліпеня 1941 г. бургамістр г. Брэста выдае распараджэнне аб звальненні «усіх асоб яўрэйскай нацыянальнасці, а таксама яўрэйскага паходжання, працуючых у якасці канторскіх работнікаў, памочнікаў пры вярбоўцы насельніцтва на работы па навядзенню парадку на тэрыторыі горада Брэста, а таксама *служачых нізавага звяна* (выдзелена ў дакуменце)» [10, с. 222]. А распараджэннем ад 17 верасня 1941 г. «усе яўрэі, працуючыя на камунальных і дзяржаўных работах, павінны адзін дзень

у тыдзень працавец бясплатна...дырэктары прадпрыемстваў...пры састаўленні плацёжных ведамасцей павінны помніць аб тым, што яўрэі атрымліваюць толькі 80 % ставак, якія ўстаноўлены для арыійскіх работнікаў» [10, с. 226].

Асаблівай старонкай у гісторыі паўсядзённага жыцця насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі з'яўляецца ўзаемаадносіны жыхароў і партызан. У пачатку 1990-х гг. у дадзенай праблема знайшла адлюстраванне ў газетных і часопісных артыкулах. Неабходна адзначыць, што новыя падыходы ў асвятленні гісторыі партызанскай барацьбы выклікалі неадназначную рэакцыю айчынных навукоўцаў і грамадскасці. Так, напрыклад, як толькі прафесар Я. Шыраеў у артыкуле «Партызаны правакавалі акупантаў» выказаў меркаванне аб тым, што «...метады партызан часам нічым не адрозніваліся ад метадаў нямецкіх карных атрадаў... Не ашчаджалі яны і сялян, якія адмаўляліся аддаць партызанам свае небагатыя пажыткі. Не будзе памылкай сказаць, што ўсё гэта мела масавы характар» [11, с. 11], адразу ў абарону аднаго з асноўных тэзісаў савецкай гістарыяграфіі выступілі іншыя беларускія навукоўцы.

Прафесару Я. Шыраеву адказаў прафесар М. Крукоўскі, які ў артыкуле «Партызаны, партызаны – беларускія сыны», у прыватнасці, піша: «...Існавалі і сумна вядомыя асобы аддзелы, якія праводзілі свае брудныя карныя аперацыі на мясцовым насельніцтве, выклікаючы ў нас глухое незадавальненне. Прыходзілася і нам, на жаль, удзельнічаць у баях са сваімі, г.зн. паліцаямі, уласаўцамі і інш.». Але разам з тым аўтар падкрэслівае, што «на Беларусі тады разгарнулася нечуванае па сваіх маштабах супраціўленне, перад якім меркне слава нават французскага Resistance... Гэта быў сапраўды ўсенародны, дарэчы, пераважна маладзёжны рух, і ён мог бы служыць выдатным узорам для сапраўды патрыятычнага выхавання нашай моладзі, а яго ваенны вопыт для належнай падрыхтоўкі» [12].

Аналагічнай думкі прытрымліваецца Н. Пашкевіч, які адзначае: «Я зусім не адмаўляю верагоднасць фактаў анархічнага самавольства партызан, нічым неапраўданых бяспачнасці і рэпрэсій з іх боку, пра якія гаворыць Я. Шыраеў, успамінаючы тагачасны падзеі ў сваім родным раёне, а таксама спасылаючыся на некаторыя публікацыі ў друку... Адно толькі выклікае пярэчанне, – калі самаўпраўныя злачынныя дзеянні асобных людзей, колькі б іх ні было, уводзяць у ранг партызанскай палітыкі, стратэгіі і тактыкі» [13].

Праблема ўзаемаадносін партызан і мясцовага насельніцтва стала прадметам дыскусіі і ў навуковых выданнях. Большая частка даследчыкаў, крытыкуючы недахопы савецкіх гісторыкаў у асвятленні вылучанай праблемы, прытрымліваецца думкі, што нягледзячы на ўсе недахопы, негатыўныя факты, рух Супраціўлення абапіраўся на масавую падтрымку мясцовых жыхароў. Разам з тым, як падкрэслівае Е. Я. Паўлава ў артыкуле «Многогранье всенародной борьбы. Отношения партизан с местным населением»: «Створаныя гітлераўцамі ўмовы пакідалі мясцоваму насельніцтву акупаваных тэрыторый няшмат варыянтаў: супрацоўнічаць з захопнікамі, ехаць остарбайтэрамі ў Нямеччыну або ісці ў лес да партызанаў. У дачыненні да грамадзян, якія чакалі, пазіцыя нацыстаў была жорсткай: альбо супрацоўніцтва з акупацыйнымі ўладамі, або

знішчэнне іх як прыхільнікаў савецкага ладу. Нацыянальным колам і мясцовай інтэлігенцыі нацысты таксама не асабліва давяралі... дакументы ўтрымліваюць прыклады як іх цеснага супрацоўніцтва, так і супрацьстаяння. Вайна абвастрыла праблемы і канфлікты, якія існавалі на працягу папярэдніх дзесяцігоддзяў і нават стагоддзяў. Пospехі народных мсціўцаў наўпрост залежалі ад падтрымкі мірнага насельніцтва. Большая частка канфліктаў мела лакальнае непалітычная паходжанне. Таму чым больш партызаны ўлічвалі законныя патрэбы і інтарэсы мясцовых жыхароў, тым больш значныя была іх падтрымка» [14, с. 84, 91].

Пра канфліктныя сітуацыі згадвае ў кандыдацкай дысертацыі К. А. Карчэўскі (знята аўтарам з абароны). Так, у Заходняй Беларусі яны былі выкліканы метадам загатоўкі прадуктаў харчавання для партызанскіх атрадаў і брыгад, трапна названага сялянамі «бамбёжкай». Паводле дадзенай сістэмы для забеспячэння харчаваннем за кожным атрадам камандаванне замацоўвала адну ці некалькі вёсак. У некаторых выпадках партызаны забіралі ў насельніцтва апошняе, нягледзячы на матэрыяльнае становішча сем'яў [15, с. 15].

Праведзены гісторыяграфічны аналіз сведчыць, што асвятленне праблем штодзённасці на акупаванай нацыстамі тэрыторыі Беларусі ў савецкі і беларускі перыяды мае свае асаблівасці. Савецкія гісторыкі разглядалі жыццё розных катэгорый як штодзённую бітву з ворагам. З распадам Савецкага Саюза і набыццём рэспублікай незалежнасці гісторыкі атрымалі магчымасць перагледзець многія моманты ў даследаваннях акупацыйнага рэжыму, у тым ліку і праблему паўсядзённага жыцця сельскага і гарадскога насельніцтва ў перыяд ваеннага ліхалецця. Звярнулі ўвагу гісторыкі і на праблему ўзаемаадносін жыхароў і партызан. Матэрыялы, якія ўтрымліваюцца ў працах беларускіх даследчыкаў, дазваляюць сцвярджаць, што палітыка акупацыйных уладаў характарызавалася антыгуманным падыходам да выкарыстання чалавечага рэсурсу на захопленай тэрыторыі. З прычыны гэтага рабочыя і сяляне вымушаны былі існаваць у вельмі цяжкіх умовах, пастаянна залежаць ад самавольства ўладаў. Штодзённае жыццё чалавека ва ўмовах акупацыі шмат у чым набыла характар выжывання.

ЛІТАРАТУРА

1. *Залескі, А. І.* Быт беларускіх сялян у партызанскім краі / А. І. Залескі. – Мінск : Беларусь, 1960. – 210 с.
2. *Залесский, А. И.* В партизанских краях и зонах: патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944 гг.) / А. И. Залесский. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 397 с.
3. *Залесский, А. И.* Советский патриотизм крестьянства в условиях немецко-фашистской оккупации Белоруссии (1941–1944 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. И. Залесский ; АОН АН БССР. – Минск, 1963. – 59 с.
4. Беларусь в годы Великой Отечественной войны : 1941–1945 гг. / А. А. Коваленя (рук. авт. кол.) [и др.]. – Минск : БелТА, 2005. – 544 с.

5. *Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : монография / Е.А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.

6. *Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.].* – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

7. *Шыбека, З.* Нарыс гісторыі Беларусі / З. Шыбека. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.

8. *Туронок, Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй : пер. з пол. / Ю. Туронак ; кам. А.М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.

9. *К'яры, Б.* Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) : пер. з ням. / Б. К'яры ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – 2-е выд., папраўл. – Мінск : Беларус. гіст. агляд, 2008. – 390 с.

10. *Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы / Учрежд. «Государственный архив Брестской области»; сост. Г.Д. Калустова [и др.].* – Брест Альтернатива, 2016. – 316 с.

11. *Шыраеў, Я.* Партызаны правакавалі акупантаў / Я. Шыраеў // ЛіМ. – 1992. – 3 крас. – С. 10, 11.

12. *Крукоўскі, М.* Партызаны, партызаны – беларускія сыны / М. Крукоўскі // Літ. і мастацтва. – 1994. – 24 чэрв. – С. 5, 12.

13. *Пашкевіч, Н.* На арэях разбэрсанай думкі / Н. Пашкевіч // ЛіМ. – 1992. – 3 крас. – С. 10, 12.

14. *Павлова, Е.* Многогранье всенародной борьбы. Отношения партизан с местным населением / Е. Павлова // Беларуская думка. – 2014. – № 2. – С. 82–91.

15. *Карчевский, К. А.* Взаимодействие партизан и населения Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / К. А. Карчевский ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.

А. М. Літвін

АДЗНАЧЭННЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ САВЕЦКІХ СВЯТАЎ НАСЕЛЬНІЦТВАМ І ПАРТЫЗАНАМІ ПАДЧАС НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ БЕЛАРУСІ

У 2020 годзе адзначаецца 75-я гадавіна заканчэння Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай вайны. Чым далей адыходзяць у мінулае жудасныя падзеі мінулага людабойства, тым больш рэльефна і выпукла прасочваюцца ратныя, працоўныя подзвігі народаў былога СССР, якія ўспрынялі і вынеслі на сябе асноўны цяжар мінулай вайны. Таму зусім не выпадкова асабліваю ўвагу і цікавасць сусветнай грамадскасці выклікаюць пытанні ролі і месца ў Перамозе над гітлераўскай Германіяй і яе хаўруснікамі Савецкага Саюза, Чырвонай Арміі, уклада ў Перамогу народаў, вышэйшага кіраўніцтва дзяржавы, краін і народаў былога СССР. За пасляваенны перыяд айчынная гістарыяграфія

накапіла значны пласт прац па гісторыі зараджэння партызанскага руху і падпольнай барацьбы, аб баявой і масава-палітычнай дзейнасці партызанскіх фарміраванняў, падпольных партыйных і камсамольскіх органаў на акупіраванай тэрыторыі Беларусі. Звесткі аб гэтым маюцца ў шматлікіх дакументах і матэрыялах, надрукаваных ў акадэмічных навуковых [1; 2; 3; 4] і дакументальных выданнях [5; 6; 7] у мемуарнай літаратуры¹.

75-гадовы юбілей – гэта вельмі значны гістарычны перыяд, які дае магчымасць больш глыбока і ўсебакова разглядаць падзеі мінулай вайны, у тым ліку і пытанні, на якія па шэрагу прычын даследчыкі раней не звярталі ўвагу. Да адных з такіх пытанняў адносяцца і пытанні аб тым, як насельніцтва акупаванай нацыстамі тэрыторыі БССР адносілася да савецкіх святаў, якія на дзяржаўным узроўні актыўна насаждаліся на тэрыторыі БССР у 1920–1930 гг., а на тэрыторыі заходніх абласцей – толькі пасля далучэння іх у склад адзінай дзяржавы.

Дакументы і матэрыялы, мемуарныя крыніцы сведчаць аб тым, што падрыхтоўка і святкаванне савецкіх дзяржаўных і рэвалюцыйных дат і святаў былі адным з разнастайных элементаў штодзённасці ваеннага часу, а для падпольных органаў і камандавання партызанскіх фарміраванняў, якія сябе прадстаўлялі прадстаўнікамі савецкай улады, дзейным механізмам уздзеяння на свядомасць насельніцтва, выхавання ў іх пачуцця таго, што савецкая ўлада хутка вернецца. Таму святкаванню савецкіх рэвалюцыйных святаў, у першую чаргу гадавін Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі, асноўнага савецкага свята, падпольнымі партыйнымі органамі, камандаваннем партызанскіх фарміраванняў Беларусі надавалася вельмі важнае значэнне. Напярэдадні святаў у населеных пунктах партызанскіх зон праводзіліся мітынгі, сходы, на якіх выступалі спецыяльна падрыхтаваныя выступоўцы-палітінфарматары, а таксама камандзіры і камісары партызанскіх фарміраванняў, партыйныя і камсамольскія кіраўнікі і палітработнікі. У партызанскіх фарміраваннях, як і ў савецкі час на прадпрыемствах і ўстановах, наладжвалася сацыялістычнае спаборніцтва, толькі на гэты час паказчыкам была колькасць знішчаных ворагаў.

Дакументы таго часу таксама сведчаць аб тым, што акрамя асноўнага свята – Дня Кастрычніцкай рэвалюцыі – у арганізацыйнай і масава-прапагандысцкай дзейнасці партызан і падполля шырока выкарыстоўваліся і адзначаліся насельніцтвам Беларусі і іншыя савецкія святы і рэвалюцыйныя даты: дні РСЧА, 1-е мая, гадавіны БССР, камсамола.

Цікавым і навукова недаследаваным да сённяшняга часу з’яўляецца пытанне аб прысваенні назваў партызанскім фарміраванням. Вядома, што першапачаткова партызанскія атрады назваў не мелі. Звычайна яны называліся па імені камандзіра. Напрыклад, атрад Каржа, Шмырова, Заслонава, альбо па падпольнаму псеўданіму атрад «Дубняка» (П. М. Машэрава), «Дзядзі Васі», «Аляксея», «Дзядзі Колі», «Баці», «Градава» і г.д.

¹ Па падліках Г. Д. Кнацько, да 1999 г. ў выдавецтвах Беларусі выдадзена 213 мемуараў, у тым ліку 179 мемуараў асобных аўтараў і 34 зборнікі ўспамінаў.

Потым атрадам і брыгадам сталі прысвойваць імёны слаўтых герояў грамадзянскай вайны (Чапаева, Лазо, Шчорса, Пархоменка), правадыроў партыі і ўраду (Леніна, Сталіна, Свярдлова, Калініна, Кірава, Кагановіча), герояў і вядомых ваеначальнікаў перыяду грамадзянскай вайны (Фрунзе, Варашылава, Будзённага, Дзяржынскага), слаўтых Герояў Савецкага Саюза (Чкалава, Гастэла, Грызадубавай, Жукава, Ракасоўскага). Імя Чапаева і імя П. Панамарэнкі насілі адпаведна па пяць беларускіх партызанскіх брыгад.

Акрамя гэтага, шэраг партызанскіх атрадаў былі названы ў гонар 25-й і 26-й гадавіны кастрычніка. Так, у кастрычніку 1942 г. на базе дыверсійных груп І. І. Апаровіча і С. П. Піткевіча, якія прыбылі з Вялікай зямлі па заданні ЦК КП(б)Б, з жыхароў вёсак Літвяны, Станькава, Кукшэвічы Дзяржынскага раёна быў створаны партызанскі атрад «25 год Кастрычніка». Відавочна, што назва атраду дыктавалася надыходзячым юбілеем. Камандзірам атрада стаў Іосіф Іосіфавіч Апаровіч (X.1942 – VII.1944), камісарам Петр Рыгоровіч Мартысюк (X.1942 – VIII.1943), а затым Уладзімір Трафімавіч Гаваркоўскі (IX.1943 – VII.1944). Да студзеня 1943 г. атрад дзейнічаў самастойна, а потым у складзе 300-й партызанскай брыгады імя К. Я. Варашылава.

Загадам ад 21 жніўня 1943 г. на базе атрадаў «25 год Кастрычніка» і імя Д. А. Фурманава, выдзеленых з 300-й брыгады, была створана 200-я партызанская брыгада імя К. К. Ракасоўскага. Пазней былі ўтвораны атрады імя Чкалава і імя Дзяржынскага. Брыгада дзейнічала ў Капыльскім, Дзяржынскім і Уздзенскім раёнах. Злучылася з Чырвонай арміяй 4 ліпеня 1944 г. у складзе чатырох атрадаў колькасцю 1 187 партызан. Атрад «25 год Кастрычніка» налічваў 371 партызана [8, с. 417, 444, 445].

У пачатку снежня 1943 г. на базе ініцыятыўных груп, выдзеленых партызанскімі атрадамі імя А. В. Суворова, імя В. І. Чапаева і імя С. М. Буденнага з 225-й партызанскай брыгады імя А. В. Суворова партызанскага злучэння Мінскай вобласці, быў створаны партызанскі атрад імя 26-годдзя Кастрычніка. На момант злучэння з Чырвонай арміяй атрад налічваў 204 партызан [8, с. 416, 417].

У снежні 1943 г. загадам Упаўнаважанага ЦК КП(б)Б і БШПР па Баранавіцкай вобласці на базе атрадаў «Грозны», імя Катоўскага, імя С. М. Буденнага, выдзеленых Першамайскай брыгадай была створана партызанская брыгада «25 год БССР», камандзір – Мічурын Барыс Александравіч, камісар – Смірноў Петр Іванавіч. Адначасова быў сфарміраваны атрад «25 год БССР», камандзір – Васілій Мікалаевіч Малкаў, камісар – Павел Пятровіч Андрэеў. На дзень злучэння з Чырвонай арміяй брыгада налічвала 811 партызан, у тым ліку 135 партызан у атрадзе.

У студзені 1944 г. знакамітай 123-й Акцябрскай партызанскай брыгадзе Палескай вобласці было прысвоена імя 25-годдзя БССР (камандзіры – Ф. І. Паўлоўскі, С. В. Маханько). Злучылася з Чырвонай арміяй 26 чэрвеня і 5 ліпеня 5 атрадаў, 609 партызан.

У канцы снежня 1943 г. з асабовага складу 1-й стралковай роты партызанскага атрада імя С. М. Буденнага партызанскай брыгады імя П. К. Па-

намарэнкі Баранавіцкай вобласці быў створаны партызанскі атрад імя 26-годдзя БССР. Камандзірам быў прызначаны Аляксей Антонавіч Лугар, камісарам – Павел Акімавіч Траеглазаў (снежань 1943 – май 1944 г., загінуў).

Два партызанскіх атрады былі названы ў гонар 25-годдзя ВЛКСМ. У студзені 1942 г. на базе ініцыятыўнай групы Трафіма Цярэнцьева Жулегі, якая была выдзелена партызанскім атрадам Уладзіміра Цімафеевіча Шантара, быў створаны партызанскі атрад, які да кастрычніка 1943 г. насіў імя свайго камандзіра Т. Ц. Жулегі, а затым быў перайменаваны ў атрад імя 25-годдзя ВЛКСМ. На дзень злучэння з Чырвонай арміяй налічваў 247 чалавек.

25 кастрычніка 1943 г. з партызан, выдзеленых атрадамі імя Варашылава (60 чал), імя Шчорса (10 чал), 3-й Мінскай партызанскай брыгады імя Будзенага і моладзі Рудзенскага і Пухавіцкага раёнаў, быў створаны партызанскі атрад імя 25-годдзя ВЛКСМ. Камандзір – Мікалай Сідаравіч Сянквіч, камісар – Іван Васільевіч Карасеў.

У лютым 1944 г. у партызанскай брыгадзе імя Чапаева (створана 29 чэрвеня 1943 г.) Беластоцкай вобласці быў сфарміраваны партызанскі атрад імя 26-годдзя РККА (РСЧА). На дзень злучэння налічваў 79 партызан.

Безумоўна, факты арганізацыі і святкавання рэвалюцыйных дат, прысваення партызанскім фарміраванням імя герояў рэвалюцыі, партыйных і дзяржаўных дзеячаў, вядомых герояў Вялікай Айчыннай вайны, юбілейных датаў, мелі для правядзення масава-палітычнай працы сярод партызан і насельніцтва вялікае значэнне як у выхаванні патрыятычных пачуццяў, так і ўмацаванні веры ў хуткую перамогу над ворагам.

У дадзенай працы зроблена спроба звярнуць увагу на асобныя пытанні ваеннай паўсядзённасці жыцця насельніцтва і партызан. Узаемаадносіны паміж імі ўключалі мноства разнастайных элементаў камунікацыі, важнае месца сярод іх займалі асабістыя сустрэчы на сходах і мітынгах, якія пастаянна адбываліся як пры падрыхтоўцы і правядзенні савецкіх святаў, так і пры іншых абставінах. Удзел насельніцтва ў святкаванні ці адзначэнні савецкіх святаў з'яўляўся як сведчаннем палітычнай і ідэлагічнай дэманстрацыі лаяльнасці насельніцтва да савецкай улады, так і сведчаннем непрымання ім мерапрыемстваў акупантаў.

Асаблівае значэнне для падтрымкі патрыятычных настрояў, упэўненасці ў непазбежнай перамозе над ворагам, павышэння вайсковай дысцыпліны і баявой падрыхтоўкі мела правядзенне масавых мітынгаў, а таксама партызанскіх парадаў у партызанскіх фарміраваннях і партызанскіх зонах.

На заключным этапе партызанскай барацьбы, падчас канчатковага вызвалення тэрыторыі Беларусі летам 1944 года, кіраўніцтва БССР арганізацыяй масавых мітынгаў і партызанскіх парадаў у г. Мінску і абласных цэнтрах імкнулася асобным чынам паказаць і падкрэсліць ролю партызанскіх фарміраванняў, падкрэсліць іх непарушную сувязь з Чырвонай арміяй. Дэманстрацыя партызанскай арміі была накіравана не толькі для кіраўніцтва ў Маскве, але і для карэспандэнтаў замежных сродкаў інфармацыі.

Як вядома, адной з галоўных функцый савецкай прапаганды і масава-палітычнай працы пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі было фарміраванне вобразу, іміджа новай «савецкай» улады, а таксама новай дзяржавы рабочых і сялян і тых сацыялістычных пераўтварэнняў і заваяванняў, якія адбываліся ў СССР. Усё гэта рабілася на фоне злога вобраза былой дзяржавы ў сьвядомасці насельніцтва. Сутнасць гэтага дзеяння была сфармулявана ў словах партыйнага гімна: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы свой, новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем» (увесь мір насілля мы разбурым «до основанья», а затым мы свой, мы новы мір пабудуем, хто быў нікім, той стане ўсім). Былая дзяржава паказвалася як «турма народаў», на чале якой стаялі галоўныя ворагі народа – цар і яго сям'я, капіталісты і памешчыкі. Таму з першых дзён бальшавіцкай улады знішчаліся помнікі былой і ствараліся помнікі новай улады, ствараўся пантэон тых, з каго моладзі трэба ў першую чаргу браць прыклад. Важнае месца ў фарміраванні вобразу новай улады надавалася рэвалюцыйным дням і датам, постацям класікаў марксізму-ленінізму і выбітным рэвалюцыянерам. У сувязі з гэтым савецкім партыйна-дзяржаўным апаратам асабліва ўвага надавалася адзначэнню (святкаванню) рэвалюцыйных, дзяржаўных і памятных дат.

Нагадаем, што да канца 1920-х гадоў, разам со згортваннем нэпу, з афіцыйных савецкіх календароў паступова зніклі рэлігійныя святы. З 1929 г. ў БССР святочнымі* засталіся: 1 студзеня – Дзень абвяшчэння БССР, 22 студзеня – Дзень 9 студзеня 1905 (у памяць пра крывавую нядзелю 1905 г. і памяць У. І. Леніна), 12 сакавіка – Дзень звяржэння царызму, 18 сакавіка – Дзень Парыжскай камуны, 1 і 2 мая – Дзень Інтэрнацыяналу, 11 ліпеня – Дзень вызвалення Савецкай Беларусі ад белапалякаў, 7 і 8 лістапада – Дзень Пралетарскай рэвалюцыі. Напачатку 30-х гадоў статус святочных страцілі дні 22 студзеня, 12 і 18 сакавіка. Пасля прыняцця 5 снежня 1936 г. новай Канстытуцыі СССР дзень 5 снежня таксама стаў святочным. Акрамя галоўных святаў у святочным календары быў шэраг святаў (памятных дзён), якія з'яўляліся працоўнымі, аднак таксама адзначаліся: 23 лютага – Дзень РСЧА, 8-га сакавіка – Міжнародны камуністычны жаночы дзень, розныя прафесійныя святы і інш. [9, с. 3].

У выдадзенай у 2009 г. ў Расіі грунтоўнай працы нямецкага гісторыка Мальтэ Рольфа, падрыхтаванай на вялізным архіўным і гістарыяграфічным матэрыяле, падрабязна разглядаюцца шлях стварэння ў Савецкім Саюзе асобага «чырвонага календара» і фарміраванне спецыфічнай савецкай культуры падрыхтоўкі і правядзення масавых святаў, з дапамогай якіх «інсцэніруючая дыктатура» дэманстравала свае дасягненні, прывівала грамадству ўласныя ідэалагічныя стандарты. На думку даследчыка, савецкае свята з'яўлялася палітыкай, узорам адносін паміж уладай і грамадствам, вызначала сферы іх кампетэнцый і з'яўлялася рэдкім месцам персанальнай сустрэчы правадыроў і мас. Удзел

* Дні, на якія яны выпадалі, лічыліся выхаднымі.

у свяце прадугледжваў педагагічнае ўздзеянне, выпрацоўваў у грамадстве новыя мадэлі паводзінаў, фарміраванне новага савецкага чалавека, які атрымліваў уяўленне аб уласным месцы ў сацыяльнай іерархіі [10, с. 9, 325, 326].

З канца 20-х гадоў галоўным савецкім святам становіцца Дзень Вялікай кастрычніцкай рэвалюцыі – 7 лістапада. На думку савецкага кіраўніцтва, падрыхтоўка і правядзенне святкаванняў мусілі мець масавы характар і дэманстраваць усеагульную падтрымку насельніцтвам курса партыі і ўрада. Цягам 1920–1930-х гадоў у Савецкім Саюзе быў накоплены значны вопыт і выпрацаваны спецыяльны рытуал святкавання, які ўключаў шэраг мерапрыемстваў: шырокую прапагандысцкую кампанію ў сродках масавай інфармацыі, у працоўных і вайсковых калектывах, установах адукацыі аб гістарычнай значнасці святаў, правядзенне палітінфармацый, урачыстых сходаў і мітынгаў у працоўных і навучальных калектывах, арганізацыю сярод насельніцтва масавага сацыялістычнага спаборніцтва і падвядзенне яго вынікаў, узнагароджанне «лепшых з лепшых»; правядзенне масавых маніфестацый насельніцтва ў абласных і раённых цэнтрах, іншых населеных пунктах. Важнае месца надавалася культурна-выхаваўчым мерапрыемствам: паказу кінафільмаў, тэатральных пастановак, выступленняў калектываў мастацкай самадзейнасці і г.д.

Другім па значнасці савецкім святам з’яўляўся дзень 1 мая – Дзень міжнароднай салідарнасці працоўных, які святкавалі два дні. У першы дзень праводзіліся маніфестацыі і парады, у другі – маёўкі.

Вядома, што падчас акупацыі тэрыторыі Беларусі нямецкія ўлады адмянілі савецкую палітычную сістэму, а таксама ўсе савецкія святы, за выключэннем дня 1 мая, якое таксама адзначалася акупантамі.

У дадзеным артыкуле акцэнтуюцца ўвага толькі на адным пытанні вялікай тэмы савецкіх святаў, на тым, якім было падчас нямецка-фашысцкай акупацыі Беларусі стаўленне насельніцтва да галоўнага свята савецкай улады – Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі, свята 7 лістапада.

Знаёмства з архіўнымі дакументамі і матэрыяламі, мемуарнымі сведчаннямі ўдзельнікаў падзей паказвае, што ў адзін з найбольш крытычных для савецкай краіны перыяд, калі нямецкія войскі былі на подступах да Масквы ў розных раёнах Беларусі, патрыёты як па асабістай ініцыятыве, так і па рашэнню падпольных груп і арганізацый, працягваючы даваенную традыцыю, надавалі важнае значэнне галоўнаму савецкаму святу і ўсяляк імкнуліся годна яго адзначыць. І калі да вайны свята сустракалі высокімі працоўнымі паказчыкамі, іншымі навуковымі і творчымі дасягненнямі, паказчыкамі сацыялістычнага спаборніцтва, то з пачаткам акупацыі тэрыторыі Беларусі адносіны насельніцтва да савецкіх святаў сталі разглядацца як своеасаблівая форма супраціву, падтрымкі савецкага ладу жыцця і пратэсту супроць прысутнасці акупантаў. Яна выражалася ў тым, што патрыёты рыхтавалі і распаўсюджвалі ўлёткі, зводкі савецкага інфармацыйнага бюро, вывешвалі на будынках, у тым ліку на будынках, дзе размяшчаліся органы акупацыйнай улады і паліцыі, чырвоныя сцягі і г.д. Вышэйшай формай лічылася правядзенне падпольшчыкамі і партызанамі дыверсій і баявых аперацый, прысвечаных чарговай гадавіне Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Так, у канцы кастрычніка 1941 г., напярэдадні 24-й гадавіны Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, Мінскі падпольны абкам партыі прыняў рашэнне аб разгроме варожага гарнізона ў раённым цэнтры Любань. Да ўдзелу ў аперацыі былі прыцягнутыя партызаны атрадаў Аляксандра Іванавіча Далідовіча, Мікалая Мікалаевіча Розава, Аляксея Іванавіча Патрына, груп Георгія Мікалаевіча Сталярова і Аляксандра Іосіпавіча Мілевіча ў колькасці 83 узброеных байцоў. У ноч на 7 лістапада яны здзейснілі раптоўнае напаўдзе на гарнізон, які налічваў каля 90 чалавек. Бясшумна зняўшы вартавых, партызаны атакавалі гранатамі казарму і камендатуру. У выніку амаль двухгадзіннага бою было знішчана 42 гітлераўцы, захоплена шмат зброі і боепрыпасаў, а таксама харчавання. Ім удалося вывезці з райцэнтра ўсё абсталяванне друкарні. На будынку даваеннага райвыканкама быў узняты чырвоны сцяг. У баі партызаны страцілі кулямётчыка А. М. Беляўскага [11, с. 133; 12, арк. 10–14].

У гэты ж дзень на поўначы Беларусі ў в. Грамошчы Верхнедзвінскага раёна на будынку школы таксама залунаў чырвоны сцяг. Вось як аб гэтым расказвае былы начальнік штаба 1-га Калінінскага атрада 2-й Дрысенскай партызанскай брыгады Уладзімір Аляксандравіч Несцярэнка: «Аднойчы камсамольцы сабраліся на сваю чарговую сходку ў вёсцы Грамошча. Пачаў яе Ілья Усцінавіч Мядзель: “Віншую вас са святам гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі. Мы гэты дзень павінны адзначыць па даўняй традыцыі. На школе заўсёды развяваўся чырвоны сцяг, а побач праходзіў мітынг. На гэты раз прыйдзеца абысціся без мітынга. Але сцяг трэба вывесіць, каб людзі адчувалі, што Савецкая ўлада жыве і ніякая сіла яе не знішчыць. Раніцай 7 лістапада 1941 г. жыхары вёскі Грамошча з хваляваннем назіралі як на будынку школы развяваўся чырвоны сцяг”» [13, с. 4].

Дакументы і ўспаміны былых удзельнікаў патрыятычнага падполля сведчаць аб тым, што ў розных рэгіёнах акупаванай тэрыторыі Беларусі патрыёты па асабістай ініцыятыве імкнуліся адзначыць свята.

Нашы сходкі праводзіліся ў асноўным па начах, у загадзя ўмоўленым месцы – у яры, у лазні, у хляве, у лесе, – успамінаў былы кіраўнік Полаўскай падпольнай камсамольскай арганізацыі «За Радзіму» Генадзь Канстанцінавіч Лысёнак. – У канцы кастрычніка 1941 г. на могілках абмеркавалі пытанне аб падрыхтоўцы да 24-й гадавіны Вялікага кастрычніка. Вырашылі гэтую дату адзначыць баявымі справамі. Маладыя патрыёты спалілі вакзал на станцыі Полава, знішчылі вялікі ўчастак тэлефонна-тэлеграфнай сувязі [14, с. 446].

Былыя арганізатары і кіраўнікі партызанскага руху на Гомельшчыне, Героі Савецкага Саюза Ілля Паўлавіч Кожар і Емельян Ігнацьевіч Барыкін адзначалі, што да 24-й гадавіны Кастрычніка атрады «Бальшавік» і «За Радзіму» Гомельскай вобласці мелі на сваім баявым рахунку да 40 знішчаных і спаленых аўтамашын, 3 самалёты, дзесяткі разбураных мастоў, сотні забітых гітлераўцаў [15, с. 227]. Напярэдадні 24-й гадавіны Кастрычніка камандаванне атрада «Бальшавік» разам з Гомельскім сельскім партызанскім атрадам (камандзір А. Ф. Буры) вырашыла разграміць нямецкую гаспадарку, створаную на базе былога саўгаса імя Горкага, дзе гітлераўцы сабралі шмат зерня і прадуктаў

жывелагадоўлі. Для аховы быў створаны карны атрад з ліку здраднікаў. Пры прыбліжэнні партызан ахоўнікі разбегліся і баявой сутычкі не адбылося. *Тым не мени карысьць ад аперацыі была вялікая. Мы з Е. І. Барыкіным, – успамінаў пазней былы сакратар Гомельскага падпольнага абкама партыі А. А. Куцак, – правялі мітынг рабочых саўгаса, расказалі аб баявых дзеяннях партызан і гераічнай барацьбе Чырвонай Арміі супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Нашыя таварышы захапілі ўсю «канцылярыю» карнікаў, папоўнілі харчовыя рэсурсы атрада. Сярод захопленых папер быў знойдзены спіс камуністаў, складзены здраднікам П. Кручковым для адпраўкі ў гомельскую камендатуру. Здраднік быў намі знойдзены і панес заслужанае пакаранне. Неабходна адзначыць, што вестка аб гэтай аперацыі партызан абляцела ўсю акругу [16, с. 115].* Далей А. А. Куцак узгадвае, што атрад фактычна не меў праўдзівай інфармацыі аб падзеях на фронце. І толькі напярэдадні 7 лістапада ўдалося сабраць з розных дэталяў радыепрыёмнік. *І вось раніцай 7 лістапада мы сабраліся ў землянцы. Затаіўшы дыханне, слухалі голас роднай Масквы – у гонар 24-й гадавіны Вялікага Кастрычніка ў сталіцы нашай Радзімы адбыўся ваенны парад, на якім з прамовай выступіў Вярхоўны Галоўнакамандуючы І. В. Сталін. Ніякія словы не здольны выразіць таго воодушэвлення, радасць і ўздым, якія панавалі ў нашым асяродку. Родная Масква жыве, змагаецца! [16, с. 116].*

Адзначыліся баявымі дзеяннямі да гэтага часу і партызаны паўднёвых раёнаў Палескай вобласці: партызанскі атрад Капаткевіцкага раёна пад камандаваннем Мікалая Іосіфавіча Гардзіенкі ўзарваў склад з боепрыпасамі ў в. Філіпавічы. Петрыкаўскі атрад пад камандаваннем Х. І. Варгаўціка ў верасні знішчыў параход на р. Прыпяць. Лельчыцкі партызанскі атрад у пачатку верасня 1941 г. у баі каля Лельчыцаў знішчыў звыш 35 гітлераўцаў. Па сведчанні былых арганізатараў і кіраўнікоў партызанскага руху ў Палескай вобласці І. Д. Ветрава і М. І. Малініна, акрамя баявых дзеянняў партызаны сістэматычна праводзілі сярод насельніцтва працу па выкрыццю ілжывай варожай прапаганды аб становішчы на франтах, аб мэтах і задачах акупацыйнай палітыкі. Камандаваннем Скараднянскага партызанскага атрада Ельскага раёна Палескай вобласці было арганізавана правядзенне 6–7 ліста-пада 1941 года ў вёсках раёна ганаровых сходаў. На сходзе ў в. Скароднае прысутнічалі ўсе яе жыхары. У святочна ўпрыгожаным клубе віселі партрэты У. І. Леніна, кіраўнікоў партыі і ўрада, на будынку развяваўся чырвоны сцяг. *Пасля даклада камандзіра атрада – былога старшыні калгаса Пятра Мікалаевіча Рагазенка – жыхары запрасілі партызан да сябе ў госці. Моладзь на святочным вечары пела савецкія песні, паказваючы тым самым, што ні тэрорам, ні подлымі сродкамі абману фашыстам не ўдаецца запрыгоніць савецкіх людзей, зламаць іх волю да супраціву [17, с. 147].*

Дакументы сведчаць, што падпольшчыкі, якія дзейнічалі ў розных раёнах Беларусі, імкнуліся па свайму адзначыць свята. Так, напярэдадні 24-й гадавіны Кастрычніка маладыя патрыёты Мікалай Цыро і Уладзімір Бернатовіч вырашылі здзейсніць дыверсію на чыгунцы. Ноччу з 6 на 7 лістапада 1941 года яны выцягнулі кастылі і раз'ядналі стык рэек. *Буйной аварыі тады*

не адбылося – ўспамінае былы падпольшчык Генадзь Капусцёнак, – паравоз рабіў манеўры і з рэек зышоў адзін вагон. Аднак рабяты і гэтаму былі рады – нейкую страту нанеслі ворагу [18, с. 45].

Партызаны і падпольшчыкі рыхтаваліся да свята 7 лістапада яшчэ не ведаючы, што на самай справе адбываецца на фронце. Нямецкая прапаганда трубіла аб тым, што з дня на дзень Масква будзе захоплена. Таму вестка аб тым, што ў Маскве адбылося святкаванне 24-й гадавіны Вялікай кастрычніцкай рэвалюцыі ў вельмі крытычны і адказны для СССР, а па вялікаму рахунку і для ўсяго свету час, калі нямецкія войскі прарваліся на подступы да Масквы, мела для насельніцтва часова акупіраванай тэрыторыі вельмі вялікае значэнне. Для таго каб уявіць сабе, як маглі б разгортвацца падзеі ў выпадку захопу немцамі Масквы, дастаткова ўспомніць сітуацыю лютага 1918 г., калі кайзераўскія войскі падышлі да Петраграда. Як маглі разгортвацца падзеі, калі б раптам савецкае кіраўніцтва запрасіла, ці немцы прапанавалі заключэнне «другога Брэсцкага міру»? Відавочна, што далейшыя сцэнарыі развіцця Другой сусветнай вайны і яе вынікі маглі быць зусім іншымі. Аднак гэта ўжо «сослагательное наклонение», а мы гісторыю даследуем пакуль традыцыйнымі сродкамі, таму вернемся да восеньскіх падзей 1941 г. у Маскве.

Адзначым, што падрыхтоўка да святкавання ў сталіцы адбывалася сакрэтна.

З успамінаў генерал-палкоўніка П. А. Арцём'ева: *У ноч з 30 на 31 кастрычніка 1941 года я, як камандуючы войскамі Маскоўскай ваеннай акругі і Маскоўскай зоны абароны, быў з дакладам у Стаўцы Вярхоўнага Галоўнакамандуючага. Сталін спытаў, ці рыхтуем мы да параду войскаў Маскоўскага гарнізона ў гонар 24-й гадавіны Кастрычніка. Я, памятаецца, не схаваў цяжкасцяў, спаслаўшыся на складаную ваенную абстаноўку і адсутнасць дастатковай колькасці войскаў. У адказ мне было сказана, што трэба ацэньваць палітычнае значэнне такога параду. І быў дадзены загад: парад рыхтаваць, неабходныя для яго войскі адшукаць ... Аб парадзе ніхто не павінен ведаць, акрамя строга абмежаванага кола асоб [19, с. 45].*

Камандаваць парадом было даручана П. А. Арцём'еву, а прымаць парад – Маршалу Савецкага Саюза С. М. Будзённаму.

А вось радкі з успамінаў каменданта г. Масква, нашага земляка, уражэнца г. Лоева, генерал-маёра Кузьмы Раманавіча Сінілава: *За некалькі дзён нам было вядома аб тым, што мяркуецца парад. Яго трэба было рыхтаваць так, каб ніхто не ведаў. Складанасць была ў тым, што мало часу было. Звычайна падрыхтоўка да параду займае ў мірны час паўтара-два месяцы, а тут за некалькі дзён трэба было падрыхтавацца.*

На парадзе, як і ў мірны час, былі прадстаўлены ўсе роды войскаў. Была прызначана і авіяцыя да парада, але перашкодзіла надвор'е ... Адзінае, чым вонкава адрозніваўся парад, – гэта адсутнасць дэманстрацыі. Гэты парад выклікаў вялікае захапленне ва ўсяго народа. У мірны час гэта было традыцыяй, а падчас вайны ён быў нечаканасцю і надаў святу большую ўрачыстасць. Уздым у народа і войскаў быў незвычайны. Пасля параду была

аб'яўлена падзяка ўсім удзельнікам і выдалі па сто грамаў. Людзі выпілі, паабедалі і пайшлі на фронт. Пасля параду адбыўся пералом у размовах, настроях, нават вонкава пералом быў заўважаны. Тое, што адбылося ў свядомасці, унутры (у сярэдзіне) кожнага, знайшло адлюстраванне ў паводзінах. 7-га і ў наступныя дні народ стаў зусім іншым: жыццярадасны, усмешлівы, асаблівая цвёрдасць з'явілася, упэўненасць [19, с. 13–14].

У свядомасці многіх савецкіх людзей усталявалася перакананне, што без парада 7 лістапада 1941 года не было б і парада Перамогі ў 1945 годзе. Няма сэнсу спрачацца з гэтым. Несумненна, што сам факт яго правядзення меў сусветна-гістарычнае значэнне, і тут трэба пагадзіцца з ацэнкай, якая была выказана 8 лістапада у англійскай газеце «Дейлі Мейл»: Сталін арганізаваў на знакамітай Чырвонай плошчы адну з самых бліскучых дэманстрацый мужнасці і перакананасці, якая толькі мела месца ў час вайны.

Вядома, што ў кастрычніку адбывалася эвакуацыя важнейшых устаноў з Масквы на Усход, у тым ліку скарочаных партыйных і дзяржаўных апаратаў БССР. Ніхто не мог гарантаваць, што могуць зрабіць немцы ў дні святкавання. **Зыходзячы з гэтага, сам факт правядзення 6 лістапада 1941 г. ўрачыстага пасяджэння Маскоўскага Савета дэпутатаў працоўных з партыйнымі і грамадскімі арганізацыямі г. Масквы, прысвечанага 24 гадавіне, і тое, што на ім з дакладам выступіў І. В. Сталін, меў вялізарнае палітычнае і міжнароднае значэнне.** У дакладзе на пасяджэнні ён даў ацэнку і падвёў вынікі вайны за чатыры месяцы, упершыню назваў лічбы страт, якія панесла краіна, і выказаў непахісную ўпэўненасць у перамозе. Сёння, праз амаль 80 гадоў пасля таго, як яго змест быў агучаны ў зале паседжання, а затым растыражыраваны і распаўсюджаны па ўсёй тэрыторыі СССР і за яго межамі, пасля той інфармацыі, якая сёння нам вядома аб сітуацыі ў свеце і на савецка-германскім фронце на той момант, пра інсінуацыі ў адносінах да Чырвонай Арміі і да палітыкі СССР многія яго тэзы ўспрымаюцца як прароцкія.

Бадай, за ўсю сваю гісторыю Савецкая краіна не была ў такім становішчы. Гаворачы аб гэтым, Сталін у раздзеле «Разгром нямецкіх імперыялістаў і іх армій немінучы» назваў *тры асноўныя фактары, сіла якіх расце з дня ў дзень і якія павінны прывесці ў недалёкім будучым да разгрому гітлераўскага разбойніцкага імперыялізма. Гэта, па-першае, **нетрываласць «новага парадку» ў Еўропе...***

*Гэта, па-другое, **нетрываласць тылу гітлераўскіх захопнікаў.** Пакуль гітлераўцы займаліся збіраннем Германіі, разбітай на кавалкі ў сілу Версальскага дагавора, яны маглі мець падтрымку германскага народа, натхненнага ідэалам аднаўлення Германіі. Але пасля таго, як гэтая задача была вырашана, а гітлераўцы сталі на шлях імперыялізма, на шлях захопу чужых зямель і пакарэння чужых народаў, ператварыўшы народы Еўропы і народы СССР у заклятых ворагаў цяперашняй Германіі, – у германскім народзе адбыўся глыбокі пералом супроць прадаўжэння вайны, за ліквідацыю вайны...*

Гэта, нарэшце, кааліцыя СССР, Вялікабрытаніі і Злучаных Штатаў Амерыкі супроць нямецка-фашысцкіх імперыялістаў. Гэта факт, што Вялікабрытанія, Злучаныя Штаты Амерыкі і Савецкі Саюз аб'ядналіся ў адзіны лагер, які паставіў сабе мэтай разгром гітлераўскіх імперыялістаў і іх захопніцкіх армій... [20, с. 32–35].

У раздзеле «Нашы задачы» І. В. Сталін падкрэсліў, што немцы вядуць несправядлівую захопніцкую вайну, разлічаную на захоп чужой тэрыторыі і пакарэнне чужых народаў. Таму ўсе сумленныя людзі павінны падняцца супроць нямецкіх захопнікаў як ворагаў. У адрозненне ад гітлераўскай Германіі Савецкі Саюз і яго саюзнікі вядуць вайну вызваленчую, справядлівую, разлічаную на вызваленне заняволеных народаў Еўропы і СССР ад гітлераўскай тыраніі...

У нас няма і не можа быць такіх мэт вайны, як захоп чужых тэрыторый, пакарэнне чужых народаў, усё роўна, ці ідзе гутарка аб народах і тэрыторыях Еўропы, ці аб народах і тэрыторыях Азіі, у тым ліку і Ірана... У нас няма і не можа быць такіх мэт вайны, як навязванне сваёй волі і свайго рэжыма славянскім і іншым заняволеным народам Еўропы, якія чакаюць ад нас дапамогі. Наша мэта заключаецца ў тым, каб дапамагчы гэтым народам у іх вызваленчай барацьбе супроць гітлераўскай тыраніі і потым даць ім магчымасць зусім свабодна ўпарадкавацца на сваёй зямлі так, як яны хочуць. Ніякага ўмяшання ва ўнутраныя справы іншых народаў Але, каб ажыццявіць гэтыя мэты, трэба сакрушыць ваенную магутнасць нямецкіх захопнікаў, трэба знішчыць усіх нямецкіх акупантаў да аднаго, якія прабраліся на нашу радзіму для заняволення! (бурныя працяглыя апладысменты) [20, с. 36–37].

Таму зусім не выпадкова, што галоўным сімвалам ці трэндам савецкай прапаганды сталі словы аднаго з заклікаў даклада: «Наша справа справядлівая, – перамога будзе за намі!» (Наше дело правое, - победа будет за нами!) [Там жа, с. 16–38].

Кульмінацыйным момантам свята, як гэта было і ў даваенныя гады, была падрыхтоўка і правядзенне 7 лістапада вайсковага парада. Галоўнай адметнай асаблівасцю было тое, што вайсковыя часці – удзельнікі парада на Краснай плошчы адразу рухаліся на баявыя пазіцыі.

Нават праз шмат дзесяцігоддзяў цяжка пераацаніць значэнне гэтай падзеі для патрыятычных настрояў насельніцтва Савецкага Саюза. Вядома, што 7 лістапада 1941 г. вайсковыя парады прайшлі ў многіх гарадах Савецкага Саюза. 9 лістапада газета «Праўда» надрукавала прамову Маршала Савецкага Саюза К. Я. Варашылава на парадзе ў г. Куйбышаў, у якой ёсць словы нашых браты ўкраінцы, беларусы, малдаване, літоўцы, латышы, эстонцы, карэлы, якія часова папалі пад ярмо нямецка-фашысцкіх захопнікаў, арганізуюць партызанскую барацьбу супроць сваіх насільнікаў і парабачіцеляў, адзначаецца, што «ўжо зараз партызаны з'яўляюцца кашмарам для тыла германскіх войск, аднак партызанская вайна толькі пачынаецца, яна разрастаецца ў сапраўдную і смяротную барацьбу супроць захопнікаў».

Асабліва важнае значэнне для насельніцтва акупаванай тэрыторыі мела вестка аб святкаванні і парадзе на Краснай плошчы. Таму, калі тут стала вядома аб выступленнях Сталіна і парадзе ў Маскве, партызаны і падпольшчыкі, усе патрыятычна настроеныя жыхары шырока выкарыстоўвалі гэты факт для абвяржэння паведамленняў нямецкай прапаганды аб узяцці немцамі Масквы. Асабліва актывізавалася гэтая праца пасля таго, як стала вядома аб перамозе Чырвонай арміі ў Маскоўскай бітве.

Успамінаючы аб гэтых днях, Герой Савецкага Саюза, адзін з кіраўнікоў Бабруйскага падполля і камандзір 1-й Бабруйскай партызанскай брыгады Віктар Ільч Лівенцаў пісаў: *У гэтыя дні фашысты распаўсюджвалі ў горадзе слых, што імі ўжо ўзятыя Масква і Ленінград і што ідуць баі толькі на ачыстцы гэтых гарадоў ад разрозненых груп савецкіх войскаў. Ці трэба казаць, якое гнятлівае ўражанне зрабіла гэта паведамленне на ўсё грамадзянскае насельніцтва. Мы, спасылаючыся на савецкае радыё, распаўсюдзілі сваю зводку з паведамленнем аб парадзе войскаў Чырвонай Арміі 7 лістапада 1941 года ў Маскве на Краснай плошчы... З вялікай радасцю сустрэлі жыхары Бабруйска нашу ўлётку з паведамленнем пра наступ Чырвонай Арміі пад Масквой у снежні 1941 года. Людзі акрыялі духам, пераканаліся ў ілжывасці варожай прапаганды аб узяцці Масквы. Па-іншаму сталі наводзіць сябе нават немцы (а яны-то ведалі праўду!). Прызадумаліся і многія здраднікі, што працавалі ў паліцыі, управе і яе аддзелах [21, с. 54].*

Усюды, дзе дзейнічалі партызанскія групы і атрады, патрыётамі ў вёсках праводзіліся сходы і мітынгі, на якіх даводзілася інфармацыя аб сапраўдным становішчы на франтах. Насельніцтва даведалася, што гітлераўскія планы бліцкрыга з трэскам праваліліся, Масква не толькі правяла партызанскі парад, але і здолела адкінуць нямецкія войскі на сотні кіламетраў ад сталіцы.

Акрамя гэтага на сходах чыталіся даклады «Задачы партызанскай барацьбы», «Дапамога насельніцтва партызанам», «Савецкая ўлада непераможна», праводзіліся гутаркі аб сутнасці акупацыйнага рэжыму і г.д. Каля 100 сходаў восенню–зімой 1941 года было праведзена ў вёсках Клічаўскага і Асіповіцкага раёнаў Магілёўскай вобласці. Не засталася без належнай увагі насельніцтва ў Ленінскім раёне Пінскай вобласці, Жыткавіцкім і Акцябрскім – Палескай вобласці, Старобінскім раёне Мінскай, Суражскім, Ушацкім і Расонскім раёнах Віцебскай вобласці, а таксама ў шэрагу іншых месцах, дзе дзейнічалі партызаны [22, с. 93].

Успамінаючы аб першых месяцах дзейнасці падполля, былы сакратар Мазырскага падпольнага райкама партыі Міхаіл Кузьміч Ільінкоўскі ўспамінаў: «Асаблівае значэнне набыла тады барацьба з гебельсаўскай ілжывай прапагандай. Ваенную перамогу мы атрымалі пазней. Маральную – ужо ў першыя тыдні акупацыі. Менавіта гэтая перамога ў барацьбе за розумы і сэрцы людзей забяспечыла поспехі партызанскага руху, менавіта ў гэтай перамозе адна з самых вялікіх заслуг камуністаў і патрыётаў, райкамаў партыі і партыйных арганізацый у тыле ворага» [23, с. 29].

Дакументы сведчаць, што таксама шырока, на хвалі паведамленняў аб перамогах Чырвонай арміі пад Масквой, партызанамі і падпольшчыкамі, насельніцтвам Беларусі ў 1942 г. адзначаліся савецкія святы. Так, 17 лютага пар-

тызаны атрадаў «Чырвоны Кастрычнік», І. Р. Жулегі, А. Ц. Міхайлоўскага, А. Ф. Каваленкі разграмілі варожы гарнізон ў мястэчку Азарычы. 22 лютага 1942 г. гэтымі атрадамі быў ліквідаваны гарнізон на станцыі Муляраўка, адзначыўшы тым самым свята 24-й гадавіны Чырвонай арміі. Было знішчана 37 салдат і афіцэраў праціўніка [24, с. 603, 605; 25, с. 61].

Напярэдадні свята ў партызанскай тыпаграфіі атрада В. І. Лівенцава былі надрукаваны некалькі соцен лістовак з тэкстам партызанскай прысягі. 23 лютага ў вёсцы Былкава, дзе дыслакаваўся ў той час атрад, адбыўся мітынг, прысвечаны гэтай падзеі. Над домам, дзе знаходзіўся штаб атрада, лунаў чырвоны сцяг. На вуліцы сабраліся ўсе жыхары вёскі. На прасторным калгасным двары быў пастроены атрад з поўным баявым узбраеннем. Сярод байцоў атрада былі амаль усе жыхары Былкава, здольныя насіць зброю. Пасля выступлення камісара атрада Д. А. Ляпешкіна пачалося ганаровае прыняцце партызанскай прысягі. Першым яе прыняў камандзір атрада В. І. Лівенцаў [21, с. 29].

Дакументы сведчаць, што адной з форм палітычнай працы Кампартыі Беларусі з'яўляліся арганізацыя, распаўсюджванне і паўсяместная прапаганда загадаў І. В. Сталіна, зваротаў ЦК КП(б)Б, СНК і Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР да партызан і насельніцтва Беларусі, якія ўтрымлівалі заклікі шырэй разгортваць народную барацьбу ў тыле ворага. «Усе, хто толькі можа насіць зброю, ад мала да вяліка – гаварылася ў звароце ад 30 сакавіка 1942 года, – падымайцеся на свяшчэнную ўсенародную барацьбу супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў! За нашу родную Савецкую Беларусь! За нацыянальную незалежнасць! За шчасце нашых дзяцей!» [26, с. 32].

Шырока абмяркоўваўся на мітынгх і сходах першамайскі зварот ЦК КП(б)Б і ўрада БССР, у якім яны заклікалі працоўных Беларусі ўзмацніць удары па ворагу, падняць народнае паўстанне ў тыле фашысцкіх захопнікаў, усе сілы аддаць на канчатковы разгром крывавага фашызма [24, с. 171–172].

Таксама ў складаных абставінах для краіны адбывалася святкаванне ў Маскве юбілейнага 25-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі. Нямецкія войскі летам-восенню 1942 г. захапілі вялізныя тэрыторыі, прарваліся да Сталінграда і прадгор'яў Каўказа, імкнучыся захапіць нафтавыя раёны Грознага і Баку. Аднак рэальнай пагрозы непасрэдна для Масквы ўжо не існавала. Войскі групы армій «Цэнтр» у выніку зімне-вясенняга наступлення Чырвонай арміі былі адкінуты больш за 400 км ад сталіцы. Таму ў сваім дакладзе на ўрачыстым паседжанні Маскоўскага Савета, якое адбылося 6 лістапада 1942 г., І. В. Сталін падрабязна спыніўся на падзеях за мінулы год. Сур'ёзныя поспехі, якія немцы атрымалі летам 1942 г., ён патлумачыў тым, што, дзякуючы адсутнасці другога фронту ў Еўропе, немцы змаглі стварыць значны перавес сіл на паўдэва-заходнім накірунку. Праводзячы гістарычныя паралелі з падзеямі Першай сусветнай вайны, калі Германія ваявала на два франты, трэба сказаць, што яна выставіла супраць рускага фронту 127 дывізій, а ў сучаснай вайне Германія, ваюючы на адным фронце, кінула на савецка-германскі фронт да 240 дывізій. «Я думаю, адзначыў І. В. Сталін, – што ніякая іншая краіна і ніякая іншая армія не змаглі б вытрымаць падобны націск азвэрэлых банд нямецка-фашысцкіх разбойнікаў і іх саюзнікаў. Толькі наша Савецкая краіна і толькі наша Чырвоная

армія здольны вытрымаць такі націск. І не толькі вытрымаць, але і пераадолець яго» [27, с. 69–70]. Даклад быў працята ўпэўненым аптымізмам аб непазбежнай перамозе над ворагам, сведчаннем чаго стаў пераход праз некалькі дзён Чырвонай арміі ў контрнаступленне пад Сталінградам, акружэнне і разгром моцнай варожай групой войск.

А што ў гэты час адбывалася ў Беларусі? З вясны 1942 г. тут адбываецца шырокае развіццё падпольнай барацьбы і партызанскага руху. У сувязі з напружаннем пад Сталінградам немцы былі вымушаны перакінуць на ўсход значную колькасць сваіх вайсковых сіл, аслабіўшы іх прысутнасць на тэрыторыі Беларусі. Гэтаму спрыяла таксама ўзросшая дапамога савецкага тыла партызанам з боку Цэнтральнага (ЦШПР) і Беларускага штабоў партызанскага руху, увогуле савецкага тыла. Падрыхтоўцы арганізацыі святкавання спрыялі апублікаваныя ў кастрычніку 1942 г. заклікі ЦК УКП(б) у сувязі з 25-й гадавінай Кастрычніка. У іх былі і заклікі да насельніцтва акупаваных тэрыторый: «Браты і сёстры! Рускія і украінцы, беларусы, малдаване, літоўцы, латышы, эстонцы, карэлы, часова папаўшыя пад ярмо нямецка-фашысцкіх мязотнікаў! Бязлітасна знішчайце фашысцкіх захопнікаў, раздувайце полымя ўсенароднага партызанскага руху».

Падпольныя партыйныя органы шырока выкарыстоўвалі заклікі для разгортвання працы па святкаванні 25-й гадавіны. Фактычна ў дакументах усіх партызанскіх фарміраванняў, падпольных партыйных і камсамольскіх органаў, у падпольным друку маюцца звесткі аб актывізацыі баявой і масава-палітычнай работы партызан і падпольшчыкаў напярэдадні і ў гонар свята.

Дакументы сведчаць аб тым, што напярэдадні свята Кастрычніка, як і ў мірны час, у партызанскіх зонах і фарміраваннях шырокае развіццё атрымала «сацыялістычнае» спаборніцтва за лепшыя паказчыкі ў барацьбе з ворагам, якое шырока асвятлялася ў партызанскім і падпольным друку, рукапісных выданнях.

Паўсюдна ў населеных пунктах ў партызанскіх зонах адбыліся мітынгі, сходы, сустрэчы, кіраўнікі атрадаў і брыгад; камісары, прапагандысты і агітатары выступалі з дакладамі, прысвечанымі гэтай даце. Толькі ў Мінскай вобласці такія сходы адбыліся ў 276 весках. У 18 буйных населеных пунктах праведзены мітынгі, на якія прыбылі калоны партызан са сцягамі і транспарантамі з заклікамі. Аб тым, які размах набыла масава-прапагандысцкая дзейнасць, сведчаць дадзеныя справаздачных дакументаў.

У другім паўгоддзі 1942 г. ў весках Суражскага, Гарадоцкага, Дрысенскага, Расонскага і іншых раёнаў Віцебскай вобласці было праведзена 850 сходаў і мітынгаў. На сходах у 109 вёсках Рудзенскага, Пухавіцкага і Грэскага раёнаў у верасні-кастрычніку прысутнічала каля 45 тысяч чалавек [28, с. 87–88]. Толькі ў Магілёўскай вобласці з верасня 1942 па май 1943 года было прачытана каля 5 тысяч лекцый і дакладаў. Дзесяць партызан атрымалі раненні. Страты праціўніка наступныя: 25 чалавек забітыя і 5 параненыя [29, арк. 112].

Як гэта не парадаксальна, але складваецца ўражанне, што ў асобных раёнах і населеных пунктах акупаванай ворагам тэрыторыі Беларусі падрыхтоўка да святкавання 25-годдзя Кастрычніка, іншых савецкіх святаў адбывалася яшчэ з большым энтузіязмам, чым гэта рабілася да вайны. Гэта ў першую чаргу

тлумачыцца як усё ўзрастаючай баявой і палітычнай актыўнасцю партызанскага руху, так і запатрабаванасцю, жаданнем насельніцтва пачуць праўдзівую інфармацыю аб падзеях на франтах, аб савецкім тыле, выказаць яму сваю падтрымку. Не выпадкова ў сваёй кнізе «Партызанская рэспубліка» былы начальнік БШПР П. З. Калінін адзначаў пазней, што ў шэрагу акупаваных раёнаў «размах масава-палітычнай працы быў настолькі шырокім, што мясцовыя жыхары часам гаварылі: «Да нас нават у мірны час дакладчыкі прыязджалі нашмат радзей (гораздо реже), чым зараз. У сапраўднасці так і было» [29, с. 271].

Адзначым, што з першых дзён вайны мітынгі з'яўляліся распаўсюджанай і даволі эфектыўнай ідэйна-выхаваўчай формай працы.

Звычайна яны праводзіліся з нагоды ажыццяўлення рэвалюцыйных і іншых савецкіх святаў непасрэдна ў партызанскіх фарміраваннях, у населеных пунктах партызанскіх зон, а таксама ў іншых месцах, дзе прадстаўлялася магчымасць. У шэрагу партызанскіх фарміраванняў мітынгі (сходы) праводзіліся перад выходам на баявую аперацыю, а таксама пасля яе ўдалага правядзення. У кароткай прамове камандзір (камісар) ці прадстаўнік вышэйшага (партыйнага, камсамольскага і інш.) органа гаварыў аб важнасці і значнасці моманту, ставіў канкрэтную задачу і заклікаў да паспяховага яе выканання. Пасля гэтага з кароткімі прамовамі-заклікамі маглі выступіць яшчэ 1–2 прадстаўніка партызан (у тым ліку жанчыны). Асаблівае ўздзеянне на патрыятычную свядомасць аказвалі мітынгі, якія праводзіліся пры пахаваннях. Клятвы партызан на магілах сваіх сяброў, загінуўшых у баях, мірных жыхароў, растрэляных, замучаных, спаленых падчас карных экспедыцый фашыстамі, часта іх родных і блізкіх, аказвалі моцнае эмацыйнае ўздзеянне. Прысутныя на мітынгх і сходах не толькі слухалі выступаючага, які з'яўляўся прадстаўніком камадна-палітычнага складу, прапагандыстам ці агітатарам, але, пад уздзеяннем пачутага, самі бралі слова для выступлення, прымаючы на сябе канкрэтныя баявыя і іншыя абавязкі. Мясцовыя жыхары нярэдка прымалі на сябе асабістыя і калектыўныя абавязкі аб дапамозе партызанам, аб сабатаванні акупацыйных мерапрыемстваў, аб уступленні ў партызанскія атрады і фарміраванні мясцовай самааховы. Так, пры вызваленні ў кастрычніку 1942 года партызанамі раённага цэнтры Ушачы мясцовыя жыхары сустрэлі іх з кветкамі і бюстам У. І. Леніна, а пасля арганізаванага партызанамі мітынга 200 жыхароў былі залічаны ў партызаны [24, с. 486–487]. Як і ў даваенны час, з 23 кастрычніка 1942 года ў вызваленым ад захопнікаў раённым цэнтры Ушачы, на вуліцах і цэнтральнай плошчы, залуналі чырвоныя сцягі [30, с. 183]. Як бачна з дакладной запіскі сакратара Ушацкага падпольнага РК ЛКСМБ Уладзіміра Якаўлевіча Васілеўскага аб рабоце райкама і барацьбе насельніцтва з нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў кастрычніку – снежні 1942 года, 6 лістапада партызанамі ў гарадскім скверы было здзейснена перапахаванне ў брацкай магіле ахвяр фашызму, якія былі закапаныя ў двары былога двара дома міліцыі. «На магіле, над трупамі па-зверску закатаваных фашыстамі патрыётаў Радзімы я выступіў з прамовай. Пасля

мяне выступіў стары з сівай барадой, які абапіраўся на палку. Калі ён загаварыў, не хацелася верыць, што гэта кажа сівы стары. У сваёй прамове ён сказаў: «сынкі і дачкі мае, унукі мае, слухайце мяне, які пражыў і многа бачыў за век свой. Страшэннае гора напаткала нас у мінулы год. Сабачыя орды немцаў, драпежныя і лютыя звяры напалі на нас. Упершыню ў жыцці я ўбачыў шыбеніцу, на якой віселі зсіненлыя дачкі і сыны нашы. Мы бачылі масавыя расстрэлы ні ў чым не вінаватых людзей. Бацькі і маці, жонкі і дзеці-сіроты! Не плачце над трупамі ахвяр фашызму. Яны загінулі за справу нашай Радзімы, загінулі як героі. Адпомсціце ж, таварышы! Усе, як адзін, за зброю, у партызанскія атрады! Біце праклятых гадаў, сынкі і дачушкі мае! Бывайце, таварышы! Мы не забудзем вас і вашыя сем'і. Смерць немчуры!» [24, с. 487].

Як бачна са справаздачы У. Я. Васілеўскага, на брацкай магіле быў пастаўлены абеліск з пяціканцовай зоркай, а яна абнесена «красивой изгородью».

Шматлікія дакументы і ўспаміны сведчаць, што рэвалюцыйныя даты 25-га і 26-га юбілеяў Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі, а таксама іншыя савецкія святы партызанскія фарміраванні і падпольшчыкі імкнуліся адзначыць баявымі дзеяннямі, дыверсіямі, іншымі актамі выражэння свайго варожага стаўлення да акупантаў і іх палітыкі.

Так, партызанскія атрады імя І. В. Сталіна і імя В. І. Чапаева Баранавіцкай вобласці 4 лістапада 1942 г. разграмілі варожы гарнізон ў мястэчку Вішнева Валожынскага раёна. За лістапад 1942 г. агітатарамі было прачытана каля 200 дакладаў і праведзена шмат гутарак з насельніцтвам раёна.

У населеных пунктах Палескай і Мінскай абласцей было падрыхтавана і вывешана 738 заклікаў ЦК УКП(б) і 1 380 плакатаў, лістовак, зводак СавІнфармбюро. Партызанская агітбрыгада правяла 17 святочных канцэртаў сярод насельніцтва і партызан. Такія агітбрыгады меліся і ў іншых абласцях. У асобных населеных пунктах пасля мітынга адбыліся парады партызан. Напрыклад, 7 лістапада 1942 г. у в. Пушча Полацкага раёна камандаване 5-га партызанскага атрада Сіроцінскай партызанскай брыгады правяло мітынг. На яго арганізавана, як і ў даваенныя гады, з навакольных вёсак прыйшло каля тысячы мясцовых жыхароў, з чырвонымі сцягамі і партрэтамі савецкіх правадыроў. Пасля ўрачыстага мітынга адбыўся своеасаблівы партызанскі парад. Каля святочнай трыбуны і прысутных са зброяй у руках прайшлі байцы атрада, дэманструючы сваю згуртаванасць і гатоўнасць да новых баёў з ворагам [22, с. 313–314].

Напярэдні 25-й гадавіны Вялікага Кастрычніка ў партызанскіх фарміраваннях Расонскай партызанскай зоны прайшлі партыйныя і камсамольскія сходы, а ў населеных пунктах – мітынгі. «Вялікае рэвалюцыйнае свята партызаны азнаменавалі новымі ўдарамі па ворагу. Так, у ноч на 7 лістапада пасля старанна праведзенай разведкі атрады імя К. Я. Варашылава і імя В. І. Чапаева разграмілі варожы гарнізон у вёсцы Каралі Невельскага раёна Калінінскай вобласці і, захапіўшы багатыя трафеі, паспяхова вярнуліся на базу» [31, с. 73].

Шэраг баявых аперацый ў гэты час правялі партызаны Пінскага злучэння. Так, атрад В. А. Васільева 30 кастрычніка 1942 г. разграміў варожы гарнізон у Чырвонай Слабадзе, пасля чаго ён больш не аднаўляўся ў гэтым райцэнтры. У канцы кастрычніка была разгромлена чыгуначная станцыя Сінкевічы і ўзарваны чыгуначны мост праз раку Лань. У аперацыі бралі ўдзел атрады М. Т. Шыша і імя С. М. Кірава пад кіраўніцтвам М. І. Герасімава і А. П. Савіцкага. У выніку аперацыі было знішчана 74 гітлераўца, эшалон з авіябомбамі і артылерыйскімі снарадамі, які стаяў на станцыі [32, с. 216].

У верасні–лістападзе 1942 г. партызанамі Беларусі былі падарваны чыгуначныя масты цераз раку Нача на чыгуначнай магістралі Мінск – Орша, цераз раку Шоша на чыгунцы Маладзечна – Полацк, цераз рэкі Талька і Сіняўка на чыгунцы Мінск-Гомель.

Выдатным падарункам святу была ўдалая дыверсійная аперацыя па падрыву 137-метровага чыгуначнага маста праз раку Пціч на магістралі Брэст-Лунінец-Гомель, якая была праведзена раніцай 3 лістапада. Разуменчы стратэгічную значнасць дадзенай магістралі для забяспячэння войскаў групы армій «Поўдзень», якая вяла баявыя дзеянні пад Сталінградам, беларускія партызаны неаднаразова перапынялі рух на ёй. Толькі за перыяд з 24 верасня па лістапад 1942 года на ёй было здзейснена 49 падрываў эшалонаў [33, с. 312]. Але гэтага было недастаткова, каб нанесці значную перашкоду руху цягнікоў. Таму Мінскі падпольны абкам партыі і штаб партызанскага злучэння Мінскай і Палескай абласцей распрацавалі план аперацыі па падрыву чыгуначнага маста праз раку Пціч на ўсход ад станцыі Пціч. Ён атрымаў кодавую назву «Эха на Палессі» і быў ухвалены ЦК КП(б)Б і БШПР. Для яе забяспячэння з Масквы спецыяльным рэйсам даставілі боепрыпасы і ўзрыўчатку, а таксама спецыяльна падрыхтаванага інструктара мінна-падрыўной справы В. П. Шымчонка, які падрыхтаваў некалькі груп падрыўнікоў. У ёй ўдзельнічала 11 партызанскіх атрадаў агульнай колькасцю 1 300 чалавек, у асноўным мясцовых жыхароў, якія складалі большасць сярод народных месціўцаў. Зранку 3 лістапада 1942 атрады і групы занялі зыходныя пазіцыі. У 6.00 аперацыя пачалася. Бой за авалодванне мастом працягваўся 1 гадзіну 10 хвілін. Нягледзячы на моцны агонь праціўніка, падрыўнікі паклалі пад мост звыш 300 кг узрыўчаткі і падарвалі яго. Праведзеная аперацыя стала шырока вядомай.

У баі пры выкананні задання загінулі камісар 132-га атрада А. А. Тарасаў і 9 партызан: А. Я. Бойко, Ф. П. Гаўрылоўскі, Х. Р. Гарбач, С. Е. Зуеў, Б. Н. Кацубінскі, М. Е. Маскалёў, Г. І. Насановіч, І. С. Талька, Ф. М. Юцанка. У выніку аперацыі рух на чыгуначнай магістралі быў спынены на 18 сутак, што не дало магчымасці ісці больш 500 эшалонам, зыходзячы з таго, што да гэтага па масту праходзіла 25–30 эшалонаў у суткі [22, с. 411].

Мітынгі і парады ў вызваленых раённых цэнтрах. Пры вызваленні буйных населеных пунктаў, раённых цэнтраў партызаны як правіла, праводзілі мітынгі, а ў рэвалюцыйныя і іншыя святочныя даты – партызанскія парады, якія былі закліканы паказаць сілу, баявую моц і вывучку партызанскіх падраздзяленняў. Падрыхтоўка да парада і яго правядзенне мелі не толькі

вялікае прапагандысцкае, але і маральна-псіхалагічнае значэнне для партызан і насельніцтва, асабліва для дзяцей і моладзі. Як правіла, гэтая падзея надоўга захоўвалася ў памяці людзей і ўвесь час прысутнічала ва ўспамінах.

Адзін з першых партызанскіх парадаў на тэрыторыі Беларусі быў праведзены ў лістападзе 1942 г. у г. Лоеў Гомельскай вобласці. Горад быў вызвалены ад паліцэйскіх і нямецкай жандармерыі 7 лістапада ўкраінскімі рэйдзіруючымі партызанскімі злучэннямі сумесна з байцамі лоеўскага партызанскага атрада «За Радзіму» пад камандаваннем Р. І. Сінякова. На пажарнай каланчы быў узняты чырвоны сцяг. На другі дзень, 8 лістапада, на цэнтральнай плошчы г. Лоева адбыўся мітынг, які завяршыўся партызанскім парадом у гонар 25-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі [25, с. 56]. Парад прымалі камандзіры партызанскіх злучэнняў С. А. Каўпак і А. М. Сабураў. Вось як аб гэтай падзеі ўспамінаў пазней яго ўдзельнік, былы камандзір палка злучэння Каўпака П. Я. Брайко: «За ноч была збудавана і ўсталявана на цэнтральнай плошчы ў Лоеве трыбуна. Разведчыкі прыцягнулі сюды магутны трафейны радыёпрыёмач “телефункен”, наладзілі яго на маскоўскую хвалю. Роўна ў 10.00 камандуючы парадом лейтэнант Гаркун далажыў аб гатоўнасці батальёнаў да парадку. Пад гукі маскоўскага зводнага аркестра і трафейных акардэонаў міма трыбуны, на якой стаялі Ковпак, Руднеў, Сабураў, чаканячы крок, праходзілі партызанскія роты. Мінуючы трыбуну, яны паварочвалі направа, абыходзячы плошчу бакавымі вулачкамі, станавіліся ў хвост калоны і зноў працягвалі шэсце. Уся плошча была запоўненая народамі. Людзі радаваліся, многія плакалі ад радасці. Так партызанскія роты маршыравалі гадзіны дзве ці тры. Магчыма, парад працягваўся б і даўжэй, калі б немцы не кінулі супраць партызан батальён эсэ-саўцаў з бронемашынамі з Рэчыцы» [34].

Былы сакратар Гомельскага падпольнага абкама ЛКСМБ Аркадзь Дзянісавіч Рудак у кнізе сваіх успамінаў наступным чынам расказвае аб вызваленні дзякуючы рэйдзіруючым украінскім партызанскім злучэнням г. Лоева: «26 кастрычніка 1942 г. абодва ўкраінскіх злучэнні пад камандаваннем С. А. Ковпака і А. М. Сабурава па двух маршрутах паралельнымі калонамі, змятаючы на сваім шляху варожыя гарнізоны, рушылі на поўдзень. Пераходы здзяйсняліся настолькі імкліва, а ўдары былі такія вокамгненныя, што акупанты не маглі аказаць колькі-небудзь сур'ёзнага супраціву. У пачатку лістапада 1942 г. абодва злучэнні падышлі да Дняпра ў раёне Лоева. Раптоўнай пераправай на лодках праз раку і ударам перадавой групы аўтаматчыкаў варожы гарнізон Лоева быў знішчаны. Насельніцтва радасна сустрэла украінцаў. Беларусы дапамаглі арганізаваць на пароме і лодках пераправу на правы бераг асабістага склада, абозаў. Іх шлях пралягаў па беларускай зямлі, дзе гітлераўскія гарнізоны размяшчаліся пераважна ў буйных гарадах і на чыгуначных станцыях.

У Лоеве коаўпакаўцы знішчылі прадпрыемствы, якія працавалі на акупантаў, друкарню, лесазавад, электрастанцыю, млын, вузел сувязі. З захопленых харчовых складоў хлеб, соль і іншыя прадукты раздалі насельніцтву [35, с. 112–113].

Урачыста адзначалася партызанамі таксама святкаванне 1 мая. У якасці прыкладу прыведзем паведамленне камандавання кавалерыйскага партызанскага атрада сакратару Баранавіцкага падпольнага абкама КП(б)Б В. Е. Чарнышову аб святкавання 1 траўня 1943 г., ад 2 траўня 1943 года. Дакумент падпісалі камандзір атрада Дзенісенка і начальнік штаба Фанышаў: «Пачатак урачыстага свята 1 мая а 10 гадзіне раніцы ў раёне Грабскага лесу. Пастраенне атрадаў было на пляцоўцы хутара Светуха – сумесна з жукоўскай брыгадай, дзе і быў праведзены ўрачысты мітынг. Пасля мітынгу быў парад.

Пасля чаго атрад (выстраіўся) у баявым парадку руху: галаўны дзор (разведвзвод), група коннікаў і матацыкла, 2-й ўзвод з Чырвоным сцягам атрада, 3-ці ўзвод з Чырвоным пераходзячым сцягам, гармата (СТГ) і 2 мінамёта, 1-й ўзвод, санітарная часць, кухня, абоз і тылавы дзор (з разведвзвода).

У такім парадку атрад рухаўся па маршруце: Новае Сяло, Погорэлкалка, Ярэмчы, Обрынь, Даўгінава, маёнток Кашчыца (адкуль было паслана «віншаванне» турэцкай паліцыі шляхам абстрэлу з гарматы пяццю снарадамі, а з батальённага мінамёта двума мінамі). Вынік (абстрэлу) – снарады падалі са-праўды ў цэль, адзін паліцэйскі забіты і два параненыя. З боку паліцыі пасле-даваў адказ – тры стрэлу з мінамёта, якія разарваліся далёка ад атрада ў роз-ных месцах. Далей атрад рухаўся праз в. Лядкі, Вялікая Слабада. Раптам раз-ведка данесла, што ў (в.) Палужжа ёсць разведка карнага атрада немцаў і паліцыі з Карэлічаў. Атрад працягваў рухацца па вызначаным маршруце ў (в.) Беразавец, адкуль добра было відаць немцаў і паліцыю. Немцы далі ў наш бок тры мінамётных стрэлы і адышлі, не прыняўшы бою, нягледзячы на тое, што наша месца было нявыгаднае для бою. Далей атрад рухаўся (па маршруце): Велетова, Тарасавіч, Вялікая Слабада, дзе і размясціўся на нач-лег. На начлезе, а таксама па шляху руху па вёсках атрад спыняўся. Народ сустракаў (партызан) з гарачым пачуццём. Пад гукі атраднай музыкі моладзь вёсак спявала і танчыла з нашымі партызанамі. Пасля начлегу 2 мая ў 13.00 атрад вярнуўся праз (в.) Новае Сяло ў лагер у поўным складзе. На парадзе ўручаны Чырвоны пераходзячы сцяг 2-му ўзводу за паспяховае выкананне загаду камандзіра атрада за № 338 ад 25 красавіка 1943 г. аб пераходзе з пяхоты кавалерыі» [35, арк. 14–15].

А вось як апісвае святкаванне 1 мая 1943 года партызанамі 1-й Мінскай партызанскай брыгады (камандзір – Мікалай Харлампіевіч Балан) былы начальнік штаба брыгады Міхаіл Міхайлавіч Джагараў: «У гэтую бясхмарную раніцу партызанскія падраздзяленні, свабодныя ад нясення разведвальнай, дыверсійнай, ахоўнай і гаспадарчых службаў, рыхтаваліся да ўрачыстай сустрэчы свята Першага мая. Густыя шарэнгі партызан з баявымі і святочнымі сцягамі, невялікімі транспарантамі і заклікамі (лозунгамі), з партрэтамі савецкіх правадыроў і палкаводцаў рушылі ў цэнтр сваёй зоны да вёсак Чырвоны Бераг, Угалец і Міжрэчча. На ўскраінах пасёлкаў і вёсак іх ужо чакалі мясцовыя жыхары – састарэлыя бацькі і маці, малодшыя браты і сёстры. Як заўсёды, дзетвара была наперадзе. **Амаль на ўсіх дамах і браме вывешаны чырвоныя сцягі. Аблічча вёсак і іх жыхароў былі святочным.** На вясковых могілках,

у брацкіх магіл ляжалі жывыя кветкі. Да калоны партызан спяшаліся жанчыны і дзеці. Многія з жыхароў знаходзілі сярод тых, хто прыбыў на ўрачыста-святочныя мерапрыемствы, сваіх бацькоў, мужоў, сыноў і дачок-партызан ...Пастроіўшыся ўздоўж старой алеі з ліп і акацыяў зводныя партызанскія роты чакалі пачатку ўрачыстасцяў. На ўсходняй ускраіне вёскі Красны Бераг, на вялікай паляне, якая прымыкае да лесу, адбыўся ўрачысты мітынг. Адкрыў яго сакратар Чэрвеньскага падпольнага райкама партыі Кузьма Кузьміч Краўчанка ...Пасля ўрачыстага мітынгу пачаўся партызанскі парад. У шэрагах народных мсціўцаў рука аб руку ішлі кадравы ваенны і партыйны работнік, інжынер і калгаснік, працоўны і лекар, людзі розных узростаў і нацыянальнасцяў, але ўсіх іх аб'ядноўваў высокі патрыятызм і адно жаданне – хутчэй вызваліць сваю зямлю ад фашысцкіх акупантаў. Характэрным было тое, што парад праходзіў у шасцідзiesiąці кіламетрах ад праходу гітлераўцамі ад Мінска і ўсяго ў дзесьці-пятнаццаці кіламетраў ад буйных варажых гарнізонаў». Пасля парад адбыўся партызанскі канцэрт, падрыхтаваны былымі выкладчыкамі і студэнтамі Беларускай дзяржаўнай кансерваторыі С. Маркоўскім, А. Каландзёнкам, М. Вароніным і Г. Шуняковым [36, с. 227–228].

Масава-палітычная праца сярод партызан, насельніцтва партызанскіх зон актыўна праводзілася партызанскімі агітатарамі на працягу ўсяго перыяду акупацыі. Асабліва яна актывізавалася з лета 1943 года, калі стала вядома аб перамозе Чырвонай арміі на Курскай дузе і яе пераходзе ў наступленне.

З выключным уздымам праводзіліся сходы, мітынгі партызан і насельніцтва на тэрыторыі Мінскай вобласці. Так, уздзенскі падпольны райкам партыі правёў у 1943 годзе ў 84 вёсках 185 мітынгаў і больш за 300 дакладаў і гутарак. Капыльскім падпольным райкамам былі ахоплены палітычнай працай 15 сельсаветаў з 16. У 182 населеных пунктах раёна штотомесячна праводзілася каля 300 сялянскіх сходаў. Старадарожскі райкам выдзяліў з ліку камуністаў і камсамольцаў 110 агітатараў, якія за шэсць месяцаў правялі ў 55 вёсках больш за 500 гутарак і каля 20 сходаў [37, с. 35–36]. Актыўная масава-прапагандысцкая праца праводзілася Слуцкім і іншымі райкамамі вобласці. Гэта датычыцца дзейнасці падпольных органаў і партызанскіх фарміраванняў Віцебскай, Магілёўскай, Палескай, а таксама заходніх абласцей Беларусі. Дзякуючы сістэматычнай інфармацыі, якая распаўсюджвалася таксама з дапамогай падпольнага друку (газет, лістовак, плакатаў), а таксама арганізацыі праслухоўвання радыёперадач з Масквы байцы падпольнага фронту і насельніцтва былі ў курсе падзей, якія адбываліся на фронце, а таксама ведалі аб дзейнасці саюзнікаў СССР па антыгітлераўскай кааліцыі.

У якасна новых умовах, якія характарызаваліся бліскучымі перамогамі Чырвонай арміі летам-восенню 1943 года, адбывалася падрыхтоўка да святкавання 26-годдзя Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. Чырвоная армія прыступіла да вызвалення ўсходніх раёнаў Беларусі, таму чаканне хуткай сустрэчы і поўнага вызвалення тэрыторыі рэспублікі авалодвала настроем партызан і насельніцтва. Перад партызанамі ўсталі задачы непасрэднага баявога ўзаемадзеяння з надыходзячымі воінскімі часткамі Беларусі [38, арк. 20].

«Напярэдадні свята Жлобінскі райкам партыі, камандаванне атрадаў накіравалі ў населеныя пункты партызанскіх агітатараў для правядзення гутарак пра гэтую дату і поспехах Чырвонай арміі на франтах Вялікай Айчыннай вайны, – узгадвае былы член Жлобінскага межрайкома партыі Клаўдзія Ксенафонтаўна Карпенка, – напярэдадні мы прынялі па радыё паведамленне аб вызваленні Кіева. Радасці нашай не было мяжы – набліжаецца гадзіна поўнага вызвалення і беларускай зямлі. 7 лістапада 1943 г. прайшлі агульныя сходы партызан, на якіх з дакладамі выступілі члены райкама партыі, камісары, палітрукі рот. У 116-м атрадзе* адбыўся парад народных месціўцаў» [39].

Сакратар Баранавіцкага падпольнага гаркама КП(б)Б Елізавета Васільеўна Папова ўспамінае, што яна вельмі ўзрадавалася калі 17 кастрычніка 1943 г. выйшаў першы нумар газеты «За Радзіму» – органа Баранавіцкага падпольнага гаркама партыі. Адначасова пачалі выпускаць і лістоўкі. Адну з іх прысвяцілі 26-й гадавіне Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі. У ёй былі прыведзены вынікі баёў Чырвонай Арміі за апошнія 4 месяцы. «Раніцай 7 лістапада атрад імя Ф. Э. Дзяржынскага быў пастроены на паляне. Было холадна, выпаў снег. Аднак ніхто на гэта не звяртаў увагі. Камандзір атрада павіншаваў са святам, аб’явіў падзяку лепшым з лепшых. Затым выступіла я. Паведаміла, што напярэдадні ў Маскве на ўрачыстым сходзе выступіў І. В. Сталін, коратка выклала яго змест, пасколькі змагла запісаць па рацыі. Вытрымкі з гэтага даклада надрукавалі потым у газеце» [40, с. 139].

Мы ўжо адзначалі раней, што мітынгі і сходы праводзіліся партызанскім камандаваннем падчас выканання рэйдаў у іншыя вобласці. Так, падчас рэйда ў Брэсцкую вобласць партызанскай брыгады «За Радзіму» імя А. К. Флегантава яна спынілася ў в. Нежын Любанскага раёна, дзе і адбылося святкаванне 26-й гадавіны Кастрычніка. Партызаны падрыхтавалі для вяскоўцаў канцэрт мастацкай самадзейнасці. *7 лістапада, – успамінае камандзір брыгады І. В. Жохаў, – вясковы клуб быў перапоўнены. Абстаноўка – святочная. На сцэнах – лозунгі. На сцэну выйшлі тры гарманіста, расцягнулі мяхі і загучэла мелодзія «Інтэрнацыянала». Я выступіў з дакладам. Вялізную цікавасць выклікала паведамленне аб тым, што 6 лістапада войскі 1-га Украінскага фронту вызвалілі Кіеў. Пасля ўрачыстай часці пачаўся канцэрт* [41, с. 342].

Такая ж абстаноўка панавала практычна ва ўсіх партызанскіх зонах, за выключэннем раёнаў, дзе ў гэты час праводзіліся карныя экспедыцыі ворага. Асабліва гэта тычыцца цэнтральных і заходніх рэгіёнаў Беларусі. Тут актыўную працу разгарнулі падпольныя партыйныя і камсамольскія органы і арганізацыі. *Аб нашым уплыве на масы сведчыць, напрыклад, той факт, што 7 лістапада 1943 г. у большасці вёсак раёна, – успамінаў пазней былы першы сакратар Лепельскага падпольнага РК КП(б)Б У. Е. Лабанок, – былі праведзены ўрачыстыя вечары, прысвечаныя 26-й гадавіне Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, масавыя гуляння моладзі. Шырока адзначалі гэтакія свята і ў партызанскіх падраздзяленнях* [42].

* 116-й партызанскі атрад (камандзір – І. Я. Пабаловец.) створаны ў верасні 1943 г. з партызан 6-й роты атрада «Жэлезняк». На дзень расфарміравання 26.11.43 налічваў 314 партызан.

У гэты ж дзень у многіх партызанскіх фарміраваннях, якія дзейнічалі на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі, таксама праходзілі сходы, мітынгі, а таксама партызанскія парады. Так, 7 лістапада 1943 г. у Паўднёвай зоне Налібоцкай пушчы адбыўся мітынг і партызанскі парад, у якім прымалі ўдзел шэраг партызанскіх атрадаў, у тым ліку кавалерыйскі атрад пад камандаваннем Д. А. Дзенісенка. Былы камісар атрада маёр Уладзімір Аляксеевіч Грэчанічэнка ўспамінаў пазней, што адразу пасля парада атрад накіраваўся на баявую аперацыю па разгрому паліцэйскага гарнізона ў в. Нягневічы Карэліцкага раёна [42, с. 13].

У гонар 26-й гадавіны Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі камсамольска-дыверсійна-падрыўная група дзяўчат пры каменданцкім узводзе (старшая групы – камсамолка Адзінец Вера, падрыўнікі – камсамолкі Осіна Паліна, Гарбунова Аляксандра, Губінская Ніна, Войніч Станіслава) у ноч з 7 на 8 лістапада 1943 года пусціла пад адхон варожы эшалон на ўчастку Гарадзея-Баранавічы. Пашкоджаны паравоз і 7 вагонаў. Рух прыпынены на 30 гадзін, – паведаміў у Баранавіцкі падпольны абкам камсамола памочнік камісара па камсамолу партызанскай брыгады імя Г. К. Жукава Аляксей Васільевіч Новікаў [43, с. 130]. Адзначым, што кіраўнік групы Вера Іосіфаўна Адзінец прыбыла ў тыл ворага па накіраванню БШПР. Спачатку кіравала жаночай, а потым мужчынскай дыверсійна-падрыўной групай. Асабіста пусціла пад адхон тры варожых цягніка. У студзені 1944 г. была прызначана камісарам створанага на базе каменданцкага ўзвода брыгады партызанскага атрада «25 год ВЛКСМ» (камандзір – А. В. Новікаў). Атрад злучыўся з часцямі Чырвонай Арміі 10 ліпеня 1944 г. у складзе 98 партызан [8, с. 69–70].

Як бачна са справаздачы Антопальскага РК КП(б)Б за перыяд працы з верасня 1943 па ліпень 1944 года, на тэрыторыі раёна ў савецкія святы «Дзень Чырванай арміі», 1 мая, а таксама ў 3-ю гадавіну пачатку вайны патрыёты ў гарнізонах праціўніка Антопаль, Гарадзея і Вулька вывешвалі заклікі, плакаты з рознымі карыкатурамі на гітлераўскае кіраўніцтва, на паражэнні гітлераўскай арміі, на паліцыю і мясцовую адміністрацыю... У цэнтры Антопаля і Гарадцы чырвоныя сцягі былі вывешаны ў цэнтры горада. Цікава, што гэтыя заклікі (лозунгі) і плакаты мадзьярскія салдаты не дазвалялі зрываць паліцыі, пакуль не вывучалі іх самі, застаўлялі чытаць мясцовых сялян і перадаваць сэнс. Вывешаны на доме мясцовага бургамістра ў Гарадцы чырвоны сцяг яны не дазволілі паліцыі здымаць на працягу цэлага дня 1 мая 1944 года [44, арк. 89].

Падводзячы вынік, адзначым, што прыведзеныя прыклады сведчаць аб тым, што святкаванню савецкіх святаў, асабліва гадавін Кастрычніцкай рэвалюцыі, асноўнага савецкага свята, падпольнымі партыйнымі органамі, камандаваннем партызанскіх фарміраванняў Беларусі надавалася важнае значэнне. Дакуманты таго часу сведчаць таксама, што акрамя асноўнага свята – Дня Кастрычніцкай рэвалюцыі – у арганізацыйнай і масава-прапагандысцкай дзейнасці партызан і падполля шырока выкарыстоўваліся і адзначаліся насельніцтвам Беларусі і іншыя савецкія святы і рэвалюцыйныя даты: дні РККА, 1-га мая, гадавіны БССР, камсамола. У іх гонар называліся партызанскія фарміраванні,

праводзілася «сацыялістычнае спаборніцтва», падводзіліся і асвятляліся іх вынікі. Безумоўна, сам факт арганізацыі і святкавання рэвалюцыйных дат меў для насельніцтва і партызан вялікае значэнне, як у выхаванні патрыятычных пачуццяў, так і ўмацаванні веры ў хуткую перамогу над ворагам.

Можна канстатаваць, што захаванне насельніцтвам нацыянальных і новых савецкіх традыцый у галіне грамадскага жыцця і сямейна-бытавых адносін, адзначэнне савецкіх святаў, прытрымліванне іх рытуалаў з'яўляліся як сведчаннем палітычнай і ідэалагічнай дэманстрацыі лаяльнасці насельніцтва да савецкай улады, так і сведчаннем непрымання імі акупантаў і іх палітыкі, а па вялікаму рахунку, адным з важных накірункаў барацьбы беларускага народа з захопнікамі.

Мітынгі жыхароў гарадоў і вёсак Беларусі, прысвечаныя вызваленню ад нямецка-фашысцкай акупацыі, з'яўляліся як праявай стихійнага праяўлення пачуццяў насельніцтва ў адносінах да сваіх вызваліцеляў, так і загадзя спланаванай акцыяй кіраўніцтва рэспублікі, абласных і раённых органаў улады.

Безумоўна, гэтыя мерапрыемствы з'яўляліся праявамі палітычнай і ідэалагічнай дэманстрацыі лаяльнасці насельніцтва да савецкай улады, удзячнасці Чырвонай Арміі за вызваленне.

Партызанскія парады з'яўляліся для кіраўніцтва рэспублікі пэўнай дэманстрацыяй сілы і моцы партызанскага руху перад Масквой, а таксама ўкладу беларускага народа, беларускіх партызан у перамогу ў аперацыі «Баграціён». Пры расфармаванні партызанскіх атрадаў і брыгад было адабрана і накіравана на партыйна-савецкую працу 53 тыс. партызан, з іх 2219 чалавек камандна-палітычнага складу накіраваны на кіруючыя пасады. Тысячы партызан былі накіраваны на працу ў органы НКУС-НКДБ.

ЛІТАРАТУРА

1. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – Т. 4. Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – 640 с.

2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3-х / гл. редкол. : А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 1–3.

3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.

4. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.]; редкол. : А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 495 с.

5. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : док. и материалы : в 3 т. – Т. 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – Минск : Беларусь, 1967. – 744 с. ; Т. 2. Развитие

всенародного партизанского движения во второй период войны. Кн. 1 (июль – декабрь 1943 г.). – Минск : Беларусь, 1978. – 680 с. Т. 2. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Кн. 2 (июль – декабрь 1943 г.). – Минск : Беларусь, 1978. – 814 с. Т. 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь – июль 1944). – Минск : Беларусь, 1982. – 792 с.

6. Комсомол Белоруссии в Великой Отечественной войне : док. и материалы / Ин-т истории партии при ЦК КПБ ; сост. Г. Н. Шевела – Минск: Беларусь, 1988. – 495 с.

7. Партизаны в операции «Багратион» : док. и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству, Мин-во юстиции Республики Беларусь, НАРБ сост. : Н. А. Денисова [и др.] ; ред. кол., В. И. Адамушко [и др.]. – Нац. библиотека Беларуси, 2014. – 412 с.

8. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : крат. сведения об организац. структуре парт. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

9. *Гужалоўскі, А.* «Няхай жыве наш родны Сталін» : масавыя святы ў БССР у 1929–1953 гг. // Беларус. гіст. час. – 2019. – № 2. – С. 3.

10. Советские массовые праздники / М. Рольф ; пер. с нем. В. Т. Алтухова. – М. : Рос. политическая энцикл. (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 439 с.

11. *Мачульский, Р.* Вечный огонь / Р. Мачульский. – 3-е изд. – Минск, 1978. – С. 133.

12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 155а.

13. *Нясцярэнка, У.* Па закліку сэрца / У. Нясцярэнка // Дзвінская праўда. – 1982. – 13 сакавіка.

14. *Лысенок, Г. К.* Сильные духом / Г. К. Лысенок // Люди нарочанского края : Воспоминания участников революц. борьбы и Велик. Отечеств. войны. – Минск : Беларусь, 1975. – 592 с.

15. *Кожар, И. П.* Незабываемые дни партизанской борьбы на Гомельщине / И. П. Кожар, Е. И. Барыкин // Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944 : Страницы воспоминаний. Витеб., Могилев., Гомел., Полес. обл. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; сост. С. К. Грабовский, Н. Е. Достенко, А. И. Залесский [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985. – 415 с.

16. *Куцак, А. А.* Годы трудных испытаний / В грозные годы : Воспоминания участников борьбы против нем.-фашист. оккупантов на территории Гомел. и Полес. обл. – Минск : Беларусь, 1973. – 397 с.

17. *Ветров, И. Д.* Народная война в белорусском Полесье / И. Д. Ветров, Н. И. Калинин // Непокоренная Белоруссия. – М., 1963.

18. *Капустенок, Г. В.* С верой в победу / Г. В. Капустенок. – Минск, 1980.

19. *Долготович, Б. Д.* От парада надежды – к параду Победы / Б. Д. Долготович ; под ред полк. В. М. Пастухова. – Минск : Технопринт, 2005.
20. *Сталин, И. В.* Аб Вялікай Айчыннай вайне Совецкага Саюза / И. В. Сталин. – Выд. ЦК КП(б)Б «Совецкая Беларусь», 1943.
21. *Ливенцев, В. И.* Партизанский край : Боевой путь 1-й Бобруйск. партиз. бригады в Велик. Отечеств. войне. – 4-е изд. – Минск : Беларусь, 1988. – 319 с.
22. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол. : А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т. 1. – 591 с.
23. *Ильинковский, М. К.* Шла война народная / М. К. Ильинковский. – Минск, 1973.
24. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : док. и материалы : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967. – Т. 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – 744 с.
25. Из истории партизанского движения в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1961.
26. Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. – Мінск, 1952.
27. *Липило, П. П.* КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П. П. Липило. – Мінск : Беларусь. – С. 87–88.
28. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 490.
29. *Калинин, П. З.* Партизанская республика / П. З. Калинин. – 3-е изд. – Минск : Беларусь, 1973. – 367 с.
30. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Ушацкага раёна. – Мінск, 2003.– 638 с.
31. *Рубис, П. Е.* Флаги над сельсоветами / П. Е. Рубис // Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944 : Страницы воспоминаний Витеб., Могилёв., Гомел., Полес. обл. – Минск : Беларусь, 1985.
32. *Клещев, А. Е.* Партизаны и население Пинской области в борьбе с фашистскими захватчиками / А. Е. Клещев // Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944 : Страницы воспоминаний Вилей., Баранов., Пин., Брест., Белосток. обл. – Минск : Беларусь, 1986.
33. Пціцкая аперацыя 1942 / Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ, 1990. – 680 с.
34. *Анисовец, В.* Парад принимал Ковпак / В. Анисовец // Серп и молот. – 2007. – 6 ноября.
35. НАРБ. Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 263.
36. *Джагаров, М.* Костры партизанские. – 2-е изд., перер. и доп. – Минск : «Беларусь», 1974. – 336 с.
37. *Козлов, В. И.* Коммунисты – организаторы партизанской борьбы в Минской области / В. И. Козлов // Непокоренная Белоруссия. – М., 1963.
38. НАРБ. Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 233.

39. Успаміны К. К. Карпенка. Рукапіс (архіў аўтара).

40. *Попова, Е. В.* Наша опора / Е. В. Попова // *Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944 : Страницы воспоминаний.* Вилей., Баранович., Пин., Брест., Белосток. обл. – Минск : Беларусь, 1986.

41. *Жохов, И. В.* Боевые будни / И. В. Жохов // *Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944 : Страницы воспоминаний.* Вилей., Баранович., Пин., Брест., Белосток. обл. – Минск : Беларусь, 1986.

42. *Лобанок, В. Е.* Партизаны принимают бой / В. Е. Лобанок. – М., 1972.

43. *Гречаниченко, В. А.* В годы суровых испытаний. Воспоминания / А. А. Гречаниченко. – 15.04.1986 г. – С. 13 (архив автора).

44. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 481.

С. Я. Новікаў

ІНСТРУМЕНТАЛІЗАЦЫЯ ГІСТОРЫІ ПЕРАМОГІ
Ў ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ
Ў СУЧАСНАЕ НАВУЧАННЕ, ВЫХАВАННЕ І ПАМЯЦЬ

*75-й гадавіне Вялікай Перамогі
прысвячаецца*

У гэтым годзе ў нашай суверэннай краіне адзначацца 75-годдзе Вялікай Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. У сістэме сучаснай гістарычнай адукацыі асабліва важнае месца займае вывучэнне гісторыі Беларусі ў 1941–1945 гадах. Беларускі народ вынес суровыя выпрабаванні, вядучы барацьбу на франтах і ў тыле, у партызанскіх атрадах і падполлі, пераадоляваючы неймаверныя цяжкасці, несучы велізарныя ахвяры, але ўносячы пры гэтым надзвычай важкі ўклад у здабыццё Вялікай Перамогі.

Напярэдадні гэтай адметнай даты Міністэрства адукацыі разам з Нацыянальным інстытутам адукацыі і Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі выступілі з ініцыятывай аб перавыданні першага ў Беларусі і адзінага на прасторы СНД вучэбнага падручніка «Вялікай Айчыннай вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)», упершыню падрыхтаванага і выдадзенага ў адпаведнасці з даручэннем Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка да 60-годдзя вызвалення Беларусі [1; 2; 3; 4], а таксама перавыдадзенага да 65-годдзя Вялікай Перамогі [5]. Як адзначаў Прэзідэнт у прадмове да юных чытачоў, «няхай паручнік дапаможа вам яшчэ больш даведацца аб трагічных і гераічных старонках нашага мінулага, узбагаціць твае веды аб Вялікай Айчыннай вайне, якія ты набылі ў школе, зказаў ветаэранаў і пры наведванні музеяў і памятных мясцін, звязаных з барацьбой супраць захопнікаў. Умацуе пачуццё павагі да роднай зямлі і гонару за беларускі народ» [1, с. 6; 2, с. 6; 4, с. 6; 5, с. 6].

Дапаможнік падрыхтаваны калектывам беларускіх гісторыкаў у складзе А. А. Кавалені, М. А. Красновай, У. І. Лемяшонка, С. Я. Новікава, М. Г. Жылінскага, Б. Дз. Далгатовіча, К. І. Козака (паводле напісання аўтарскага складу. – С. Н.). Навуковымі рэдактарамі вучэбнага выдання з’яўляліся А. А. Каваленя і М. С. Сташкевіч. Рэдагаванне, вёрстка і выданне былі забяспечаны ў выдавецкім цэнтры БДУ.

У артыкуле праводзіцца аналіз дыдактычнай базы вучэбнага дапаможніка; асвятляюцца адукацыйныя кампетэнцыі, набыццё якіх вучнямі сярэдніх школ і студэнтамі ўніверсітэтаў стала магчымым у ходзе засваення зместу вучэбнай дысцыпліны і іншых форм самастойнай работы; раскрываецца выхаваўчы патэнцыял асноўнага, дадатковага і дакументальнага матэрыялаў, а таксама візуальных крыніц дапаможніка; паказваецца асаблівае роля матэрыялаў вучэбнага дапаможніка ў фарміраванні культуры памяці ў сучаснай Беларусі.

Вучэбнае выданне складаецца з трох раздзелаў (падзеленых на параграфы). У першым асвятляюцца падзеі напярэдадні Другой сусветнай вайны і яе пачатак. Другі раздзел прысвечаны гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. У трэцім раздзеле разглядаюцца заключны перыяд вайны, паказваецца ўклад беларускага народа ў разгром агрэсара. Галоўнай мэтай вучэбнага дапаможніка з’яўляецца выхаванне патрыятычных і грамадзянскіх пачуццяў, адказнасці за будучыню Радзімы і сусветнай супольнасці, нацыянальнай годнасці [1, с. 7; 2, с. 7; 4, с. 7; 5, с. 7]. Для яе дасягнення на старонках падручніка выкарыстоўваліся навуковыя і метадычныя навацыі, на аснове якіх адбываецца ўдасканаленне вучэбна-выхаваўчага працэсу сярод школьнай і студэнцкай моладзі.

Скразной ідэяй вучэбнага дапаможніка аўтары бачылі думку пра тое, што для беларускага народа гістарычная памяць пра Вялікую Айчынную вайну і Вялікую Перамогу адыгрывае асабліва важную ролю, выступаючы ва ўсе пасляваенныя гады ў якасці аднаго з фактараў кансалідацыі грамадства. Асабліва значнасць ваеннай тэматыкі звязана з тым, што яна выступае адной з нешматлікіх гістарычных падзей, якая трывала прысутнічае ў калектыўнай памяці народа. Больш таго, на цяперашні час вывучэнне гэтай тэмы становіцца асабліва актуальным. Па-першае, у кантэксце пастаянных выклікаў па перапісванні гісторыі вайны ў інтарэсах пэўных палітычных колаў, спроб некаторых замежных гістарыяграфій у пераглядзе ролі Чырвонай арміі і Савецкага Саюза ў Другой сусветнай вайне. Па-другое, асобнымі айчыннымі і замежнымі гісторыкамі ставіцца пад сумнеў усенародны характар Вялікай Айчыннай вайны, змяншаецца значэнне партызанскай і падпольнай барацьбы. Па-трэцяе, у новых працах апошняга часу сталі больш паглыблена разглядацца пытанні, якія ў савецкі час замоўчваліся і заставаліся «белымі плямамі» ваеннай гісторыі. У якасці не менш важнай прычыны неабходна прывесці і тое, што цяперашнія школьнікі ва ўмовах істотнага ўзмацнення розных інфармацыйных рэсурсаў не заўсёды здольны самастойна і зарыентавацца, і знайсці правільны адказ, і паставіць новыя пытанні.

У змесце і падыходах да асвятлення падзей Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў у вучэбным дапаможніку знайшлі адлюстраванне як дасягненні мінулага часу, так і найноўшыя даследаванні [7; 8]. Побач з вивучэннем тэм, традыцыйных ў школьных курсах навучання, былі ўведзены новыя тэмы. У падручніку шырока асвятляецца масавы гераізм савецкага народа, паказаны сутнасць германскага акупацыйнага рэжыму і палітыкі нацысцкага генацыду, формы і метады барацьбы партызан і падпольшчыкаў за вызваленне Радзімы і ўклад савецкага народа ў перамогу над гітлераўскай Германіяй і мілітарысцкай Японіяй.

У вучэбным дапаможніку з якасці абавязковых дадаткаў да тэматычных тэкстаў прыведзена вялікая колькасць дакументаў як афіцыйнага, так і асабістага паходжання, шырока выкарыстоўваюцца фотаздымкі, карты, табліцы, схемы, дыяграмы і інш. [6]. З'явілася новая тэма «Памяць аб вайне». З гэтай мэтай была ўведзена рубрыка «Складаем летапіс вайны», у аснову якога павінны легчы ўспаміны родных, суседзяў, знаёмых. Усё гэта і іншае стварыла тую базу, на якой вивучэнне Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў закладвалі надзейны падмурак для выхавання ў падрастаючага пакалення нацыянальнай самасвядомасці, пачуцця патрыятызму і гонару за сваю краіну, сувязі і пераемнасці пакаленняў, адзінства ўсяго народа ў ходзе барацьбы за перамогу над ворагам [9; 10; 11; 12; 13; 14].

У артыкуле чытачу прапануецца разгляд толькі асобных гістарычных падзей вайны, што адбываліся на тэрыторыі Беларусі і савецкай краіны і дзякуючы якім была здабыта Вялікая Перамога. Канцэптуальным момантам у такім падыходзе аўтары разглядалі тэзіс аб тым, што перамога Савецкага Саюза ў вайне стала магчымай дзякуючы намаганням усяго савецкага народа, цеснаму ўзаемадзеянню арміі, партызан, падпольшчыкаў і савецкага тылу. У якасці метадалагічнай аксіёмы для настаўнікаў школ і выкладчыкаў устаноў вышэйшай адукацыі была вылучана трыадзіная задача па інструменталізацыі гісторыі перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне ў сучаснае навучанне, выхаванне і памяць.

Насустрэч Вялікай Перамозе

Ключавую ролю ў дасягненні перамогі над гітлераўскай Германіяй адыграла Чырвоная армія, яе баявыя дзеянні на савецка-германскім фронце з першага дня вайны сталі вызначальнымі на шляху да першых малых перамог, якія ў выніку прывялі да Вялікай Перамогі савецкай зброі над германскімі захопнікамі. У вучэбным дапаможніку гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі адведзены толькі чатыры параграфы ці чвэрць ад усіх вучэбных матэрыялаў (5 «Крах “маланкавай вайны”» [1–2, с. 66–85; 4, с. 76–98; 5, с. 66–85], 11 «Карэнны пералом у Вялікай Айчыннай вайне» [1–2, с. 140–156; 4, с. 160–178], 12 «Вызваленне Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» [1–2, с. 156–168; 4, с. 178–193; 5, с. 156–168], 13 «Разгром нацысцкай германіі і мілітарысцкай Японіі») [1–2, с. 183–201; 4, с. 211–233; 5, с. 183–201;]. Фарміраванню і развіццю вучэбна-пазнавальных і даследчых кампетэнцый

школьнікаў і студэнтаў спрыяў разгляд гісторыі абарончых падзей як на тэрыторыі Беларусі ў першыя месяцы вайны, так і баявыя дзеянні Чырвонай арміі на савецка-германскім фронце ў 1941–1944 гг. і разгром нацысцкай германіі і мілітарысцкай Японіі ў 1945 годзе.

Баявыя дзеянні Чырвонай арміі на савецка-германскім фронце ў першыя месяцы вайны былі вельмі неспрыяльнымі для СССР. Ваенна-палітычнае кіраўніцтва Савецкага Саюза імкнулася сканцэнтравать неабходныя сілы для арганізацыі рашучага контрудару. У чэрвені–жніўні 1941 г. войскі Чырвонай арміі вялі цяжкія абарончыя баі супраць праціўнікаў. На беларускім напрамку наступала баяздольная група армій «Цэнтр» пад камандаваннем фельдмаршала Ф. фон Бока. Ёй процістаялі сілы Заходняй Асобнай ваеннай акругі на чале з генералам арміі Дз. Р. Паўлавым. У акрузе налічвалася каля 672 тыс. байцоў і камандзіраў, на ўзбраенні мелася больш 10 тыс. гармат і мінамётаў, 2502 танкі, у тым ліку КВ і Т-34, а таксама 1909 самалётаў, з якіх 424 былі новымі. Галоўная задача акругі заключалася ў забеспячэнні прыкрыцця заходняга напрамку ад паўднёвай граніцы Літвы да паўночнай граніцы Украіны.

Да апошняга часу ў айчыннай гістарыяграфіі панавала думка, што Чырвоная армія на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. у выніку панесеных велізарных страт і нягледзячы на ўпартае супраціўленне войскаў Заходняга фронту, гераізм, мужнасць і адвагу чырвонаармейцаў у ходзе пагранічных баёў, арганізацыі актыўнага адпору праціўніку пад Мінскам, Віцебскам, Магілёвам, на гомельскім і бабруйскім напрамках, правядзення контрудараў войскаў Чырвонай арміі пад Лепелем, Жлобінам і Рагачовам не здолела спыніць германскі вермахт, які даволі хутка прасоўваўся ў глыб тэрыторыі Беларусі і да пачатку верасня цалкам яе захапіў.

Між тым, новыя беларускія даследаванні даюць дакументальную падставу ўбачыць новыя аспекты тых гістарычных падзей. На думку аўтараў вучэбнага дапаможніка, якраз у ходзе абарончых баёў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. пачалася пісацца адна з слаўных старонак Вялікай Перамогі Чырвонай арміі, асабліва ў аспекце паказу рэальнага значэння супраціўлення войскаў Заходняга фронту ў зрыве аперацыі пад кодавай назвай «Барбароса», перш за ўсё ў яе галоўнай частцы – захопу савецкай тэрыторыі ў ходзе ажыццяўлення плана «маланкавай вайны» (Blitzkrieg). Менавіта ў ходзе баёў на тэрыторыі Беларусі адбыўся крах гэтага злачыннага плана: 31 ліпеня 1941 г. А. Гітлер нечакана для галоўнага камандавання вермахта аддаў загад № 34 аб спыненні наступлення і пераходзе да абароны групы армій «Цэнтр». Як сёння даказана ў найноўшых беларускіх даследаваннях, галоўнай прычынай у той час стала наступленне 63-га стралковага корпуса пад камандаваннем Л. Р. Пятроўскага на Бабруйскім напрамку з 13 ліпеня па 17 жніўня 1941 г. і ўпартыя баі часцей Чырвонай арміі на рубяжы Жлобіна і Рагачова [8, с. 95].

У гэтай сувязі неабходна звяртаць увагу школьнікаў і студэнтаў на важнасць фарміравання ўменняў комплекснага аналізу гістарычных падзей, разгляду іх ва ўзаемасувязі, выяўлення прычынна-следчых сувязей паміж імі

з мэтай аб'ектыўнай ацэнкі тых падзей. Такім чынам, у выніку баёў на паўднёвым участку савецка-германскага фронту ў Беларусі было адсунута на 2 месяцы новае наступленне вермахта на цэнтральным напрамку на Маскву, калі толькі ў канцы верасня і пачатку кастрычніка група армій «Цэнтр» пачала аперацыю пад кодавай назвай «Тайфун» з мэтай захопу Масквы і Маскоўскага прамысловага раёна. Але гэта наступленне германскага вермахта цалкам правалілася. Стварыліся ўмовы для пераходу савецкіх войскаў у контрнаступленне і разгрому ворага пад Масквой. Контрнаступленне Чырвонай арміі стала паваротным пунктам не толькі на савецка-германскім фронце, але і ў ходзе Другой сусветнай вайны. Разгром войскаў вермахта пад Масквой азначаў поўны крах гітлераўскай стратэгіі «маланкавай вайны», развеяў міф аб непераможнасці германскай арміі, змяніў стэрэатыпы, з якіх многія заходнія палітыкі падыходзілі да СССР. З гэтага моманту Чырвоная армія разам з краінамі антыгітлераўскай кааліцыі вялі ўзброеную барацьбу супраць Германіі і яе саюзнікаў. Галоўнымі падзеямі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў другой паловы 1942–1943 гг. з'яўляліся Сталінградская і Курская бітвы, якія паклалі пачатак карэннаму пералому ў вайне. Поспех, дасягнуты Чырвонай арміяй пад Масквой быў замацаваны новымі перамогамі пад Сталінградам у ходзе Сталінградскай (17 ліпеня 1942–2 лютага 1943 г.) і Курскай (5 ліпеня–23 жніўня 1943 г.) бітваў. Пасля перамогі ў Курскай бітве Чырвоная армія разгарнула стратэгічнае наступленне ад Невеля на поўдні Пскоўскай вобласці да Чорнага мора на франтавой лініі працягам 2000 км. На цэнтральным участку фронту савецкія войскі працягнулі наступленне і пачалі вызваленне Беларусі. Летам 1944 г. перад савецкімі войскамі была пастаўлена задача разбіць цэнтральную групоўку нямецкіх войскаў – групы армій «Цэнтр», вызваліць Беларусь і выйсці да дзяржаўнай граніцы СССР.

Беларуская наступальная стратэгічная аперацыя (23 чэрвеня–29 жніўня 1944 г.) па сваіх маштабах, колькасці сіл, што ўдзельнічалі ў ёй, з'яўляецца адной з самых буйных не толькі ў Вялікай Айчыннай, але і ў Другой сусветнай вайне. У наступныя паўтара гады Чырвоная армія правяла шэраг буйных наступальных аперацый па вызваленні народаў еўрапейскіх краін. Яна пазбавіла ад германскага рабства адзінаццаць краін Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы з насельніцтвам 113 млн чалавек. Разгром нацысцкай Германіі стаў вынікам Берлінскай аперацыі (16 красавіка–8 мая 1945 г.). Гэта аперацыя мела вырашальнае значэнне для поўнага разгрому Германіі і вызвалення нямецкага народа ад гітлераўскай дэспатыі. 30 красавіка над рэйхстагам быў узняты Сцяг Перамогі. Вайна ў Еўропе закончылася. 9 мая 1945 г. савецкія краіны святкавалі Дзень Перамогі. 24 чэрвеня 1945 г. на Краснай плошчы ў Маскве адбыўся Парад Перамогі.

Такім чынам, вучэбныя тэкставыя матэрыялы, дадатковыя крыніцы і візуальныя звесткі раскрываюць важнае значэнне баявых дзеянняў Чырвонай арміі на савецка-германскім фронце, дзе з першых абарончых баёў на тэрыторыі Беларусі пачаў кавацца меч Вялікай Перамогі. Значнаму паглыбленню ведаў вучняў і студэнтаў у ходзе вывучэння матэрыялаў вучэбнага дапаможніка

садзейнічаюць не толькі асноўныя (тэксты) і дадатковыя матэрыялы (дакументы і вытрымкі з іх), візуальныя матэрыялы (фота, карты, дзённікі, табліцы, дыяграмы), а таксама пытанні і заданні для самастойнай работы, спіс крыніц і літаратуры, рубрыка «Ствараем лепапіс вайны».

Гістарычнае значэнне Вялікай Перамогі

Гістарычнае значэнне Вялікай Перамогі знайшло адлюстраванне не толькі ў вышэйзгаданых параграфрах, але і ў асобнай тэме – «Вынікі і ўрокі вайны» [1–2, с. 201–209; 4, с. 233–243; 5, с. 201–209]. Актуалізацыя ведаў пра перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне патрабуе вызначэння тых асноўных фактараў, якія садзейнічалі разгрому небывалай у гісторыі па сваіх маштабах і жорсткасці вайны супраць нацысцкай Германіі. У ходзе вайны савецкія Узброеныя сілы правялі больш за 40 буйных стратэгічных наступальных аперацый, якія завяршыліся разгромам магутных групавак ворага. У выніку былі дасягнуты найважнейшыя ваенна-палітычныя мэты. Савецкі народ і Чырвоная армія вынеслі асноўны цяжар вайны і адыгралі вырашальную ролю ў разгроме фашызму. Менавіта на савецка-германскім фронце вермахт страціў 70 % асабовага складу, да 70 % танкаў, гармат, самалётаў.

Непамерную цану заплацілі народы СССР за перамогу на агрэсарам. Людскія страты склалі звыш 27 млн чалавек, з іх каля 12 млн – воіны Чырвонай арміі. У руінах ляжалі 1 710 гарадоў і заводаў, 65 тыс. км чыгуначных шляхоў, затапілі і ўзарвалі 1135 шахт, разрабавалі 427 музеяў і 43 тыс. бібліятэк. Матэрыяльныя страты дасягнулі амаль 1/3 нацыянальнага багацця краіны.

Велізарныя ахвяры панесла і Беларусь, якая страціла каля 3 млн жыхароў. Нямецка-фашысцкія захопнікі і іх саўдзельнікі разбурылі і спалілі 209 гарадоў і гарадскіх пасёлкаў, 9200 вёсак, з якіх 5295 цалкам ці часткова з іх жыхарамі, знішчылі ці вывезлі ў Германію больш за 10 тыс. прамысловых прадпрыемстваў, знішчылі 7 тыс. школ, нанеслі матэрыяльныя страты на суму 75 млрд рублёў (у цэнах 1941 г.).

Страты ўзброеных сіл Германіі і яе саюзнікаў перавышалі 15 млн чалавек (з іх на савецка-германскім фронце – 8,6 млн чалавек). ЗША і Вялікабрытанія страцілі каля 780 тыс. ваеннаслужачых.

Асноўнымі крыніцамі перамогі сталі масавы патрыятызм, мужнасць і самаахвярнасць, маральна-палітычная садружнасць народаў СССР. Савецкі народ не скарыўся перад магутнасцю германскай ваеннай машыны, як гэта здаралася з заходнімі дзяржавамі, а выстаяў, знайшоў у сабе сілы, каб пераламаць ход нябачанай у гісторыі барацьбы, атрымаць канчатковую перамогу. Абарона Айчыны стала ідэяй, якая аб'яднала савецкае грамадства. Гэта была праведная справа. Савецкі салдат здолеў захаваць і праявіць лепшыя чалавечыя якасці: прыродны розум, бясстрашнасць і мужнасць, высокую фізічную і вайсковую падрыхтоўку, пачуццё сяброўства і брацтва, самаахвярнасць, стойкасць, гатоўнасць пераадольваць фізічныя і духоўныя цяжкасці, якія аказаліся непасільнымі для іншых. Але галоўнае – ён верыў у канчатковую

перамогу. За гады вайны звыш 400 чалавек паўтарылі подзвіг А. Матросава, у тым ліку 16 ураджэнцаў Беларусі. Масавай з’явай стаў паветраны таран. Такі подзвіг здзейснілі 598 экіпажаў.

Больш за 7 млн савецкіх воінаў былі ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі, з іх 11 603 чалавекі ўдасцоены звання Героя Савецкага Саюза, у тым ліку 104 – двойчы, а трое – тройчы. Сярод іх прадстаўнікі 100 нацый і народнасцей: 7 998 – рускіх, 2 021 украінец, 446 беларусаў, 161 татарын, 107 яўрэяў, 96 казахаў, 90 грузін, 89 армян, 67 узбекаў, 63 мардвіны, 45 чувашоў, 43 азербайджанцы і інш.

Савецкія партызаны знішчылі і ўзялі ў палон 1,6 млн нямецка-фашысцкіх салдат і афіцэраў. За гераізм і мужнасць, праяўлены ў барацьбе з акупантамі, звыш 185 тыс. Партызан і падпольшчыкаў ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі, з іх 234 чалавекі ўдасцоены звання Героя Савецкага Саюза, у тым ліку 88 беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі.

Для больш дэталевага разгляду гэтага пытання аўтары падручніка стварылі даволі грунтоўную дыдактычную базу, аснову якой у параграфу ствараюць 32 фота, 4 біяграфіі, 3 карты, 1 табліца і 3 вытрымкі з дакументаў («Дэкларацыя аб вызваленай Еўропе» з Камюніке аб канферэнцыі кіраўнікоў трох дзяржаў: Злучаных Штатаў Амерыкі, Савецкага Саюза і Вялікабрытаніі (па выніках Крымскай канферэнцыі 11 лютага 1945 г.), «Акт аб ваеннай капітуляцыі германскіх узброеных сіл. Берлін. 8 мая 1945 г.»).

Такім чынам, вучні і студэнты маюць усе неабходныя дыдактычныя матэрыялы для высновы аб тым, што Вялікая Перамога мае сусветна-гістарычнае значэнне, за якую савецкі народ, у тым ліку беларусы, заплацілі вельмі высокую цану.

Навечна ў памяці народнай

Як адзначалася вышэй, новым у вучэбным дапаможніку з’яўляецца заключны параграф – «Памяць пра вайну» [1–2, с. 243–248; 4, 244–256; 5, с. 243–248]. Значна ўзбагачае ўяўленні пра трагічныя і гераічныя гістарычныя падзеі візуальны матэрыял, які шырока прадстаўлены на старонках параграфа ў колькасці 22 адзінак (галоўным чынам здымкі, малюнкi, факсімільныя адбіткі кніг). Аўтары ўвялі гэту тэму ўпершыню, надаючы вялікую павагу тым, хто даў пасляваенным пакаленням людзей жыцц пад мірным і свабодным небам. Апроч таго захавання ў гістарычнай памяці патрабаваў і ўнікальны характар такой гістарычнай падзеі, як Вялікай Айчыннай вайна. Адной з першых задач, якую вырашалі ў пасляваенным жыцці, было ўшанаванне памяці загінуўшых. На месцах баёў, памятных ваенных падзей і брацкіх магіл, як на тэрыторыі былога СССР, так і краін Еўропы, устаноўлены больш за 70 тыс. помнікаў.

На тэрыторыі сённяшняй Беларусі ўзведзены звыш 8,5 тыс. мемарыялаў, помнікаў і насыпаных рукамі людзей Курганоў Славы. На тысячах помнікаў і абеліскаў высечаны прозвішчы загінуўшых герояў – воінаў Чырвонай арміі, партызан і падпольшчыкаў. За праяву масавага гераізму і мужнасць у барацьбе

супраць нямецка-фашысцкіх агрэсараў 12 гарадам Савецкага Саюза прысвоена ганаровае званне горада-героя. Гэта – Ленінград, Валгаград (былы Сталінград), Севастопаль, Адэса, Кіеў, Масква, Мінск, Мурманск, Керч, Новарасійск, Тула, Смаленск. У 1971 г. званне крэпасць-герой атрымала Брэсцкая крэпасць.

Няма ў Беларусі такога кутка, які б не стаў месцам здзяйснення народнага подзвігу. І няма месца, дзе не шанавалі б гэтыя подзвігі. Абеліскі і помнікі, мемарыяльныя комплексы, Курганы Славы – каля падножжа многіх з іх гарыць Вечны агонь. Яны раскрываюць веліч подзвігу людзей ў імя свабоды і незалежнасці Радзімы, з’яўляюцца часткай духоўнага жыцця нашага грамадства.

Да ліку найбольш значных мемарыяльных комплексаў адносіцца перш за ўсё Брэсцкая крэпасць-герой, якая ўвекавечвае памяць пра подзвіг, здзейснены абаронцамі ў чэрвені–ліпені 1941 года. Кампазіцыйным цэнтрам ансамбля з’яўляецца манумент «Мужнасць» і 100-метровы штык-абеліск. З манументам аргагічна звязаны трыбуна і некропаль, дзе пахаваны астанкі 850 абаронцаў крэпасці. Сотні тысяч людзей з усяго свету едуць сюды, каб ушанаваць бессмяротны подзвіг герояў, сярод якіх былі такія нашы землякі, як палкавы камісар Ф. М. Фамін і капітан У. В. Шаблоўскі.

У 1954 г. у цэнтры Мінска ўзведзены Манумент Перамогі, які сімвалізуе перамогу савецкага народа над фашысцкай Германіяй. Сусветную вядомасць атрымаў мемарыяльны архітэктурна-скульптурны комплекс «Хатынь», які за савецкі час штогод наведвалі каля 1,5 млн чалавек. Ён створаны ў Лагойскім раёне Мінскай вобласці як сімвал ушанавання памяці жыхароў вёскі Хатынь, а таксама іншых беларускіх вёсак, спаленых гітлераўскімі варварамі разам з жыхарамі ў 1941–1944 гг. Тут на Могілках вёсак – 185 урнаў з зямлёй, прывезенай з тых вёсак Беларусі, што былі спалены разам з людзьмі і пасля не адноўлены. Побач – сімвалічнае Дрэва жыцця са спісам 433 беларускіх вёсак, знішчаных разам з жыхарамі і адроджанымі пасля вайны. У цэнтры мемарыяльнага комплексу ўзвышаецца бронзавая скульптура «Няскораны чалавек», што выяўляе апошняга жыхара Хатыні з забітым хлопчыкам на руках. На брацкай магіле ляжыць Вянок памяці з белага мармуру са словамі наказу мёртвым жывым. З другога боку Вянка памяці – адказ жывых загінуўшым. Комплекс уключае сцяну Жалобы вязняў фашысцкіх концлагераў, на мемарыяльных плітах якой – назвы 66 найбольш буйных лагераў смерці і месцаў масавай згубы мірных грамадзян і ваеннапалонных на тэрыторыі Беларусі [15].

Мемарыяльны комплекс Азарычы створаны на месцы лагера смерці каля гарадскога пасёлка Азарычы (Калінкавіцкі раён), куды па загадзе нямецкага камандавання пад выглядам эвакуацыі было кінута ў пачатку сакавіка 1944 г. больш за 50 тыс. савецкіх грамадзян. Да дня вызвалення 18–19 сакавіка ў жывых засталася 33 480 чалавек, з іх дзяцей да 13 гадоў – 15 960.

Адным з самых новых месцаў ушанавання памяці еўрапейскага маштабу, падрыхтаваных па даручэнні Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка, з’яўляецца мемарыяльны комплекс «Трасцянец», створаны на працягу апошніх гадоў і адкрыты з удзелам высокіх асоб нашай дзяржавы і іншых дзяржаў свету.

У ім ушаноўваецца памяць пра 206,5 тыс. ахвяр нацысцкага тэрору, у тым ліку грамадзянскага насельніцтва, ваеннапалонных, удзельнікаў патрыятычнага падполля, вязняў лагераў і мінскага гета, яўрэяў, дэпартаваных з краін Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі [16].

У Беларусі створана шмат мемарыяльных комплексаў, якія ўвекавечваюць подзвігі савецкіх воінаў і партызан. Гэта – мемарыялы воінскай славы, Курган Славы – вызваліцельніцы Беларусі на 21-м кіламетры шашы Мінск–Масква каля вёскі Слабада ў гонар подзвігу воінаў 1, 2, 3-га Беларускіх і 1-га Прыбалтыйскага фронтоў, якія вызвалялі Беларусь летам 1944 года. У кожным раённым цэнтры, у многіх вёсках, у большасці цэнтральных сядзіб узведзены помнікі землякам, на якіх навечна высечаны прозвішчы загінуўшых у гады Вялікай Айчыннай вайны. Яны – даніна памяці ўдзячнага беларускага народа.

Важнай навуковай і культурнай установай з’яўляецца Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, адкрыты ў Мінску 22 кастрычніка 1944 года. [17]. На працягу ўсёй сваёй гісторыі ён выконвае і працягвае выконваць сваю высокую місію па захаванні памяці аб Вялікай Перамозе над германскім фашызмам. Да 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў у Мінску быў адкрыты новы музей, будаўніцтва якога пачалося з закладкі капсулы Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка 24 красавіка 2010 года. У 10 экспазіцыйных залах прадстаўлена звыш 8 тысяч экспазіцыйных матэрыялаў, агульная колькасць якіх у фондах музея складаецца з 28 калекцый і налічвае звыш 144 тысяч адзінак захавання.

Завяршае экспазіцыю музея зала Перамогі, у якой спалучаны Памяць і Слава пра подзвіг народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. На мармуровых плітах высечаны імёны больш 2-х тыс. байцоў і камандзіраў Чырвонай арміі і другіх вайсковых фарміраванняў, падпольшчыкаў і партызан – Герояў Савецкага Саюза, сярод іх беларусы і ўраджэнцы Беларусі, прадстаўнікі іншых нацыянальнасцей. Адным з першых беларусаў, хто атрымаў высокае званне Героя, быў танкіст П. Е. Купрыянаў – актыўны ўдзельнік вайны ў Іспаніі. За мужнасць, праяўленую ў баі пад Мадрыдам, ён 31 снежня 1936 г. пасмяротна ўдастоены звання Героя Савецкага Саюза. Першым у Савецкім Саюзе двойчы Героем стаў лётчык беларус С. І. Грыцавец, які ў 1939 г. за выкананне асобнага дзяржаўнага задання і за ўдзел у баях з японскімі захопнікамі на рацэ Халхін-Гол атрымаў дзве Залатыя Зоркі. У жніўні 1941 г. Героямі сталі народныя мсціўцы Беларусі, арганізатары і кіраўнікі аднаго з першых партызанскіх атрадаў – Ц. П. Бумажкоў і Ф. М. Паўлоўскі.

У Зале Перамогі залатымі літарамі ўпісаны назвы часцей і злучэнняў 1, 2, 3-га Беларускіх і 1-га Прыбалтыйскага фронтоў, партызанскіх атрадаў і брыгад, якія ўдзельнічалі ў вызваленні нашай зямлі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў у гады Вялікай Айчыннай вайны.

Па ліку ахвяр Другая сусветная вайна не ведае сабе роўных у гісторыі: яна ўнесла жыцці 60 млн чалавек. Страты Савецкага Саюза складалі 26,6 млн чалавек. На тэрыторыі Беларусі было загублена больш 2357 тыс. мірных жыхароў і ваеннапалонных [17, с. 24].

Вялікая ўвага надаецца духоўнай памяці. Выдатным помнікам подзвігу нашага народа з'яўляецца 146-томнае выданне гісторыка-дакументальных хронік «Памяць», якое выдаецца з 1985 г. па рашэнні ўрада рэспублікі. Айчынныя гісторыкі апублікавалі каля 12 тысяч работ. Галоўнай скарбонкай народнай памяці пра вайну з'яўляюцца архівы. Падзеі Вялікай Айчыннай вайны знайшлі адлюстраванне таксама ў мастацкай літаратуры, кінафільмах, музычных творах, выяўленчым мастацтве. Адною за важных задач застаецца фарміраванне сучаснай культуры памяці ў Беларусі.

Адзначым, што самастойная праца школьнікаў і студэнтаў з дадатковымі матэрыяламі і візуальнымі крыніцамі садзейнічаюць фарміраванню крытычнага аналізу, лагічнага мыслення, сінтэзу і абагульнення фактаў. Моладзь выпрацоўвае ўласную пазіцыю ў адносінах да гістарычных падзей, удасканальваючы свае ўмення па авалоданні неабходнымі гістарычнымі ведамі аб гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, а таксама аб Вялікай Перамозе.

Заклучэнне. Вырашэнне трыадзінай метадалагічнай задачы на старонках вучэбнага дапаможніка «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» паказвае, што: 1) важнасць і складанасць тэмы патрабуе выкарыстання розных кампанентаў вучэбнага, выхаваўчага і грамадскага характару; 2) у фокусе вырашэння галоўных дыдактычных задач трывала знаходзіцца выхаванне і развіццё маладой асобы; 3) вылучаныя матэрыялы спрыяюць развіццю гістарычнага мыслення моладзі, заахвочваюць яе да комплекснага аналізу гістарычных падзей вайны, асабліва гісторыі Вялікай Перамогі; 4) праблемны падыход стварае найбольш спрыяльныя ўмовы для фарміравання і развіцця вучэбна-пазнавальных і даследчых кампетэнцый вучняў і студэнтаў праз выкананне імі розных задач самастойнай работы; 5) на кожным занятку па гісторыі і пры правядзенні самастойнай работы з гістарычнымі матэрыяламі вучні і студэнты атрымліваюць магчымасць не толькі набываць гістарычныя веды, але і выкарыстоўваць іх на практыцы, у тым ліку ў нестандартных сітуацыях пры вырашэнні актуальных інфармацыйных задач. Усё гэта садзейнічае не толькі адукацыйнаму развіццю сучаснай беларускай моладзі, але і спрыяе фарміраванню ў яе патрыятызму, нацыянальнай самасвядомасці, грамадзянскасці, гонару за сваю краіну і любові да сваёй малой і вялікай Радзімы – суверэннай Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): Вучэб. дапам. для 11-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з бел. мовай навучання з 11-гадовым тэрмінам навучання / А. А. Каваленя, М. А. Краснова, У. І. Лемяшонак і інш.; Пад рэд. А. А. Кавалені, М. С. Сташкевіча. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2004. – 231 с.

2. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А. А. Коваленя [и др.]. ; под ред. А. А. Ковалени, Н. С. Сташкевича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2004. – 231 с.

3. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксте Другой сусветнай вайны): Вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / А. А. Каваленя, У. І. Лемяшонак, Б. Дз. Далгатовіч і інш.; Пад рэд. А. А. Кавалені, М. С. Сташкевіча. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2004. – 279 с.

4. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие / сост. А. А. Коваленя [и др.]; под. ред. А. А. Ковалени и Н. С. Сташкевича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2005. – 271 с.

5. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А. А. Коваленя [и др.]. ; под ред. А. А. Ковалени, Н. С. Сташкевича. – 2е изд., испр. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 231 с.

6. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : хрестоматия : пособие для учащихся 11-го кл. / сост. А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. И. Лемешонок, С. Е. Новиков; науч. ред. А. А. Коваленя. – Минск : Белор. наука, 2008. – 350 с.

7. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.

8. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – 300 с.

9. *Коваленя, А. А.* Беларусь в Великой Отечественной войне: героизм, трагедия, подвиг / А. А. Коваленя // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы) : материалы V Междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.) / сост. А. А. Коваленя, В. В. Данилович, М. Г. Жилинский; редсовет: О. А. Чубарьян [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 6–28.

10. *Краснова, М. А.* Изучение Второй мировой и Великой Отечественной войн в школах Беларуси / М. А. Краснова // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы) : материалы V Междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.) / сост. А. А. Коваленя, В. В. Данилович, М. Г. Жилинский; редсовет: О. А. Чубарьян [и др.]. – Минск : Беларус. Навука, 2010. – С. 154–162.

11. *Литвин, А. М.* Вклад белорусского народа в разгром нацистской Германии / А. М. Литвин // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы) : материалы Междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.) / сост. А. А. Коваленя, В. В. Данилович, М. Г. Жилинский; редсовет: О. А. Чубарьян [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 167–174.

12. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 495 с.

13. Этот день мы приближали как могли...: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.): в. 2 ч. / редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Ч. 1. – 517 с.

14. Этот день мы приближали как могли...: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.): в. 2 ч. / редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Ч. 2. – 322 с.

15. Хатынь. Трагедия и память : док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2009. – 272 с.

16. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.] ; редкол. : В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 520 с.

17. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Буклет. – Минск : БГМИВОВ, 2014. – 30 с.

Г. Польш

МЫСЛИТЬ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЯХ: «МАССИВ ИМЕН» КАК МЕМОРИАЛ «АВСТРИЙСКИМ ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА»

Мемориальный комплекс «Тростенец» (Малы Трасцянец – белорус.) включает три памятных места: рабочий лагерь, урочище Благовщина (Благаўшчына) и урочище Шашковка (Шашкоўка), посвященных памяти от 40 000 до 546 000 человек, уничтоженных немцами в период между 1941 и 1944 гг. Среди убитых здесь были местные и депортированные из Центральной Европы евреи, партизаны и подпольщики, мирные жители и военнопленные [1, S. 770; 2, S. 227; 3, S. 140; 4, с. 100; 5, с. 25]. На территории мемориала находятся многие, частично независимые друг от друга, памятники, созданные при инициативе и с привлечением различных национальных и международных участников. В фокусе нашего исследования находится самый последний памятник – «Массив имен» (Massiv der Namen).

«Массив имен» посвящен почти десяти тысячам «австрийских» евреев, депортированных 10 транспортами из Вены в Минск и Малый Тростенец и там убитых. Как памятник жертвам национал-социализма он был финансируван из средств Федерального правительства Австрии и Национального фонда Республики Австрия и официально открыт в марте 2019 г. [6]. С инициативой по созданию памятника представителям еврейского населения сегодняшней Австрии выступила гражданка Вены Вальтрауд Бартон и ее организация ИМ-МЕР (ИМ-МЕР: инициатива Мальвина – помнить Малый Тростенец). Во время исследования истории своей семьи Бартон обнаружила, что первая супруга ее дедушки, Мальвина Бартон, вместе

с близкой родственницей ее мамы были вывезены из Вены в Малый Тростенец и убиты [7, S. 29]. В начале 2009 г. она впервые посетила Республику Беларусь и определила, что «НИЧЕГО [так выделено в оригинале], абсолютно ничего не напоминает о многих австрийских еврейках и евреях, убитых там национал-социалистами» [7, S. 36]. 8 мая 2010 г. Бартон создала организацию ИМ-МЕР с единой целью – хранить память об убитых «австрийцах» и определить место Малого Тростенца в коллективной памяти Австрии [8, S. 2]. С 2010 г. ИМ-МЕР организует регулярные поездки в Минск. Имевшая место мемориализация, когда развешивались на деревьях в урочище Благовщина желтые таблички с именами и датами жизни тех, кто был депортирован из сегодняшней Австрии, началась без согласования с белорусскими органами власти. В последние годы к этой инициативе по созданию «леса табличек» присоединились другие организации: в результате рядом с желтыми табличками из Австрии сегодня в урочище Благовщина можно найти белые таблички и листы, которые укрепляют на деревьях представители местных организаций, школ и другие жители. Эти таблички напоминают в Благовщине о местных жертвах: еврейском населении, партизанах, мирных жителях, красноармейцах.

От идеи к памятнику

В 2013 г. Бартон был проведен публичный конкурс идей «вернуть убитым их имена», в ходе которого шел поиск «решений для будущего памятника свыше 13 тысячам австрийских убитых» [9, S. 1] в Малом Тростенце под общим названием. Профессиональное жюри конкурса поддержало проект «Камни и земля для 13 000», авторы которого представляли содружество художницы К. Струбер и архитектора К. Грубера (struber_gruber)¹: они видели стилизованный холм, насыпанный горстями для каждого из 13 тысяч убитых. Идея проекта предполагала непосредственное участие австрийских граждан: близкие убитых или шефы (в случае отсутствия родственников) должны были лично выгравировать на каждом сыром, необожженном кирпиче имена убитых. Кирпичи следовало доставить в Малый Тростенец. На месте из тысяч горстей земли должен возникнуть холм высотой 6 м и диаметром 70 м, обнесенный внешней кирпичной стеной округлой формы, состоящей из кирпичей памяти с именами убитых, замурованных со смещением внутрь, которые бы образовывали открытый кверху купол [9, S. 2].

Через собственноручное написание имен австрийскими гражданами должна быть создана прямая связь «между теми, кто сегодня живет в Вене, и теми, кто был исключен из венского общества и отправлен на смерть» [9, S. 3]. Не только убитые, но также и ответственность граждан за депортации и уничтожение могут быть таким путем возвращены в австрийское общество [9, S. 2].

¹ Название происходит от фамилий художника Катарины Штрубер и архитектора Клауса Грубера.

Путем такой акции с подписями и подачи заявки в 2015 г. в Национальный совет организация ИМ-МЕР требовала от Федерального правительства «разрешить создание памятника для австрийских жертв Шоа в Малом Тростенце» [8, S. 2]. 19 декабря 2017 г. было принято окончательное решение 1-го Совета министров об инициировании строительства памятника. Тогда же Федеральный канцлер С. Курц, а также бывший вице-канцлер Х.-Х Штрахе озвучили в общем сообщении актуальность такого памятного места для «австрийских жертв» [10].

В соответствии с высказыванием Шелнбергера, это стало результатом переговоров канцелярии Федерального канцлера и австрийского посольства в Минске «с белорусскими партнерами» 29 января 2018 г. в Минской городской ратуше, где было принято решение о возведении памятного обелиска от имени Австрийской Республики с учетом того, что проект памятника будет одобрен Республикой Беларусь и он не будет содержать точных данных с именами и фамилиями [11, S. 15]. В связи с этим требованием теряла силу поддержанная ранее идея проекта с гравировкой именных кирпичей как основы памятника. Победители первого конкурса настоятельно просили о том, чтобы модифицировать проект памятника в соответствии с предложениями минского городского руководства [12, S. 27]. Был поддержан проект архитектора Даниэля Занвальда «Массив имен», состоявший из 10 рядом стоящих и образующих массив каменных колонн с выгравированными именами людей, депортированных из Вены [12, S. 27]. Разрешение минского городского руководства на новый проект было получено в марте того же года, а в следующем месяце проектно-консультативный совет поддержал возведение памятника [12, S. 27]. Символическая закладка камня на месте будущего мемориала произошла в июне 2018 г. с участием Федерального президента Австрии А. Ван дер Беллена, который посадил 3 деревца на территории рабочего лагеря во время торжественных мероприятий, связанных с открытием в урочище Благовщина второй очереди мемориального комплекса «Тростенец».

Памятник

Вертикально стоящие колонны в форме единого монолита хорошо видны с разных сторон. Чем ближе подходишь к нему, тем более очевидными становятся детали и фрагменты – вроде исторического приближения. Ни одна сторона этого на первый взгляд гомогенного массива не выделяется. Все равно, с какой стороны приближаться – или находиться на дорожках, или двигаться через луг – остается та же история [13].

Первоначальный проект архитектора Занвальда предусматривал использование натурального камня размерами 3,5 м высотой и 5,5 м в ширину, который стоит на основе такого же материала на большой земляной площадке. Таким образом должно определяться «конкретно ограниченное пространство», в центре которого камень или оптически, или механически прерывает дорогу через открытую территорию.

Посетитель вступает в осознанно ограниченный квадрат в этом большом ареале, полностью посвященный австрийским жертвам. Простое «фланирование» в этом случае невозможно, и возникает потребность в поиске ответов на вопросы об этом месте и его истории. Сооружение и установка памятника связывают Вену и Малый Тростенец и смещают таким образом направление транспортов из прошлого в настоящее [13].

Этот природный камень больше не должен казаться одним целым, а разрывается на десять одинаковых колонн, стоящих на одинаковом расстоянии друг от друга. Они призваны символизировать десять составов с депортированными евреями из Вены. Благодаря близкой установке не только обостряется взгляд на острые канты колонн, но становится возможен сквозной просмотр через такой составной памятник. К тому же, разрывные канты между ними показывают произвольное вырывание жертв из общества, просветы между колоннами продолжают взгляд посетителя вдаль – осознанный контрапункт к бесконечности колонн [13].

Почти что на уровне глаз посетителя в колонны встроена лента, где выгравированы 1 000 имен убитых – без определенного порядка, частично перенасыщено и с разрывом, без возможности сквозного чтения, но связывающие памятник в единое целое. Для приближающегося и обходящего вокруг памятника посетителя постоянно появляются новые имена, тогда как иные исчезают и «фрагментами обнажают память». Исключительное указание только имен, с одной стороны, соответствовало предложениям белорусской официальной стороны, которая запрещала указание на памятнике полных имен с фамилиями и датами жизни, с другой – позволяло архитектору Занвальду совсем иным образом интерпретировать прошлое. Сознательно выбирались лишь имена, поскольку они значили больше, чем фамилии для личных и жизненных связей между людьми. Так «Массив имен» становился местом для проекции индивидуальных историй со своими возможными ассоциациями касательно положения или возраста жертв. Из массы выделялись не отдельные персоны, так как одно и то же имя на деле носили многие люди [13].

При создании памятника Занвальд сотрудничал в проектно-художественном плане с местным скульптором К. Костюченко с перспективой реализации проекта в Минском скульптурном комбинате [12, S. 28]. От первоначально выбранного материала из натурального камня пришлось отказаться, поскольку он был бы заготовлен в районах, которые оказались под воздействием аварии на Чернобыльской атомной станции. В качестве альтернативного окончательного метода Занвальд принял решение использовать литые колонны из фибробетона. Хотя теперь отдельные составные части памятника больше не отвечали первоначальному замыслу проекта применения символически цельного материала, однако это мало заметно для посетителей, так как отдельные части не столь видны, а очевидно его единство.

Особенное внимание Занвальд посвятил расположению имен на колоннах: он исследовал биографии, семейные истории и социальные связи. В результате на памятнике увековечиваются выявленные имена всех депортированных из Вены с возможностью расположить их так, чтобы семьи находились рядом.

Десять темно-серых колонн возвышаются на краю покрытой плиткой «Дороги памяти». Несмотря на темный материал, остроконечные камни и заточенные сломы памятник излучает тепло и воздействует не в последнюю очередь посредством выгравированных имен. Частично выступающие из камня, частично находящиеся в нем имена создают единую личную связь с посетителями, встречающими десять тысяч убитых в прямом смысле слова на уровне глаз. Лежащие на противоположной стороне дороги мраморные плиты содержат название памятника и его посвящение на немецком, русском и белорусском языках «австрийским еврейкам и евреям», которые были депортированы из Вены и убиты в Тростенце при помощи «национал-социалистическим режимом террора». В то время как на памятнике очевидна национальная принадлежность жертв, это не происходит с убийцами. Остается не проясненным для посетителя и то, что не до конца проведенная дифференциация показывает без имен «национал-социалистический режим террора», представленный немцами или австрийцами.

Противоречия

Используемое ИМ-МЕР количество жертв

В заявках и сообщениях объединения ИМ-МЕР называются разные цифры депортированных, которым должен быть посвящен памятник: 10 000, 13 000 и 135 000 человек.

Точное количество убитых в Малом Тростенце жертв невозможно установить из-за отсутствия источников. Оценки расходятся от 40 000 – 60 000 (Герлах, Рентроп, Долговский) до 206 500 – 546 000 (ЧГК). А. Долговский говорит об убийстве почти 40 000 человек, что можно доказать без особых сомнений [3, S. 140]. Почти 20 000 людей были депортированы из захваченных Германией стран Центральной Европы. По данным Герлаха [1, S. 752], а также Готвальда и Шулле [14, S. 91, 234], из Вены депортировали 9 496 человек. Эту цифру принимает также Рентроп [2, S. 171, 206]. Памятник, поставленный в 2009 г. от имени Австрийской Республики в ареале Минского гетто, посвящен «свыше 9 600 австрийских евреек и евреев», убитых между 1941 и 1944 гг. в гетто и в Малом Тростенце. На эту цифру ориентировалась также Бартон, когда в ноябре 2011 г. она была приглашена на конференцию под названием «Убиты в Малом Тростенце. Австрийские жертвы Шоа» и указала в своем выступлении число жертв «свыше 10 000» [15, S. 11]. В последующей публикации выступлений докладчиков она расширила цифру убитых до «по меньшей мере 13 500» [15, S. 11]. Основой для этого стали два специальных доклада.

Историк А. Готвальд привел в своем докладе логику транспортов из Вены в Минск с «не менее 10 476 евреями», которые были депортированы из Вены в Минск и Малый Тростенец [16, S. 51]. Из его доклада, опубликованного впоследствии, впрочем, не вытекает то, каким образом он получил эту цифру: из изученных им депортационных списков получается общая цифра в 9 496 человек из Вены.

Исследователь С. Стайбахер в своем докладе «Депортированы из Вены в Минск» указывает количество почти в 9 500 депортированных непосредственно из Вены [17, S. 37]. Она дополняет к этому, что в августе и сентябре 1942 г. «предположительно восемь транспортов с более чем 3 000 австрийских евреев» были отправлены из гетто Терезиенштадта в Минск/Малый Тростенец. В депортационных списках, использованных Готвальдом и Шулле, указаны только пять эшелонов в период с июля по сентябрь [18, S. 85]. Также историк Т. Федорович – научный сотрудник в мемориале Терезиенштадта – говорил на проведенной в 2013 г. конференции в ИББ Минск о пяти транспортах из Терезиенштадта, в которых «только 64 человека из числа депортированных происходили из Германии или Австрии» [19, S. 39].

Вальтрауд Бартон касалась в последующих выступлениях, докладах и сообщениях принятой численности жертв от 13 000 до 13 500, например, на указанной выше конференции в Минске в марте 2013 г. [7, S. 29]. Это число было названо в конкурсном проекте о создании памятника и стало составной частью выигравшего проекта. В сообщении организации ИМ-МЕР от 8 июня 2015 г. [8, S. 2], в заключительном договоре 1760/A(E) о сооружении памятника от 16 июня 2016 г. [20], в докладе внешнеполитического Комитета о договоре от 27 сентября 2016 г. [21], также в докладе канцлера Курца и вице-канцлера Штрахе на заседании 1-го Совета министров от 18 декабря 2018 г. снова используется, между прочим, численность в 10 000 «австрийских жертв» [22]. Также реализованный проект памятника «Массив имен» касается содержательно исключительно 10 транспортов из Вены и депортированных в них. Другие евреи, происходившие из Австрии, но депортированные не из Вены, не находят больше упоминания.

Историческое место

«Массив имен» размещается на «президентской стороне» [11, S. 15] на территории бывшего рабочего лагеря, что не является историческим местом уничтожения депортированных из Вены. Большинство людей не могло оказаться на бывшей территории лагеря: в 1941 г. они находились в Минском гетто, а с 1942 г. их расстреливали в лесу Благовщины или по пути туда отравляли газом в специальных автомобилях. «Массив имен» находится на расстоянии трех километров от места первой мемориализации депортированных из Вены жертв – «леса памятных табличек» в Благовщине. Выбор места для памятника на бывшей территории лагеря не имеет смысла и с исторической перспективы. Белорусский историк С. Новиков видит в этом политическое решение и приходит к критическому выводу: «здесь вместе не работают политика и история» [23].

Дискуссия

Памятник «Массив имен» посвящен депортированным из Вены евреям, которые составляют почти 10 000 из не менее 40 000 жертв Малого Тростенца. Он должен фигурировать как могила и имеет целью освобождение из неведения депортированных из Вены евреев, назвав их по именам, и представлять мемориал, который, с одной стороны, будет напоминать исключительно о жертвах одной национальности, а с другой – классифицировать еврейских жертв как австрийских граждан. «Массив имен» представляет таким образом национализацию памяти о Шоа. Связь с национально-государственным контекстом остается непоследовательной, так как памятник посвящен тем, кто был депортирован только из Вены. Иные «австрийские» евреи, кто был доставлен в Минск или Малый Тростенец из других городов или же из гетто Терезиенштадта, не учитываются концепцией создания и исключаются.

Памятник основан на личных воспоминаниях и может быть местом скорби. Озвучивая имена, посетители узнают прежде всего о большом количестве убитых. Кроме того, именное напоминание позволяет совершить иерархию среди жертв, происхождение которых из Шоа можно найти самостоятельно: на основе скрупулезного ведения учетных депортационных листов немецкими убийцами можно частично узнать имена и даты жизни депортированных из стран Центральной Европы. Но местные жертвы не нашли отражение в них. Уничтожение местного населения происходило чаще всего беспорядочно и хаотично. В то время, когда западноевропейские, «австрийские» евреи свое достоинство в смерти смогли отстоять благодаря памятнику, исключается мемориал для всех тех, имена которых остаются неизвестными, и которые не располагают поддержкой тех, кто о них хочет хранить память. Этим инициаторы памятника закрепляют также неравенство, которое в отношении постсоветских/белорусских и западноевропейских исторических исследований остается до настоящего времени: проводимые в Германии и Австрии, в первую очередь финансируемые, научно-исторические исследования позволяют возратить имена жертвам и их увековечить. В Беларуси пока не наблюдается интереса к исторической разработке места или памяти о местных еврейских жертвах. С созданием «Массива имен» пока никто не выступил с инициативой по преодолению этой исторической проблемы. 22 февраля 2019 г. в Белорусской академии искусств состоялось мероприятие под названием «Создание памятника Массив имен для Тростенца», где шла дискуссия и были собраны предложения. Минский архитектор и создатель памятника «Последний путь» Г. Левина высказала предложение о том, чтобы рядом с «Массивом имен» расположить «Массив неизвестных имен», чтобы увековечить память о всех тех, имена которых не возможно восстановить в связи с уничтожением информации или ее отсутствием [24, S. 128]. Он мог бы служить памятником для всех неизвестных жертв и стать выходом из проблемы категоризации жертв. До настоящего времени эта инициатива не была обсуждена среди австрийских заинтересованных лиц.

На этом мероприятии искусствовед К. Кенигсберг заметила, что «Массив имен» мог бы служить памятником и могильной плитой для всех других еврейских жертв, если бы здесь среди других находились имена белорусских, немецких или чешских евреев [24, S. 128]. Впрочем, такая интерпретация была опровергнута в объяснениях архитектора Занвальда: в своей дизайнерской идее и ее реализации обсуждение не касалось депортированных из других мест кроме Вены. Стилизованное представление десяти колонн, которые символизируют 10 транспортных составов из Вены в Минск/Малый Тростенец, создают прямую связь между памятником и Веной. Занвальд пишет, что каменный «квадрат», на котором стоит памятник, является «единственным посвящением австрийским жертвам» [13]. Последующее обдуманное включение других жертв, имена которых не играли никакой роли в процессе принятия решений и сооружении памятника, можно оценить как попытку интернационализировать содержание памятника задним числом. Первоочередная мысль, повторяемая не раз на торжественном открытии, сводилась к созданию на белорусской земле исключительно национального австрийского памятного места. Через «Массив имен» Австрия упоминается в первую очередь как нация жертв – миф, который представляет республику как первую жертву национал-социалистического германского рейха и имеет в Австрии долгую традицию [25].

Обмен, состоявшийся между правительствами Австрии и Беларуси в связи с планированием и возведением памятника, разрешает белорусскому Президенту Лукашенко вступить в кооперацию со странами Европейского союза и приблизиться к Европе на дипломатическом уровне. По мнению исследователя М. Валигорска, белорусское правительство использует памятные мероприятия для внешнеполитических целей [26, S. 88]. Церемония открытия проходила в старосоветских традициях, характерных для государственной культуры памяти Беларуси: австрийский канцлер Курц и белорусский Президент Лукашенко прошли к микрофонам через шеренгу людей в форме и солдат с оружием и стали перед государственными флагами. Белорусский Президент не упомянул в своей речи ни одним словом о еврейских жертвах, в то время как говорил в общем о значении освобождения Беларуси «от коричневой чумы», а также о памяти жертв, отдавших жизни за свободу родины [27]. Он следовал таким образом как в высказываниях, так в практике присутствующих людей в форме и вооруженных солдат бывшим традициям памяти постсоветской Беларуси: в советской практике евреи были проигнорированы как отдельная группа жертв и условно включались в категорию советского или белорусского гражданского населения. В таком контексте Малый Тростенец показан как основное место национальной белорусской трагедии. Произнесенная речь контрастировала с хорошо известными историческими фактами, а высказывания исключали еврейских жертв из сооруженного памятника.

В публикации, подготовленной ИББ Дортмунд по результатам состоявшейся в Минске в 2013 г. специальной конференции «Место уничтожения Тростенец в европейской культуре памяти», тогдашний немецкий посол в Беларуси Вольфрам Маас обратился с просьбой «не различать в ходе дискуссий, откуда пришла жертва [...], а свято помнить в равной степени всех

безвинно убитых» [28]. Важно помнить о жертвах Шоа, вспоминать их имена и возводить достойные и утешающие места памяти, тогда как мемориализация в национальных категориях исключает безымянных жертв и обосновывает иерархизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, 1998. – 1232 S.

2. *Rentrop, P.* Tatorte der “Endlösung”. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : Metropol, 2011. – 256 S.

3. *Dalhouski, A.* Zur Geschichte der Wahrnehmung des Vernichtungsortes Malyj Trostenez / A. Dalhouski // Leerstelle(n)? Der deutsche Vernichtungskrieg 1941–1944 und die Vergegenwärtigungen des Geschehens nach 1989. / Klei, Alexandra; Stoll, Kathrin (Hg.). – Berlin : Neofelis, 2019. – S. 137–152.

4. Акт минской областной комиссии ЧГК СССР о преступлениях гитлеровцев в окрестностях деревни Малый Тростенец. 25.7.1944 // Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – С. 97–100.

5. *Новікаў, С.* Урочышча Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі Беларусі / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 10. – С. 21–27.

6. «Массив имен»: как открывали мемориал в Тростенце [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik.by/video/20190328/1040626813/Massiv-imen-kak-otkryvali-memorial-v-Trostentse--video.html>. – Дата доступа : 09.07.2020.

7. *Barton, W.* Der Vernichtungsort Maly Trostenez und seine Bedeutung für Österreich / W. Barton // Der Vernichtungsort Trostenez in der europäischen Erinnerung. Materialien zur Internationalen Konferenz vom 21–24. März in Minsk / Junge-Wentrup, Peter (Hg.). – Dortmund : IBB, 2013. – S. 29–38.

8. Parlamentarische Bürgerinitiative betreffend: Errichtung und Finanzierung eines Grabmals für die Opfer von Maly Trostinez [Электронный ресурс]. – 73/BI XXV. – S. 2. – Режим доступа : www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXV/BI/BI_00073/imfname_422734.pdf [9.7.2020]. – Дата доступа : 09.07.2020.

9. Presseaussendung zum Endergebnis des Wettbewerbs Den Toten ihre Namen geben [Электронный ресурс]. – S. 1. – Режим доступа : www.waltraud-barton.at/immer/img/presseaussendung_wettbewerb.pdf. – Дата доступа : 09.07.2020.

10. Beschlussprotokoll des 1. Ministerrates v. 19.12.2017. 24. Gemeinsamer Bericht des Bundeskanzlers und des Vizekanzlers, Zahl 351.000/0033-I/4/17, betreffend Gedenkstätte Maly Trostinez [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.bundeskanzleramt.gv.at/bundeskanzleramt/die-bundesregierung/ministerrats-protokolle/ministerratsprotokolle-der-xxvi-regierungsperiode-2017-2018/beschlussprotokoll-des-01-ministerrates-vom-19-dezember2017.html?lang=en. – Дата доступа : 09.07.2020.

11. *Schölnberger, P.* Ein österreichisches Denkmal in Belarus // Das Massiv der Namen. Ein Denkmal für die österreichischen Opfer der Shoa in Maly Trostinec / Hrsg. von P. Schölnberger. – Wien : Czernin Verlag, 2019. – 12–19 S.

12. *Sanwald, D.* Das Massiv der Namen. Ein Gedenkstein für die österreichischen Opfer der Shoa in Maly Trostinec / D. Sanwald // Das Massiv der Namen. Ein Denkmal für die österreichischen Opfer der Shoa in Maly Trostinec / Hrsg. von P. Schölnberger. – Wien : Czernin Verlag, 2019. – S. 22–33.

13. Das Massiv der Namen – Entwurf [Электронный ресурс]. – Режим доступа: danielsanwald.com/das-massiv-der-namen-entwurf. – Дата доступа: 09.07.2020.

14. *Gottwald, A.* Die Judendeportationen aus dem Deutschen Reich von 1941–1945. Eine kommentierte Chronologie / A. Gottwald, D. Schulle. – Wiesbaden: Marix Verlag, 2005. – 509 S.

15. *Barton, W.* Vorwort / W. Barton // Ermordet in Maly Trostinec. Die österreichischen Opfer der Shoah. Konferenz-Beiträge [...] zu “Maly Trostinec erinnern”, 28.–29. November 2011. Wien Museum. – Wien : New Academic Press, 2012. – S. 11–18.

16. *Gottwald, A.* Logik und Logistik von 1 300 Eisenbahnkilometern / A. Gottwald // Barton, Waltraud (Hg.): Ermordet in Maly Trostinec. Die österreichischen Opfer der Shoah. Konferenz-Beiträge [...] zu «Maly Trostinec erinnern», 28–29. November 2011, Wien Museum. – Wien : New Academic Press, 2012. – S. 39–56.

17. *Steinbacher, S.* Deportiert von Wien nach Minsk / S. Steinbacher // Barton, Waltraud (Hg.): Ermordet in Maly Trostinec. Die österreichischen Opfer der Shoah. Konferenz-Beiträge [...] zu «Maly Trostinec erinnern», 28–29. November 2011, Wien Museum. – Wien : New Academic Press, 2012. – S. 19–38.

18. *Moser, J.* Österreich / J. Moser // Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus / Hrsg. von Wolfgang Benz. – Berlin : De Gruyter, 1991. – S. 67–94.

19. *Fedorovič, T.* Vernichtungsstätte Malyj Trostenez und die Juden aus dem Ghetto Theresienstadt / T. Fedorovič // Der Vernichtungsort Trostenez in der europäischen Erinnerung. Materialien zur Internationalen Konferenz vom 21–24. März in Minsk / Junge-Wentrup, Peter (Hg.). – Dortmund: IBB, 2013. – S. 39–43.

20. Entschließungsantrag 1760/A(E) v 16.6.2016 der Abgeordneten Michael Pock, Karlheinz Kopf, Petra Bayr, MA, Dr. Harald Walser, Karl Öllinger, Kolleginnen und Kollegen betreffend Errichtung eines Denkmals für die aus Österreich stammenden Opfer bei Maly Trostinec [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXV/A/A_01760/imfname_539-949.pdf. – Дата доступа : 09.07.2020.

21. Bericht des Außenpolitischen Ausschusses über den Antrag 1760/A(E) der Abgeordneten Michael Pock, Karlheinz Kopf, Petra Bayr, MA, Dr. Harald Walser, Kolleginnen und Kollegen betreffend Errichtung eines Denkmals für die aus Österreich stammenden Opfer bei Maly Trostinec v. 27.9.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXV /I/I_01265/fname_562595.pdf. – Дата доступа : 09.07.2020.

22. Beschlussprotokoll des 1. Ministerrates v. 19.12.2017. 24. Gemeinsamer Bericht des Bundeskanzlers und des Vizekanzlers, Zahl 351.000/0033-I/4/17, betreffend Gedenkstätte Maly Trostinec [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bundeskanzleramt.gv.at/bundes-kanzleramt/die-bundesregierung/ministerratsprotokolle/ministerratsprotokolle-der-xxvi-regierungsperiode-2017-2018/beschlussprotokoll-des-01-ministerrates-vom-19-dezember-2017.html?lang=en>. – Дата доступа : 09.07.2020.

23. Интервью с белорусским историком Сергеем Новиковым 08.07.2020 // Личный архив видеоматериалов Гундулы Поль за 2020 г.

24. *Dalhouski, A.* Zur Transformation des sowjetischen Gedenkortes bei Malyj Trostenez in einen gesamteuropäischen Erinnerungsort / A. Dalhouski // Das Massiv der Namen. Ein Denkmal für die österreichischen Opfer der Shoa in Maly Trostinec / A. Dalhouski; Schönberger, Pia (Hg.). – Wien: Czernin Verlag, 2019. – S. 114–129.

25. *Uhl, H.* Das „erste Opfer“. Der österreichische Opfermythos und seine Transformationen in der Zweiten Republik / H. Uhl // ÖZP. – 2001. – № 30. – S. 19–34.

26. *Waligórska, M.* Pamjác‘ pra chalakost: na linijach razlomaŭ mamiz uschodne- i zachodneeŭrapejskaj kulturami pamjaci. Novy memaryjal’ny kompleks u Trascjancy / M. Waligórska // ARCHE. – 2018. – № 3. – S. 80–96.

27. Лукашенко: бережное отношение к памяти о жертвах нацизма – часть нацидеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://sputnik.by/tags/creative-work_Memorialnyjj_kompleks_Trostenec. – Дата доступа : 09.07.2020.

28. *Maas, W.* Grußwort / W. Maas // Der Vernichtungsort Trostenez in der europäischen Erinnerung. Materialien zur Internationalen Konferenz vom 21–24. März in Minsk / Junge-Wentrup, Peter (Hg.). – Dortmund : IBB, 2013. – S. 6.

Пер. с немецкого языка С. Е. Новикова

О. В. Бригадина

ГРАБЕЖ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА А. РОЗЕНБЕРГА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

Оккупация в годы Великой Отечественной войны нанесла огромный урон культурному достоянию СССР. Выявление всех потерь до сих пор является сложной задачей, так как Чрезвычайной государственной комиссией, расследовавшей причиненный ущерб советскому народу, был составлен только общий список. Мы нуждаемся в обобщении и сравнительном изучении исследований по данной проблеме для возвращения утраченного, а также в воссоздании реальной картины о военных потерях в области культуры. До сих пор не выяснена информация о местонахождении многих культурных ценностей, незаконно вывезенных в годы войны с территории СССР немецко-фашистскими захватчиками.

Изучению вывоза и уничтожения культурных ценностей посвящены исследования, монографии и статьи. В советское время доступность информации по данной проблеме была ограниченной. Первым официальным документом, затронувшим проблему о необходимости оценки разрушения памятников культуры и истории, музеев и библиотек немецкими захватчиками на временно оккупированной территории СССР, было письмо Наркомата просвещения РСФСР от 3 февраля 1942 г. Нарком просвещения РСФСР В. Потемкин приказывает руководителям областей, освобожденных от захватчиков, создать комиссии, которые должны собрать информацию об уничтоженных памятниках культуры. Члены комиссии должны были собрать сведения, подготовить фотодокументы и акты о разрушении и разграблении архивов, музеев, библиотек и т.д., чтобы в будущем предъявить фашистам счет за уничтожение культурного наследия [1, с. 74]. Особого внимания заслуживает сборник материалов по Нюрнбергскому процессу. В 4-м т. в разделе «Разрушение и разграбление культурных ценностей» содержатся инструкции, указания, служебные записки, переписка и отчеты Оперативного штаба А. Розенберга, выступление помощника Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинского, в котором сформулированы цели немецко-фашистских захватчиков по разрушению культуры и изложены доказательства грабежа на основе актов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

На оккупированной территории СССР действовал ряд фашистских организаций, занимавшихся незаконным вывозом и уничтожением культурных ценностей. Особую роль в уничтожении, разграблении, конфискации и вывозе культурных ценностей с территории СССР, занятой противником, играл Оперативный штаб Розенберга, созданный по распоряжению А. Гитлера 5 июля 1940 г. [2, с. 13]. А. Розенберг (1893–1946) являлся одним из главных идеологов германского фашизма, который в 1941–1945 гг. возглавлял Министерство по делам восточных территорий [3, с. 23].

Информация об Оперативном штабе Розенберга основана на трофейных, рассекреченных документах архива Розенберга в Киеве, который в ходе успешного наступления советских войск в 1944 г. не был уничтожен немцами. Уникальность этого архива состоит в том, что в нем содержатся документы, которые позволяют ответить на многие вопросы о судьбе культурных ценностей и почти со стопроцентной достоверностью сообщить, кто, зачем и куда вывозил объекты культурного наследия. Изучение деятельности А. Розенберга на территории СССР дает возможность объективно оценить масштаб трагедии. Однако сначала следует сказать пару слов о человеке, который возглавлял Оперативный штаб, так как именно его деятельность нанесла огромный экономический и духовный ущерб СССР, который ощущается и сейчас, но уже на постсоветском пространстве. Об А. Розенберге было сказано, написано и изучено немало. В 1945 г. во время Нюрнбергского процесса им были написаны мемуары, сделанные во время процесса. Однако эта работа, изданная в 1940-х гг., была идеализирована комментаторами,

оставившими пояснительные записи. В 2013 г. в США был найден дневник, который А. Розенберг вел с 1934 г. Предполагается, что он был незаконно присвоен американским обвинителем Кемпнером. В 2015 г. дневник был переведен на русский язык и издан в России. Это личное сочинение Розенберга представляет интерес для историков постсоветского пространства, так как позволяет подробней изучить биографию нацистского преступника на основе его личных записей. Особенную важность представляют записи, сделанные Розенбергом на территории оккупированной СССР, где по отрывкам его сочинений можно представить, что было бы, если бы его планы по отношению к русским и украинским землям воплотились в жизнь [4, с. 25].

Указ о полномочиях Оперативного штаба Розенберга, изданный Гитлером, давал почти полную и неограниченную свободу действий: «Его штаб по руководству операциями на оккупированных территориях имеет право проверять библиотеки, архивы, масонские ложи и другие идеологические и культурные учреждения всех родов с точки зрения наличия в них соответствующих материалов и конфисковывать эти материалы для использования их при решении идеологических задач Немецкой национал-социалистической рабочей партии и в дальнейшем – в научных исследованиях Высшей школы». Эти задачи штаба были зафиксированы в распоряжениях А. Розенберга от 20 августа и 3 октября 1941 г. Приказом Гитлера от 1 марта 1942 г. штаб получил право на обследование культурных учреждений и конфискацию «подходящего материала», а уже к концу сентября 1942 г. это право распространилось и на музейные коллекции [5, с. 67].

Координацию деятельности отдельных подразделений осуществлял центральный штаб Розенберга, который находился в Берлине, а его филиалы в Минске, Риге, Киеве, Смоленске, Таллине, Симферополе и Ростове. Штабу были подчинены главные рабочие группы «Остланд», «Митте» и «Украина». Они же руководили более мелкими рабочими группами, которые относились к определенной территории. В состав главной рабочей группы «Остланд» входили рабочие группы «Ингерманланд», «Эстония», «Литва», «Латвия» и передовая команда «Петербург». Также активно действовали зондеркоманды «Новгород», «Псков», «Смоленск», «Ростов», «Горки», «Кавказ» и др. При исследовании ценностей все данные заносились в специальные карточки, которые являлись документами первичного учета, объединенные затем в картотеку Z. Далее конфискованные культурные ценности отправлялись в сборные пункты: в Киеве, Пскове, Таллине. Действия Оперативного штаба Розенберга на оккупированной территории были масштабными. «Только в октябре 1943 г. на Запад ушли, главным образом через Прибалтику и Восточную Пруссию, около 40 товарных вагонов, груженных произведениями искусства. До середины 1943 г. штаб Розенберга провел 2 256 акций на оккупированных территориях СССР: 375 – в архивах, 957 – в библиотеках, 531 – в институтах, 402 в музеях. Были похищены дорогостоящие экспонаты из музеев Киева, из картинной галереи Минска и Харькова, иконы и книги из Пскова и Новгорода» [6]. Лучшие культурные ценности, вывезенные с оккупированной территории СССР

под руководством Оперативного штаба, должны были экспонироваться в Линце. Отбором произведений руководил директор Дрезденской галереи Г. Поссе. Этот грабёж в документах именовался «миссия Линц». До 1944 г. «миссия Линц» доставила в Германию 137 вагонов с картинами, ювелирными украшениями, мебелью и предметами декоративно-прикладного искусства [7, с. 21].

Для того, чтобы проанализировать и охарактеризовать уровень организации немецких штабов, которые занимались вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий СССР, следует сказать, что кроме штаба Розенберга, этой деятельностью занимались и другие структурные единицы. При министерстве иностранных дел действовал батальон «Зондеркоманда Кюнсберга». Батальон Э. фон Кюнсберга имел свои представительства в Варшаве и в Риге, а с 1941 г. три из четырех рот были задействованы на территории СССР. С самого начала войны перед зондеркомандой ставилась задача вывоза документов политического характера, но уже к осени 1941 г. их цели были расширены. Вывозились библиотеки, архивы и документы государственной важности. В 1942 г. состоялась выставка «Образцы материалов, добытых специальной командой Кюнсберга при Министерстве иностранных дел в русской кампании». Значительную часть этой экспозиции составляли такие культурные ценности, как древние книги и предметы культа, вывезенные с оккупированной территории СССР. Еще одним конкурентом штаба Розенберга была группа армий «Север», в состав которой входил уполномоченный по «охране художественно-культурных ценностей» граф Э. Сольмас-Лаубах. Предполагается, что именно этот человек вывез с территории СССР огромное количество ценностей культуры, включая Янтарную комнату из Царского Села. С 1942 г. на территории СССР начала действовать группа «Аненээрбе» – подразделение Военного института Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков, включенного в состав СС в 1941г., структура «культурной деятельности СС». Эта группа занималась вывозом на территорию Германии археологических коллекций. Целью их деятельности было выявить следы проживания древних германцев на славянских землях и тем самым узаконить их захват. Рейхсмаршал Г. Геринг занимался отбором культурных ценностей для своей официальной резиденции в Каринхалле. Его подчиненные отбирали ценности, собранные штабом Розенберга и группой «Аненээрбе». Из его свидетельских показаний на Нюрнбергском процессе следует, что он владеет самой большой коллекцией в Германии, а в 1945 г. в Каринхалле обнаружили 409 ящиков с живописными полотнами, которые были вывезены из советских музеев [8, с. 21]. Кроме вывоза культурных ценностей официальными нацистскими организациями, существовал еще и личный грабёж. Множество культурных ценностей было разграблено офицерами и солдатами вермахта. Из свидетельских показаний А. Розенберга на Нюрнбергском процессе следует, что для вывоза культурных ценностей из СССР его штабу потребовалось 1 418 тыс. железнодорожных вагонов, а 427 т было вывезено морским транспортом. Материальный ущерб, который был

нанесен Германией СССР исчисляется в 2 600 млрд руб., но ущерб, причиненный духовной культуре, был гораздо больше и восполнить его почти невозможно [9, с. 20–21].

На оккупированной территории СССР действовали особые организации и подразделения фашистской Германии, которые занимались вывозом и уничтожением культурно-исторического наследия противника. Главной такой организацией был Оперативный штаб Розенберга. Целью вывоза культурных ценностей с оккупированных территорий являлась продажа награбленного на аукционах и личное обогащение нацистских преступников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пинегина, Л. А.* Художественная культура как фактор Великой Победы 1941–1945 / Л. А. Пинегина. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 259 с.
2. *Максакова, Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Максакова. – М., 1977. – 344 с.
3. *Зинич, М. С.* Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей / М. С. Зинич. – М., 2005. – 123 с.
4. *Аксенов, В. Е.* Сокровища Третьего Рейха. Судьба похищенных шедевров / В. Е. Аксенов. – СПб. : Питер, 2010. – 235 с.
5. *Васильченко, А. В.* Герольды «Наследия предков» / А. В. Васильченко. – М., 2011. – 113 с.
6. *Кантор, Ю. З.* Нацистские гражданские и военные структуры грабежа художественных ценностей России в годы Великой Отечественной войны / Ю. З. Кантор // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск : МДЛУ, 2013. – Вып. 11.
7. *Король, Э. Л.* Социально-культурная политика Республики Беларусь по возвращению культурных ценностей / Э. Л. Король // Весн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2013. – № 4. – С. 106–112.
8. *Зинич, М. С.* Реституция российских музейных ценностей в послевоенные годы / М. С. Зинич // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : материалы Междунар. науч. конф. 24–26 сент. 2009 г. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена. – Ч. 2. – 29 с.
9. Беларусь в Великой Отечественной войне 1941–1945: энциклопедия. – Минск, 1990. – 680 с.

И. Ю. Воронкова

УРОЖЕНЦЫ КИТАЯ В ВИТЕБСКОМ АНТИФАШИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ (1942–1943)

Появлению китайцев на белорусской земле предшествовал ряд исторических событий. Первая организованная волна переселенцев из Поднебесной в Российскую империю была отмечена в конце XIX в., когда многие китайцы,

гонимые голодом и безработицей, устремились на российский Дальний Восток и в Сибирь, трудились там по контрактам на золотых приисках, в портах, на строительстве железных и шоссейных дорог, работали в качестве прислуги.

В годы Первой мировой войны в связи с массовой мобилизацией в России стал ощущаться недостаток рабочей силы, особенно на строительстве железных дорог, добыче каменного угля, заготовке леса. Поэтому царское правительство сняло запрет на привлечение иностранцев к казенным работам и разрешило использование их трудовых ресурсов «в местностях Империи, расположенных к западу от Байкала, за исключением района военных действий» [1, с. 63]. Таким образом, в этот период, помимо Дальнего Востока и Сибири, китайцы уже проживали группами фактически на всей европейской части России.

Точное количество китайцев, находившихся в России накануне революционных событий 1917 г., неизвестно. После падения монархии Временное правительство, признанное Китайской Республикой, запретило дальнейшую вербовку и ввоз китайцев и приняло меры для репатриации примерно 1 тыс. человек. Советские власти до начала восстания Чехословацкого корпуса в Сибири в мае 1918 г., перекрывшего это направление, тоже успели репатриировать до 40 тыс. китайских граждан [1, с. 75]. Некоторые пытались выбраться из России самостоятельно, но их попытки, как правило, заканчивались неудачей.

После Октябрьской революции застрявшие в России китайцы оказались фактически безработными. Поэтому многие с готовностью откликнулись на идею советских властей, испытывавших крайнюю нужду в военной силе, использовать иностранных граждан, в качестве наемников в частях Красной Армии, но большей частью – во внутренних войсках, задачей которых была борьба с контрреволюционными выступлениями, а также несение охранной и конвойно-караульной службы.

Согласно данным 2016 г., приведенным Институтом Дальнего Востока Российской академии наук и Российским государственным архивом социально-политической истории, в 1917–1920 гг. в Советской России находились от 200 до 400 тыс. китайцев. Они составляли около 40 % от числа всех граждан стран Востока, сопредельных с Россией, или 10 % от всех иностранцев, пребывавших в то время на ее территории [2].

Абсолютное большинство иностранцев, включая китайцев, были демобилизованы из Красной армии и внутренних войск в течение 1921–1922 годов. Этот процесс осуществлялся приказами Реввоенсовета РСФСР сначала по желанию, но, поскольку увольнения желали немногие, позже он принял обязательный характер. В связи с тем, что в Китае по-прежнему было голодно, имела место безработица, шла перманентная гражданская война, мало кто из китайских иммигрантов, особенно бывшие красноармейцы и чекисты, стремились туда вернуться: помимо всего прочего, на родине они могли подвергнуться преследованию по политическим мотивам, так как Китайская Республика в то время еще не признала Советскую Россию (дип-

ломатические и консульские отношения с СССР были установлены только в 1924 г.). Поэтому основная масса китайских иммигрантов осела на советской земле, в том числе на территории БССР.

В 1920-е–1930-е гг. китайцы жили во многих городах и местечках Беларуси. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Минске, например, в это время проживали шестеро китайцев и две китайки [3, л. 164–170]. (Забегая вперед, заметим, что в ходе переписи населения Минска, проведенной немецкими оккупационными службами весной 1942 г., в городе было зарегистрировано три китайца) [4]. Но наиболее многочисленной была китайская колония на Витебщине. По состоянию на 1926 г. китайцы здесь составляли половину от всех 119 переселенцев из Китая, проживавших в БССР [5, с. 113].

Одной из малоизвестных страниц отечественной истории является участие китайцев в деятельности Витебского антифашистского подполья.

Борьба подпольщиков Витебска с врагом в целом получила известность в 1965 г., благодаря работе специально созданной Комиссии Витебского обкома КПБ по изучению городского подполья. Спустя почти два десятилетия открылись новые факты, в том числе об участии в борьбе подпольной группы китайцев и членов китайских семей Витебска.

Согласно архивным данным, события развивались следующим образом. В августе 1941 г. на территории Николаевского и Боровлянского сельсоветов Витебского района начала действовать первая партизанская группа, которая в феврале 1942 г. выросла в отряд под командованием бывшего председателя Боровлянского сельсовета М. Ф. Бирюлина. В апреле 1942 г. отряд вошел в состав 1-й Белорусской партизанской бригады, в феврале 1943 г. на его базе была развернута 1-я Витебская партизанская бригада М. Ф. Бирюлина, оперировавшая в Суражском, Городокском, Витебском и Сиротинском (ныне Шумилинском) районах.

30 июня 1942 г. в район Витебска была десантирована разведывательно-диверсионная группа Н. П. Соловьёва Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. 28 сентября 1942 г. для ее пополнения из советского тыла прибыл и возглавил группу капитан П. А. Крылатых. Группа имела задание по сбору данных о немецких гарнизонах в Витебске и Городке и передвижении немецких войск и техники через железнодорожную станцию «Витебск». Это задание разведчики выполняли личным наблюдением, а также с помощью местных патриотов, так называемых «резидентов», с которыми поддерживали контакты через связных. Основным местом размещения группы Крылатых стала водяная мельница в деревне Шкели Витебского района в зоне дислокации отряда М. Ф. Бирюлина [6, л. 25–25 об.; 7, л. 1–5].

Партизаны 1-й Витебской бригады, разведчики капитана Крылатых, а также связная ЦК КП(б)Б В. З. Хоружая, прибывшая в Витебск в октябре 1942 г. с заданием скоординировать действия многочисленных подпольных групп города, нашли надежных помощников в лице ряда участников городского подполья.

Одна из хорошо законспирированных подпольных групп, с которыми они установили связь, действовала с апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. в единственной в городе прачечной на центральной улице Ленина, где с довоенных времен трудились в основном китайцы – члены прачечной артели имени Китайской Красной Армии, созданной еще в конце 1930-х годов. Группу возглавлял китаец-коммунист Андрей Иванович Лип-ти (Лептин), 1894 г. р., до войны работавший заведующим прачечной в витебской исправительно-трудовой колонии № 5 НКВД БССР. По свидетельству сына Лип-ти – Петра Андреевича, в 1905 г., после окончания русско-японской войны его отца, мальчика-сироту, привез в Россию и усыновил русский офицер, у которого тот впоследствии служил денщиком. Лип-ти рано включился в подпольную революционную деятельность, воевал за Советскую власть в годы Гражданской войны. В 1934–1936 гг. работал на знаменитой всесоюзной стройке дальневосточного города Комсомольск-на-Амуре [8, л. 7].

К началу войны у Лип-ти и его жены Феодосии Фадеевны было трое детей: двенадцатилетний Пётр, десятилетний Анатолий и четырехлетняя Тамара. В их доме на улице 12-й Городокской, 20/10 (совр. Псковская) находилась конспиративная квартира, которую часто посещали партизанские связные и которым дети китайца помогали выходить из города. Ныне на этом месте стоит дом, в котором живет внук Лип-ти – Олег Анатольевич Лептин. Заметим, что имеются и другие сведения: в документах Витебской городской управы периода нацистской оккупации указано, что на 19 июля 1943 г. Андрей Лип-ти проживал в Витебске на улице Суворовской, 29 с семьей из шести человек, из них трое были в возрасте до 14 лет [9, л.106].

Помимо Лип-ти, в подпольную группу входили: заведующий прачечной с довоенного времени Василий Чу Ча-лин, 1892 г. р., беспартийный, прибывший в Россию по трудовой вербовке в 1914 г., участник Гражданской войны; Сергей Сю Да-боль (Сюдаболь), 1895 г. р., уроженец Пекина, кандидат в члены ВКП(б), также проживавший в России с 1914 г. и участвовавший в Гражданской войне, в прошлом – один из организаторов китайского национального колхоза в Витебском районе, накануне Великой Отечественной войны – грузчик конторы «Заготзерно»; Мира Александровна Чжан Ван-фу, 1928 года рождения, пионерка, до войны – учащаяся 3-й Сталинской средней школы, с марта 1943 г. – партизанка 1-й Витебской бригады; Зинаида Александровна Шерякова, 1926 г. р., уроженка Витебска, белоруска, член ВЛКСМ, накануне войны – учащаяся 2-й средней школы, во время оккупации – уборщица на немецком аэродроме, с августа 1943 г. – партизанка бригады «Алексея» (А. Ф. Данукалова), действовавшей в Витебском и других районах Витебской области [8, л. 2–3, 7].

Из окон прачечной подпольщики наблюдали за перемещением транспорта, зданиями управы и полиции, находившимися напротив. По маркировке белья и накладным определяли номера, приблизительный количественный состав, время прибытия и убытия с фронта воинских частей, сдававших белье в стирку. Иногда необходимые сведения удавалось добыть у некоей Вали,

работавшей в прачечной приемщицей, которая принадлежала к так называемым «фольксдойче» (ее отец был немцем). Подпольщики пережигали химикатами большие партии белья, добывали оружие и бензин, которые передавали партизанам 1-й Витебской бригады. Однажды удалось переправить партизанам сразу 17 канистр бензина и этой же машиной вывезти хлеб с хлебозавода [8, л. 3; 6, л. 27].

Разведчики П. А. Крылатых, командование отряда, а позже бригады М. Ф. Бирюлина поддерживали связь с группой Лип-ти через Клавдию Болдачёву (подпольная кличка «Береза»), которая, по некоторым данным, была замужем за китайцем – родственником Лип-ти [8, л. 3], а также через старшую сестру Миры Чжан Ван-фу – Ирину (подпольная кличка «Китаечка», 1924 г. р., накануне войны окончившую восьмой класс 3-й Сталинской средней школы Витебска. Болдачёва вывела на группу В. Хоружую. Не случайно китайская прачечная, имена Лип-ти и Ирины Чжан Ван-фу обозначены на схеме связей Хоружей в Витебске, составленной Витебским подпольным горкомом КП(б)Б [8, л. 2, 16]. Дважды Ирина Чжан Ван-фу передавала в горком письма Хоружей, адресованные ЦК КП(б)Б. Об одном из таких случаев вспоминал бывший секретарь горкома В. Р. Кудинов: «26 октября 1942 года связная армейской разведки (китаечка) принесла мне шифрованное письмо, которое ей дала Пинчук Оля (резидент группы Крылатых в Витебске. – *И. В.*) Письмо было от Веры (Хоружей. – *И. В.*)» [8, л. 4]. Разведданные для Хоружей передавала через подпольщицу М. К. Оскер и З. Шерякова. Именно ее адрес получила Хоружая среди прочих в подпольном горкоме по прибытии в Витебск [8, л. 13–13 об.].

Ирина и Мира Чжан Ван-фу были дочерьми человека, известного в довоенном Витебске. Коммунист Александр Иванович Чжан Ван-фу являлся фактическим главой китайской колонии города с начала ее формирования в 1920-х годах. Был выходцем из иностранных наемников Красной армии: в годы Гражданской войны командовал взводом. После демобилизации служил в милиции Северо-Западной железной дороги, затем в хозяйственном отделе Витебского горисполкома [10, с. 143]. В 1928 г. стал одним из инициаторов создания и председателем единственного в Беларуси китайского национального колхоза в бывшем помещичьем имении «Марковичи» под Витебском. С 1934 г. – председатель сельского потребительского общества Николаевского сельсовета Витебского района, с 1936 г. – председатель витебской прачечной артели имени Китайской Красной Армии [11], накануне войны – заведующий складом Витебского плодоовощного завода. 23 июня 1941 г. Чжан Ван-фу был подвергнут так называемому превентивному аресту, как лицо иностранного происхождения, так называемый «социально-опасный элемент», и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей [12, с. 314]. Его семья с началом войны переехала из Витебска в Марковичи, где отец возглавлял некогда колхоз, сохранив за собой комнату в витебском доме, сданном в аренду, что весьма пригодились Ирине для связи с городом. Девушка наблюдала за перемещениями немецких воинских частей и за теми, «кто прислуживал немцам», доставляла партизанам немец-

кие газеты, а от них приносила листовки, которые прятала в тайнике в своей комнате. Почти всегда Ирина ходила на связь вместе с сестрой Мирой, поскольку та, как ребенок, вызывала меньше подозрений и могла пройти там, где ход для старшей сестры был закрыт. Но в ноябре 1942 г. после провала группы Хоружей и многочисленных арестов походы в Витебск пришлось прекратить [7, л. 4]. Как позже вспоминала Ирина Александровна: «Ведь я была очень приметная, таких черных было мало» [6, л. 26–26 об., 27–27 об.].

В марте 1943 г. после череды провалов в подполье Ирина и Мира ушли к партизанам. Во время боев с карателями Ирине удалось перейти линию фронта. Миру, заразившуюся сыпным тифом во время ухода за ранеными, ожидали большие испытания. Партизанам предстояли жестокие бои, поэтому командование решило оставить раненых и больных женщин в одной из деревень, надеясь, что они не вызовут подозрений у немцев. Мире удалось добраться до Марковичей, но там уже стоял крупный немецкий гарнизон, поэтому девочка двинулась к Витебску. В комендатуре, куда она вынуждена была прийти, чтобы оформить прописку, ее направили на строительство оборонительных сооружений, а затем вместе с младшим братом Александром вывезли в Германию, в район Данцига (совр. Гданьск, Польша), где они работали в крестьянском хозяйстве. В марте 1945 г. после освобождения Мира стала санитаркой в советском военном госпитале, по его расформировании вернулась в Витебск [6, л. 43–34 об.].

В сентябре 1943 г. в результате предательства, как утверждал позже Сю Да-боль, оккупанты напали на след группы в китайской прачечной. Лип-ти, Сю Да-боль и Чу Ча-лин были арестованы. Сю Да-боль плохо говорил по-русски, немцы засомневались, что такой человек может быть подпольщиком, и отправили его в концлагерь под Бобруйск, откуда ему удалось бежать и, перейдя линию фронта, попасть в расположение одной из наступавших советских частей [8, л. 4–17]. По крайней мере, до начала 1980-х гг., он по-прежнему жил в Витебске. Лип-ти и Чу Ча-лин были расстреляны [12, с. 490].

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились показания жителя Витебска А. С. Ширмолотова, который осенью 1943 г. в течение трех месяцев отбывал наказание в витебской тюрьме за обнаруженный на его чердаке неисправный радиоприемник: «В моем присутствии охранник тюрьмы вместе с начальником до потери сознания избили одного заключенного, фамилии его не знаю, а по национальности был китаец. Он был избит работниками тюрьмы прямо в камере, в присутствии всех арестованных...» [8, л. 15].

Еще раньше, 13 ноября 1942 г., после ареста Хоружей была схвачена и замучена в тюремных застенках К. Д. Болдачёва. В июле 1944 г. при выполнении очередного разведывательного задания на территории Восточной Пруссии погиб Павел Андреевич Крылатых.

Посчастливилось выжить жене и детям Лип-ти. На 2016 г. в Витебске, помимо Олега Лептина, проживали внуки Лип-ти от дочери Тамары – Сергей и Татьяна Семешко. Потомки сына Петра живут в Калининградской области России.

Подпольщицей-связной, затем партизанкой 1-й Витебской бригады с ноября 1942 г. по апрель–май 1943 г. была также Полина Николаевна Чжи Чан-ван – дочь одного из витебских китайцев, 1924 г. р., комсомолка. До войны она окончила ФЗУ швейников и работала на витебской швейной фабрике «Знамя индустриализации» [8, л. 173].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ларин, А. Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А. Г. Ларин. – М. : Муравей, 2003.
2. *Торин, А.* Русско-китайские связи в зеркале революции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://interaffairs.ru/news/show/15209>. – Дата доступа : 12.11.2016.
3. Российский государственный архив экономики. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 995.
4. *Minsker Zeitung*. – 1942. – 2 Juli.
5. *Скурко, П.* Вобраз Кітая і кітайцаў у вачах беларусаў у 1920-я – 1930-я гг. / П. Скурко // *ARCHE*. – 2014. – № 5.
6. НАРБ. – Ф. 1391. Оп. 1. Д. 12.
7. НАРБ. – Ф. 1391. Оп. 1. Д. 15.
8. НАРБ. – Ф. 1391. Оп. 1. Д. 9.
9. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. Оп. 3. Д. 139.
10. *Памяць: гіст.-дакум. хроніка Віцебскага р-на.* – Мінск: Мастацкая літаратура, 2004.
11. *Віцебскі пралетарый.* – 1936. – 25 лістапада.
12. *Памяць: гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2-х кн. Кн. 1-я.* – Мінск: БелЭн, 2002.

Д. Г. Киенко

МИНСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТ ПАДЕНИЙ САМОЛЕТОВ (1941–1945). СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

На протяжении более 15 лет научно-исследовательской группой «Рубон» под руководством историка Д. Киенко проводятся системные исследования в области авиапоиска мест безвозвратных потерь самолетов на территории Беларуси. Результаты работ и исследований сводятся в единую (региональную) базу данных. Ранее была опубликована статья «Гродненский регион как объект исследования мест падений самолетов 1941–1945 г., систематизирующая результаты поисковых работ по Гродненской области, нынешняя публикация посвящена Минскому региону. Форма подачи материала в виде таблиц более содержательна и системна (для наглядного восприятия), при этом следует учитывать, что у каждого случая имеются свои «истории», которые в своей совокупности невозможно описать в рамках одной публикации.

Минская область в силу своего географического положения находилась в самой гуще событий, связанных с действиями авиации. Регион характеризуется весьма «плотным» наполнением его территории местами потерь самолетов, это вызвано несколькими факторами. Во-первых, регион оказался в зоне активных действий авиации (в зоне противодействия немецкой авиации атакам советских бомбардировщиков) при наступлении немецких войск в 1941 году. Во-вторых, в 1944 г. основной уровень потерь приходится на советскую бомбардировочную авиацию, самолеты которой были сбиты во время атак на Минск, Борисов и Молодечно, а также штурмовиков Ил-2, участвующих в операции «Багратион», атаковавших «котлы» окруженных войск противника.

Значительная часть первоначальной информации по Молодеченскому и Логойскому районам была получена благодаря поискам краеведа В. Бриштена, который с середины 80-х гг. осуществлял не только поиск «на земле», но и в архивах, а также вел переписку с ветеранами. Сегодня его сын – Дмитрий продолжает дело отца и является заместителем руководителя научно-исследовательской группы «Рубон». Регулярные полевые выезды позволили наладить контакты и сотрудничество с краеведами «на местах».

Особенно следует отметить помощь краеведов Крупского, Логойского и Молодеченского районов. В таблице видно, что Логойский район выделяется значительным количеством найденных мест падений самолетов. Все места были обнаружены в результате интенсивных выездов и полевых исследований, проведенных на его территории научно-исследовательской группой «Рубон» период 2015–2019 годов. По состоянию на 1 июля 2019 г. на территории Минской области в базе данных имеется 102 места падений самолетов.

Следует отметить, что здесь не учтены самолеты, заявленные как «сбитые истребителями ПВО в июле 1944 г.», так как в советских документах не указаны их районы падения, а летчики ограничились в донесении лишь словами «сбит западнее Минска», в немецких же документах имеются сведения лишь о маршруте полета; не учтены также самолеты, потерянные на аэродромах Мачулищи и Лошица при авианалете немецкой авиации 3 июля 1944 г., так как они не были «в вылете». Самолеты, упавшие на меридиане шоссе Орша-Минск, еще находятся на стадии обработки.

Таким образом, исходя из имеющихся наработок, в Минском регионе потенциально может быть не менее 150 мест падений. По потерям 1941 г. условно регион можно разделить на две части: северную и южную. Это обусловлено направлениями ударов танковых групп Вермахта, на которые вынужденно «работала» фронтовая и дальняя авиация, соответственно потери были понесены вдоль основных дорог, по которым двигалась техника противника в июне 1941 г. (среди них было обнаружено и точное место гибели экипажа Героя Советского Союза капитана Н. Гастелло, найдены элементы конструкции самолета и оборудование кабины штурмана).

Если говорить о потерях 1944 г., то их также можно разделить на две составляющие: потери АДД при ударах по Минску, Молодечно и Борисову при поддержке прорыва партизан у оз. Палик и потери фронтовой авиации, в особенности штурмовиков Ил-2. Отметим, что значительная часть Ил-2 (7 из 9) была потеряна не при атаках по отходящим войскам противника, а при ударах по «котлам», в том числе и сбитый у поселка Сосны Герой Советского Союза Б. Окрестин. Обращает на себя внимание существенное значение в графе «неизвестные» по советским самолетам – все они относятся к 1941 году. По предварительным данным в большинстве своем они представляют самолеты СБ, однако пока дополнительных сведений, позволяющих «вычислить» экипаж или принадлежность к полкам, не имеется. Наличие такого количества самолетов СБ вполне сопоставляется с интенсивностью и общим направлением их вылетов в данный регион, а также заявками «на победу» с немецкой стороны. Однако ни одни источники пока не позволяют точно локализовать места их падений, так как в «советском» случае есть только указание на цели и время вылета, а в «немецком» – время атаки. Эти данные не позволяют локализовать места, поэтому приходится работать «от земли».

При отсутствии фактической (документальной) информации установить места падений самолетов и узнать о событиях, которые этому предшествовали/имели место после помогает работа с местным населением. Как правило, местные жители весьма часто полностью подтверждали факт падения или посадки советских многомоторных самолетов с экипажем в составе от 2 до 3 человек в 1941 году. Примером может служить ситуация в Городокском сельсовете Молодеченского района. На окраине деревни имеется безымянная могила советских летчиков, место падения самолета которых было локализовано группой «Рубон» еще в 2017 году. К сожалению, тип и принадлежность самолета к полку на данный момент не установлены ввиду отсутствия значимых находок, однако, по всей вероятности, учитывая множество косвенных факторов, это был СБ.

В другом случае, в Логойском районе на 4–5 день войны советский двухмоторный самолет, преследуемый немецким истребителем, загоревшись в воздухе, упал на лес. Погибли два лейтенанта и сержант. Деревня Боровые, в 200 м от которой погиб экипаж, была сожжена немецкими полицейскими частями во время войны вместе с жителями и не восстанавливалась после войны. Свидетелей нет, тем не менее, опросом было установлено, что экипаж первично был захоронен рядом, однако в течение трех лет поисков и дополнительного опроса жителей соседних деревень оказалось, что в 50-е гг. летчиков как безымянных перезахоронили на кладбище в д. Беларучи. Нашелся даже свидетель, который вспомнил, что будучи школьником помогал учителю по труду в Беларучской школе заливать цемент для памятника безымянным летчикам. По найденным элементам двигателей и дюрала было установлено что это был СБ, однако имена летчиков до сих пор неизвестны. Ценная информация для пополнения базы данных получается в процессе обработки сведений партизанских архивов в Национальном архиве Республики Беларусь.

Так например, после выявления в одном из документов слов: «Обнаружено место падения самолета, из экипажа в составе 5 человек один погиб, двое разыскиваются, двое – майор и ст. лейтенант направлены на ближайшую площадку Комарова для эвакуации» было проведено исследование, в результате которого оказалось, что эта информация была передана шифротелеграммой из бригады Бельского 30 июня 1944 года. Сопоставив эти данные с созданной базой данных по вылетам и потерям АДД в рамках операции «Багратион» было установлено место гибели членов экипажа самолета из состава 15 ГАП ДД в Старобинском районе.

В представляемой базе данных учитывались также оставленные экипажем самолеты, которые не разбились и не сгорели при посадке, но тем не менее были безвозвратно потеряны. Так, один из СБ поздних серий выпуска 1940 г. совершил посадку у д. Антополь. Через месяц после посадки 13 детей, возвращаясь со сбора грибов, залезли в стоявший на поле самолет. Один из них, не зная с чем имеет дело, расстопорил блестящую «вертушку» взрывателя ФАБ, раскрутил ее, приведя взрыватель в боевое состояние. Раздался взрыв, все дети погибли от детонации бомб, находившихся в бомболюке. К сожалению, и такие сюжеты отражают реальность картины истории авиации в Беларуси.

В ходе многолетней работы в данном регионе удалось установить принадлежность 70 % самолетов и выявить фамилии более 60 членов экипажей. По немецким самолетам ведется активное сотрудничество с исследователями из Германии. Так, по сбитым самолетам Ил-4 АДД установлены почти все немецкие летчики, которые их атаковали, а на один из экипажей найдено подтверждение со стороны зенитных орудий, прикрывавших Минск. Систематизированная в базе данных информация позволяет увидеть «общую картину» в регионе, а в совокупности с Гродненской и Брестской областями – и наиболее полную картину на западном ТВД, избежать «дублей», когда разные свидетели и документы описывают один и тот же уже выявленный случай, планировать дальнейшие исследования, не искать «второй раз» ранее обнаруженные места падений, закрывает «белые пятна» в мозаике действий авиации и судеб экипажей, пропавших в небе в Беларуси (особенно это актуально для раскрытия вопроса и темы 1941 г., где значительная часть не вернувшихся самолетов считается пропавшими без вести).

Т а б л и ц а 1

Количество установленных безвозвратно потерянных самолетов
на территории Минского региона
(по результатам исследований автора за 2013–2019гг.)

Годы	немецкие	советские	Итого:
1941	5	45	50
1942	1		1
1943	3	1	4
1944	15	30	45
не установлено	2		2
Всего:	26	76	102

Таблица 2

Количество установленных безвозвратно потерянных советских
и немецких самолетов на территории Минского региона
(по результатам исследований автора за 2013–2019 гг.)

Тип		Тип	
Fi-156	1	СБ	18
He-111	3	А-20	2
Ju-88	7	И-15бис	3
Ju-87	4	Ил-2	9
Fw-58	2	Ил-4	18
Me-110	1	Ли-2	6
Fw-190	3	С-47	6
Fw-189	1	Пе-2	1
Me-109	1	Як-9	1
неизвестный	3	неизвестный	12
Всего	26		76

Таблица 3

Распределение по Минской области
безвозвратно потерянных самолетов на территории районов
(по результатам исследований автора за 2013–2019 гг.)

Район	
Березинский	1
Борисовский	8
Вилейский	4
Воложинский	3
Дзержинский	1
Копыльский	2
Клецкий	5
Крупский	11
Логойский	14
Любанский	2
Червеньский	2
Стародорожский	4
Минский+Минск	18
Молодеченский	18
Слуцкий	4
Смолевичский	1
Солигорский	2
Червеньский	2
Всего:	102

ЗАХОРОНЕНИЯ ПАРТИЗАН НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Проблема сохранения памяти о погибших советских партизанах в годы Великой Отечественной войны как отдельно взятая категория не изучалась. Соотношение потерь среди партизан и их дальнейшее увековечение в стелах и памятных досках, будь то на воинских захоронениях или на памятниках землякам, также не было в центре внимания исследователей. Впервые на основе архивных материалов Национального архива Республики Беларусь (далее НАРБ) на примере 3-й Белорусской партизанской бригады рассмотрен вопрос увековечения памяти о погибших советских партизанах в срезе соотношения их потерь и внесенных в паспорта захоронения личных данных рядового и командного состава партизанского соединения. Полученные данные в научный оборот вводятся впервые.

Юбилейный год Победы над нацистской Германией заставляет и исследователей-профессионалов, и краеведов обратить внимание на воинские захоронения и места массового уничтожения мирного населения периода Великой Отечественной войны. Этого требует и время, и огромный пласт архивного материала (электронные базы данных), доступ к которому неограничен.

Исследование основано на документах Национального архива Республики Беларусь – именных списках потерь партизанских формирований отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения, составленные в период 1942–1943 гг. для отправки в Центральный штаб партизанского движения [1–4]. Из всего перечня именных списков автором сделана выборка личных данных участников по 3-й Белорусской партизанской бригаде. Кроме того, выше указанные материалы сверены со списками погибших и пропавших без вести, составленными непосредственно штабом бригады, которые по отношению к данным БШПД являются первичными [5].

Именные списки составлены по принципу списков фиксации потерь среди воинов Красной Армии. По времени создания документы относятся к 1943 году. Отметим также, что несколько фамилий было дописано с обратной стороны, вероятно, после освобождения территории Беларуси летом 1944 г., доказательством чему служит указание Полоцкой области (образована в 1944 г.) как места проживания родственников.

Разница в цифрах между БШПД и 3-й Белорусской п/бр составляет 36 человек, добавленных из последнего списка [1–5].

Отличительной чертой всех документов является ошибочное в силу созвучия написание географических и топографических названий мест первичного захоронения и места проживания. К примеру, деревня «Ломница» или «Домница» Полоцкого р-на вместо «Лонница».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

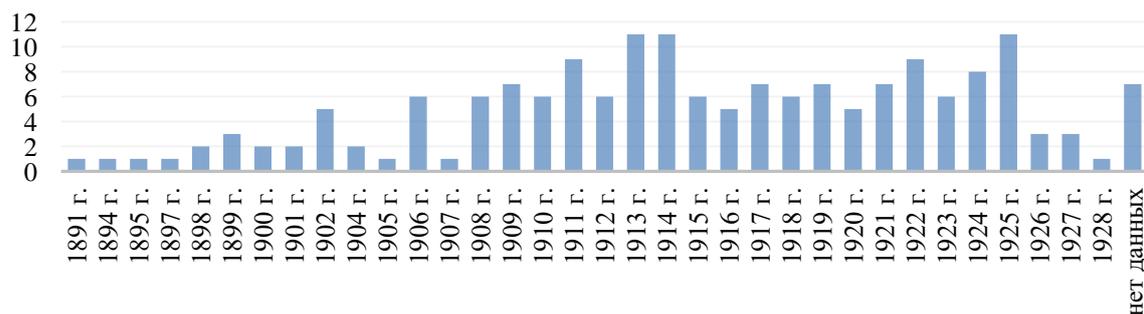
Не менее важной проблемой является и написание фамилий. Ошибка в одной букве – и появляется «двойник», что искусственно увеличивает количество и погибших партизан, и увековеченных имен. К примеру, у партизанки 1923 г.р. Анны Николаевны в трех документах (список БШПД, 3-й Белорусской п/бр и Паспорт воинского захоронения БМ № 2354) фамилия написана в следующих вариациях: «Люляк», «Смоляк» (подчерк таков, что при сопоставлении написания букв можно прочесть и как «Слюляк») [3], «Слюляк» [6, с. 785], при этом все данные (национальность, партийность, место работы, время вступления и выбытия, а также место первичного захоронения и адрес проживания родственников) совпадают.

Обратим внимание на численность участников сопротивления и их потери. В издании советского периода «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)» опубликованы обобщенные данные по количеству советских партизан, принимавших участие в партизанском движении на территории Беларуси в период нацистской оккупации 1941–1944 гг., которых насчитывалось 373 942 чел., из них 44 791 чел. (12 %) – безвозвратные потери [7, с. 19]. Касаясь 3-й Белорусской п/бр, то на момент соединения с частями Красной Армии 15 ноября 1943 г. общая численность партизан составляла 1 126 человек [Там же]. По потерям данных нет.

По сверенным документам БШПД и штаба 3-й Белорусской п/бр числятся погибшими, умершими от ран и болезней за период с мая 1942 г. по ноябрь 1943 г. (указаны крайние даты фиксации потерь) и пропавшими без вести 175 чел., из них погибшие – 165 чел. (94 %), умершие от болезней – 3 чел. (2 %), от полученных ранений – 1 чел. (1 %), пропавшие без вести (как правило во время боя) – 6 чел. (3 %) [3; 5].

Прокомментируем и некоторые сопутствующие основному вопросу цифры. В диаграмме 1 показан количественный показатель **по дате рождения** погибших партизан 3-й Белорусской п/бр, средний возраст которых определен в 32 года. В равной пропорции представлены 1913-й, 1914-й и 1925-й года рождения. Очевиден тот факт (пусть и по потерям), что большую часть партизанского движения составляли молодые люди от 18 до 30 лет (диагр. 1).

Диаграмма 1. Количественный показатель по дате рождения погибших и пропавших без вести советских партизан 3-й Белорусской партизанской бригады за период май 1942 г. - ноябрь 1943 г., чел.

По национальному составу определяющим является факт наличия 87 % белорусов из числа местных жителей, составивших основную массу партизанской бригады (диагр. 2).

Диаграмма 2. Национальный состав

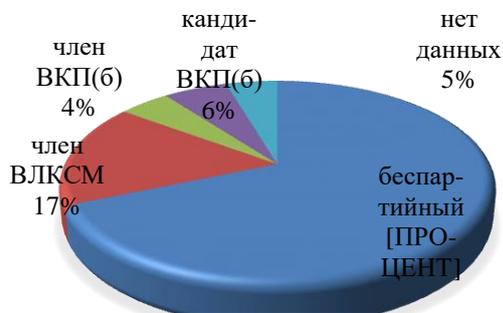

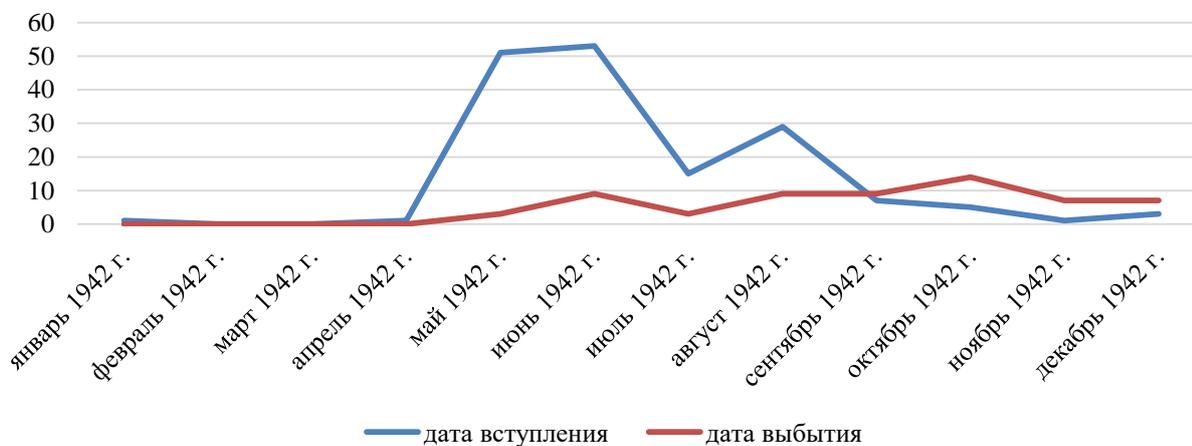
Диаграмма 3. Принадлежность к политической партии

По **партийной принадлежности** (диагр. 3) большинство погибших партизан не состояли в партии (68 %), кандидатами и членами ВКП(б) (10 %) в основном являлись партизаны, занимавшие в бригаде должности политруков или имеющие отношение к руководящему составу бригады. Следует отметить, что до событий 1941 г. они также или служили в РККА, или занимали ответственные посты.

Значительную часть **по месту работы и занимаемой должности** (исходя из обобщенных данных) составляют колхозники (51 %), на долю рабочих и служащих приходится 33 %, к военнослужащим РККА относятся 8 %, остальные 8 % – учителя (2 %) и учащиеся (6 %).

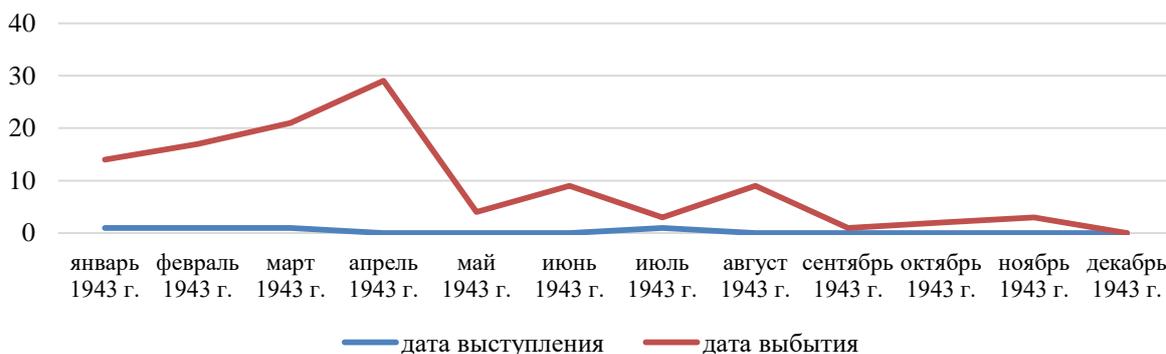
Одним из интересных показателей является **дата вступления и дата выбытия** из партизанской бригады. Попробуем это сделать в их взаимосвязи по отдельно взятым 1942 г. и 1943 г. (диагр. 4 и 5).

Диаграмма 4. Соотношение показателей по датам вступления и выбытия партизан 3-й Белорусской п/бр за 1942 г.

В июне 1942 г. была окончательно сформирована 3-я Белорусская п/бр под руководством А. Я. Марченко, что показывает в том числе и диаграмма 4, где очевиден факт активности вступления в ряды партизан (166 чел.) в мае–июне 1942 года. Многочисленные потери для 1942 г. не характерны, тем не менее они имеют место быть (61 чел.).

Диаграмма 5. Соотношение показателей по датам вступления и выбытия партизан 3-й Белорусской п/бр за 1943 г.

Отличительной чертой показателей 1943 г. является то, что потери значительно выше (112 чел.), чем количество вступивших в партизанскую бригаду людей (всего 4 чел.). Возрастание потерь среди советских партизан можно увязать в том числе и с проведением карательных операций нацистами на территории Полоцкого и сопредельных ему районов Беларуси в этот период времени. Так, были проведены две значительные карательные экспедиции «Зимний лес» (декабрь 1942 г.–январь 1943 г.) и «Громовой удар» (март–апрель 1943 г.), непосредственно направленные на зачистку территории от партизан 3-й Белорусской и других партизанских бригад, дислоцировавшихся в данной местности.

Первичные места захоронения в целом соответствуют той территории, где происходило формирование партизанской бригады, ее становление и деятельность (диверсии и сбор разведанных) в период с конца 1941 г. в качестве отдельных подпольных групп и отрядов до вступления в ряды Красной Армии в ноябре 1943 года. Самыми значительными по количеству являются населенные пункты Полоцкого района: д. Арлея (15 чел.) – за исключением 2 чел. – числятся увековеченными в БМ № 2354 (д. Званое Полоцкий р-он) [6, с. 96–976]; д. Копно (13 чел.), из которых 10 чел. не увековечены и 3 чел. находятся в БМ № 4285 (д. Труды Полоцкий район) [Там же]; д. Узница – из 10 чел. только один не увековечен, остальные нанесены на мемориальные плиты БМ № 4291 (д. Юровичи Полоцкий район) [Там же]; 9 чел. имеют первичное место захоронения д. Червятка, из которых 5 чел. не увековечены, а остальные расположены в трех воинских захоронениях – БМ №№ 4285, 4281, 4291 [Там же]. В тоже самое время шесть партизан, погибших 21 февраля 1943 г. и захороненных в д. Слобода не числятся ни в одной братской могиле.

Таким образом, если брать за основу общую численность всего состава 3-й Белорусской п/бр на ноябрь 1943 г. в 1126 человек, то потери за весь период существования партизанского соединения составляют 175 чел. (примерно 15 %).

Самый главный вопрос в данной статье – сколько погибших партизан 3-й Белорусской п/бр числятся увековеченными в воинских захоронениях на территории Полоцкого района, которая соотносится с локацией действий самой бригады в период 1942–1943 гг. и первичными местами захоронений. В ходе исследования из числа выявленных потерь среди партизан вышеуказанной бригады на момент проведения исследования числятся в паспортах воинских захоронений и соответственно нанесены на мемориальные плиты 62 чел., что составляет всего лишь 35 %. При этом, следует иметь в виду и тот факт, что многих погибших забирали родственники для последующего захоронения на гражданских кладбищах.

Данные исследования будут предоставлены автором в Полоцкий РИК для внесения в повестку дня рабочей группы по увековечению для принятия соответствующего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 6. Д. 293.
2. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 6. Д. 294.
3. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 6. Д. 295.
4. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 6. Д. 296.
5. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 6. Д. 75.

6. Воинские захоронения и захоронения жертв нацизма на территории Полоцка, Новополоцка и Полоцкого района периода Великой Отечественной войны / вст. ст., авт.-сост. А. И. Корсак. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2020. – 976 с.

7. Манаенков, А. Л. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А. Л., Горелик Е. П., Маркова А. Ф. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

А. С. Хадасевич

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

С окончанием войны начался новый период в развитии Беларуси и Белорусского государственного университета. Огромные людские и материальные потери определили тяжести этого периода.

В конце июля 1944 г. в Минск со станции Сходня прибыла первая группа студентов и преподавателей БГУ в составе 75 человек для восстановления и подготовки университетских зданий к учебному году. Вторая группа студентов, 26 человек, вернулась в столицу БССР 11 августа. Перед прибывшими предстала страшная картина – город был разрушен, отсутствовали свет и вода. Очень тяжелое впечатление производил и университетский городок.

Студенты увидели разрушенные до основания учебные корпуса, общежития и жилые дома. От главного корпуса остались одни стены, на некоторых из них было написано «Заминировано». Научное и учебное оборудование, библиотека, архив, музейные фонды были вывезены нацистами, а многие уничтожены. Ущерб был нанесен в сумме более 37 млн рублей.

Из зданий университета уцелел только один корпус – физико-математический, и тот в полуразрушенном состоянии, а также три общежития. Материально-хозяйственная база университета оказалась чрезвычайно недостаточна и слаба. Прежде всего недоставало учебной площади. Мебель и оборудование к началу занятий отсутствовало. Чрезвычайно бедна была и учебная база университета. Библиотека БГУ насчитывали всего 37 тысяч книг [1, с. 90]. Особенно не хватало учебников по ряду филологических дисциплин. В основном преобладала литература по математике, физике, химии и ботанике, полученная во время пребывания университета на станции Сходня из библиотечного фонда Народного комиссариата просвещения РСФСР. При библиотеке были организованы читальные залы, обслуживающие студентов.

Начало учебного года в БГУ намечалось на 15 октября, но в этот день к занятиям приступили только первокурсники. С опозданием, 22 октября, прибыл эшелон со станции Сходня, в котором ехали преподаватели, студенты, находилось учебное и научное оборудование. Для вновь прибывших учебный год начался в первых числах ноября. В БГУ в начале 1944–1945 учебного года обучалось 750 студентов, к концу года – 732. Приехавшие преподаватели вместе с семьями разместились в доме по улице Клары Цеткин. Подавляющая часть студентов обеспечивалась государственной стипендией, общежитиями. Те студенты, которые жили на съемных квартирах, получали денежное возмещение за съем жилья.

С возобновлением занятий в БГУ был создан новый факультет – факультет журналистики с пятилетним сроком обучения (вместо КИЖ с трехлетним сроком обучением). Создание факультета журналистики было обусловлено рядом причин: во-первых, кадрам газетных работников был нанесен значительный ущерб в годы войны; во-вторых, на работников печати возлагались обязанности агитаторов, пропагандистов. Журналисты должны были доносить до народа те установки, которые ставила партия, особенно важно это было в послевоенные годы, когда шла активная борьба с любым инакомыслием.

В послевоенной истории БГУ 1944–1945 учебный год стал самым трудным. Сказывался недостаток высококвалифицированных кадров. Для обеспечения растущей потребности высшей школы в научных работниках Управление

кадров Народного комиссариата просвещения БССР в течение 1944–1945 гг. привлекло к работе в вузах БССР преподавателей из других вузов СССР, сотрудников Академии наук Беларуси. Кроме того, вузам разрешалось оставлять при кафедрах в должности ассистентов лиц, окончивших институты с отличием. Еще до окончания войны по просьбе ЦК КП(б)Б значительная часть преподавателей была отозвана из рядов Советской армии и направлена в освобожденные районы. На филологическом, географическом, физико-математическом факультетах не было ни одного штатного профессора или доктора наук. По состоянию на 1 марта 1945 г. профессорско-преподавательский состав состоял из 23 профессоров, 39 доцентов, 19 старших преподавателей, 12 ассистентов и 10 преподавателей. Почти 30 % преподавательского штата были совместителями. Всего из 103 человек 12 имели степень доктора наук и 35 – кандидатов наук.

Администрация университета разместилась в двухэтажном «красном» корпусе физико-математического факультета, разрушенном частично (современное здание ректората). Студенты приступили к восстановлению этого здания, а также общежития на улице Немига, дома по улице Витебской (здесь были откопаны ящики с посудой, приборами, спрятанные в годы войны преподавателями). В течение двух месяцев студенты смастерили лавки для аудиторий и стеллажи для библиотеки.

Основной задачей, касающейся деятельности вузов БССР в первые послевоенные годы, было восстановление и дальнейшее развитие материально-технической и учебной базы. Этот вопрос нашел отражение в постановлении правительства «О мероприятиях по укреплению материально-технической базы вузов и улучшении бытового обслуживания студентов» [4]. Ставились задачи в ближайшие сроки (до конца 1950 г.) восстановить все довоенные здания вузов республики, ввести в пользование новые корпуса и общежития, оснастить всем необходимым оборудованием кабинеты и лаборатории.

Несмотря на трудное экономическое положение партийно-государственные структуры республики как на центральном, так и на местном уровнях, осуществляли мероприятия по укреплению материально-технической базы высшей школы: выделяли значительные для тех лет финансовые, материальные средства на строительство учебных корпусов, закупку оборудования, на издание учебников, учебно-наглядных пособий. Тем не менее, учебно-материальная база факультетов и отделений находилась на невысоком уровне. Были приняты меры по восстановлению зданий общежитий и приобретению мягкого и жесткого хозяйственного инвентаря. Капитальные вложения для БГУ составили 105 тыс. рублей.

Исключительное внимание было уделено восстановлению учебных корпусов БГУ. Стройки биологического и химического корпусов были рассмотрены как первоочередные. В 1948 г. был сдан биологический, в 1949 г. – химический корпус. Несмотря на восстановление к 1950 г. довоенного уровня материальной базы университета, помещений, учебного и научного оборудо-

вания все равно не хватало. Так, в биологическом корпусе БГУ размещались биолого-почвенный, исторический, филологический факультеты, ректорат, библиотека, читальный зал, зоологический музей, клуб. В физическом корпусе находились физико-математический факультет, типография и редакция университетской газеты. На химическом факультете работала только одна лекционная аудитория, часть лекций читалась в лабораториях. Биологический факультет имел три учебные аудитории, остальные являлись лабораториями. НИИ химии занимал одну комнату, НИИ биологии – три. Исторический факультет в эти годы размещался в здании школы № 4 г. Минска. В связи с этим факультет мог работать только в позднее время, с 18:00 до 23:15.

Более половины площади химического корпуса использовалось под общежитие: часть вестибюля была отгорожена фанерными листами, за которыми стояли десятки кроватей. В общежитии жили студенты из других учебных заведений г. Минска. В этом же корпусе проводили занятия химический и геолого-географический факультеты, некоторые кафедры. Рост количества студентов усугублял проблему нехватки аудиторий. Занятия проходили в 2–3 смены. В целом, лабораторные площади в университете составляли только половину от довоенных. Не хватало даже элементарного оборудования.

Несмотря на все проведенные мероприятия, к началу 1950-х гг. продолжали ощущаться последствия войны и оккупации в обеспечении учебной и жилой площадью, оборудованием. Восстановление сочеталось с расширением материально-технической базы.

Введенные в эксплуатацию жилые и учебные площади полностью поглощались возрастающим контингентом студентов. Поэтому рост базы отставал от потребностей в ней. БГУ имел уже значительное количество лабораторий, но их площадей и оборудования было недостаточно.

На одного студента в 1950–1951 учебном году приходилось от 1,7 до 5 кв. метров учебной площади, тогда как нормы составляли от 7 до 12 кв. метров в зависимости от специализации вуза. В общежитиях на одного студента имелось от 2,5 до 3,4 кв. метров при норме 4,5 кв. метра. При этом некоторым студентам приходилось жить по 25–28 человек в одном помещении.

В БГУ был проведен ряд организационных мероприятий. Так, физико-математический факультет делится на физический и математический факультеты, реорганизуется геологический факультет.

Первое послевоенное десятилетие для БГУ стало периодом восстановления и дальнейшего развития. К началу 1950-х гг. восстановили довоенную материально-техническую базу, были восстановлены учебные корпуса. За этот период ассигнования на капитальное строительство выросли в 2,2 раза, на оборудование, мебель и учебные пособия – в 1,8 раза. Восстанавливались студенческие общежития. Огромную роль в этом сыграли сами преподаватели и студенты, которые трудились на стройках. В этот период увеличилось количество студентов, что требовало расширения учебной и жилой площади вузов. Государственных ассигнований не всегда хватало. По-прежнему насущным оставался вопрос об обеспечении студентов и преподавателей жильем.

В октябре 1946 г. БГУ был выведен из структуры Народного комиссариата просвещения БССР и переведен в распоряжение созданного Министерства высшего образования СССР. Это, в некоторой степени, негативно отразилось на деятельности университета. Во-первых, финансирование начало поступать из Москвы и белорусское правительство мало влияло на судьбу университета. Объемы денежных средств были недостаточными, о чем свидетельствовали неоднократные обращения в министерство с просьбами о выделении денежных средств для удовлетворения учебных и научных потребностей. Во-вторых, после переподчинения Москве значительно усложнилось решение текущих проблем. В-третьих, организация учебного процесса оказалась сориентирована на всю территорию СССР.

В 1949 г. в связи с тридцатилетием образования БССР и Коммунистической партии Беларуси БГУ было присвоено имя В. И. Ленина.

Большая группа профессоров и преподавателей была награждена орденами и медалями СССР [6].

Послевоенные годы характеризовались усилением идеологического диктата во всех сферах жизни общества. Уже в 1944 г. было принято постановление «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» [3].

Идеологические работники партийных и комсомольских органов в полной мере учитывали то обстоятельство, что в течение трех лет вся территория Беларуси находилась под немецкой оккупацией, а западные районы БССР, где проживало почти 40 % от всей численности населения, с 1921 по 1939 год входили в состав Польши. Было очевидным, что в массовом сознании белорусского общества в первые послевоенные годы могли не только присутствовать, но даже в какой-то мере утвердиться взгляды, суждения, оценки, весьма далекие от безоговорочного одобрения существовавшей тогда советской действительности [5, л. 21–23].

Безусловно, на высшие учебные заведения, и на БГУ в особенности, возлагались огромные задачи по воспитанию молодежи, выработке у них необходимых общественных взглядов и мыслей. Поэтому вся воспитательная работа ведущего вуза находилась под строжайшим контролем руководства страны.

Во второй половине 1940-х годов университет стал выходить на уровень международного сотрудничества.

После Второй мировой войны оживились международные контакты Беларуси, что было связано с принятием республики в ООН. 26 июня 1945 г. среди представителей 50 стран мира БССР подписала Устав ООН. В состав делегации входили и два профессора БГУ – В. Н. Перцев и Ф. П. Шмыгов. С 1945 г. белорусские делегации присутствовали на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, участвовали в международных конференциях под ее эгидой. В состав делегаций входили также ученые и преподаватели БГУ.

В январе 1947 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе ЦК КП(б) Белоруссии», в котором, в частности, резко критиковалось состояние всей идеологической, массово-политической работы в республике. В постановлении давалась негативная оценка уровню руководства идеологической работы со стороны партийных органов Беларуси; предписывалось в кратчайшие сроки принять исчерпывающие меры административного характера для изменения положения.

Для работников вузов, и в первую очередь кафедр общественных наук, постановление ЦК ВКП(б) явилось мощным оружием борьбы против неудобной идеологии, определило главное направление в этой борьбе. Например, преподаватели кафедры всеобщей истории исторического факультета БГУ в своих лекциях освещали многие идеологические вопросы: роль американского империализма в порабощении Китая, изучение культурных достижений славян, роль СССР в освобождении славянских народов от немецких захватчиков и т.п. Лекционные курсы членов кафедры истории народов СССР были посвящены зарождению и развитию русского государства, роли русского народа в истории других народов и т.п. [7, л. 127–128].

Дискуссии по общественным наукам сопровождались усилением контроля за работой научных и педагогических кадров. Регулярными стали партийные собрания, на которых звучала критика в адрес отдельных преподавателей, осуждалось содержание ряда лекционных курсов. К примеру, профессора Смирнова, преподававшего экономическую географию в БГУ, обвиняли в использовании на своих лекциях «анекдотов сомнительного содержания» [8, с. 76].

Для преподавателей были открыты кружки по изучению биографий В. И. Ленина, И. В. Сталина, краткого курса истории ВКП(б).

Уже в конце 1940-х годов все отчетливее начала намечаться тенденция к ликвидации национальных элементов в учебно-воспитательном процессе. В результате сокращалось количество часов на изучение родного языка, национальной истории и культуры, последовали резкое сокращение школ, с белорусским языком обучения и рост русскоязычных. Научная и творческая интеллигенция, преподаватели, которые выступали в защиту белорусского языка, обвинялись в национализме.

Создавшаяся в конце 1940-х годов в республике культурно-языковая ситуация привела к тому, что среди студентов начала проявляться тенденция к нежеланию изучать белорусский язык, который в соответствии с учебными планами преподавался еще на всех факультетах. В какой-то степени это объяснялось отсутствием квалифицированных преподавателей по истории белорусского языка, диалектологии, истории белорусской литературы и тем, что своих кадров в республике не хватало, а те, которые приезжали, не владели языком коренного населения и не стремились к тому, чтобы дети его изучали. В послевоенные годы резко сократилось число преподавателей-белорусов.

Многие ученые, работники партийных и государственных органов считали попытку выдвижения истории белорусского народа на первый план глубоко ошибочной и не заботились о развитии национального языка и национальной культуры, напротив, даже противостояли этому процессу. Ярким примером такой политики может служить объединение кафедр истории Беларуси (открыта в 1947 г.) с кафедрой истории СССР исторического факультета БГУ в июне 1949 г.

Очевидно, что партийно-государственный аппарат республики проводил двойственную политику в области высшего образования. С одной стороны, предпринимались попытки улучшить положение работников вузов и студентов. С другой, вся система высшего образования в республике находилась под жестким контролем со стороны государства. Любое научное инакомыслие подвергалось критике и наказанию. Не был поддержан принцип использования национального языка, как основного фактора развития национальной системы образования. Белорусский язык хотя и имел статус государственного, но не был утвержден в таком статусе в официальном, деловом общении и переписке. Кроме того, наметившаяся в середине 1940-х годов политика двуязычия сменялась полной русификацией.

В БГУ в 1947–1948 учебном году профессорско-преподавательский коллектив состоял из 163 человек. В ноябре 1950 г. на 35 кафедрах работали 170 преподавателей, среди них 14 профессоров и 60 доцентов.

Одним из главных препятствий для привлечения в вузы научно-педагогических кадров являлась невозможность обеспечить их жильем. Несмотря на то, что к концу 1947 г. планировалось сдать многоквартирный дом для сотрудников вузов, ситуация с жильем оставалась крайне тяжелой. Большая часть семей преподавателей ютилась в студенческих общежитиях, бараках университетского городка. К примеру, 20 семей работников БГУ проживали в здании бывшего детсада, 12 семей – в химическом корпусе университета, 11 семей – в учебном корпусе физического корпуса, 15 семей – в бараках.

Вместе с началом учебного процесса в Белорусском государственном университете разворачивается научно-исследовательская работа. Тематика научных работ увязывалась с требованиями восстановления народного хозяйства и культуры республики.

Уже в 1944–1945 учебном году возобновилась деятельность аспирантуры БГУ. В последующие годы число аспирантов увеличивалось, однако качество подготовки не всегда было на должном уровне.

Большинство аспирантов – это демобилизованные солдаты и те, кто не завершил учебу до войны. Все они, как правило, зачислялись на 2 и 3 года обучения. Значительный перерыв в их учебе привел к тому, что почти все они в 1946–1950 гг. окончили аспирантуру без защиты диссертации.

Для поступающих в аспирантуру предоставлялись льготы. В 1948 г. была введена ежегодная аттестация аспирантов с утверждением ее итогов на ученых советах. Официально закреплялось право руководителей по рекомендации ученых советов зачислять в аспирантуру после сдачи вступительных

экзаменов лиц из числа наиболее способных студентов, окончивших вузы с отличием. При этом аспиранты уже в начале своего обучения могли привлекаться к педагогической работе.

Определенное внимание уделялось и повышению квалификации кадров. Систематическая курсовая подготовка была начата в 1947 г., ранее курсы носили эпизодический характер.

На передний план выдвинулась не только задача восстановления довоенной численности специалистов, но и повышение их качественного уровня.

Специфика данного периода заключалась в том, что в Беларуси не просто шло развертывание подготовки кадров науки через аспирантуру, а фактически заново создавалась материальная база исследований, вновь формировался коллектив научных руководителей, оформлялись научные школы.

В этот период на биологическом факультете БГУ начали интенсивно развиваться научные исследования в области продукционной гидробиологии. В 1947 г. была основана научная школа под руководством члена-корреспондента АН СССР Г. Г. Винберга. Фактом международного признания школы является награждение Г. Г. Винберга медалью Тинемана-Наумана – высшей наградой Международного лимнологического общества.

В 1946–1949 гг. под руководством профессора М. Е. Макушка проводились эксперименты по повышению биологической продуктивности водоемов республики. В результате были получены обстоятельные материалы по характеристике Нарочанской и Браславской озерных групп, а в 1949–1950 гг. изучены озера Брестской области.

С каждым годом уровень знаний студентов повышался. Например, в 1950–1951 учебном году в БГУ 255 студентов получали стипендию отличников, 9 – Сталинскую стипендию, 2 – имени М. И. Калинина, 2 – имени 25-летия ВЛКСМ.

В послевоенные годы одной из сложных задач, как и ранее, являлась организация студенческой науки. Согласно указанию ректора, при каждой кафедре должен был действовать студенческий научно-исследовательский кружок, но работа большинства кружков имела формальный характер. Однако в марте 1948 г. состоялась первая послевоенная студенческая научная конференция в БГУ. Сформировалась идея о необходимости создания общества, которое смогло бы объединить все кружки, разработать тематику научно-исследовательской работы студентов, проводить конкурсы на лучшие научные работы, осуществлять издание научных работ студентов и т.п.

Уже осенью 1948 г. было организовано СНО БГУ, на каждом факультете открылись его отделения. СНО состояло из шести отделений: филологического, исторического, географического, биологического, химического и физико-математического. Во главе каждого отделения стоял совет отделения. Руководство работой всех отделений и деятельностью всего общества в целом лежала на совете общества [2, л. 163].

К концу 1949 г. СНО по всем шести отделениям насчитывало 187 действительных членов. При наличии в университете 1 569 студентов действительные

члены общества составляли всего 11,3 %. Члены общества проявляли свою деятельность, принимая активное участие в организации и работе студенческих научных кружков. Таких кружков на конец 1949 г. по университету насчитывалось 33, в работе которых принимало участие 895 студентов – членов кружков, считая в том числе и действительных членов. Из этого следует, что действительные члены общества составляли всего 13,2 % в студенческих научных кружках.

В среднем по университету в работе научных кружков принимали участие 57 % общего количества студентов. По некоторым отделениям члены научных кружков составляли от 71,7 % (химическое отделение) до 95,4 % (биологическое отделение) [8, с. 205].

К 1950 г. численность СНО достигла 243 человек, а в 39 научных кружках занималось более 800 студентов. Студенческие конференции проводились ежегодно. В 1951 г. увидел свет первый сборник студенческих научных работ. Среди студенческих исследований того времени были действительно перспективные, их результаты успешно применялись в производстве. Например, научные разработки студентов химического факультета И. Ермоленко и М. Мазеля позволили добиться на производстве экономии в сотни тысяч рублей. В марте 1952 г. этих студентов наградили грамотами Министерства высшего образования СССР.

Во второй половине 1940-х гг. возобновились научные экспедиции студентов. Осенью 1947 г. студенты и сотрудники географического факультета БГУ отправились в экспедицию для изучения Полесья. Зимой следующего года была организована экспедиция по изучению производительных сил Полесской низменности. К 1951 г. практика научных студенческих экспедиций расширилась. Студенты собирали материал в Полесской области для составления атласа белорусского языка, изучали рыбное хозяйство крупных водоемов Беларуси, ландшафты юго-восточной части Полесья и т.п.

Интересной, активной и многогранной стала студенческая жизнь: создавалась художественная самодеятельность, организовывались и проводились спортивные мероприятия.

Насыщенной стала общественная и культурная жизнь университета. Вспомним клуб выходного дня, а также организацию встреч с белорусскими поэтами, писателями, артистами. Важным событием стало празднование 30-летия БГУ в октябре 1951 г. Традиционными были мероприятия, посвященные различным юбилейным датам. В октябре 1952 г. в университете прошли праздничные мероприятия, научные сессии, приуроченные к 70-летию со дня рождения народного поэта Беларуси Якуба Коласа. Ученые и студенты выступали с докладами о его творчестве, читались художественные произведения. Организовывались выставки, посвященные творчеству и жизни поэта, на которых можно было познакомиться с документами и материалами, связанными с жизнью и деятельностью народного поэта.

Можно констатировать, что весь учебный процесс, научно-исследовательская работа и общественная жизнь в БГУ в послевоенные годы была направлена на восстановление и дальнейшее развитие высшего образования и подготовку высококвалифицированных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докладная записка инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунову «О работе Белгосуниверситета в 1 семестре 1944–45 учебного года» // Освобождённая Беларусь : док. и материалы : в 2 кн. – Минск, 2005. – Кн. 2. – С. 88–94.

2. Из протокола заседания ученого совета БГУ, 2 декабря 1949 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 205. Оп. 5. Д. 1001. Л. 162–169.

3. О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения : постановление ЦК ВКП (б), 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М., 1983–1990. – Т. 7 : 1938–1945. – 1985. – С. 506–512.

4. О мероприятиях по укреплению материально-технической базы вузов и улучшении бытового обслуживания студентов : постановление СНК БССР, 14 февраля 1947 г., № 1943 // НАРБ. – Ф. 205. Оп. 5. Д. 887. Л. 26.

5. О наличии в области антисоветских настроений: докладная записка начальника управления МГБ Пинской обл. в ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 51. Д. 1569. Л. 21–23.

6. О присвоении имени В. И. Ленина Белорусскому государственному университету и имени И. В. Сталина Белорусскому политехническому институту : приказ министра высшего образования СССР, 21 декабря 1948 г. // НАРБ. – Ф. 205. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

7. Отчет о работе исторического факультета БГУ за 1947–1948 учебный год // НАРБ. – Ф. 205. Оп. 5. Д. 69. Л. 123–136.

8. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961 / склад.: С. М. Ходзін [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2009. – 399 с.

А. Г. Цымбал

АХОВА ЗДАРОЎЯ ГРАМАДЗЯНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА
ВА ЎМОВАХ АКУПАЦЫЙНАЙ ПАЎСЯДЗЁННАСЦІ
(паводле матэрыялаў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь»,
1941–1943)

Дакументальная спадчына акупацыйных улад, якая змяшчаецца ў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» (ГАБ, фонд 370 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь), уяўляе сабой выключны па значнасці

і практычна недаследаваны комплекс дакументаў, які ўтрымлівае багаты фактычны матэрыял, датычны штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі перыяду германскай акупацыі. Генеральны камісарыят «Беларусь», які выступаў вышэйшай адміністрацыйнай уладай у акрузе з'яўляўся ключавым выканаўцам германскай акупацыйнай палітыкі. Матэрыялы Калекцыі даюць уяўленне аб шматлікіх аспектах акупацыйнага жыцця праз прызму дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі і праліваюць святло на шматлікія «белыя плямы» штодзённасці насельніцтва Беларусі ў гады германскай акупацыі.

У планах нацыстаў аб выкарыстанні працы мясцовага насельніцтва і ўвогуле гарантавання свайго панавання на захопленых тэрыторыях адну з галоўных роляў адыгрывала пытанне санітарна-эпідэміялагічнай сітуацыі і аховы здароўя. Вайна, разбурэнні, масавыя забойствы, бежанства і пера-мешчаныя асобы, вялікія цяжкасці ў насельніцтва з забеспячэннем элементарных сацыяльна-бытавых умоў вялі да магчымых эпідэмій, якія пагражалі не толькі планам выкарыстання мясцовых работнікаў, але таксама стваралі пагрозу для саміх акупантаў.

Уяўленне аб санітарна-эпідэміялагічнай сітуацыі ў гады акупацыі даюць шэраг дакументаў Калекцыі. Гэта даклад аб барацьбе з сыпным тыфам у Маладзечна ад 24.01.1943 г., акт праверкі па Навагрудскай акрузе ў кастрычніку 1943 г., складзены дактарамі Беларускай палаты здароўя Крайновым Андрэем і Сямькіным Мікалаем, а таксама звесткі аб інфекцыйных захварваннях у паведах Мінскай акругі за 1943 г. і інш.

Вялікую пагрозу для акупацыйных улад уяўлялі эпідэміі, прадухіленне якіх было адной з галоўных задач медыцынскіх службаў. Эпідэміялагічную сітуацыю ўскладнялі масавыя перамяшчэнні насельніцтва ва ўмовах вайны і бежанства. Асаблівую ўвагу акупанты надавалі барацьбе з сыпным тыфам і педыкулёзам.

З Гебітскамісарыята г. Глыбокае па стане на 19.06.1943 г. паведамлялася аб распаўсюджванні захворвання на сыпны тыф, што было звязана з масавым наплывам бежанцаў. Акупацыйныя ўлады скардзіліся таксама, што актыўная дзейнасць партызан перашкаджала барацьбе з эпідэміяй. Але ў цэлым створаныя камісіі па кантролі за барацьбой з захворваннем пад кіраўніцтвам кампэтэнтных дактароў добра выконвалі сваю працу. Так, у Браславе было выяўлена 17 выпадкаў сыпнога тыфу. Хворыя былі адпраўлены ў бальніцу, у іх сваякоў правялі дэзынсекцыю і дэзынфекцыю. З мясцовымі жыхарамі праводзілі тлумачальныя размовы, а таксама іх сістэматычна вадзілі ў лазню.

У Докшыцах быў адзначаны толькі адзін выпадак сыпнога тыфу. Праведзеная камісіяй па кантролі выбарачная праверка паказала, што ні ў людзей, ні ў іх жыллі не было знойдзена слядоў заражэння педыкулёзам.

Пры выкананні сваёй працы ў Казлоўшчыне партызанамі была забіта фельдшар Кацярына. З-за бежанцаў сыпны тыф быў моцна распаўсюджаны на гэтай тэрыторыі. Актыўнасць партызанаў перашкаджала правядзенню неабходных мерапрыемстваў па стрымліванні эпідэміі [1, арк. 41].

У г. Дзісна, а таксама пазней у некаторых вёсках лазні былі перабудаваны пад дэзынфекцыйныя палаты. Для барацьбы з сыпным тыфам, а менавіта правядзення асветніцкай працы, былі задзейнічаны ўсе сельскія старасты. Ва ўсіх вёсках з вялікай колькасцю хворых былі пастаўлены шыльды, якія забаранялі ўезд ці выезд. Нават асобныя хаты был пазначаны спецыяльнай шыльдай.

Акружны стараста пабудаваў у г. Дзісна інфекцыйны барак з 30 ложкамі, але праца ўскладнялася дзейнасцю партызанаў.

У Глыбокім 111 чалавек з педыкулёзам, у якіх быў знойдзены сыпны тыф, адправілі ў бальніцу на лячэнне. Праводзіліся інфармацыйныя мерапрыемствы, дэзынфекцыя. Жыхароў пэўных раёнаў сістэматычна вадзілі ў лазню.

У Міёрскім гебіце былі правераны 4 376 чалавек з 85 вёсак. Найбольш вострая сітуацыя адзначалася ў сёлах Пераброддзе і Новы Пагост. Пасля мерапрыемстваў супраць педыкулёзу новых выпадкаў захворвання не было выяўлена. У Плісе абследавалі 2 350 людзей, 580 адправілі на дэзынсекцыю і большасць на каранцін.

У Паставах было выяўлена каля 500 выпадкаў сыпнога тыфу. Бальніца і каранцінныя станцыі былі перапоўнены. Былі закрыты рынкі, школы, цэрквы, забаронены грамадскія мерапрыемствы. Дэзынсекцыю правялі сярод 3 000 бежанцаў. У Шаркаўшчыне абследавана 3 500 чалавек і выяўлена 26 выпадкаў сыпнога тыфу. Санітарна-эпідэміялагічныя мерапрыемствы праводзіліся ўсюды, за выключэннем в. Ёды з-за дзейнасці партызан [1, арк. 41b].

Аналагічная інфармацыя пра барацьбу з сыпным тыфам у Глыбокім была накіравана з аддзела па ахове здароўя 23.09.1943 г. Актыўна праводзіліся мерапрыемствы супраць педыкулёзу, але ў цэлым колькасць захворванняў зменшылася [Там жа, арк. 62]. Аналагічная справаздача датуецца 7 кастрычніка 1943 г., дзе адзначалася зніжэнне колькасці захворванняў сыпным тыфам, але праблемай заставаўся педыкулёз. Па акругах Пліса, Дзісна і Браслаў быў прачытаны даклад на тэму «Сыпны тыф і барацьба з ім» з мэтай інфармавання насельніцтва аб неабходнасці прафілактыкі захворвання. Адзначаліся цяжкасці ў сувязі з тым, што шмат будынкаў для дэзынсекцыі былі знішчаны партызанамі [Там жа, арк. 64].

Фармакалагічнае забеспячэнне насельніцтва Глыбоцкай акругі ажыццяўляла 21 аптэка, большасцю з якіх (16) кіравалі палякі. Таксама сярод кіраўнікоў аптэк былі 5 беларусаў і 1 украінец [Там жа, арк. 130].

Аддзелам аховы здароўя ў г. Маладзечна 24.01.1943 г. быў падрыхтаваны даклад адносна барацьбы з сыпным тыфам сярод бежанцаў, які прадстаўляе адносіны акупацыйных улад да праблемы. 20 снежня 1942 г. у г. Маладзечна з Вілейкі прыбыло 250 бежанцаў, якія спачатку знаходзіліся ў гета Маладзечна, а пасля ў Народным доме. Быў аб'яўлены трохтыднёвы каранцін, пасля чаго за імі пачала наглядаць паліцыя. Падчас праверкі іх стану здароўя

выявілі тры выпадкі сыпнога тыфу. Хворыя былі размешчаны ў шпіталі г. Маладзечна. Астатніх пасля дызынсекцыі адправілі ў Лебедзева ў сувязі з адсутнасцю месца для размяшчэння хворых у г. Маладзечна. Улады апасаліся, што хвароба можа распаўсюдзіцца на грамадзянскае насельніцтва і нямецкія падраздзяленні, што былі размешчаны ў горадзе [1, арк. 6].

У хуткім часе былі выяўлены 10 выпадкаў сыпнога тыфу і стала зразумела, што гэта можа стаць пачаткам эпідэміі. У Лебедзева будынак школы быў аддадзены пад каранцін, дзе размясцілі таксама аддзяленне інфекцыйных хвароб. У эпідэміялагічным аддзяленні паставілі 29 ложкаў, падабралі адпаведны персанал. Тут жа збудаваў лазарэт, каб перадухіліць распаўсюджанне сыпнога тыфу пад час перамяшчэння хворых з бальніцы. Усе асобы і прадметы, з якімі кантактавалі хворыя, прайшлі дэзынфекцыю. За перыяд з 22.12.1942 г. па 24.01.1943 г. быў зарэгістраваны 131 хворы на сыпны тыф, з якіх вылечылі 82 [Там жа, арк. 6b]. На 24.01.1943 г. заставалася 33 хворых. Памерла 16 чалавек, ці каля 12 % ад агульнай колькасці хворых. Сцвярджалася, што смяротнасць невялікая, бо неабходна было ўлічваць пажылых асоб і тых, хто ўжо меў праблемы са здароўем.

У наступныя дні сярод бежанцаў было выяўлена 8 выпадкаў захворвання на дызентэрыю. Для іх ізаляцыі быў створаны асобны аддзел. Астатнім была прапісана вакцына. У Лебедзева быў створаны камітэт, які дапамагаў бежанцам і хворым, займаўся забеспячэннем іх харчаваннем і вопраткай [Там жа, арк. 7]. Такім чынам эпідэмію сыпнога тыфу ў г. Маладзечна ўдалося стрымаць. Захварэў толькі мясцовы стараста, які кантактаваў з хворым.

З 4 па 10 кастрычніка 1943 г. два дактары Беларускай палаты здароўя наведалі Навагрудскую акругу з мэтай высвятлення стану здароўя і працаздольнасці насельніцтва. У Навагрудку і раёнах вялася картатэка, якая налічвала каля 27 тыс. картак. Камісія для больш дэтальнай праверкі абрала Дзятлаўскі раён з колькасцю 6 811 чалавек. Згодна з урачэбна-медыцынскімі сведчаннямі пасля правядзення камісіі 2 019 чалавек лічыліся хворымі, з якіх 1 664 дыягназ не быў пастаўлены. Не прыйшлі на камісію 438 чалавек, 2 181 чалавек быў вызвалены ад працы па іншых прычынах, а 2 169 накіраваны на працу. Агляд раёнаў дазволіў камісіі высветліць, што некаторыя раённыя камісіі вызвалілі людзей ад працы без пазначэння дыягназу. Урачы прыйшлі да высновы, што вызначыць па картках стан здароўя насельніцтва акругі і раёнаў з'яўлялася немагчымым з-за адсутнасці нават мінімальнай прыкладнай дыягностыкі хвароб. На падставе працы мясцовых урачэбных камісій немагчыма было дыягнаставаць сухоты, сіфіліс ці трахому без адпаведных аналізаў ці рэнтгену. Шырока дыягнаставаліся хранічныя захворванні, бронхіты і эмфізэмы легкіх як сухоты [Там жа, арк. 88]. Мелі месца сімуляцыі хвароб, каб пазбегнуць працы або вывазу ў Германію.

Дэтальную інфармацыю аб інфекцыйных захворваннях па Мінскай акрузе на працягу першых месяцаў 1943 г. даюць адпаведныя справаздачы з дакладнымі лічбамі па кожным павеце: Заслаўскім, Лагойскім, Койданаўскім, Мінскім, Рудзенскім, Смалявіцкім і Уздзенскім. Напрыклад, сітуацыя з ін-

фекцыйнымі хваробамі па Мінскай акрузе за перыяд з 1 па 12 студзеня 1943 г. выглядала наступным чынам. Найбольшая колькасць захворванняў назіралася туберкулёзам – 209 выпадкаў і розных яго формаў – туберкулез касцей (23), туберкулёз скуры (8), суставаў (6), залоз (7). Значную пагрозу для акупацыйных улад уяўлялі захворванні сыпным тыфам (46), брушным тыфам (19), якія мелі пагрозу ператварыцца ў эпідэмію. Вылучалася колькасць захварэўшых на дыфтэрыю (42) [2, арк. 100].

У цэлым з пачатку 1943 г. эпідэмічная сітуацыя заставалася стабільнай. Колькасць хворых па асноўных хваробах істотна не змянялася. Невялікія ваганні назіраліся адносна захворванняў на сыпны тыф, брушны тыф (колькасць хворых на якія зменшылася), а таксама на дыфтэрыю і трыхіноз. Акупацыйныя службы аховы здароўя здолелі стрымаць магчымыя эпідэміі, напрыклад, сыпнога тыфу, якія за папярэднія войны ў гісторыі забівалі не менш людзей, чым у выніку баявых дзеянняў. Смяротнасць ад хвароб заставалася вельмі нізкай, зыходзячы з дадзеных дакументаў Калекцыі. Ад сыпнога тыфу ў Мінскай акрузе ў першыя месяцы 1943 г. загінулі 5 чалавек, ад туберкулёзу – 5, дыфтэрыі – 7, брушнога тыфу – 2.

У далейшым эпідэміялагічная сітуацыя заставалася дастаткова стабільнай, пра што сведчаць дадзеныя за чэрвень–ліпень 1943 г. [3, арк. 32].

Улады адсочвалі санітарны стан публічных устаноў. Так, акупацыйная адміністрацыя Валожына 24–30.02.1943 г. правяла інспекцыю санітарнага становішча наступных прадпрыемстваў: магазіна прадуктаў, пякарні, рэстарана, сталовых, гарбатных, піўных, мясной і здобнай лаўкі, цырульні, млына, купальні і г.д. Паводле вынікаў інспекцыі ў незадавальняючым санітарным стане знаходзілася толькі 6 аб'ектаў з 50 [4, арк. 27]. Значна горшая сітуацыя назіралася ў жылых будынках, 30 з якіх былі ў дрэнным санітарным стане [5, арк. 8].

Ахову здароўя Слуцкай акругі забяспечвалі 6 бальніц на 295 ложкаў, 12 амбулатрый, 5 медыцынскіх пунктаў, 17 фельчарскіх пунктаў, 7 аптэк, 1 паліклініка, 10 стаматалагічных клінік. Колькасць медыцынскага персаналу акругі была наступная: урачы – 37, стаматолагі – 17, фельчары – 50, аптэкары – 14, акушэркі – 29, медсёстры – 60, зубныя тэхнікі – 2, дэзынфектары – 11, тэзнічны персанал – 84 [4, арк. 34b].

Наўрад ці такая колькасць медыцынскага персаналу магла забяспечыць адпаведную медычную дапамогу насельніцтву Слуцкай акругі, асабліва ва ўмовах вайны. Але, з пункту гледжання акупацыйных улад, галоўную задачу ўстанова аховы здароўя выконвалі – недапушчэнне распаўсюджвання інфекцыйных захворванняў і эпідэмій, якія маглі б пагражаць нямецкім салдатам.

Такім чынам, пытанні аховы здароўя і эпідэміялагічная сітуацыя на акупаванай тэрыторыі пастаянна знаходзіліся ў цэнтры ўвагі акупацыйнай адміністрацыі. Дадзеная пытанне мела выключную важнасць, паколькі непасрэдна было звязана з магчымасцямі эксплуатацыі працы мясцовага

насельніцтва, а таксама стварала пагрозу для саміх немцаў. Магчымыя эпідэміі, асабліва, напрыклад, сыпного тыфу, маглі паставіць пад пагрозу не толькі планы выкарыстання акупаваных зямель, але і баяздольнасць вермахта. Эпідэміялагічную сітуацыю ў Генеральнай акрузе Беларусь ускладнялі шматлікія бежанцы з апэратыўнага тылу групы арміі «Цэнтр», якія былі вельмі слабыя, таму даволі часта менавіта яны становіліся пераношчыкамі інфекцыйных захворванняў. Каб перадухіліць эпідэміі ўлады арганізоўвалі спецыяльныя месцы для размяшчэння і каранціну для бежанцаў, займаліся ізаляцыяй і лячэннем хворых. У Калекцыі дакументаў прысутнічаюць фрагментарныя звесткі аб выдатках на размяшчэнне бежанцаў з апэратыўнага тылу. У справаздачы аб выдатках для размяшчэння ўцекачоў з апэратыўнага тылу гебітскамісара ў Слоніме ад 14 кастрычніка 1943 г. пазначалася, што гарадской і раённай адміністрацыямі Слоніма, Івацэвіч і Быценя ў 1942 г. і 1943 г. было вылучана 28 295, 29 райхсмарак на дапамогу бежанцам [6, арк. 42].

Шмат увагі надавалася барацьбе з педыкулёзам, а таксама прафілактычнай рабоце, якая ўключала арганізацыю лазняў, дэзынфекцыю і дэзынсекцыю, інфармаванне мясцовага насельніцтва аб найбольш небяспечных хваробах і спосабах іх перадухілення. Аднак, як адзначала акупацыйная адміністрацыя, шматлікія падобныя мерапрыемствы зрываліся партызанамі, якія знішчалі будынкі для дэзынсекцыі, ствараючы, такім чынам, умовы як для росту захворванняў, так і пагрозу не толькі для акупацыйнай адміністрацыі і немцаў, але і для мясцовага насельніцтва. Такім чынам, неабходна адзначыць, што згодна з інфармацыяй атрыманай з Калекцыі, акупацыйныя улады здолелі папярэдзіць і стрымаць распаўсюджванне найбольш небяспечных захворванняў і магчымай эпідэміі. Колькасць хворых заставалася прыблізна на адным узроўні, а таксама вельмі нізкай была смяротнасць ад інфекцыйных хвароб.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ) – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1481.
2. НАРБ. – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1516.
3. НАРБ. – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1551.
4. НАРБ. – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1540.
5. НАРБ. – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1548.
6. НАРБ. – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1662.

ВЯЛКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

И. Н. Кузнецов

«БЕЛОРУССКИЙ КАТЫНСКИЙ СПИСОК»: ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ СОВЕТСКИХ РЕПРЕССИЙ

Катынский расстрел – массовые казни польских граждан (в основном пленных офицеров польской армии), осуществленные весной 1940 г. сотрудниками НКВД СССР. Как свидетельствуют опубликованные в 1992 г. документы, расстрелы производились по решению «тройки» НКВД СССР в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Согласно обнародованным архивным документам, всего было расстреляно около 22 тыс. польских пленных. В 1990 г. советский президент М. Горбачев передал польской стороне список 14 552 офицеров польской армии, которые были расстреляны и похоронены на территории СССР – в России и Украине [1, с. 23–24].

«Белорусский список» – одна из не раскрытых тайн в истории массового расстрела польских граждан весной 1940-го. То, что должно было быть расследовано и изучено в рамках «Катынского дела», так и осталось без должного внимания Главной военной прокуратуры России.

Согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 г., как это видно из обобщающей записки председателя КГБ А. Шелепина (подготовленной в 1959 г.), в тюрьмах Украины и Белоруссии было расстреляно 7 305 польских граждан, арестованных в период с сентября 1939 г. по апрель 1940 г. на территории Польши, захваченной Красной армией [2, с. 65]. Принципиальным их отличием от военнопленных польских офицеров, сконцентрированных в трех лагерях (Козельском, Осташковском и Старобельском) и расстрелянных в Смоленске, Калинин и Харькове, было то, что арестованные органами НКВД в этот период граждане Польши содержались рассредоточенно в тюрьмах управлений НКВД по западным областям Украины и Белоруссии.

И аресты, и расправа над ними были обусловлены сталинской теорией о «классовых врагах». Согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 г., расстрелу подлежали члены различных «контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывшие помещики, фабриканты, бывшие польские офицеры, чиновники и перебежчики».

По точно таким же критериям и классовым признакам в годы Большого террора в 1937–1938 гг. происходили расправы над гражданами СССР и иностранцами. То есть Сталин вновь прибег к своему излюбленному методу массового расстрела, но теперь уже на новых, захваченных СССР западных территориях. Советизация этих земель в сталинском исполнении непременно включала и социальную селекцию, и чистку посредством арестов и расстрелов, и массовые депортации «классово-чуждых элементов».

Весной 1994 г. в Киеве в архиве Службы безопасности Украины (СБУ) был обнаружен и передан Генеральной прокуратуре Польши поименный алфавитный список 3 435 заключенных тюрем западных областей Украины с указанием номеров предписаний, по которым их отправляли на расстрел. Он был опубликован в Польше, и за ним закрепилось название: «украинский список». Что собой представлял этот многостраничный документ? Прежде всего, это сопроводительное письмо от 25 ноября 1940 г. к перечню 3 435 личных тюремных дел, которые пересылались на постоянное хранение в учетно-архивный отдел НКВД в Москву. К письму прилагался перечень дел, в котором содержались фамилии расстрелянных и номера поступивших из НКВД предписаний, согласно которым они были казнены весной 1940 г. [3, с. 43–44].

Разумеется, существовал и аналогичный «белорусский список», ведь дела расстрелянных польских граждан в Белоруссии тоже переслали в Москву для постоянного хранения. И в этом списке должны быть 3 870 человек. Но список этот до сих пор в архивах не найден. Не выяснен и вопрос о том, где и в каких городах проходили эти расстрелы. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что какая-то, может быть, очень небольшая часть расстрелов польских граждан, приговоренных к смерти на основе решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., осуществлена в Москве.

В директиве комиссара госбезопасности 3-го ранга В. Меркулова от 22 февраля 1940 г., адресованной руководителям областных управлений НКВД, приказывалось всех сотрудников польской государственной полиции, тюремщиков, разведчиков, «провокаторов», осадников, а также судебных работников, находящихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях, перевести в тюрьмы в распоряжение местных органов НКВД. В результате исполнения этой директивы в Минск помимо пленных польских военнослужащих было этапировано и около 2 тыс. сотрудников польской государственной полиции [3, с. 256].

Буквально через месяц, 22 марта 1940 г. Л. Берия подписывает приказ № 00350 «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». В этом документе в частности предписывалось из тюрем западных областей Белорусской ССР перевезти в Минскую тюрьму 3 000 арестованных. Из них из Брестской тюрьмы – 1 500 человек; Вилейской тюрьмы – 550 человек; Пинской тюрьмы – 500 человек; Барановичской тюрьмы – 150 человек [3, с. 135–136].

Для оказания помощи НКВД БССР в организации перевозок арестованных предписывалось откомандировать начальника отделения Главного тюремного управления НКВД СССР, капитана госбезопасности Чечева. Наркому внутренних дел БССР, комиссару государственной безопасности 3-го ранга Л. Цанаве предписывалось работу по перевозке арестованных из тюрем западных областей БССР в Минскую тюрьму закончить в декадный срок. Кроме этого, заместителю наркома внутренних дел СССР комкору Масленникову и начальнику Главного управления конвойных войск, комбригу Шаранову предписывалось выделить необходимое количество конвоя и обеспечить все условия для недопущения побега представителей «польского контингента».

Согласно этому приказу ответственность за обеспечение порядка при транспортировке возлагалось на командира 15-й бригады конвойных войск НКВД, полковника П. Попова. Следует отметить, что данное подразделение внутренних войск было создано 13 апреля 1939 г. приказом НКВД СССР № 00206. В состав 15-й отдельной бригады входили: 226-й конвойный полк (Минск), 131-й (Гродно) и 136-й (Смоленск). Чуть позже в состав бригады вошли 132-й (Брест) и 137-й (Барановичи) отдельные батальоны конвойных войск НКВД СССР [4, с. 67].

В это же время на имя народного комиссара путей сообщения СССР Л. Кагановича из НКВД СССР приходит секретное сообщение: «Необходимо вывезти в десятидневный срок заключенных из западных областей БССР в город Минск – 3 000 человек. Для этой цели НКВД СССР просит Вашего распоряжения выделить по заявкам НКВД УССР и БССР оборудованные вагоны под людские перевозки из следующих дорог: Брест-Литовской железной дороги – 100 вагонов; Белостокской – 23 вагона; Западной – 32 вагона с назначением в город Минск...» [3, с. 282].

Вообще-то точный ответ на вопрос, сохранился ли «белорусский список», должен содержаться в многотомном деле расследования Катынского преступления (дело № 159), которое вплоть до 2004 года вела Главная военная прокуратура России. Но есть ли там этот ответ, предприняла ли Главная военная прокуратура необходимые шаги к поиску «белорусского списка» – мы до сих пор не знаем. Увы, важнейшие документы этого дела до сих пор числятся секретными. И это вопреки обещаниям, данным после Смоленской катастрофы на самом высоком уровне в апреле 2010 г.. Россия саботирует рассекречивание оставшихся 35 томов из 183-томного дела. Дело № 159 о расстрелах в 1940 г. польских граждан закрыто Главной военной прокуратурой, важнейшие вопросы, а их немало – остаются невыясненными.

И все же архивный поиск дает некоторые основания, позволяющие не только делать предположения, но и постепенно распутывать нить, ведущую к «белорусскому списку», находить имена расстрелянных людей. Так называемый белорусский катынский список нашла катыновед, профессор Н. Лебедева, которая входит в состав Польско-Российской группы по сложным вопросам. В списке, который скрывали 72 года, – фамилии 1996 поляков, вывезенных НКВД в Минск, где они, вероятно, были расстреляны по приказу Сталина и Берии [4, с. 49]. Список был найден в Российском государственном военном архиве в фонде 15-й конвойной бригады войск НКВД, которая в 1940 г. размещалась на территории Беларуси и перевозила заключенных в Минск.

Польскому изданию Н. Лебедева передала список из 1 996 фамилий людей, которые были вывезены из тюрем НКВД в Бресте, Пинске, Барановичах, Гродно, Белостоке и других городов на территории, занятой Красной армией до 5 марта 1940 г. В списке, заполненном от руки, – имена, фамилии и отчества заключенных, а также информация, куда и откуда их перевозили. В целом в Минск с конца марта по июль перевезли 1 800 из 1 996 человек. По мнению Лебедевой, 99 % были расстреляны в то же самое время, что и офицеры в Катыни, Твери и Харькове [4, с. 202].

Пока же для установления фамилий заключенных белорусских тюрем, расстрелянных в Минске в апреле – начале июля 1940 г., кое-что можно сделать по материалам конвойных войск. Только в двух книгах учета особых конвоев 15-й бригады, хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА), значится более 1 700 особо опасных государственных преступников, доставленных в Минск особыми конвоями.

В польской организации «Карта» эти дела хранятся уже более 20 лет, но на них за это время никто не обратил внимание при составлении списка расстрелянных узников западнобелорусских тюрем. Это две амбарные книги, представляющие собой два сводных списка «особо опасных государственных преступников», перевезенных «особыми конвоями». В них писарь каллиграфическим почерком свел воедино огромное количество предписаний по конвоированию отдельных групп лиц из одного города в другой и отчетных документов об их исполнении.

В каждой записи в них фигурирует: номер по порядку (первая и вторая книги начинаются каждая с № 1); фамилия, имя и отчество «особо опасного преступника»; когда и от кого поступило распоряжение о конвоировании; пункты отправления и назначения; номер распоряжения и его дата; каким порядком совершалось конвоирование (в отдельном тюремном вагоне, в отдельной тюремной камере тюремного вагона); звание, фамилия и инициалы начальника особого конвоя; когда и каким конвоем отконвоирован; когда доставлен к месту назначения.

Если сведения повторялись (откуда и куда везли, каким конвоем, фамилия начальника конвоя и т.д.), ставились кавычки. В отдельных случаях это привело к неясности – откуда и куда везли следующий конвой. Иногда допускались неточности в написании отдельных фамилий (писарь мог не разобрать почерк оригинального предписания по конвоированию или сам допустил опisku). Имеется несколько сбоев и в нумерации листов. Так, в первой книге в одном случае нумерация ста листов повторяется дважды, есть не столь большие погрешности и в нумерации на других страницах, а также во второй книге. В результате страниц больше, чем пронумеровано, как и количество отконвоированных. Имена и отчества нередко даны в русской версии – не Ян, а Иван и т.д.

В соответствии с этими книгами в марте 1940 г. 15-я бригада доставила в Минск всего 110 человек, в апреле – 319, в мае – 707, в июне – 468, в начале июля – 169. Эта динамика доставок характерна и для украинской расстрельной операции. Конвои, относящиеся ко второй половине июля – сентябрю 1940 г., касаются в основном литовских и латвийских государственных политических и партийных деятелей, вывезенных еще до «вхождения» Литвы и Латвии в СССР и репрессированных советскими властями. Многие из них исчезли бесследно, т.е. тоже были расстреляны [5, с. 305–306].

Среди тех, кого конвоировали, подавляющее большинство поляков. Имеются еврейские, русские и белорусские фамилии приблизительно в той же пропорции, что и в «украинском списке». Абсолютное большинство мест

отправления конвоев – города и местечки Западной Белоруссии. С марта до 13 июля 1940 г. местом назначения конвоев в 97 % случаев был Минск. За это время туда были отправлены из Бреста 301 человек, Гродно – 261, Барановичей – 167, Молодечно – 132, Ломжи – 131, Глубокого – 108, Червеня – 106, Белостока – 97, Вилейки – 83, Пинска – 76, Лиды – 64, Слуцка – 36, Ивенца – 35, Орши – 31, Бреслава – 21, Ошмян – 19, Чижева – 18, из других мест – 15 [3, с. 112].

Таким образом, отконвоированными в Минск значатся в двух книгах 1 701 человек. Однако в отдельных случаях узники фигурировали дважды или не были обнаружены в тюрьме и поэтому не доставлены, но это скорее единичные записи, которых не более 30. Понятно, что в Минской тюрьме в течение нескольких месяцев невозможно было содержать одновременно около 1 700 человек. Конвоев же из Минска в другие города всего семь, причем пять из них – по одному человеку, один конвой – из двух заключенных [3, с. 118].

В соответствии с записями в первой и второй книгах 15-й бригады подавляющее большинство фигурирующих в ней заключенных было вывезено в Минск по распоряжению НКВД БССР, его 1-го Спецотдела, зам. наркома внутренних дел БССР или его помощника. Многие заключенные были отконвоированы и по указаниям западнобелорусских областных УНКВД или их 1-х Спецотделов.

Напомним, что именно 1-й Спецотдел НКВД СССР курировал всю операцию по расстрелу военнопленных офицеров и полицейских трех спецлагерей и заключенных тюрем. Начальник же 1-го Спецотдела НКВД СССР Л. Ф. Баштаков вместе с В. Н. Меркуловым и Б. З. Кобуловым входил в «тройку» тех, кто подписывал расстрельные списки-предписания. Таким образом, наличие во многих случаях в книгах учета конвоев упоминаний 1-го Спецотдела – еще один аргумент в пользу версии, что заключенных тюрем везли в Минск именно на расстрел.

Но даже доставка заключенных в Минск еще не исключала того, что в последний момент кого-то могли посчитать важным для дальнейшего следствия в отношении участников подполья или по другим соображениям и не расстрелять. Ведь и в случае офицеров и полицейских из трех спецлагерей не были расстреляны 395 человек из 14 500, т.е. более 3,3 % [5, с. 469]. По узникам тюрем этот процент мог быть даже несколько выше из-за оперативных интересов следственных органов. Если в Минске должны были расстрелять 3870 человек, почему же в первой и второй книгах учета конвоев 15-й бригады не значатся еще более 2 тыс. заключенных? Это предстоит выяснить.

Не исключены следующие варианты:

1) в число особо опасных преступников включали лишь тех, кто принимал участие в подпольном движении в западных областях Украины и Белоруссии или являлся крупным государственным, политическим или партийным

деятелем. Соответственно, именно их перевозили особыми конвоями. Другие же категории заключенных в книги учета особых конвоев с особо опасными преступниками не вносились;

2) имелись книги, в которых велся учет других категорий конвоируемых (скажем, врачей, учителей, инженеров, адвокатов, имевших чин офицеров запаса, рядовых полицейских, пограничников и т.д., не уличенных в антисоветской деятельности). У этих книг срок хранения мог быть временный, и после его истечения они уничтожались;

3) к конвоированию «особо опасных преступников» могли быть подключены после завершения расстрела военнопленных офицеров и полицейских еще какие-то части конвойных войск, например, обслуживавшая Старобельский лагерь 16-я бригада и Осташковский лагерь – 19-я бригада. Кроме того, не исключено, что в Минской тюрьме еще осенью 1939 г. и в начале 1940 г. были сосредоточены несколько сот лиц, подлежащих расстрелу, которые и были там же расстреляны.

Чтобы реконструировать список тех узников тюрем Западной Белоруссии, которые могли быть расстреляны в апреле – начале июля 1940 г., следует пойти несколькими путями.

Прежде всего запросить архив ФСБ и архив КГБ РБ с просьбой предоставить доступ к материалам, касающимся данной проблематики. Среди документов, переданных Украиной в 1994 г., имеются те, которые позволяют получить подробные сведения о том, кто был расстрелян, в том числе «украинский список». Следует продолжить изучение и материалов конвойных войск, включая батальоны и полки.

Помимо конвойных списков необходимо использовать списки депортированных в апреле 1940 г. семей репрессированных. Так, к приказу Берии в адрес Серова и Цанавы от 7 марта была приложена форма дела (анкеты) на депортируемое лицо, первым пунктом которой значилось: «Фамилия, имя и отчество главы семьи с указанием места содержания (назвать тюрьму или лагерь для военнопленного)». Если же в списках депортированных не будет указано, где содержался глава семьи, это будет сделать сложнее, но возможно. Придется исключить из списка фамилии семей военнопленных из Козельского, Старобельского, Осташковского лагерей и заключенных из «украинского списка».

Упоминание о «белорусском катынском списке» до сих пор отсутствует в официальной белорусской историографии. Автором была изучена официальная база реабилитированных в Беларуси в 1950–2000 гг. Среди расстрелянных только в Минске поляки составляют 25 %. На пресс-конференции в 2012 г. польская сторона предложила профинансировать участие в проведении экспертизы в тех же Куропатах с участием польских специалистов.

Переговоры с польской стороной идут на протяжении последних лет в абсолютно закрытом формате. В частности, В. Макей встречался с Р. Сикорским в Варшаве 28 августа 2014 года. Совершенно непонятно, почему

представители польской стороны не консультировались ни с одним из белорусских специалистов, которые проводили эксгумации в Куропатах (и первую – в 1988 г., и вторую – в 1997–1998 гг.). В этих условиях с точки зрения целесообразности проведения третьей эксгумации преждевременно. По нашему мнению, сейчас это будет рискованный шаг, который, вроде бы, делается в нужном направлении. Если и были в Куропатах останки расстрелянных в 1940 г. польских офицеров, то их там уже нет. По всей видимости, их уничтожили в предыдущие годы.

Наверное, именно поэтому с такой легкостью власти на фоне полного непризнания проблемы репрессий в Беларуси идут навстречу польской стороне в подготовке эксгумации. Переговоры польской и белорусских сторон проходят в закрытом формате. Можно предположить, что получится так, что в Куропатах разрешат провести очередную эксгумацию. И что это даст? А если тех останков там нет? В Минске 19 мест расстрелов, и это совершенно не значит, что польские офицеры захоронены именно в Куропатах. Тогда была методика: расстреливать партиями в разных местах. Следовательно, надо изучать все известные места расстрелов и захоронений.

А вот какие аргументы у польской стороны: «польская общественность уверена, что они захоронены именно в Куропатах». Так польская общественность и не знает другого места расстрелов в Минске, кроме Куропат. Надо было ей консультироваться с исследователями, которые бы рассказали другое. Автор считает, что основная часть расстрелянных офицеров польской армии захоронена на месте нынешней городской свалки в урочище Благовщина. Она была создана на этом месте абсолютно неслучайно. И когда нам говорят оппоненты «а документы покажите!», отвечаем, что документов, по всей видимости, уже нет.

Здесь только можно проводить следственные действия, искать третьестепенных свидетелей, сопоставлять другие факты. Иного выхода нет, ведь КГБ РБ заявляет, что никаких документов в архиве не обнаружено. И по местам захоронений нигде не разрешен доступ к документам, даже в России (только по отдельным местам открывали, и доступ к архивам там был до недавнего времени свободен). Поэтому преждевременно проводить эксгумацию в Куропатах, не имея для этого достаточных оснований.

Не с Куропат надо начинать! Давайте сначала исключим варианты в других местах. Но польская сторона пока не прислушивается к мнению ряда белорусских историков и не задумывается над проблемой: если белорусская власть в условиях полного отрицания репрессий на своей территории даст согласие на проведение эксгумации в Куропатах, значит, она уверена, что там ничего не найдут.

Приведем несколько аргументов, почему в Куропатах не найдут останков польских офицеров. Первый аргумент: проводились две эксгумации, во время которых вскрывалось 18 захоронений в разных местах Куропат, и ни в одном из них не было знаков отличия, пуговиц, документов польских офицеров. Это формальный признак.

Второй аргумент: в Куропатах – 510 могильных впадин, и когда проводилось вскрытие захоронений еще в 1988 году, археологи пришли к однозначному выводу – все захоронения в предыдущие годы уже раскапывались. И представляла такая картина: допустим, три захоронения с останками, а рядом такие же могильные впадины, но останков в них уже нет.

Поэтому, даже если предположить, что офицеров польской армии расстреляли в Куропатах (а они были военнопленными гражданами другого государства), это как раз такое преступление, которое не имеет срока давности. И могильные ямы в таких случаях как правило вычищали так профессионально, что не оставалось никаких следов преступления.

Согласно белорусскому законодательству любые работы, связанные с эксгумацией, не может выполнять ни одна общественная структура. Фактически у нас раскопки и эксгумации может проводить только 52-й специализированный поисковой батальон Министерства обороны, который подчинен Управлению по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн. Но этому батальону не вменено в обязанности проводить эксгумацию захоронений так называемых «врагов народа».

Как, например, установили места расстрелов в Украине? Исследователи изучили документы из Национального архива по выделению земельных участков в пользование НКВД. Та же Быковня, одно из крупнейших мест захоронений жертв сталинских репрессий, обнаружена была именно по выделению участков НКВД. Все места захоронения так называемых «катынских расстрелов» – Катынь, Медное, Харьков – находятся в районах дач НКВД. Почему так? Потому что в том районе и охрана, и меньше посторонних. У нас, по всей видимости, остается именно этот путь установления мест захоронений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne. 1939 wrzeisien-grudzien* / Red. W. Rojek. – Warszawa : Polski Instytut Spraw Miedzynarodowych, 2007.

2. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / отв. ред. и сост. С. З. Случ. – М. : Логос, 2007.

3. Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / сост. : Н. С. Лебедева [и др.]. – М. : Весь Мир, 2001.

4. *Лебедева, Н. С.* Катынская проблематика: итоги и перспективы. – М. : РОССПЭН, 2015.

5. *Яжборовская, И. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях / И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсиданова. – М. : РОССПЭН, 2009.

С. В. Кулинок

**К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ПОДГОТОВКИ
НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ АГЕНТУРЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере территории Беларуси)¹**

Исследование уровня и качества подготовки немецкой агентуры необходимо для оценки эффективности и результатов ее работы на Восточном фронте. В данной статье рассмотрим два основных аспекта: «что» преподавали агентам и «кто» преподавал.

В самом начале отметим, что единой определенной системы подготовки немецкой агентуры в спецшколах не было. Обучение шпионов значительно различалось и зависело от многих факторов: специализации учебного центра, статуса курсанта (военнопленный, гражданский, его пол и возраст и т.д.), предполагаемого задания агента, его сложности и т.д. Поэтому говорить об унифицированной (типовой) подготовке агентуры не совсем корректно.

Курсантов для обучения в школах вербовали в основном среди военнопленных, из антисоветского, предательского и уголовного элемента, проникшего в ряды Красной армии и перешедшего на сторону немцев, а также из антисоветски настроенных граждан, оставшихся на временно оккупированной территории СССР. Органы абвера рассчитывали, что агентуру из военнопленных можно быстрее подготовить для разведывательной работы и легче внедрить в части РККА.

Подбор агентов производили официальные сотрудники школ, команд и специальные вербовщики из белоэмигрантов, которые систематически посещали передовые пункты приема военнопленных, пересыльные и стационарные лагеря. Кроме того, в каждом лагере существовал отдел абвера с соответствующим штатом сотрудников, которые также занимались вербовкой. В ряде исследований можно встретить утверждение, что именно тяжелые условия содержания, а фактически – выживания, активно использовал абвер при вербовке. Это верно лишь отчасти. Немецкий историк Клаус-Михаэль Мальман в работе, посвященной операции «Цеппелин», указывает: «Одним из факторов успеха такого стремительного набора [агентов. – С.К.] было, конечно, желание избежать голода в лагерях для военнопленных. Этот ситуативный момент, однако, не стоит переоценивать или абсолютизировать, так как он может привести к заблуждению. Вряд ли этим можно объяснить те большие размеры добровольного коллаборационизма, который сопутствовал немецким оккупантам от Прибалтики до Кавказа». Это «скорее, указывает на то, что этот феномен стал преобладающим из-за внутренних советских условий, в частности, из-за напряжения между национальностями и в результате

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

большевистских репрессий. Эти конфликтные точки значительным образом облегчили проведение операции «Цеппелин», в рамках которой использовались центробежные силы многонационального Советского Союза и последствия десятилетий исключительно кровавого режима» [45, S. 328–329].

Агентура из гражданского населения подбиралась по рекомендации и при содействии немецких контрразведывательных и полицейских органов, руководителей антисоветских организаций, местных руководителей различного уровня. Базой для вербовки агентуры в школы являлись также антисоветские вооруженные формирования, РОА, РОНА, различные национальные организации, объединения, партии и т.д.

Первое, на чем необходимо акцентировать внимание, – это различные сроки подготовки агентуры: от недели (курсы в Барановичах и Минске) [11, л. 56; 25, л. 417, 480] до года в Оршанской спецшколе [29, л.11об.]. Например, на курсах ГФП в г. Борисове обучение агентов длилось три недели [40, л. 55–56], на «краткосрочных курсах гестапо» в Слуцке преподавали 10 дней [37, л. 204–209], одна из школ Минска осуществляла выпуск агентов после приблизительно 20-дневного курса [31, л. 44–46]. Безусловно, уровень подготовки и квалификации такой агентуры был невысоким.

Наиболее распространенными для подготовки агентуры в секретных школах на территории БССР были программы, рассчитанные на период от 1 до 6 месяцев. Так, в абвершколе в Борисове (Печах) подготовка агентуры составляла 2–3 месяца [22, л. 18–19; 26, л. 66; 27, л. 70–71]. В Бресте, Витебске, Полоцке и Слуцке в спецшколах предусматривалось 3-месячная подготовка [24, л. 13; 26, л. 66; 31, л. 6–7; 33, л. 80об.–81; 4, с. 159]. В деревне Ельница (Борисовский район) в «школе гестапо» обучение продолжалось 5 месяцев [10, л. 47; 38, л. 236–236об.], а в Барановичской, Гомельской и одной из Минских школ подготовка курсантов продолжалась 6 месяцев [19, л. 431; 25, л. 286–297, 433–436]. В некоторых учебных центрах велась достаточно длительная подготовка агентуры. Например, при «минском и борисовском гестапо» были открыты 9-месячные курсы для евреев» [20, л. 272].

Учебные дисциплины в разведывательно-диверсионных школах значительно отличались между собой. Во многом это определялось уровнем учебного центра (курсов или школы), профилем деятельности (подготовка агентуры для заброски в тыл СССР и Красной армии или для борьбы с партизанами; подготовка разведчиков, диверсантов, радистов), составом курсантов (мужчины, женщины, дети, представители различных национальностей).

В «классических» абвершколах агентов обучали, как нужно переходить линию фронта, вести себя в тылу при выполнении задания, а в случае задержания – на допросах и в местах заключения. Забрасываемым указывали, что необходимо оказывать вооруженное сопротивление при задержании, а в безвыходном положении – кончать жизнь самоубийством. При захвате ни при каких обстоятельствах не сознаваться в причастности к немецкой разведке. В случае предложения о перевербовке – соглашаться, а после возвращения доложить об этом.

Разведчики изучали структуру организации воинских частей Красной армии, знаки различия, основы топографии (умение пользоваться картой, ориентироваться на местности с компасом, определять расстояние, вычерчивать по памяти схематическую карту) и проходили стрелковую, физическую, тактическую и строевую подготовку.

В диверсионных школах агенты изучали те же предметы, что и в разведывательных, но дополнительно получали специальную подготовку по проведению диверсий и террора. Они изучали свойства взрывчатых веществ и правила закладки их под намеченный к разрушению объект, зажигательные средства и способы их применения, приготовление простейших взрывчатых и зажигательных веществ и правила обращения с ними, огнестрельное оружие и стрельбу из него. Полученные теоретические знания закреплялись на практических занятиях.

Агенты-радисты кроме общих дисциплин изучали радиодело, умение работать на ключе на слух, правила вступления в связь с разведцентром, методы шифровки и дешифровки радиограмм. Радист считался подготовленным, если он мог принимать и передавать без ошибок 70–80 знаков в минуту [43, С. 283–284]. Отметим, что такая глубокая и серьезная подготовка проводилась лишь в нескольких школах на территории БССР (в Борисове, Минске, Витебске, Гомеле и др.).

В большинстве школ уровень обучения курсантов был достаточно средним и даже низким. Например, на курсах ГФП в Борисове подготовка велась по двум направлениям – разведка и террор. Курсантам-разведчикам преподавались «в основном маскировка и поведение в отряде – входить в доверие к командному составу, добиваться командных должностей», а также черчение. Диверсантам – «методы террора личным оружием – наганом, ножом и физической борьбой» [40, л. 55–56]. В учебном центре («школа гестапо»), открытом на территории борисовской электростанции, изучали «местность партизанских зон и шпионаж» [40, л. 113об.–114об.]. Разоблаченный немецкий агент Александра Усова, обучавшаяся в «школе гестапо по ул. Стеклозаводской» в Борисове, на допросе в мае 1943 г. относительно программы сообщила: «как таковых отдельных предметов не было, была только отдельная тема, как себя вести, когда пойдешь в отряд... На занятиях говорили, что когда попадешь в отряд, то надо дружить, главным образом, с командным составом, вплоть до поступления в сожительство с ним, чтобы получить больше сведений» [39, л. 13–14; 42, л. 1]. Несколько лучше велась подготовка агентуры на курсах, открытых при могилевской тюрьме. Там читалось «разведывательное дело и крепко агитировали за Гитлера. В разведку входило: разведка воинских частей Красной Армии, разведка по партизанским отрядам, вербовка людей на свою сторону, агитация среди населения на сторону немцев; диверсионная работа – отравление колодцев, продуктов питания и т.д... По части опознавания своей агентуры учили узнавать мимикой, жестами рук и другими движениями, как опознать агента по опознавательному знаку» [24, л. 9–11об.].

Очевидно, что уровень подготовки такой агентуры был низким. Им преподавали даже не дисциплины, а минимальный (базовый) набор бессистемных знаний, необходимый для работы. Более глубокая подготовка велась в стационарных школах. Например, в Слуцке агентами изучался «белорусский язык, немецкий язык, методы русской разведки, диверсионная работа немецкого разведчика, подрывное дело, методы и приемы поведения, методы вербовки партизан» [24, л. 17–20], а также «приемы физической борьбы, вербовка агентуры» и методы конспирации [37, л. 333–338]. В «школе гестапо № 12», расположенной на территории лагеря Тростенец, преподавались: военная топография; немецкий язык; формы диверсии (массовое отравление при помощи пищи, водных бассейнов, порча машин, подрыв и минирование железных дорог, подпилка мостов и др.); индивидуальный террор; способы озлобления народа – массовые и индивидуальные; выработка характера; история развития НСДАП и роль Гитлера; «Новый порядок в Европе»; методы разведки и контрразведки; тактика немецкой армии [2, л. 9, 10; 27, л. 130–135].

Укажем на некоторые важные аспекты обучения узкоспециализированной агентуры. Так, в некоторых школах, готовивших кадры для внедрения в партизанские формирования, преподавалась «история окружения на территории Беларуси частей Красной Армии» [35, л. 34об.]. Это делалось для составления более качественной легенды и получения знаний агентами, которые внедрялись под видом «окруженцев». В столице БССР в одной из школ готовилась агентура для диверсионной работы на военных объектах в тылу СССР. Курсантам преподавали «топографию, типы самолетов, характеристики родов войск, строевую подготовку и в особенности приветствия старших командиров» [25, л. 414–415]. При подготовке радистов в абвершколе в Борисове (Печи) читались следующие дисциплины: а) передача на ключе; б) шифровка; в) метеорологический шифр; г) специальный код; д) радиостанция; е) обмен корреспонденцией – проводится исключительно под наблюдением немцев. В этом же месте для разведчиков преподавались: «организация и управление войсковых частей РККА всех родов до бригад включительно; вооружение РККА; составление радиogramм, донесений и отчетов; наблюдение за шоссевыми и железными дорогами; развитие слуховой и зрительной памяти; переход фронта; беседа с красноармейцами и встречными; физподготовка; строевая подготовка и приветствие; политическая подготовка; работа и организация НКВД» [41, л. 12–22].

Помощником начальника разведывательного отдела ЦШПД капитаном В. Куровым в 1944 г. была подготовлена рукопись «Партизанская агентурная разведка», в которой он определил перечень «типовых» учебных дисциплин, преподававшихся в спецшколах и на курсах: организация, комплектование и вооружение Красной армии; политико-моральное состояние личного состава Красной армии; транспорт СССР; промышленные и военные объекты; военная топография; организация и деятельность советской контрразведки;

способы переброски агентуры в тыл Красной армии и методы легализации; добыча и передача разведывательных данных; методы конспирации; радиодело и работа на ключе (для радистов); история партизанских отрядов; составление радиogramм, донесений и отчетов; развитие слуховой и зрительной памяти; физическая подготовка; история НСДАП и «Новый порядок» в Европе. В ряде школ преподавали основы фармакологии и работу с отравляющими веществами [21, л. 16–17; 41, л. 12–22].

Выделим еще два, на наш взгляд, важных и малоизвестных аспекта в обучении агентуры. Во-первых, это многоступенчатость в подготовке шпионов. В архивных документах имеются свидетельства того, что после окончания одного учебного заведения агентов могли направлять для переподготовки в другое (это могло быть вызвано сменой задания или другими причинами) [14, л. 9–9об.; 15, л. 21–21об.]. Курсы переподготовки агентурных кадров действовали и в Гомеле. В частности, с 9 по 20 сентября 1943 г. на них обучалась «агент в юбке» Нина Севостьянова, которая до этого (с июня по декабрь 1942 г.) 6 месяцев проходила подготовку в разведшколе в Гомеле. В качестве слушателей на этих курсах присутствовали и немецкие сотрудники СД [25, л. 270–275]. Такая практика существовала и в других регионах. Так, в г. Вроцлав на территории Польши действовал специальный лагерь «Цеппелина», где готовилась разведывательно-диверсионная агентура. После его окончания часть курсантов направлялась в школу в м. Волау (Волув) (в 40 км от Вроцлава), где они «проходили окончательную отшлифовку по пройденной программе» [16, л. 41–42; 24, л. 69–82]¹.

Во-вторых, необходимо отметить, что в некоторых учебных центрах проводились и «практические» занятия. Вот что рассказал агент Тростенецкой школы М. Брейтман-Петренко: «Видное место занимала выработка стойкости и твердости характера или, если выразиться более точнее, сделать из людей нечувствительных по отношению к страданиям других. Для этого часто заставляют присутствовать при расстрелах заключенных и евреев, которые находились в лагерях... заставляли ходить к ямам в лесу, где складывались и сжигались убитые евреи». В ряде случаев курсантов могли привлекать к такого рода «занятиям» [27, л. 130–135]. Вот, что показала на допросе агент абвершколы в Минске Н. Сушенко: «В школе слушатели должны заниматься 6 месяцев, после проходить 2-месячную практику и в г. Минске и прилегающих деревнях. Ходили на практику в тюрьму во время ведения следствия и избиения пойманных партизан. Учащиеся также практиковались в избиении и убийствах людей» [25, л. 433–436]. Все это делалась еще и для того, чтобы «повязать будущих агентов кровью», собрать на них серьезный компромат и предотвратить их переход на сторону противника.

¹ Аналогичная деятельность практиковалась немецкой разведкой и на других участках фронта. Например, курсанты, обучавшиеся в разведшколе в Рованиеми (Финляндия), затем могли направляться для подготовки в спецшколу в Петрозаводске [1, с. 5].

Преподавательский состав разведшкол и курсов также различался. В «Отчете о состоянии разведывательной работы по 1-й партизанской бригаде т. Захарова» от 28 июля 1943 г. указывалось: «Основной преподавательский состав в школах – старые матерые немецкие шпионы из отделов гестапо, а также есть часть русских, прошедших шпионское воспитание в Германии и имеющие большой шпионский стаж» [33, л. 64об.–66об.]. В крупных (стационарных) школах в областных и районных городах руководители, его заместители и некоторые преподаватели были офицеры и сотрудники немецких спецслужб, а часть преподавателей и вспомогательный персонал был представлен местными кадрами, в основном из активных коллаборантов и военнопленных. Такая ситуация характерна для школ абвера в Борисове (Печах), Минске, Витебске [6, л. 66–67; 8, л. 51–51об.; 27, л. 70–71; 34, л. 1–3об.; 41, л. 26–29; 44, с. 234–237, 240–242; 43, с. 321–322, 327–328, 333], учебных центров в Гомеле [25, л. 286–297], Могилеве [7, л. 76–77; 13, л. 16–17], Полоцке [5, л. 275–281] и др. Например, в Оршанской разведывательно-диверсионной школе преподавателями были пять советских военнопленных в чине от младшего до старшего лейтенантов [15, л. 1–3; 25, л. 21–22]. В одной из разведшкол в Минске преподавателями были несколько сотрудников НКВД [23, л. 49–51].

В небольших школах и на вечерних курсах руководящий и преподавательский состав мог состоять из местных кадров, находящихся на службе у немцев (сотрудники полиции, различных учреждений, командный состав РОА и РННА и т.д.). В Борисове на вечерних курсах ГФП преподавали местные «активисты» Стась, Руденко и Щерс [40, л. 55–56]. В «школе специалистов», расположенной также в городе на р. Березине, руководящие должности занимали «генерал-майор Андрей Севастьянов, комбриг Богданов... генерал-майор Наумов» [24, л. 88–89]. Руководителями и преподавателями «периферийных» школ в Ельнице и Куренце также были предатели, перешедшие на службу к немцам [9, л. 31об.; 17, л. 148; 18, л. 370; 28, л. 84–84об.; 30, л. 354об.; 37, л. 169–170об.].

Расписание в школах также значительно отличалось. Если на вечерних курсах обучение могло проходить несколько часов в день или в выходные, то в стационарных школах существовал строгий распорядок. Обучавшимся агентам разрешалось свободное общение между собой и категорически запрещалось общение с гражданским населением за пределами школ. Выход из школы в город разрешался руководителями школы только в исключительных случаях.

Обучение в Гомельской разведшколе проходило ежедневно с 9 до 15 часов, кроме выходных. В субботу и воскресенье предоставлялось свободное время и разрешался выход в город до 24 часов [25, л. 286–297]. В разведывательной школе «Зондерштаба-Р» в Варшаве четыре дня в неделю занимались по 6 часов с 9.00 до 12.00 и с 14.00 до 17.00 и два дня в неделю по 4 часа с 9.00 до 13.00. В воскресенье был выходной [25, л. 209–215].

Для наглядности приведем распорядок дня в учебном центре «Цеппелина» в местечке Волау (Волув) в 40 км от Вроцлава. Подъем был в 6 часов утра, затем 15-минутная зарядка и туалет. В 8 часов завтрак, который состоял из 200 г хлеба, 25 г маргарина или меда (редко) и 0,5 л кофе без сахара. Занятия начинались в 9 часов и продолжались до 12 часов. В 12 часов начинался обед, который включал 1 л картофельного супа с мукой без хлеба. После обеда курсантам давался 1 час отдыха, а потом начинались занятия по спецподготовке. В 18 часов ужин: 200 г хлеба и 50–70 г ливерной колбасы и кружка кофе [25, л. 568–571]. При подготовке детской агентуры в школе в Борисове питание курсантов состояло из лапши или риса со сладким чаем (молоком). На обед давали суп с мясом и картошку с котлетой, а на ужин – молоко или чай с хлебом [32, л. 65]. Таким образом, для курсантов стационарной формы обучения предусматривался полный пансион. Агентов, готовившихся на вечерних курсах, могли дополнительно обеспечивать сухим пайком [39, л. 15–18; 42, л. 2–2об.].

Характеризуя систему обучения агентуры, отметим, что унифицированной подготовки курсантов в немецких спецшколах не было. Уровень и качество подготовки в каждом отдельном случае могли отличаться. Это было связано с такими аспектами, как подчиненность школы, направление ее деятельности, половозрастные и национальные характеристики курсантов, предполагаемые задания и т. д. На территории БССР действовали как школы с краткосрочным обучением (от 7 дней до месяца), так и с долгосрочным (до 1 года). Наиболее оптимальные и часто используемые сроки подготовки в разведывательных центрах на территории Беларуси составляли от 3 до 6 месяцев. Качество обучения во многом оказывало влияние и на эффективность немецких агентурных кадров, которая, по нашему мнению, была относительно невысокой [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веригин, С. Г.* Деятельность советских спецслужб по ликвидации финских разведшкол на Карельском фронте (1942 – 1944 гг.) / С. Г. Веригин // *Studia Humanitatis Borealis*. – 2017. – № 2. – С. 4–9.
2. Государственный архив Минской области. – Ф. 4233. Оп. 1. Д. 1.
3. *Кулинок, С. В.* К вопросу об эффективности деятельности немецкой агентуры на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // *Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф.*, Москва, 5–6 дек., 2019 г. – М. : Фронткнига, 2019. – 504 с. – С. 233–243.
4. *Надтачаев, В. Н.* Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надтачаев. – Минск : Кавалер, 2008. – 416 с.
5. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 151.

6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.
7. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
8. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56.
9. НАРБ. – Ф. 1402. Оп. 2. Д. 72.
10. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1183.
11. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979.
12. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 2. Д. 102.
13. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64
14. НАРБ. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 62.
15. НАРБ. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 92.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 858.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 10.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 22.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 27.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 55.
24. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56.
25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58.
27. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
28. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 62.
29. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65.
30. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 66.
31. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1286.
32. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1298.
33. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1311.
34. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1335.
35. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 254.
36. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11. Д. 32.
37. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 12.
38. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 26.
39. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 31
40. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.
41. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150.
42. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 214.

43. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. – Симферополь : Н.Орианда, 2011. – 656 с.

44. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха / С. Г. Чуев – СПб. : Издат. дом «Нева», 2003. – Кн. 1. – 383 с.

45. *Mallmann, M.-K.* Der Krieg im Dunkeln. Das Unternehmen «Zeppelin» 1942–1945 / M.-K. Mallmann // Nachrichtendienst, politische Elite und Mordeinheit. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers SS / M. Wildt (Hg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 2003. –S. 324–346.

НОВЫЯ НЯМЕЦКІЯ ДАКУМЕНТЫ АБ МАЛАВЯДОМЫХ СТАРОНКАХ
ВЫЗВАЛЕННЯ БЕЛАРУСІ (1943–1944)

Усебаковае даследаванне гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі на этапе вызвалення Беларусі, нягледзячы на з'яўленне ў апошнія гады грунтоўных навуковых прац [1; 2; 3; 4; 5], пакуль што застаецца з асобнымі «белымі плямамі» ў сучаснай беларускай і расійскай гістарыяграфіі [6; 7]. На наш погляд, у іх пераліку без належных адказаў дагэтуль знаходзяцца вельмі складаныя гістарычныя пытанні, напрыклад: 1) аб перабежчыках ці савецкіх дэзерцірах, г. зн. тых, хто самавольна пакідаў вайсковыя часці або месцы нясення службы, нават поле бою; 2) савецкіх ваеннапалонных, якія, як высветлілася, і на этапе вызвалення Беларусі траплялі ў нямецкі палон падчас правядзення Чырвонай арміяй наступальных аперацый (Гомельска–Рэчыцкай, 10–30.11.1943 г.; Калінкавіцка–Мазырская, 8–30.01.1944 г.; Рагачоўска–Жлобінская, 21–26.02.1944 г.; Палескай, 15.03–4.04.1944 г.); 3) аб фактычным удзеле штрафных рот Чырвонай арміі, якія дзейнічалі, як правіла, у агульных баявых парадках пры вызваленні Беларусі: гэта значыць, у вырашэнні апэратыўна асабліва важных ці надзвычай цяжкіх баявых задач па разведцы боем, штурму і заняцці абарончых пазіцый праціўніка, прарыву ўзмоцненых рубяжоў для забеспячэння наступлення разам з іншымі савецкімі часцямі і інш.

У першую чаргу паставім прынцыповае пытанне аб тым, ці даследавалася гэтая тэматыка айчыннай гістарычнай навукай увогуле [8; 9; 10] і ў якой ступені згаданыя гістарычныя з'явы вядомы шырокаму беларускаму чытачу калектыўных даследаванняў ці аўтарскіх манаграфій у прыватнасці? З айчыннай літаратуры толькі ў апошні час больш менш стала вядомай тэма аб афіцэрскіх штрафных батальёнах – гэтак званых штрафбатах [11; 12; 13; 14], якія, як вядома з загада Наркама абароны СССР № 227 ад 28.07.1942 г. (у літаратуры вядомы пад назвай «Ні кроку назад!»), фарміраваліся на кожным фронце ў залежнасці ад баявых абставін у колькасці ад адной да трох адзінак. У іх склад накіроўваліся сярэднія і старэйшыя камандзіры і палітработнікі, абвінавачаныя ў «парушэннях дысцыпліны». Нагадаем, што сучасныя даследчыкі сходзяцца на думцы аб агульнай колькасці тых, хто быў накіраваны ў штрафныя падраздзяленні сплываць віну крывёю: па стане на 2007 г. паводле картачак уліку Цэнтральнага архіва МА РФ: 427910 савецкіх ваеннаслужачых [14а, с. 12]. Такія суровыя пакаранні выносілі камандуючыя і ваенныя саветы франтоў у дачыненні да камандзіраў рот, батальёнаў, палкоў, камісараў і палітработнікаў, якія адступілі без загаду зверху, таму аб'яўляліся «зdraднікамі Радзімы». Адзіным шляхам да зняцця такога пакарання было правіла – змыць крывёю такое абвінавачанне перад Радзімай. Пасля чаго ім вярталіся ранейшыя воінскія званні, узнагароды, правы, а для праходжання далейшай службы яны маглі быць накіраваны ў іншыя часці.

У гэтай сувязі зададзімся чарговым пытаннем адносна таго, наколькі беларускі чытач здолее самастойна разабрацца ў такіх складаных і супярэчлівых аспектах праблемы, асабліва ва ўмовах захавання ў грамадстве ў дачыненні да штрафных рот выключна ідэалагічных ацэнак, калянавуковых стэрэатыпаў і адсутнасці пры гэтым спецыяльных навуковых даследаванняў. Адразу ж нагадаем, што ў канцы нулявых гадоў пабачыла свет праца, прысвечаная толькі аднаму са штрафбатаў, які прымаў удзел у вызваленні Лоева, Гомеля, Рагачова і Жлобіна ў складзе 1-га Беларускага фронту [13]. Гэта гісторыка-дакументальнае выданне было прысвечана 8-му асобнаму штрафному батальёну, аўтарам якога з'яўляўся адзін з яго непасрэдных удзельнікаў – камандзір роты аўтаматчыкаў, потым адной з рот гэтага батальёна лейтэнант А. В. Пыльцын. Як ён сам адзначае ў прадмове да кнігі, успаміны паказваюць толькі некаторыя баявыя эпізоды гісторыі батальёна, якія ўдалося аднавіць для чытача дзякуючы не толькі ўласным успамінам, але ў значнай меры працы аўтара з дакументамі Падольскага ваеннага архіва. Баявы афіцэр звяртае ўвагу на тое, што ў 1944 г. сярэднямесячныя страты пераменнага складу забітых, памёрлых, раненых і хворых перавышалі ў 3–6 разоў узровень страт асабовага складу звычайных войскаў [Там жа, с. 425].

Аднак А. В. Пыльцын пакідае ў сваёй кнізе без аніякай увагі большасць з акрэсленых вышэй аспектаў гэтай складанай тэмы, засяроджваючы ўвагу толькі на асобных старонках гісторыі ўдзелу 8-га штрафнога батальёна ў баях за вызваленне Беларусі. Пасля знаёмства з выданнем у чытача застануцца шматлікія пытанні аб падобных па сваім найменні баявых падраздзяленнях Чырвонай арміі – штрафных ротах. Галоўным з іх з'яўляецца наступнае: наколькі масавай з'явай у Чырвонай арміі былі штрафнікі? Колькі салдат, сяржантаў і афіцэраў (пастаяннага і зменнага складу) прайшлі праз такія вайсковыя падраздзяленні ў ходзе вызвалення Беларусі? У чым вызначаліся асаблівасці выкарыстання сяржанцка-салдацкіх і афіцэрскіх штрафных рот пры вырашэнні баявых задач? Як вызначалася аснова для камплектавання штатнага складу савецкіх падраздзяленняў падобнага роду? Чаму да гэтага часу не апублікаваны ўспаміны хоць кагосьці з тых, хто ваяваў у штрафных ротах, здолеў выжыць у баях, але так і не распавёў пра гэта на старонках газет, часопісаў ці кніг? Няўжо ніхто не хацеў расказаць праўду аб такіх франтавіках? Чаму не знайшоўся ніхто, хто б з апорай на ўспаміны ці малавя-домыя факты, якія мелі месца ў гісторыі, здолеў бы паведаць нашчадкам аб унікальных падраздзяленнях Чырвонай арміі, якія змагаліся за вызваленне Беларусі.

У гэтай сувязі ўзнікаюць галоўныя пытанні: чаму гэта тэма да цяперашняга часу не знайшла свайго даследчыка ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі, не стала прадметам даследавання ў навуковых працах, чаму застаецца без крытычнага аналізу? Нагадаем чытачу, што ў савецкі час тэма штрафных рот наўмысна замоўчвалася як у літаратуры, так і ў друку, а таксама ў сродках масавай інфармацыі. Ці такое замоўчванне працягваецца і надалей па той простае прычыне, што гэта катэгорыя удзельнікаў баявых дзеянняў не знаходзіла свайго замацавання ў савецкай канцэпцыі Вялікай Перамогі? Звернемся да прававых асноў фарміравання штрафных падраздзяленняў. Паводле загаду № 227, дзе ў якасці штрафніка разглядаліся «вінаватыя ў парушэнні дысцыпліны па

баязлівасці або няўстойлівасці», а таксама тыя чырвонаармейцы, якія наўмысна на невыкананне загаду, членашкодніцтва, уцякалі з поля бою ці спрабавалі перайсці да ворага. Таму штрафнікі ставіліся на найбольш цяжкія ўчасткі арміі, каб мець магчымасць сплаціць крывёю свае злачынствы перад Радзімай [15, с. 251].

Зразумела, што ў мэтах паказу гэтай складанай і надзвычай супярэчлівай праблемы прафесійнымі гісторыкамі асабліваю каштоўнасць будучь уяўляць дакументальныя крыніцы, якія могуць утрымліваюць звесткі аб такіх малавядомых вайсковых падраздзяленнях, іх асабістым і колькасным складзе, узросце, падрыхтоўцы, узбраенні, нацыянальнасці і г.д. Асабліва важным фактарам для вывучэння гэтай тэматыкі можна назваць увядзенне ў шырокі ўжытак новых крыніц, якія ўтрымліваюць звесткі аб штрафных ротых. Мажліва, што для напісання іх усебаковай гісторыі пакуль недастаткова не толькі дакументальных крыніц, але і гістарычных звестак.

Таму аўтар гэтых радкоў прапануе разгляд некалькіх даволі важных аспектаў для даследавання гісторыі штрафных рот у ходзе вызвалення Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г. У нашым выпадку размова вядзецца пра нямецкія дакументы, якія ўяўляюць сабой рэгулярныя данясенні аддзела выведкі і контрвыведкі штаба 9-й нямецкай палявой арміі. Перш-наперш звернем увагу чытача на тое, што практычна ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі размова будзе весціся пра шматлікія прыклады фактычнага ўдзелу радавых, сяржантаў і афіцэраў у шматлікіх баях у час вызвалення канкрэтных беларускіх населеных пунктаў, дзе побач з гераічнай і трагічнай тэматыкай у якасці гістарычных фактаў вайны была такая няпростая з’ява, як штрафныя роты, штрафнікі і гісторыя іх баявой дзейнасці.

Таксама нагадаем, што на лініі наступлення Беларускага фронту рубаж абароны трымала 9-я нямецкая палявая армія, якая знаходзілася на правым крыле групы армій «Цэнтр» і з канца 1943 г. і ў пачатку 1944 г. адказвала за ўтрыманне абароны на даволі знаным участку ад Новага Быхава на поўначы да Жыткавіч на поўдні. Гэтая лінія пастаянна змянялася на асобных участках фронту ў напрамку на захад, што было вынікам паспяховага наступлення сіл Беларускага фронту (з красавіка 1944 г. – 1-га Беларускага фронту). Паводле нямецкіх звестак, на участку абароны 9-й германскай палявой арміі колькасць савецкіх дзеючых стралковых дывізій дасягала 39 з 11, 48, 50, 61, 65 і 63 армій [16, S. 529].

Паводле загада № 227, правам на фактычнае стварэнне штрафных рот надзяляліся ваенныя саветы армій і перш за ўсё камандуючыя арміямі, якія маглі сфарміраваць на рубяжы дзейнасці арміі ад пяці да дзесяці (гледзячы на абставіны) штрафных рот (ад 150 да 200 чалавек у кожнай), куды накіроўвалі радавых байцоў і малодшых камандзіраў, якія парушылі дысцыпліну па баязлівасці ці няўстойлівасці, і ставілі іх на цяжкія ўчасткі арміі, каб даць ім магчымасць сплаціць крывёю свае злачынствы перад Радзімай [15, с. 251]. Нагадаем, што ў плане аператыўнага падпарадкавання штрафныя роты былі замацаваны за палкамі, якія забяспечвалі штрафнікоў усім неабходным, выдавалі ўзбраенне, боезапасы, вызначалі канкрэтнае заданне.

Крыніцазнаўчы аналіз нямецкіх архіўных матэрыялаў дазваляе даць адказ на пастаўленыя вышэй пытанні толькі ў некаторай ступені. У нашым выпадку размова вядзецца пра трафейную калекцыю «Александрыйскіх мікрафільмаў» [17, с. 60–69], у якіх захаваліся данясенні аддзела разведкі і контрразведкі, падрыхтаваныя штабам 9-й нямецкай палявой арміі. Аснову данясенняў складалі звесткі, атрыманыя ў ходзе допытаў савецкіх ваеннапалонных і перабежчыкаў па некалькіх важных пазіцыях, звязаных з: 1) баявымі часцямі (іх баяздольнасцю, баявой сілы, складам, узбраеннямі, стратамі); 2) папаўненнем (адукацыяй, узростам, нацыянальным паходжаннем); 3) выкарыстаннем на вайсковай службе жанчын; 4) санітарным станам і ўмовамі гігіены; 5) газавай вайной; 6) савецкімі ўзбраеннямі і тэхнічным забеспячэннем; 7) уздзеяннем нямецкай зброі; 8) настроем у савецкіх вайсковых падраздзяленнях; 9) настроем і становішчам у тыле; 10) прапагандай і абслугоўваннем часцей; 11) падставамі для пераходу да немцаў; 12) умовамі харчавання і забеспячэння; 13) транспартам; 14) эканомікай і прамысловасцю; 15) абыходжаннем з нямецкімі ваеннапалоннымі; 16) рознымі пытаннямі; 17) нумарам палявой пошты [18, К. 7915486, 7915538, 7915607, 7915640, 7915662, 7915689, 7915724, 7915847, 7915945, 7915994, 7916040, 7916135, 7916140, 7916182, 7916186, 7916202, 7916227, 7916245, 7916272, 7916286, 7916310, 7916328].

На цяперашні час аўтарам выяўлены і апрацаваны матэрыялы 23 данясенняў, якія ахопліваюць перыяд ад 2 лютага па 9 чэрвеня 1944 г. і датаваны 2.01.44, 11.01.44, 18.01.44, 23.01.44, 28.01.44, 4.02.44, 12.02.44, 23.02.44, 7.03.44, 12.03.44, 17.03.44, 24.03.44, 28.03.44, 31.03.44, 6.04.44, 13.04.44, 21.04.44, 27.04.44, 11.05.44, 21.05.44, 1.06.44, 9.06.44, 22.06.44. Як бачна, гэта былі данясенні, якія рэгулярна (раз на 5, 10 і 15 дзён) рыхтаваліся афіцэрамі армейскага штабнога аддзела разведкі і контрразведкі на падставе атрыманых звестак. Кожнае з такіх данясенняў дасягала даволі значных тэкставых памераў: данясенне № 21 ад 21.05.1944 г. мела самы меншы памер толькі ў 13 старонак, тады як першае вясновае данясенне № 9 ад 7.03.1944 г. утрымлівала матэрыял на 72 старонках. У іх змяшчаліся самыя розныя звесткі, тэматычна падзеленыя паводле прыведзеных вышэй крытэрыяў, а таксама факты, якія не сустракаюцца ў існуючым на цяперашні час гістарычным наратыве: або размова ідзе пра сістэматызаваныя звесткі пра назвы вайсковых часцей, нумароў дывізіяў, палкоў, батальёнаў і рот, або даецца характарыстыка ўкамплектавання ўзбраеннямі канкрэтнага падраздзялення з прывядзеннем іх колькасных даных, або прыводзіцца падрабязная геаграфія перамяшчэння вайсковых часцей, згадваюцца імёны асобных камандзіраў батальёнаў, палкоў, дывізіяў і г.д. Адным з самых сур'ёзных недахопаў нямецкіх дакументаў для даследчыка можна назваць амаль поўную адсутнасць імёнаў і прозвішчаў радавых, сяржантаў і малодшага афіцэрскага складу, нягледзячы на тое, што даюцца звесткі пра ўзрост і вайсковую часць, у якой чырвонаармеец праходзіў вайсковую службу на момант палону ці наўмыснага пакідання сваіх баявых пазіцый з мэтай пераходу да ворага.

Прывядзём кароткі крыніцазнаўчы аналіз зместу данясенняў у аспекце паказу некаторых фактаў вайсковай паўсядзённасці, якая па цяперашні час у такім вымярэнні практычна застаецца па-за межамі навуковых даследаванняў.

Перш за ўсё прывядзём агульную колькасць тых, хто ў канцы 1943 – першай палове 1944 г. стаў аб’ектам практычнай дзейнасці нямецкай разведкі і контрразведкі. З данясенняў вынікае, што крыху больш чым за паўгода праз армейскі штабны аддзел прайшлі звесткі на 1960 чырвонаармейцаў розных вайсковых званняў, пачынаючы ад радавога без імя і прозвішча, але са звесткамі пра год нараджэння, прыналежнасць да вайсковай часці, данымі пра ўзбраенне, і завяршаючы маёрам, камандзірам палка 110-й гвардзейскай стралковай дывізіі. Менавіта такая колькасць савецкіх радавых ва ўзросце ад 1893 да 1925 гадоў нараджэння, сяржантаў (2 яфрэйтараў, 9 малодшых сяржантаў, 16 сяржантаў і 10 старшых сяржантаў і 2 старшын) і афіцэраў (11 малодшых лейтэнантаў, 17 лейтэнантаў, 10 старшых лейтэнантаў і 1 капітана) патрапіла ў нямецкі палон. Адзначым, што данясенні ўтрымліваюць звесткі, якія раскрываюць агульную карціну палону чырвонаармейцаў на працягу гэтага часу, адпаведна: у студзені ў палон патравілі 300 чалавек, у лютым – 359, сакавіку – 907, красавіку – 30, маі – 1 і ў чэрвені – 17. У той жа час з 23 данясенняў толькі 16 утрымліваюць звесткі пра штрафнікоў, пачынаючы з першага данясення ад 2.01.1944 і завяршаючы апошнім данясеннем № 24 ад 22.06.1944 г. За гэты ж час пакінулі свае баявыя пазіцыі і перабеглі да праціўніка (дэзерціравалі) 161 чырвонаармеец ці 8,2 %, з якіх у студзені – 25 чалавек, у лютым – 36, у сакавіку – 58; красавіку – 27, у маі – 4, у чэрвені – 14 чалавек.

У прыведзеную лічбу ўваходзяць таксама 109 ці 4,37 % штрафнікоў, з якіх 102 служылі ў штрафных ротам, а 7 з’яўляліся афіцэрамі асобных штрафных батальёнаў, якія ўдзельнічалі ў вызваленні Беларусі ў пачатку 1944 г. [18, К. 7915486–5502, 7915538–5549, 7915607–5616, 7915640–5645, 7915662–5671, 7915689–5699, 7915724–5737, 7915772–5790, 7915847–5870, 7915945–5962, 7915994–6007, 7916040–6058, 7916109–6113, 7916163–6168, 7916187–6189, 7916203–6206, 791628–6231, 7916227–6231, 7916246–6247, 7916273–6276, 7916287–6290, 7916311–6313, 7916328–6332].

Паводле нямецкіх дакументаў атрымліваецца, што штрафнікі належалі да двух штрафбатаў (8-га і 33-га, які дзейнічаў пры 115-й стралковай брыгадзе), а таксама пяці штрафных рот (2-й роты 217 стралковай дывізіі, 188-й пры 42-м танкавым палку, 192-й, 257-й пры 1201-м стралковым палку 354-й стралковай дывізіі, 258-й пры 210-м стралковым палку 82-й стралковай дывізіі, 260-й пры 253-й стралковай дывізіі). Тады як савецкія ваеннапалонныя паходзілі з некаторых вышэй названых і іншых штрафных рот, у тым ліку: 33-га штрафбата пры 63-й арміі, 187-й штрафной роты, 188-й штрафной роты ў складзе 48-й арміі, 189-й штрафной роты пры 175-й стралковай дывізіі, 190-й штрафной роты пры 307-й стралковай дывізіі, 192-й штрафной роты пры 102-й стралковай дывізіі, 257-й штрафной роты пры 354-й стралковай дывізіі 65-й арміі, 258-й штрафной роты пры 210-м стралковым палку 82-й стралковай дывізіі, 262-й штрафной роты пры 193-й стралковай дывізіі, 263-й штрафной роты пры 303-м стралковым палку 69-й стралковай дывізіі [18, К. 7915486–5502, 7915538–5549, 7915607–5616, 7915724–5737, 7915847–5870, 7915945–5962, 7915994–6007, 7916040–6058, 7916109–6113, 7916187–6189, 7916203–6206, 791628–6231, 7916227–6231, 7916246–6247, 7916311–6313, 7916328–6332].

Наяўныя нямецкія матэрыялы даюць магчымасць скласці ўзроставую характарыстыку савецкіх дэзерціраў, а таксама выявіць некаторыя адметнасці. У першым выпадку бачна, што з агульнай колькасці 17 перабежчыкаў, ці 10,6 % былі народжаны ў другой палове 1890-х гадоў. Выключэннем быў толькі адзін чырвонаармеец, народжаны ў 1894 г. Трое з гэтай колькасці служылі ў штрафных ротах. Наступнай узроставай групе належала амаль трэць былых чырвонаармейцаў – 46 чалавек (28,7 %), з якіх 6 служылі ў штрафных ротах. Самую вялікую групу складалі народжаныя ў дзясятыя гады XX стагоддзя – 55 чалавек (34,3 %), з іх толькі 8, ці 14,5 % служылі ў штрафных ротах. На апошнюю групу, якая ахоплівае толькі 5 першых гадоў трэцяга дзесяцігоддзя, прыпадае 43 дэзерціраў (26,8 %), з якіх 23 чалавека былі маладзейшыя за 20 гадоў, адзін з іх быў 1926 года нараджэння, г.зн толькі 18-гадовым юнаком. Заўважым, што 13 чалавек, ці 30,2 % былі народжаны ў 1924 г. З агульнай колькасці перабежчыкаў 30 чалавек, ці 18,75 % паходзілі з штрафных рот і батальёнаў. Сярод перабежчыкаў 9 мелі вайсковыя званні, у тым ліку: 1 капітан, 4 лейтэнанты, 1 – малодшы лейтэнант, 2 сяржанты і 1 малодшы сяржант.

Звернемся да данясення № 1 ад 2.01.1944 г. [19, К. 7915486–513]. На наш погляд, асаблівую навуковую каштоўнасць маюць разведвальныя звесткі, атрыманыя ў адзеле нямецкай выведкі ў дачыненні да складу аднаго з гвардзейскіх стралковых палкоў 38-й гвардзейскай стралковай дывізіі (камандзір палка палкоўнік Шчарбакоў), якая разам з 110-м і 113-м гвардзейскімі стралковымі палкамі ўваходзіла ў склад LXXXXV гвардзейскага стралковага корпуса. Па стане на 11.11.1943 г. полк быў укамплектаваны 523 чалавекамі (32 афіцэры, 77 сяржантаў і 414 радавых), з якіх 472 (з іх 3 афіцэры, 65 сяржантаў і 404 радавых) з'яўляліся новым папаўненнем, з іх 260 чалавек ужо былі ўдзельнікамі баёў, 22 былі членамі партыі, 49 прадстаўлялі саюз камуністычнай моладзі і 11 чалавек мелі ўзнагароды, у тым ліку 5 афіцэраў і 6 сяржантаў. З агульнай колькасці 473 чырвонаармейцы, ці 90,5 % прадстаўлялі рускіх – 275, украінцаў – 169 і беларусаў – 33, астатнія 50 чалавек былі прадстаўнікамі розных нацыянальнасцей, сярод іх 9 – татараў, 6 – узбекаў, 6 – мардвіны, 3 – чувашы, 1 грузін, 1 армянін і 20 прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей. Па ўзросце штатны склад падзяляўся на тых, хто быў народжаны раней, чым у 1896 г. – 5 чалавек, 27 былі народжаным ў прамежку паміж 1896 і 1898 гг, 31 – з 1898 па 1901 г., 50 – з 1902 па 1904 г., 26 – з 1905 па 1907 г., 34 – з 1908 па 1910 г., 52 – з 1911 па 1913 г., 29 – з 1914 па 1916 г., 80 – з 1917 па 1919 г., 85 – з 1920 па 1922 г., і 104 – з 1925 па 1925 г. Гэта азначае, што 298 чалавек, ці 56,9 % палка складалі чырвонаармейцы ва ўзросце да 30 гадоў.

З данясення № 2 ад 11.01.1944 г. [20, К. 7915539–5579] мы даведваемся аб іншым вайсковым падраздзяленні – гвардзейскім лыжным батальёне 37-й гвардзейскай стралковай дывізіі (камандзір дывізіі – генерал-маёр Ушакоў), сфарміраваным у перыяд з 5 па 15 лістапада 1943 г., узброеным 8 снежня, але які да канца года заставаўся без лыж. На працягу трох тыдняў праводзілася тактычная падрыхтоўка з працяглымі маршамі. На момант яго камплектавання камандзірам быў маёр Гранкін, на 29.12.1943 г. яго колькасць складала 364 чалавекі, у тым ліку ў склад 1-й стралковай роты ўваходзілі 99 чалавек, 2-й – 102, ўзвод разведкі складаў 23 чалавекі, узвод мінамётчыкаў – 36, танкавы

каміндзірскі ўзвод – 20 чалавек, сапёрны ўзвод – 19, узвод падрыўнікоў – 11, узвод сувязі – 11, санітарны ўзвод – 7, гаспадарчы ўзвод – 22 чалавекі. Пры гэты згадвалася, што на працягу толькі апошняга тыдня снежня 1943 г. 9 чалавек батальёна былі забітыя, 9 – параненыя і 3 зніклі без звестак.

Адзначым, што ў гэтым жа данясенні прыведзены звесткі, датычныя 84 чырвонаармейцаў, якія патрапілі ў палон да немцаў, але памерлі на працягу апошняга месяца. Паводле даных іх салдацкіх кніжак аддзел нямецкай разведкі быў прадстаўлены наступным чынам: па ўзросце адзін з памерлых быў 1893 г., 14 былі народжанымі з 1894 па 1903 г., 27 – 1904 па 1913 г., 35 – з 1914 па 1923 г., 2 былі з 1924 і 5 з 1925 году нараджэння. У аспекце адукацыі звесткі былі такімі: не ўмелі чытаць і пісаць 17 чалавек, скончылі 3 класы школы – 15, 4 гады – 12, навучаліся ад 5 да 7 класаў – 27 чалавек, 12 – скончылі ад 8 да 10 класаў, вышэйшую адукацыю меў 1 чалавек. Па кваліфікацыі: рабочымі былі 25 чалавек, сялянскае паходжанне мелі 45 чалавек, служачыя – 10, навучэнцы – 4. Членамі камуністычнай партыі бальшавікоў былі 7 чалавек, кандыдатамі ў партыю – 3, камсамольцамі – 3, беспартыйнымі – 71 чалавек. Па вайсковых званнях яны падзяляліся на камандзіраў і палітработнікаў – 4 чалавека, старшыя лейтэнанты – 3, лейтэнанты – 5, малодшыя лейтэнанты – 5, старшыня – 1, сяржанты – 5, малодшыя сяржанты – 1, яфрэйтар – 1, радавыя – 34, былыя цывільныя грамадзяне – 24, былы партызан – 1. У дакуменце прыводзіліся звесткі аб прыналежнасці да вайсковых часцей на ўзроўні дывізіі і штрафных рот, у тым ліку 16 чалавек служылі ў 4-й (5-й), 8-й (1-й), 55-й (1-й), 73-й (1-й) стралковых дывізіях, у 37-й (5-й), 38-й (2-й), 44-й (1-й) гвардзейскіх стралковых дывізіях; наступныя 35 праходзілі вайсковую службу ў 108-й (1-й), 110-й (20-й), 139-й (1-й), 169-й (1-й), 170-й (8-й), 197-й (1-й) і 260-й (2-й) стралковых дывізіях, 33 – у 283-й (3-й), 323-й (1-й), 348-й (1-й), 362-й (12-й), 413-й (1-й) стралковых дывізіях; 5 служылі ў 176-й штрафной роце і астатнія 10 у іншых вайсковых часцях. Па нацыянальнай прыналежнасці яны складалі наступную карціну: 45 – рускія, 8 – украінцаў, 12 – беларусаў, 1 паляк, што складала 66 чалавек, ці 78,5 %; мардовы і чувашы складалі 2 чалавекі, ці 2,5 %, армяне і азербайджанцы – 2 чалавека (2,5 %), 13 чалавек, уключаючы 10 узбекаў, 1 казаха і 2 туркменаў, ці 15,5 % і 1 з 84 памерлых быў яўрэем (1 %).

Данясенне № 6 ад 4 лютага 1944 г. [18, К. 7915689–5721] дае чытачу магчымасць пазнаёміцца з падобным дадаткам, у якім размова ідзе пра 63 чырвонаармейца, якія загінулі за першы месяц новага 1944 года. Пасады, якія яны займалі: 11 маёры, 1 старшы лейтэнант, 5 лейтэнантаў, 6 малодшых лейтэнантаў, 1 старшыня, 1 старшы сяржант, 2 сяржанты, 1 малодшы сяржант, 34 радавыя і 11 грамадзянскіх асоб; з 63 чалавек 32 былі рускімі, 7 – украінцамі, 4 – беларусы, усяго 69 % славян і 31 % іншых прадстаўнікоў, у тым ліку 1 чуваш, 3 азербайджанцы, 6 узбекаў, 1 кіргіз, 1 туркмен, 3 таджыкі, 5 казахаў. З вышэйшай адукацыяй не было нікога, ад 7 да 10 класаў навучання ў школе – 19 чалавек, ад 5 да 6 – 11, 4-класная адукацыя – 8, ад 1 да 3 класы – 12, неадукаваныя – 13. Па ўзросце: з 1926 году – нікога, з 1925 г. – 4, з 1924 г. – 6, з 1914 па 1923 г. – 20, з 1904 па 1913 г. – 24, з 1893 па 1903 г. – 9. Па партыйнай прыналежнасці: члены партыі – 3, кандыдаты – 5,

камсамольцы – 6, беспартыйныя – 49; сацыяльнае паходжанне: з сялян – 31, з рабочых – 23, служачых – 9. Прыналежнасць да вайсковых часцей: 5 чалавек – 33 сд, 5 ча-лавек – 60 сд, 4 чалавекі – 137 сд, 6 чалавек 307 сд, 6 чалавек 399 сд, па ад-ным ці 2 чалавекі з розных часцей – 37 чалавек.

Не менш цікавым з’яўляюцца для чытача звесткі, падрыхтаваныя аддзелам разведкі ў дачыненні да нормаў харчовага забеспячэння чырвонаармейцаў у разліку на 1 дзень. Заўважым, што звесткі прыведзены на аснове допыту начальніка пункта забеспячэння 1090-га стралковага палка лейтэнанта Віслабокава. Адпаведна ім чырвонаармейцы штодня атрымлівалі: 1) хлеба чорнага – 900 г, з якіх 100 г маглі быць заменены бульбай; 2) хлеба белага 2-га сорту – 20 г; 3) круп – 140 г; 4) макаронаў – 30 г; 5) мяса – 180 г; 6) рыбы – 0 г; 7) соевай мукі – 15 г; 8) тлушчу – 30 г; 9) алею – 20 г; 10) цукру – 35 г; 11) чаю – 1 г; солі – 30 г; 12) гародніны: бульбы – 500 г, капусты – 170 г, морквы – 45 г, буракоў – 40 г, цыбулі – 30 г, агуркоў і супу з гародніны – 35 г; 13) таматнай пасты – 6 г, 14) лаўровага ліста – 0,2 г, 15) перцу – 0,3 г; 16) воцату – 2 г; 17) гарчычнага парашку – 0,3 г; 18) махоркі – 20 г; 19) запалак на месяц – 3 каробкі; 20) паверу для цыгарэт на месяц – 7 блокаў; 21) мыла туалетнага – 200 г. [21, К. 7915699–700].

У данясенні № 7 ад 12.02.1944 г. [22, К. 7915724–5771] прыведзены малавядомыя звесткі, якія сведчаць аб тэхнічным забеспячэнні вайсковых часцей у студзені 1944 г. З дакумента вынікае, што аб’ёмы розных паставак выраслі, з якіх 8,7 % былі адрамантаваны; 0,6 % складалі пастаўкі для тылавых службаў, рэзервовых частак і абозаў, 90,7 % – былі новымі пастаўкамі для вайсковых часцей. З папаўнення прыбылі без адукацыі – 9,3 %, пасля кароткатэрміновай падрыхтоўкі – 33,0 %, 57,7 % рыхтаваліся ад 1 да 12 месяцаў. У плане нацыянальнасці: рускія складаюць – 67,2 %, іншыя нацыянальнасці – 32,8 %. Па ўзросце: 1926 год – 2,7 %, 1925 – 15,8 %, 1918 – 1924 г. – 29,4 %, ад 1908 – да 1917 г. – 27,9 %, з 1890 – па 1907 г. – 16,5 %, і ніжэй 1898 года – 7,7 %.

Такія дасканалыя звесткі былі не выпадковымі, паколькі ў аснове падрабязных допытаў ваеннапалонных і перабежчыкаў ляжалі апытальнікі, якія налічвалі дзясяткі самых розных пытанняў, у тым ліку: 1) пытанні асабістага кшталту, прыналежнасці да вайскавай часці, месца і абставіны палону, а таксама характару баявой дзейнасці падраздзялення Чырвонай арміі і г.д.; 2) пытанні прафесійнай адукацыі, пачатку службы ў войску, настрою сярод радавых і афіцэраў, адносін да вайны і інш.; 3) характарыстыкі вайсковых падраздзяленняў, іх узбраенняў, штатнага складу часцей, дзейнасці розных відаў узбраенняў, папаўнення і г.д.; 4) такія баявыя задачы выконваюць падраздзяленні на баявым участку наступлення ці абароны, што вызначана ў якасці аб’екта цэнтральнага ўдару, якія тактычныя сродкі выкарыстоўвае баявое падраздзяленне і інш.; 5) характарыстыка поля бою з дакладнымі звесткамі (лакалізацыяй на карце), дакладныя звесткі пра лінію абароны, умацаванні, выкарыстанне палявых умацаванняў, мінных палёў і г.д.

Сярод матэрыялаў рознага кшталту хацелася б звярнуцца да некаторых дакладных даных, у першую чаргу персанальнага характару. У данясенні № 22 ад 1.06.1944 г. [23, К. 7916286–6308] змешчаны матэрыялы, якія на допыце пакінуў 16-гадовы чырвонаармеец, узяты ў палон у раёне г. Жлобіна. Менавіта

ў той раён было накіравана пасля кароткай тактычнай і практычнай падрыхтоўкі стралковае падраздзяленне ў складзе 150 чалавек, галоўным чынам расійскіх юнакоў з Кіраўскага раёна РСФСР. Гэта была моладзь 1927/1928 гадоў нараджэння, сабраная ў складзе асобнага вучэбнага батальёна, які складаў 6 рот па 150 чалавек. Увогуле ў падраздзяленні атрымалі падрыхтоўку амаль каля 1000 чалавек. 15 лютага 1944 г. быў сфарміраваны эшалон і накіраваны ў раён г. Рэчыца, адкуль пешым маршам дабіраўся ў напрамку Жлобіна. У адным з лясных масіваў падраздзяленне было перададзена ў склад 40-й стралковага палка 102-й стралковай дывізіі.

З данясення вынікае, што ў часці старэйшыя таварышы смяліся з такога папаўнення, паколькі рост некаторых з іх не дасягаў 1,40 м. Паўсюдна гучалі крыўдныя заўвагі, што цяпер вайну хочучь выйграць пры дапамозе малакасозаў. Хоць на справе старэйшыя таварышы былі па-сяброўску настроены і ставіліся да іх са спачуваннем. Выдадзеная форма была завялікай. Пры маршыраванні яны цапляліся за полы шыняля або грукалі прыкладам вінтоўкі аб зямлю. 10 сакавіка, калі немцы пачалі наносіць баявы ўдар, некаторыя засталіся з-за страху ляжаць на зямлі і патрапілі у палон. У час гэтых баявых дзеянняў высветлілася, што рота ў складзе 250 чалавек была цалкам разбіта і ў палон патрапілі разам з 16-гадовым хлопцам яшчэ 28 параненых чырвонаармейцаў. Астатнія аднагодкі чырвонаармейца за часам нямецкага ўдару хутчэй за ўсё загінулі. Калі адпраўлялі на фронт у якасці папаўнення ў складзе стралковага батальёна, казалі, што немцы вельмі слабыя, што іх можна будзе выгнаць з захопленай тэрыторыі вельмі лёгка. Руская прапаганда настолькі пераканаўчай, што многія паверылі; здолеем гэта зрабіць нараўне з дарослымі. Але на справе гэта было не так.

Такім чынам, першаснае знаёмства нават з некаторымі нямецкімі данясеннямі дазваляе не толькі значна пашырыць уяўленні пра малавядомую дакументальную базу, але і атрымаць важныя звесткі для больш глыбокага вывучэння асобных старонак гісторыі першапачатковага вызвалення Беларусі. Уведзены матэрыял актуалізуе пытанне аб неабходнасці пастаноўкі на парадак дня сучаснай беларускай гістарыяграфіі адну з актуальных задач па крытычным аналізе падзей мінулага з мэтай максімальна поўнай рэканструкцыі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай войны. У пераліку такіх задач павінна стаяць праца па ўвядзенні ў шырокі ўжытак малавядомых гістарычных фактаў, без якіх на цяперашні час ужо немагчыма правядзенне ўсебаковага даследавання па згаданай праблематыцы. Відавочна, што фарміраванне новага інфармацыйнага кантэнту патрабуе не толькі ўвядзення малавядомых нямецкіх крыніц, але і выкарыстання метаду кампаратыўнага аналізу для далейшага аб'ектыўнага навуковага даследавання ваеннай мінуўшчыны.

Аналіз эмпірычных фактаў, выяўленых аўтарам гэтых радкоў сярод матэрыялаў калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы», сведчыць аб невычэрпнасці крыніцазнаўчага патэнцыялу, які захоўваюць арыгінальныя нямецкія дакументы, пакуль не ў дастатковай меры выкарыстаныя беларускімі і замежнымі даследчыкамі для ўсебаковага вывучэння гісторыі вызвалення Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / ред. кол. : И. И. Басик (сопредседатель), А. А. Коваленя (сопредседатель) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 942 с.
3. Беларусь : памятное лето 1944 года : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.) / редкол. : А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 568 с.
4. *Здановіч, У. В.* Новыя падыходы да вывучэння вызвалення Беларусі ад нацысцкіх акупантаў у сучаснай айчынной гістарыяграфіі / У. В. Здановіч // Беларусь : памятное лето 1944 года : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.) / редкол. : А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 93–98.
5. *Новікаў, С. Я.* Вызваленне Беларусі ад германскіх захопнікаў 1943–1944 гг. у сучасных айчынным і замежным гістарыяграфічных наратывах / С. Я. Новікаў // Векапомныя дні вызвалення : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Гомель, 2 мая 2019 г.) / под общ. ред. : Е. К. Кириченко. – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 3–11.
6. Страна в огне : в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1. / Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров – М. : Абрис, 2018. – 734 с.
7. Страна в огне : в 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 1. / Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков : ред.-сост. Д. В. Суржик – М. : Абрис, 2018. – 717 с.
8. *Тимохович, И. В.* Битва за Белоруссию / И. В. Тимохович. – Минск : Беларусь, 1994. – 254 с.
9. *Лемяшонак, У. І.* Вызваленне – без грыфа «Сакрэтна!» / У. І. Лемяшонак. – Мінск : Полымя, 1996. – 151 с.
10. Беларусь у гады Вялікай Айчынай вайны : Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства : зб. артыкулаў. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 263 с.
11. *Пыльцын, А. В.* Правда о штрафбатах / А. В. Пыльцын. – М. : Яуза, 2007. – 368 с.
12. *Пыхалов, И. В.* Штрафбаты по обе стороны фронта / И. В. Пыхалов, А. В. Пыльцын [и др.]. – М. : Яуза, 2007. – 482 с.
13. *Пыльцын, А. В.* Страницы истории 8-го штрафного батальона Первого Белорусского фронта / А. В. Пыльцын. – Минск : ИВЦ Минфина, 2009. – 448 с.
14. *Пыльцын, А. В.* Правда о штрафбатах. Как офицерский штрафбат дошел до Берлина / А. В. Пыльцын. – М. : Яуза, 2016. – 544 с.
- 14а. *Бутусов, Ю.* Цифры для тех, кто кричит : «Мы можем повторить» / Ю. Бутусов // Снплюс. Свободные новости. – № 19. – 2020. – 19 мая. – С. 12.

15. Приказ народного комиссара обороны № 227, 28 июля 1942 г. / Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 4 : Вторая мировая война : документы и материалы / отв. ред. М. Ю. Мягков. – М. : Наука, 2002. – С. 248–251.

16. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. In 10 B-de. Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 S.

17. *Новікаў, С. Я.* «Александрыйскія мікрафільмы» як новая архіўная першакрыніца па ваеннай гісторыі Беларусі / С. Я. Новікаў // Вести Ин-та совр. знаний. – 2000. – № 2. – С. 60–69.

18. НАРБ. – Фонд «Александрыйскія мікрафільмы» (МФ). – № 180. – К. 7915486–7916339.

19. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenernehmungen vom 2. Januar 1944 // НАРБ. – МФ. – № 180. – К. 7915486–7915513.

20. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenernehmungen vom 11. Januar 1944 // НАРБ. – МФ. – № 180. – К. 7915539–7915579.

21. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenernehmungen vom 4. Februar 1944 // НАРБ. – МФ. – № 180. – К. 7915689–7915721.

22. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenernehmungen vom 12. Februar 1944 // НАРБ. – МФ. – № 180. – К. 7915724–7915771.

23. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenernehmungen vom 22. Juni 1944 // НАРБ. – МФ. – № 180. – К. 7916286–7916308.

Е. Н. Мох

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)
(на примере шталага № 352)

События Второй мировой войны все более отдаляются по времени. Однако ученые не перестают задумываться над ее происхождением, итогами и уроками. Трагический опыт войны забыть нельзя. Пренебрежение ее историческими уроками и сегодня грозит тяжелыми последствиями. Аксиомой является положение, которое гласит: «Не поняв прошлого, нельзя правильно оценивать настоящее и строить будущее». Судьбы советских военнослужащих, попавших в немецкий плен, воплощают одну из самых трагичных страниц в истории Второй мировой войны. Углубление знаний по данной проблеме является задачей восстановления исторической памяти. В этом году наша страна отмечает 75-летие Великой Победы. Война оставила глубокий след в истории Беларуси, каждой семьи. Многие из ушедших на фронт так и не вернулись домой.

В годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси было создано огромное количество лагерей, тюрем, гетто и других мест принудительного содержания. По своему назначению они разделялись на лагеря для военнопленных и гражданского населения. Со сборно-пересыльных пунктов совет-

ские военнопленные попадали в пересыльные лагеря – дулаги, а затем в стационарные лагеря – шталаги для рядового и сержантского состава и офлаги – для офицеров [1].

В системе лагерей для советских военнопленных на территории Беларуси особое место занимает Шталаг № 352. История лагеря № 352 – одна из самых драматичных страниц Великой Отечественной войны, в которую вписаны тысячи жертв советских военнопленных. Этот лагерь существовал на оккупированной территории Беларуси самый длительный период, с июля 1941 г. по июль 1944 г. В ряде документов шталаг упоминался как «Городской», «Лесной», «Минский».

Архивные документы, воспоминания бывших узников и составленные ими планы и схемы лагерей позволяют восстановить структуру лагеря. Структурно Шталаг № 352 состоял из двух частей – так называемого «Лесного лагеря» около деревни Масюковщина и «Городского лагеря» (приказ № 105 комендатуры Шталага № 352 «О наименовании лагеря», с 07.11.1942 г. часть шталага № 352, расположенного в Минске, называть «Городской лагерь»), размещавшегося в бывших Пушкинских казармах по Логойскому тракту (ул. Я. Коласа) [2, с. 57]. Городская часть лагеря располагалась на территории бывшего военного городка артиллерийской части, строительство которого началось незадолго до начала войны, где успели возвести только три трехэтажные казармы.

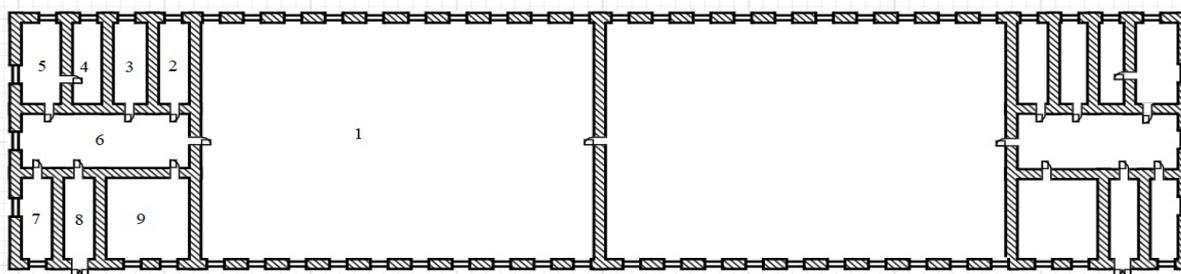
История Шталага 352, а именно его «Городской части» в Минске, т.е. так называемых «Пушкинских казарм», была документально описана писателем Степаном Павловичем Злобиным в его двухтомном романе «Пропавшие без вести», изданном в 1964 г. [3].

Огромное количество советских военнопленных, оказавшихся в плену в первый год войны и нуждающихся в медицинской помощи, требовало организации и функционирования лазарета на территории лагеря. Не менее важным в проблеме выживания военнопленных являлось и их медицинское обеспечение. В вопросах медицинского обеспечения военнопленных коменданты лагерей руководствовались предписаниями начальника управления по делам военнопленных при ставке генерала Рейнеке по организации санитарной службы в лагерях для военнопленных. Лагерный лазарет «Городского лагеря» был создан и размещался в 2–3-х-этажных казармах артиллеристов. Одно здание – терапевтический корпус, второе – хирургический корпус. Так, по воспоминаниям С. П. Злобина, кирпичные казарменные корпуса лазарета были обнесены колючей проволочной оградой и окружены сторожевыми вышками. Рабочий лагерь разместился в помещениях гаражного типа, где до войны стояли орудия, и в хозяйственных зданиях городка. Довоенные казармы воинских частей по Логойскому тракту в Минске и около Масюковщины, в которых во время войны размещались лазареты Шталага № 352, строилась по типовому довоенному проекту, разработанному Военпроектом. Казарма представляла собой трехэтажное кирпичное здание, разделенное посередине брандмауэром (противопожарной кирпичной перегородкой) на две зеркальные по планировке половины. На каждом этаже в этой стене имелись проходы, обеспечивающие перемещение из одной половины здания в другую.

Входы в здание были расположены у торцов здания. За входной дверью стандартного размера располагалась обычной ширины межэтажная лестница, с площадки которой, через дверь, можно было попасть в разного размера помещения на каждом этаже. Возле лестницы по обе стороны длинного коридора были расположены небольшие служебные комнаты. В конце коридора располагалась дверь в самое большое помещение на этаже, которое в казарме использовалось как спальное. Аналогичная планировка имелась на каждом из этажей и в каждой половине здания казармы. Казармы имели большие подвалы, которые в случае войны планировалось использовать в качестве бомбоубежищ. Здания имели водяное отопление, водоснабжение, канализацию и электричество.

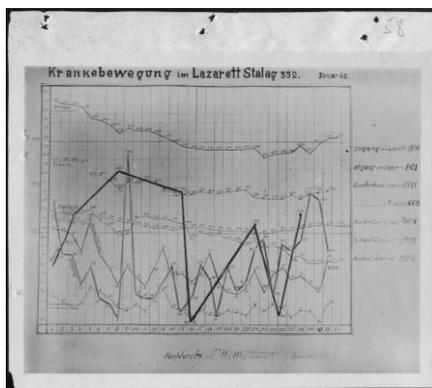
В отделении, в котором работал Злобин, лазаретная палата представляла собой зал, с 20 окнами (по 10 с каждой стороны), заставленный железными койками по две, вплотную одна к другой. В каждые две койки было втиснуто пять человек: четыре вдоль и один поперек – в ногах. Военнопленные лежали на голых досках, без тюфяков, прикрытые с головами шинелями, стараясь надышать под них побольше тепла. В конце коридора находился туалет, а напротив него так называемая «Мертвецкая», т.е. комната, которую использовали для складирования зимой 1941–1942 г. трупов военнопленных этого отделения лазарета. Около лестницы размещалась комната, в которой был организован сыпнотифозный изолятор на 36 коек, и в ней Злобин работал ночным санитаром. Рядом находились комнаты, в которых жили врачи и фельдшера. В среднем в каждой такой палате размещалось около 300 больных.

План-схема одного этажа казармы (отделения лазарета)
городской части Шталага № 352 Минска, по воспоминаниям С. П. Злобина

- 1 – лазаретный зал
- 2, 3 – палаты медперсонала
- 4 – комната для умывания
- 5 – туалет
- 6 – коридор
- 7 – «мертвецкая»
- 8 – лестница
- 9 – изолятор для сыпнотифозных больных, в котором С. П. Злобин работал ночным санитаром

Всего в лазарете Пушкинских казарм зимой 1941–1942 гг. одновременно лечились около 3 000–4 000 человек, что можно видеть на рисунке, которая была нарисована главврачом лазарета Шталага № 352 Дмитрием Ивановичем Тарасевичем по итогу движения пациентов за январь 1942 года.

Перемещение больных в лазарете Шталага № 352

По этой диаграмме можно проследить ежедневные перемещения пациентов лазарета при поступлении в лазарет, на выписку в лагерь, общее количество умерших, общую цифру больных сыпным тифом, количество умерших от сыпного тифа отдельно и цифру находящихся на лечении в лазарете на 31.01.1942. Так, по диаграмме и комментариям к ней главврачом лазарета отмечено, что на 01.01.1942 г. в лазарете состояло 3878 человек. За месяц поступило 1896 больных и раненных военнопленных, выписано в лагерь 801 выздоровевших, умерло – 1 711 чел., в том числе от сыпного тифа – 668 чел. На 31.01.1942 г. – состояло 3 086 человек, из них 1 912 раненных и 1 174 больных военнопленных [4].

Лечение больных осуществлялось пленными советскими врачами и фельдшерами, но их деятельность находилась под контролем немецких медиков. Военнопленные поступали в лагерные лазареты истощенные, избитые, раненные выстрелами охранников. О лечении больных и раненных можно судить по отчетам врачей об основной деятельности, рапортам в комендатуру, историям болезней военнопленных. Так, например, главный врач лазарета шталага № 352 Тарасевич в своем отчете за апрель 1942 г. отмечал увеличение случаев заболеваний крупозным воспалением легких, распространения гастроэнтеритов на почве дистрофии. По его мнению, указанная группа болезней давала наибольший процент смертности от общего количества смертей (около 90 %). Больным назначали витамин С из приготовленного раствора (настоя иголок хвой с полупроцентным раствором соляной кислоты). Лечение подвергалось 185 человек путем дачи данного настоя 2 раза в день по 50 г. Также врач отмечал, что у больных скорбутом (цингой) наступало улучшение. Это заболевание обусловлено недостатком в организме человека витаминов С (аскорбиновая кислота) и Р [5].

С первых дней функционирования лазарета «Городского лагеря» Шталага № 352 велась учетно-отчетная медицинская документация. Первоначально заполнялись лишь акты, рапорты, донесения на умерших в лазарете, где

фиксируются все их социально-демографические данные, а также диагнозы, которые послужили причиной смерти военнопленных. Как правило, акты составлялись на одного умершего военнопленного, а рапорты и донесения – на нескольких. Акт включал в себя минимальные сведения об умершем: ФИО, год рождения, адрес места жительства, его лагерный номер (номер марки); дату смерти и место, где она случилась, клинический диагноз, осложнения, причины смерти. Акт заверялся на конкретную дату дежурным врачом и начальником отделения лазарета. Оформленные врачами лазарета акты подшивались в тома в хронологическом порядке. Оформление актов (рапортов и др.) в лазарете Городского лагеря в Минске, в т.н. Пушкинских казармах, началось не позднее 01.08.1941 г. Впоследствии, примерно с января 1942 г., в лазарете были введены в обращение и другие медицинские документы: истории болезней, эпидемиологические карточки, регистрационные журналы отделений, протоколы патолого-анатомических исследований умерших военнопленных, журнал регистрации умерших, лабораторный журнал, отчеты по лабораторным исследованиям по месяцам 1942 года и др.

На основе «Акта судебно-медицинской экспертизы Государственного научно-исследовательского института судебной медицины о состоянии медицинского обслуживания военнопленных» можно констатировать: во время пребывания больных в лазарете имело место широкое присоединение сопутствующих заболеваний желудочно-кишечного тракта, часто приводивших к истощению и смерти; нередко больные оставались без медицинского наблюдения и помощи в течение продолжительного времени, о чем свидетельствует отсутствие записей в дневниках историй болезни на протяжении до 1–1½ месяца; на больных советских военнопленных, находившихся в лазарете, производилось массовое экспериментирование по лечению сыпного тифа; в лазарете существовало особое отношение к больным советским военнопленным командирам. Истории болезни, как правило, указывали на весьма непродолжительное их пребывание в лазарете, независимо от заболеваний. Имеющиеся в историях болезни записи – «без санкции врача в болезненном состоянии взяты на работы» – объясняют причины этих одновременных массовых выписок, что фактически представляет один из способов преднамеренного уничтожения советских военнопленных; в случаях, когда больные умирали в лазарете, помимо обозначения определенных причин смерти (истощение, колит, дистрофия, туберкулез, сыпной тиф), практиковалось употребление диагноза «паралич сердца». Основными причинами смерти больных советских военнопленных в лазарете при штаблге № 352 были следующие: истощение, колит, сыпной тиф. На почве истощения и колита смерть наступала в 80,6 % [6, л. 422–427]. На смертность военнопленных влияло их физическое состояние, которое зависело от следующих обстоятельств: физическое здоровье военнопленного, санитарно-эпидемиологическая обстановка в лагере, характер, особенности и условия труда, к которому привлекались военнопленные, условия транспортирования военнопленных к стационарным лагерям, продовольственное снабжение пленными.

По воспоминаниям С. П. Злобина, лагерное кладбище находилось в пределах видимости из окон терапевтической казармы, где он работал санитаром. «Целыми днями санитары мимо рабочих барачных корпусов носили из лазарета трупы на кладбище. Мертвых несут с утра до ночи на кладбище. Трупоносы падают от усталости. После обеда дойти с носилками до кладбища они могут только с тремя-четырьмя остановками – так подгибаются и дрожат их ноги, а в мертвецкой и до ночи не убывают трупы». На аэрофотоснимке от 1944 года лагерное кладбище расположено юго-восточнее лагеря вдоль железной дороги и представлено «П»-образной насыпью длиной около 150–200 м. При наложении аэрофотоснимка 1944 года на современную спутниковую карту видно, что лагерное кладбище располагалось вдоль переулка Калинина.

Аэрофотоснимок № 15083 (М-103) от 28.05.1944 г. городской части Шталага № 352 в Минске (Пушкинские казармы)

1, 2 – терапевтический и хирургический корпуса лазарета (3-х этажные кирпичные казармы)

3 – резиденция окружного коменданта округа подполковника Вольтке

4 – рабочий лагерь (гаражи и бараки)

5 – лагерное кладбище

6 – узкоколейная железная дорога от торфопредприятия у д. Цно-Иодково к электростанции «Эльвод» Минска

В послевоенные годы при земляных работах вдоль пер. Калинина неоднократно находили останки военнопленных солдат и офицеров. Но только в ноябре 1990 г. под руководством прапорщика Бородича во время земляных работ на территории автопарка (между домом по пер. Калинина 9 и боксами воинской части) воинское захоронение было обнаружено, и этот факт был зафиксирован официально. К раскопкам подключилось информационно-поисковое бюро «Альфа» под управлением ст. лейтенанта запаса А. И. Петровского, которым были обнаружены останки 523 военнопленных «Городского лагеря» шталага № 352 и 3 медальона, 1 из которых эксперты-

криминалисты смогли идентифицировать и установить личные данные воина – Петруханов Андрей Корнеевич, 1907 г., уроженец Чкаловской области, РСФСР. 02.11.91 г. произошло торжественное перезахоронение урн с прахом, на которое были приглашены дочь и внучка А. К. Петруханова. 522 воина были перезахоронены на месте нынешнего воинского захоронения № 1146, а прах 523-го воина, единственного установленного по найденному рядом солдатскому медальону А. К. Петруханова, по желанию родственников был перезахоронен на родине в России. О данном событии написали газеты «Воздушный стрелок» (23 ноября 1991г.) и «Южный Урал» (ноябрь 1991 г.) [7].

Сегодня на территории воинской части 45017 пер. Калинина – ул. Калинина установлен монумент в память погибших советских военнопленных «Городского лагеря» Шталага № 352, где перезахоронены останки 522 неизвестных советских военнопленных, обнаруженных в 1990 году при земляных работах военнослужащими воинской части на территории Пушкинских казарм.

Таким образом, до сентября 1942 г. лазарет в Пушкинских казармах Минска был главным лазаретом Шталага 352 и в него на лечение поступали больные военнопленные из Городского отделения Шталага № 352, из всех филиалов лагеря, а также переводились на специализированное лечение из лазарета «Лесного лагеря» в Масюковщине. Лагерный лазарет имел 2 корпуса: терапевтический и хирургический. Медицинскую документацию в лазаретах Шталага № 352 (в «Городском» и «Лесном лагере») начали вести еще в 1941 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944 : справочник / авт.-сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 192 с.

2. Масюковщина : Шталаг-352, 1941–1944 : док. и материалы / авт.-сост. Р. А. Черноглазова ; науч. ред. С. В. Жумарь. – Минск : Четыре четверти, 2005. – 198 с.

3. Злобин, С. П. Пропавшие без вести / С. П. Злобин. Ч. 1–2. – М. : Советский писатель, 1964.

4. Перемещение больных в лазарете Шталага № 352 // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

5. Объяснительная записка начальника лазарета шталага № 352 Тарасевича // Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны. – Н/в № 23921.

6. Акт судебно-медицинской экспертизы Государственного научно-исследовательского института судебной медицины о состоянии медицинского обслуживания военнопленных // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 87. Д. 137. Л. 422–427.

7. Газеты «Воздушный стрелок» и «Южный Урал» // Личный архив Е. Логиновой, внучки А. К. Петруханова.

Л. С. Скрабіна

**ДАКУМЕНТЫ АСАБІСТАГА АРХІВА В. З. КАРЖА
ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ ПАРТЫЗАНСКАГА РУХУ Ў БЕЛАРУСІ
(чэрвень 1941 г. – верасень 1942 г.)**

У апошнія гады «партызанская праблема» як частка гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ўсё часцей становіцца прадметам не толькі навуковага, але і грамадскага абмеркавання. Ёй прысвечана вялікая колькасць навуковых і навукова-папулярных публікацый. Аднак, як слушна сцвярджае беларускі даследчык А. М. Літвін, «далека не все факты и события, особенно относящиеся к наиболее трудному периоду лета-осени-зимы 1941–1942 гг., нашли исчерпывающее отражение в отечественной историографии» [1, с. 3].

У 1998 г. былі выдадзены партызанскі дзённік і ўспаміны легендарнага арганізатара партызанскага руху ў гады Вялікай Айчыннай вайны, генерала Чырвонай арміі, героя Савецкага Саюза В.З. Каржа [2]. Яшчэ раней, у 1994 г. у Беларускам гістарычным часопісе была надрукавана дакладная запіска В. З. Каржа на імя П. К. Панамарэнкі аб праведзенай рабоце ў тыле ворага за перыяд з чэрвеня 1941 г. па красавік 1942 г. [3]. Унікальныя ваенна-гістарычныя матэрыялы адлюстроўваюць падзеі першага, вельмі складанага перыяду партызанскага руху на Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: чэрвень 1941 – верасень 1942 г. Таму аўтар абмяжоўвае змест артыкула менавіта вышэй названымі храналагічнымі рамкамі. Гэтыя арыгінальныя матэрыялы з'яўляюцца важнай крыніцай для аб'ектыўнага і грунтоўнага даследвання станаўлення і развіцця партызанскага руху на Беларусі.

Вядома, што ў 30-я гады ў рэспубліцы шмат рабілася для разгортвання партызанскай барацьбы ў выпадку магчымай вайны. У спецыяльныя тайнікі было закладзена некалькі дзясяткаў тысяч адзінак стралковай зброі, у тым ліку кулямётаў. А галоўнае – спецыяльную падрыхтоўку праходзілі кадры будучых арганізатараў і камандзіраў партызанскіх атрадаў. Сярод іх быў і Васіль Захаравіч Корж.

Аднак пасля вядомых перадваенных судзебных працэсаў над камандзірамі, што належалі да вышэйшага каманднага складу Чырвонай арміі, выкрыцця «змоў» у Чырвонай арміі гэта работа была спынена, тайнікі са зброяй ліквідаваны, як і падрыхтаваныя для разгортвання партызанскай барацьбы кадры. Уцалелі з усіх пасля чыстак толькі тры чалавекі: В. З. Корж, К. П. Арлоўскі і С. А. Ваўпшасаў [4, с. 19]. Уцалелі яны таму, што ў разгар рэпрэсій знаходзіліся ў Іспаніі.

Падрыхтоўку да партызанскай вайны на тэрыторыі СССР партыйнае кіраўніцтва пачало разглядаць як паражэнства. Савецкая дактрына не прадугледжвала магчымасці вядзення партызанскай барацьбы на сваёй тэрыторыі. Між тым, вельмі хутка, пасля паражэнняў Чырвонай арміі ў прыгранічных баях летам 1941 г., савецкае кіраўніцтва вымушана было зрабіць стаўку на актывізацыю супраціўлення ў тыле ворага. Ужо праз тыдзень пасля пачатку нямецкага наступлення дырэктыва СНК СССР і ЦК УКП(б) патрабавала, акрамя знішчэння ці эвакуацыі з тэрыторыяў, якім пагражала акупацыя, уся-

го, што магло б пайсці на карысць ворагу, яшчэ і ўтварэння дыверсійных груп і партызанскіх атрадаў, што мусілі стварыць невыносныя ўмовы для ворага і яго памагатых. Пры гэтым галоўнымі задачамі такіх груп і атрадаў было знішчэнне варожых сіл, пашкоджанне сістэмы іх забеспячэння і зрыў усіх аперацый ворага [1, с. 23]. Пастанова ЦК УКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» ад 18 ліпеня 1941 г. яшчэ раз пацвердзіла згаданую дырэктыву і акрэсліла, што гэтай барацьбе належыць надаць «самый широкий размах и боевую активность». Мясцовым партыйным і савецкім кіраўнікам прадпісвалася адразу ж узяцца за арганізацыю супраціву, «лично возглавить это дело» [1, с. 41].

У Беларусі пачатак арганізацыі партызанскай і падпольнай барацьбы звязаны з прыняццем дырэктывы ЦК КП(б)Б № 1 ад 30 чэрвеня 1941 г. аб пераходзе на падпольную работу партарганізацый раёнаў, захопленых ворагам, і дырэктывы ЦК КП(б)Б № 2 ад 1 ліпеня 1941 г. партыйным, савецкім і камсамольскім арганізацыям па разгортванні партызанскай вайны ў тыле ворага. Відавочна, што пасля пачатку нямецкай ваеннай кампаніі савецкае кіраўніцтва пачало надаваць належнае значэнне разгортванню партызанскай вайны, пры гэтым, як падаецца, меркавалася, што супраціў па магчымасці мусіць быць арганізаваны зверху.

Перад Айчыннай вайной В.З. Корж працаваў у Пінскім абкаме партыі загадчыкам фінансавага сектара. Аб тым, што пачалася вайна, у Пінску стала вядома толькі апоўдні 22 чэрвеня 1941 г. В. З. Корж, як і іншыя работнікі, быў тэрмінова выкліканы ў абкам. У сваіх запісах Васіль Захаравіч першы дзень вайны апісвае так: «...Приехала вдруг за мной обкомовская машина. Шофер коротко сказал: сегодня на рассвете разбомбили Жабинковский аэродром. Всех работников срочно вызывают в обком. Я мгновенно забыл, что работаю заведующим финансовым сектором Пинского обкома партии. У меня сразу сработала мысль: Что делать? Надо организовывать партизанские отряды и поднимать народ на борьбу...» [2, с.191].

Не чакаючы «ўказанняў зверху», Пінскі абкам партыі ў першы дзень вайны задаволіў хадайніцтва В. З. Каржа аб стварэнні партызанскіх атрадаў і дыверсійных груп у вобласці. Аб гэтым сведчыць баявы летапіс партызанскага атрада Камарова (псеўданім В. З. Каржа) з першых дзён яго існавання. «После того, как А. М. Минченко [першы сакратар Пінскага абкама партыі. – Л. С.] закончил отдавать распоряжения, я попросил их обоих [у кабінёце Мінчанкі знаходзіўся другі сакратар абкама П. Г. Шапавалаў. – Л. С.] выслушать мои намерения и планы по организации партизанских отрядов. У них получилась маленькая заминка. Я это видел. Ведь не было сверху на этот счет никаких указаний. Но они очень правильно поступили: взяли на свой риск организацию партизанского отряда в тот же день» [2, с. 191–192]. Па тэлефоне было дадзена распараджэнне сакратару Пінскага гаркама партыі Гомельштэйну дапамагчы Каржу В. З. арганізаваць партызанскі атрад з камуністаў, камсамольцаў і беспартыйных.

«Так состоялось решение Пинского обкома об организации партизанского отряда в первый день войны и утверждении меня его командиром», – пісаў пазней В. З. Корж [2, с. 192]. Атрад быў арганізаваны з 60 чалавек, у яго

ўваходзіла некалькі старых партызанаў, камуністаў, камсамольцаў і беспартыйных жыхароў г. Пінска. На ўзбраенні атрада знаходзіліся толькі вінтоўкі і некалькі гранат. «Вооружиться пулеметами и автоматами нам не удалось, поскольку нам не оказали в этом никакого содействия ни военные части, которые там находились, ни НКВД» [3, с. 15].

Корж адкрыў першую старонку трохгадовай гісторыі партызанскага руху ў Беларусі. Як бачым, яго не давялося закідваць у тыл ворага з Цэнтра. Ён быў з кагорты беларускіх партызан першага часу. Першае баявое «хрышчэнне» атрад атрымаў 28 чэрвеня 1941 г., калі на Лагішынскім тракце група партызан уступіла ў адкрыты бой з падраздзяленнем немцаў, што рухаліся па тракце. У выніку гэтай першай сур'ёзнай схваткі з праціўнікам былі знішчаны дзве нямецкія танкеткі і іх экіпажы, узяты ў палон два афіцэры і першы графэй – танкавы кулямёт. Гэты бой быў першым партызанскім боем на беларускай зямлі і, магчыма, першай партызанскай акцыяй Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны.

У першы момант у дзеяннях атрада Каржа відавочна пераважала тактыка наладжвання засад на шляхах руху ворага, каб перашкаджаць прасоўванню нямецкай арміі. Потым, калі колькасна вырастуць атрады, партызанам будуць па сілах больш маштабныя аперацыі – здзяйсняць рэйды, граміць варожыя камунікацыі і гарнізоны. У дакументах асабістага архіва В. З. Каржа ўтрымліваецца шмат фактаў, якія сведчаць аб гераічнай барацьбе партызан атрада Камарова як на першым этапе вайны, так і пазней. Так, 4 ліпеня 1941 г. камароўцы вельмі ўдала арганізавалі засаду ў раёне былога маёнтка Заполье, што ў трох кіламетрах ад Пінска. «В 12 часов дня 4 июля кавалерия противника в количестве двух эскадронов показалась из леса и двинулась на Пинск. Третья группа, в которой в это время находился и я, на близком расстоянии в упор начала расстреливать фашистскую кавалерию, завязался бой..., фашисты все спешили и начали вести сильный пулеметный огонь. В этом бою мы потеряли одного командира группы т. Корнилова и три товарища были ранены. Фашистов ... было убито 20 человек. После этого боя мы отступили по ржи в город» [3, с.15]. Было шмат і іншых баёў і засад. Аднак вялікіх баёў камароўцы ў той час, зразумела, не маглі весці, таму што для гэтага ў атрада не было дастаткова зброі і боепрыпасаў.

4 ліпеня 1941 г. фашысты ўварваліся ў Пінск, а 8 ліпеня акупіравалі ўсю вобласць.

Не ўсе партызанскія атрады, якія былі створаны ў 1941 г., працягвалі барацьбу. Прычын таму некалькі. Па-першае, нямецкія карныя акцыі і звярыны тэрор акупацыйных улад прыводзілі да значных страт партызан. Па-другое, непадрахтаваныя, дрэнна ўзброеныя, не маючы сувязі, дастаткова медыкаментаў, вопраткі, харчавання, партызаны часта гінулі, не наносячы ворагу значных страт. Асабліва ўскладнілася партызанская барацьба суровай зімой 1941–1942 гг.

Праз дзесяцігоддзі баец-камаровец, а пазней генерал-маёр КДБ Э. Б. Нордман успамінаў: «К ноябрю из 17 партизанских формирований, созданных в Столине в начале июля, продолжал действовать только отряд Комарова, то есть наш... В течение июля – сентября они были или разбиты, или, израсходо-

вав боеприпасы и продовольствие, двинулись к линии фронта. Сказалось отсутствие подготовленных баз, связей, постоянного контакта с Большой землей, а больше всего – опыта ведения партизанской борьбы и владеющих таким опытом командиров» [4, с. 53–54].

Аднак не ўсё проста было і ў атрадзе нават такога вопытнага камандзіра, як В. З. Корж. У сваёй дакладной запісцы ён піша: «8 июля 1941 г. подошел ко мне боец Мезевич и с ним еще 3 человека, которые заявили, что у них слабое здоровье, они не выдержат в тылу, лучше пойдут догонять своих и воевать в Красной Армии. Я решил их отпустить, т. к. действительно видел в них малоспособных бойцов в тылу врага» [3, с. 16].

Здаралася, што і мясцовыя партыйныя, савецкія функцыянеры, работнікі НКУС і НКДБ, якія былі прызначаны кіраваць партызанскім рухам, імкнуліся перайсці праз лінію фронта і ўліцца ў шэрагі дзеючай Чырвонай арміі. У гэтым пераконвае з ўсёй відавочнасцю аналіз дакументаў асабістага архіва В. З. Каржа. Звернемся ў гэтай сувязі да дакладной запіскі В. З. Каржа. У прыватнасці, у ёй адзначаецца: «25 июля 1941 года мой заместитель Березин поставил вопрос, чтобы уходить за фронт, к нему подобралось еще человек 18 нытиков, маловеров, испугавшихся трудностей. Мой запрет и доказательства, что этого нельзя делать, оказались бессильными... 26 июля 1941 года 19 человек во главе с Березиным ушли за фронт, остались более честные и преданные патриоты нашей родины» [3, с. 17]. 29 ліпеня В.З. Корж пасылае 4 чалавекі з ліку партызан за лінію фронта, каб яны звязаліся з ЦК КП(б), паведамлілі аб паводзінах Бярэзіна і іншых камуністаў, пакінутых для арганізацыі партызанскіх атрадаў, якія пайшлі з ім.

Прыкладна ў той жа час камароўцы сустрэліся з атрадам, якім камандаваў былы начальнік Ленінскага раённага аддзела НКУС Сахараў. Корж і Сахараў абмеркавалі план сумесных дзеянняў. Але ў хуткім часе стала зразумела, што Сахараў адносіцца крайне скептычна да самой магчымасці актыўных дзеянняў у тыле ворага. Праз пару дзён высветлілася, што «партизанский отряд из Ленинского районного актива, организованный обкомом для борьбы с немцами в их тылу, Сахаров спешно повел на восток, за линию фронта. И этот их уход больше походил на бегство» [5, с. 247].

Да верасня 1941 г. атрад Камарова дзейнічаў у Жыткавіцкім раёне, а потым, як піша В. З. Корж, «жизнь и борьба заставили нас перейти в Старобинский район. Этот переход в Старобинский район нашего партизанского отряда вызывался тактикой партизанской борьбы». Дело в том, что в этом районе еще от гражданской войны остались партизанские кадры. Их не уничтожили во время произвола Сталина. Перш за ўсё, В. З. Корж называе старога партызана, былога чырвонаармейца І. Т. Севасцьянчыка, І. Бараноўца, С. Ф. Сеўрука [2, с. 197–198].

У сярэдзіне верасня атрад сустрэўся з групай партызан Старобінскага раёна ў складзе 35 чалавек, камандзірам якой быў А. З. Пратасеня. Шмат хто з іх стаў прасіцца перайсці ў атрад Камарова, гаварылі, «что у них нет командира, т. е. очень много командиров и неизвестно, кого слушать». Васіль

Захаравіч пагутарыў з байцамі і параіў аздаравіць кіраўніцтва атрада. Адна-часова ён растлумачыў, што браць іх ў свой атрад будзе горш для агульнай справы, таму што, чым больш атрадаў дзейнічае ў розных напрамках, тым лепш для ўсіх. Гэта пашырае і ўдзесяцярае магчымасці партызан [3, с. 7].

І на самой справе, што кінулася ў вочы Каржу: камандзір даваў распараджэнне байцам, а былы старшыня Старобінскага райвыканкама (В. Ц. Меркуль. – Л. С.) адмяняе яго без усялякага на гэта права. А партызаны ведалі, што ён не камандзір і нават не камісар атрада, а байцом яго назваць таксама нельга было, таму што распараджэнняў камандзіра ён не выконваў. Корж разумеў, што камандзір у атрадзе зусім нявопытны, не валодае ўменнем кіраваць. Напачатку ён правёў размову з партаргам атрада М. І. Бандароўцам, якому прама сказаў: «Нельзя подрываць авторитет командира: или вы ему помогайте руководить, или поставьте другого товарища» [3, с. 8].

Гэтае пытанне было вынесена на партыйны сход. Камандзірам быў выбраны М. І. Бандаровец. З ім жа Васіль Захаравіч адразу дамовіўся правесці рэйд кіламетраў на 300 па тэрыторыі Мінскай вобласці. Для гэтага вылучылі 60 лепшых байцоў з двух атрадаў. Зазначым, што адной з галоўных задач рэйду было пашырэнне партызанскага руху ва ўсіх раёнах, дзе намячалася ажыццявіць гэтую аперацыю.

2 кастрычніка 1941 г. партызаны-камароўцы сустрэліся з групай партызан атрада М. І. Бандароўца і пайшлі рэйдам адразу ў Краснаслабодскі раён. Важнейшым вынікам паходу сталі, як падкрэслівае В. З. Корж, сустрэчы з насельніцтвам, сувязі з людзьмі, «через которых можно было втягивать народ в партизанское движение... Само присутствие партизанского отряда в районе подняло дух населения. Население из нас 60 человек делало 600 человек. Для нас это было полезно» [3, с. 8].

Аднак ажыццявіць задуманы план не ўдалося па той прычыне, што сярод партызан знайшліся «хныцікі і малаверы», якіх страшыла наступаючая зіма. Адны прапаноўвалі разыйсціся па дамах, па знаёмых, родзічах. Іншыя – рухацца на ўсход, а то і зусім за лінію фронту. «Самым влиятельным нытиком был В. Т. Меркуль» [3, с. 8]. У такой сітуацыі аб'яднаны атрад вымушаны быў вярнуцца назад у старыя лагеры.

Між тым спрэчкі ў атрадзе не сціхалі. 14 кастрычніка адбыўся партыйны сход атрада, які быў выкліканы паводзінамі некаторых партызан, якія вырашылі ісці за лінію фронту. «На партсобрании эти товарищи хотели заставить меня, – піша В. З. Корж, – вести весь отряд за фронт. На собрании отряда я наотрез отказался от этого неправильного предложения некоторых товарищей и сказал, что за состояние отряда в зимнее время я отвечаю, заявляю, что будем работать зимой не меньше, чем летом. Но по настоянию 9 человек, из них большинство члены партии, пришлось выдать справки о пребывании их в отряде и отпустить за фронт» [3, с. 8].

21 ліпеня 1941 г. быў створаны Мінскі падпольны абкам КП(б)Б, на чале якога стаў былы сакратар абкама В. І. Казлоў. Галоўнай задачай абкама з'яўлялася разгортванне партызанскага руху на тэрыторыі Мінскай, а з краса-

віка 1942 г. і Палескай абласцей. Таксама ў межах гэтых тэрыторый абкам павінен быў ажыццяўляць ускладзеную на яго задачу кіраўніцтва падпольнай і партызанскай барацьбой. В. З. Корж надае гэтаму пытанню асаблівую ўвагу, прычым выказвае ўласнае меркаванне адносна сітуацыі, якая складвалася ў першыя дні і месяцы вайны. У яго дакладной запісцы пакінуты наступныя радкі: «При встрече с т. Козловым [1-й сакратар Мінскага падпольнага абкама КП(б)Б. – Л.С.] я предложил пройти группой партизан севернее Слуцка, посмотреть, что есть в Воробьевских лесах, в Греском, Копыльском районах и выйти в Краснослободский район, а потом в Старобинский район с задачей – произвести по дороге несколько операций по уничтожению полиции и немцев и подымают партизанское движение во всех районах... Расширить район действия партизан в самое трудное время, как зима и т. д. тов. Козлов было согласился, а потом стал категорически не советовать мне и Бондаровцу» [3, с. 8].

З поўным правам В. З. Корж заўважае, што праблема так званай «сямёркі» (група работнікаў Мінскага падпольнага АК КП(б)Б) заключалася ў тым, што яны цалкам разлічвалі на дырэктыўныя ўказанні з Масквы, знаходзіліся ў глухім лесе, не маючы ніякай сувязі з партызанамі. Яшчэ пры першай сустрэчы (восень 1941 г. – Л.С.) В. З. Корж гаварыў В. Казлову: «...тебе не находится в отряде нельзя, и вы делаете большую глупость, что вы скрываетесь от отряда, т. е. по вашему “конспирируетесь”, тебе надо стать комиссаром отряда и раздувать дальше партизанские дела... Он моим советом пренебрег, посчитал, что он “большой” человек и ему указывать и советовать нельзя» [3, с. 10]. Больш за тое, як далей успамінае В. З. Корж, калі камароўцы наладзілі цесную сувязь яшчэ з адным атрадам, сталі праводзіць сумесныя баявыя дзеянні, кантраляваць больш вёсак, яны аддаляюцца ад партызан на 25 кіламетраў. Пэўнае ўдакладненне становішча, звязанага з паводзінамі партыйнага кіраўніцтва, даюць і іншыя дакументальна зафіксаваныя факты. Так, у момант знаходжання партызанскага атрада Камарова (зіма 1941 г.) у Любанскім раёне, В. З. Корж, ведаючы аб знаходжанні тут «сямёркі», як мага хутчэй спяшаўся звязацца з В. І. Казловым. Аднак «Василий Иванович Козлов, Мачульский и другие, как они тогда назывались, – “семёркой”, продолжали “сидеть” где-то в лесу..., т.е. прятаться от всех, от жителей и от партизан, никакой работы не проводили.... Отряды знали, что есть такая “семёрка”, и знали, что это партийные товарищи. Было страшно обидно за неправильное поведение этой “семёрки”, которую ничего не интересовало, а только лишь спасали свою шкуру и отсиживались в тылу...» [3, с. 13].

У гэтай сувязі неабходна адзначыць крайне негатыўнае стаўленне Васіля Захаравіча да падобных паводзін прадстаўнікоў партыйна-савецкай наменклатуры, якіх называе трусамі і паразітамі. У сваім дзённіку 23.08.1941 г. ён запісвае аб тым, як яму хочацца знішчаць гітлераўцаў, якіх называе «людаедамі, паразітамі, парушальнікамі мірнай працы ўсяго чалавецтва». Але не меншае абурэнне выклікалі ў яго паводзіны прадстаўнікоў партыі, якія «годами сидели на ответственных постах, губили живое дело, называли

себя “героями”, а сейчас пошли “в кусты”. А если не в кусты, то блытаются по нашим тылам и мешают честным людям вести Отечественную войну с фашизмом. Этих тоже нужно уничтожать, а в крайнем случае, никогда не допускать даже на самые малые должности, а послать на физическую черновую работу и брать в жесткую дисциплину. Это те паразиты, через которых мы сейчас пока потерпим поражение» [2, с. 203].

Згодна з рашэннем кіраўніцтва атрада была паслана група з падводамі для таго, каб прапанаваць кіраўніцтву Мінскага абкама выехаць у в. Загалле, дзе знаходзіліся два атрады. Калі яны прыехалі ў штаб, які размяшчаўся ў гэтай вёсцы, то сапраўды знешні выгляд іх быў падобны на «ту “божью семёрку”», про которую в отрядах говорили, все были небриты, бороды были похожи на апостольские, ребята смеялись, брили и приводили их в порядок, нашли им квартиру, расположили и с того момента они начали общаться с партизанами. Это был уже февраль месяц 1942 г. [3, с. 13].

Крыху пазней В. З. Корж быў уведзены ў склад гэтай «сямёркі» ў якасці ваеннага кіраўніка ўсімі атрадамі, з якімі была наладжана сувязь. Зазначым, што ў той час атрад Камарова трымаў сувязь з пяццю атрадамі.

Важным момантам тагачаснага этапу пошукаў новых тактычных дзеянняў можна лічыць тое, што ў студзені 1942 г. В. З. Корж спланаваў першы, паспраўднаму вялікі партызанскі рэйд сіламі некалькіх атрадаў. Рэйд пачаўся 19 лютага і быў разлічаны на месяц. Камандаваў усімі атрадамі В. З. Корж, нягледзячы на тое, што В. І. Казлоў з групай абкама таксама ехаў разам з партызанамі. На працягу ўсяго рэйду «сямёрка» «ни в какие оперативные дела не вмешивалась» [3, с. 14]. Справа ў тым, што яшчэ да пачатку аперацыі В. Казлоў вырашыў, што яе павінен узначаліць менавіта В. З. Корж як вопытны камандзір. Такі выбар можна разглядаць як ухіленне 1-га сакратара ад адказнасці, улічваючы яго «агульнае кіраўніцтва», у выпадку магчымых няўдач.

21 лютага сіламі чатырох партызанскіх атрадаў была здзейснена першая сумесная аперацыя, у выніку якой была разгромлена Кузміцкая воласць і паліцэйскі ўчастак [2, с. 216]. Вынік саннага рэйду можна ацаніць як значны. У сваёй справаздачы В. З. Корж канстатуе: «За этот рейд мы сделали много полезного, разгромили несколько полицейских участков, укрепили веру в народе в победу Красной Армии, пронеслась очень большая легенда, что нас очень много, что это регулярная воинская часть. Все это в нашу пользу» [3, с. 14].

Між тым план рэйду не быў канчаткова выкананы па той жа прычыне, што і восенню 1941 г. Некаторыя кіраўнікі атрадаў сталі вагацца, іх пужала небяспека невядомай мясцовасці. Яны не жадалі рызыкаваць сваім жыццём, таму настойвалі на вяртанні ў свае месцы. Асабліва пачала непакоіцца аб вяртанні назад нічым сябе не праявіўшая ў баявых справах «святая семёрка» В. І. Казлова. Аднак самым уплывовым «хныцікам» быў усё той жа В. Ц. Меркуль. Замест таго, каб дапамагчы В. З. Каржу як камандзіру выканаць да канца

план рэйду, адны з іх, як адзначаецца ў дакладной запісцы, «начали ставить палки в колеса, другие заняли нейтральную позицию, и мне пришлось волея-неволей согласиться на этот отход» [3, с. 14].

Шматаспектная праблема адносін партызан да мясцовага насельніцтва заслугоўвае асобнай увагі. Дакументальныя матэрыялы дазваляюць з большай аб'ектыўнасцю паказаць іх сапраўдныя ўзаемаадносіны. Так, у сваёй справаздачы В. З. Корж паведамляў, што з дапамогай стараст, паліцэйскіх і «ўсякай сволачы» немцы пасеялі такі страх у насельніцтва, што яно «боялось не только встретиться с партизанами, а даже знать что-нибудь о партизанах». З-за гэтага «жизнь партизан становилась трудной, не было где доставать продукты. Население боялось кормить партизан», і тыя хварэлі [3, с. 17]. Яшчэ праз месяц В. З. Корж заўважаў, як паліцыя «росла по деревням, множилась и распространяла свое влияние на население. Население легко поддавалось полицейскому влиянию потому, что ничего не знало о фронте...» [3, с. 18]. У святле гэтай ацэнкі неабходна прыняць пад увагу рэпрэсіўныя акцыі савецкай улады супраць вялікай масы людзей, без уліку якіх немагчыма зразумець адносіны адчужэння і нават варожасці, якія не абяцалі разгортвання «ўсенароднай барацьбы ў абарону гэтай улады. Адметным у плане паказу тых падзей можна лічыць запіс, які пакінуў Васіль Захаравіч у сваім дзённіку 7.09.41 г., у якім распавядае аб тым, што, знаходзячыся ў дзвюх вёсках (Мілеў і Залючыцы), яны не знайшлі ні ў адной хаце мужчын. Усіх даўно забралі, некаторых на 3–5 гадоў за тое, што «злые люди наговорили, а товарищи [прадстаўнікі савецкіх органаў. – Л. С.] не разобрались и взяли. И я пришел к убеждению, – працягвае ён, – что столько противников советской власти не было и не могло быть, а иначе она не держалась бы и не имела бы таких успехов, какие имела». І далей Васіль Захаравіч выказвае не толькі сваё меркаванне, але і разуменне, якое склалася ў народзе, таго, што тыя, хто вырашаў лёс чалавека і лёс цэлай сям'і, адштурхоўвалі гэты народ ад савецкай улады [2, с. 206]. У гэтым запісе можна прачытаць і аб іншым факце, які дапамагае таксама ўбачыць рэальную карціну трагічных падзей, звязаных з рэпрэсіямі 30-х гадоў. Так, калі камароўцы знаходзіліся на хутары (тэрыторыя былой Заходняй Беларусі), В. З. Корж запытаў у старога мужчыны: «как живет, дедушка? Эй, говорит, детки плохо. При польской власти еще кое-как жили, а при этих большевиках никакой жизни нет. Вот я был у своих за рекой, там, где были большевики, там же, говорит, не осталось ни одного мужика, около границы всех побили. Разве это власть? Так, говорит, робит сейчас Гитлер, расстреливает людей ни за что. Это, говорит, не власть, если она уничтожает ни за что своих людей» [2, с. 207].

Правільным узаемаадносінам з насельніцтвам В. З. Корж надаваў асабліваю ўвагу. Ён лічыў гэта адным з асноў для далейшага развіцця партызанскага руху. У сваім дзённіку, успамінах і справаздачы ён імкнуўся пісаць аб тым, як рэальна складваліся адносіны паміж партызанамі і насельніцтвам. Гэтыя дакументы ўтрымліваюць шмат фактычных звестак аб шчыльных кантактах з насельніцтвам.

Ва ўмовах адсутнасці запасаў харчавання правядзенне гаспадарчых аперацый па іх нарыхтоўцы стала практычна асновай эфектыўнай барацьбы партызан у тыле ворага. Аб гэтым 12.08.41 г. піша В. З. Корж: «Сейчас буду посылать людей в разные стороны за кое-каким продуктом. Самое тяжелое для партизан – это питание. Было бы питание, работы было бы больше на 75 %» [2, с. 202]. Пры гэтым камароўцы «нікогда и крошки хлеба не брали насильно, как ни тяжело приходилось. Исключение – только дома изменников, предателей, и крестьяне хорошо помнили это... Новичкам, приходившим в отряд, строго внушали правила морального кодекса партизан: мало быть смелым в бою, надо быть другом каждого крестьянина, его защитником, его совестью» [5, с. 322–323]. Праўда, трэба прыняць пад увагу, што такія прыстойныя паводзіны партызан у паўсядзённым жыцці не былі характэрнымі для ўсіх чальцоў асобных атрадаў. І В. З. Корж не замоўчвае негатыўныя праблемы, звязаныя з адсутнасцю дысцыпліны, п'янствам, рабаўніцтвам насельніцтва. «В ряде наших отрядов народ разбалован, процветало пьянство, мародерство, неправильные взаимоотношения с населением, мы в своем отряде, особенно руководящий состав, всё это видели и страшно переживали, ведь это наше общее дело, государственное дело...» [3, с. 13].

Далейшага разгляду патрабуе яшчэ інфармацыйна-прапагандысцкая работа сярод мясцовага насельніцтва, якую праводзілі камароўцы. Вядома, што прапагандысцкі апарат акупантаў усімі сродкамі імкнуўся «вылечыць народ ад бальшавізму», а таксама дыскрэдытаваць партызанскі рух, знішчыць веру людзей у перамогу Чырвонай арміі, звярнуць іх са шляху актыўнай барацьбы супраць захопнікаў. Нягледзячы на тое, што партызаны маглі быць на акупаваных тэрыторыях пэўным цяжарам для мясцовага насельніцтва, але яны прапаноўвалі альтэрнатыву. Праз уласную прысутнасць яны закладвалі і ўзмацнялі сумнеў у перамозе немцаў і ўяўлялі з сябе канкурэнцыю для акупантаў як з палітычнага, так з інфармацыйнага гледзішча.

Да прапаганды сярод насельніцтва В. З. Корж ставіўся вельмі сур'ёзна. Ён ведаў, што пасля нападу немцаў мясцовыя памагатыя (старасты, бургамістры) імкнуліся запалохаць мясцовае насельніцтва, стварыць пачуццё жаху ад магчымай помсты з боку немцаў за сувязь з партызанамі. Таму з насельніцтвам, як падкрэслівае В. З. Корж, «надо было работать очень тонко, правильно ему всё разъяснить и постепенно втягивать в партизанскую борьбу против немцев. Приходилось очень часто даже не брать у крестьян продуктов, голодать, добиваться симпатии у населения, опрокидывая этим самым фашистскую агитацию, в которой оккупанты называли нас на каждом шагу “бандитами”, заявляли, что мы лишь грабим население и т. д.» [3, с. 17].

Сярод шматлікіх праблем развіцця партызанскага руху, асабліва на першым этапе вайны, якія раскрываюцца ў дакументах В. З. Каржа, нельга не згадаць пра забеспячэнне партызанаў зброяй і боепрыпасамі. Адразу ж звернем увагу на тое, што гэтая праблема праходзіць «чырвонай ніткай» праз

дзённікавыя запісы В. З. Каржа і іншыя яго дакументы. Для эфектыўнага змагання не хапала зброі, боепрыпасаў, і ў гэтым В.З. Корж бачыў адну з перашкод для магчымага распаўсюджвання партызанскай вайны.

Вядома, што напачатку вайны партызаны вымушаны былі самі сябе забяспечваць зброяй за кошт нямецкіх графеяў. Аб гэтым, у прыватнасці, у сваіх запісах В. З. Корж адзначае: «Предстояло подбирать в отряд новых людей, добывать оружие у самого врага...» [5, с. 244]. У справаздачы на імя П. К. Панамарэнкі можна знайсці шмат прыкладаў такога кшталту. Так, 5 жніўня 1941 г. група партызан-камароўцаў на тракце Леніна – Жытківчы напала на машыну, якая ішла на фронт. Было знішчана 15 немцаў, з іх 5 афіцэраў, забрана 10 вінтовак, 5 пісталетаў. 21 жніўня ў выніку такой жа аперацыі была знішчана нямецкая разведка. Графеі склалі: 2 аўтаматы, 2 пісталеты, 2 гранаты, бінокаль, 300 патронаў да аўтаматаў [3, с. 17–18].

Аналіз дакументальных матэрыялаў паказвае, што пытанне забеспячэння партызанаў зброяй і боепрыпасамі засталася складаным і ў 1942 годзе. У якасці прыкладу прывядзём некалькі вытрымак з дзённіка В. З. Каржа: «10/VII. 42 г. ... было бы оружие, можно было половину этих людей [з 200 чал., якія былі запісаны ў паліцыю. – Л. С.] забрать в отряд» [2, с. 221]; «1/VIII.42 г. ... 27 человек во главе с тов. Мурашкой направлены для поиска оружия в другом районе»; «2/VIII.42 г. во главе с ком. т. Бондаревым направлена группа в составе 8 человек за оружием...» [2, с. 223].

Неаднаразова і сам Васіль Захаравіч сумесна з сваімі камароўцамі адпраўляўся на пошукі былых тайнікоў з назапашанай зброяй і харчаваннем. Аднак кожны раз ён вяртаўся ні з чым. Усё было тупа і бяздумна ліквідавана яшчэ чатыры гады таму.

Адной з галоўных задач, якія стаялі перад партызанамі Беларусі, у тым ліку і атрада Камарова, быў падрыў забеспячэння праціўніка боепрыпасамі, зброяй і тэхнікай. Закранаючы гэтую праблему, неабходна адзначыць, што толькі з вясны – лета 1942 г. партызаны-камароўцы сталі надаваць важнае значэнне дыверсійнай рабоце на чыгуначных камунікацыях. Спачатку даволі часта выкарыстоўваўся такі спосаб знішчэння варожых эшалонаў, як развінчванне рэек. Гэта тлумачылася дэфіцытам выбуховых рэчываў, якія партызаны стараліся берагчы і выкарыстоўваць толькі тады, калі вырашыць пастаўленую баявую задачу іншымі спосабамі было немагчыма. Аб адной з такіх аперацый В. З. Корж запісаў у сваім дзённіку: «8/VI.42 г. произведено крушение воинского эшелона, шедшего на фронт между ст. Житковичи и зап. ж. д., ручным способом – развинчивание рельс и расшивка путей. Уничтожено, со слов населения, бывшего на месте крушения, 200–300 немецких солдат и офицеров, много раненых (по уточненным данным, уничтожено более 600 солдат)» [2, с. 218]. За гэтую аперацыю партызан Іван Некрашэвіч быў узнагароджаны ордэнам Чырвонай Зоркі. Дзякуючы дзейнасці камароўцаў удалося нанесці значную шкоду чыгуначнаму транспарту і рухомаму складу акупантаў.

Сведчаннем таму з`яўляюцца дзённікавыя запісы Васіля Захаравіча ад 24/VI.42 г.; 30/VI.42 г.; 3/VII.42 г.; 15/VII.42 г.; 16/VII.42 г.; 16/VIII.42 г.; 25/VIII.42 г.; 7/IX.42 г. [2, с. 218, 220, 221, 222, 224, 226, 228]. Вось адзін з іх: «Група тов. Спокойного, которая направилась на работу 27/VIII.42 г., вернулась 2/IX вечером. За это время сделано следующее: с 4 на 5 сентября 42 г. группа действовала в трех направлениях на ж.д. Лунинец–Барановичи и Лунинец–Пинск. Первая в количестве 15 человек во главе с т. Некрашевичем Иваном подорвала поезд, следовавший на фронт с воинскими грузами и техникой. Вторая группа во главе с тов. Ершовым и десантником Николаем подорвала воинский эшелон, шедший с фронта. Третья группа во главе с т. Спокойным пустила под откос воинский эшелон, идущий на фронт между ст. Лунинец и ст. Дятловичи» [2, с. 228].

Зразумела, дыверсіі ў гэты перыяд маглі б ажыццяўляцца яшчэ больш інтэнсіўна, але не хапала, як ужо адзначалася, выбуховых рэчываў. Васіль Захаравіч даражыў літаральна кожным грамам траціла, імкнучыся найбольш эфектыўна выкарыстоўваць яго на камунікацыях ворага. Таму не мог і не жадаў ён браць тады на сябе нейкія «ўдарныя сацабавязацельствы» па знішчэнні «штук рэк», якія спускаліся «зверху» [5, с. 351].

Напрыканцы звернем увагу на праблему кіраўніцтва па каардынацыі дзейнасці партызанскіх атрадаў і груп. Аналіз зместу дакументальных матэрыялаў паказвае, што ўжо ў канцы 1941 г. атрад Каржа ўзаемадзейнічаў і трымаў сувязь з пяццю партызанскімі атрадамі, якія дагэтуль дзейнічалі ізалявана. Між імі была дамоўленасць, які атрад, у якім напрамку павінен весці разведку, трымаць абарону. Яскравым прыкладам баявога ўзаемадзеяння атрадаў з`яўляецца санны рэйд у сакавіку 1942 г., аб якім ішла гаворка вышэй. Але Васіль Захаравіч добра разумеў, што для каардынацыі дзеянняў партызанскіх падраздзяленняў, асабліва пры сумесных баявых аперацыях, «требовалось какое-то общее руководство, поскольку отряды были связаны между собой» [3, с. 11]. І толькі летам 1942 г., пасля таго, як быў створаны Цэнтральны штаб партызанскага руху, была наладжана сувязь з Цэнтрам. Праўда, яна была яшчэ не рэгулярная, аднак з`яўлялася вялікай справай. Усведамленне таго, што аб іх ведаюць, аб іх думаюць там, у Цэнтры, было вялікай маральнай падтрымкай для партызан.

Да пачатку лістапада 1942 г. на тэрыторыі Пінскай вобласці было створана 7 партызанскіх атрадаў, у якіх налічвалася да 2 000 партызан [5, с. 362]. На базе гэтых атрадаў было створана Пінскае партызанскае злучэнне пад кіраўніцтвам легендарнага камандзіра і арганізатара В. З. Каржа. У яго шэрагах у 1944 г. знаходзілася ўжо 15 000 байцоў [2, с.177].

Такім чынам, у інтарэсах даследавання гісторыі партызанскага руху асабліваю цікавасць выклікаюць дакументы асабістага архіва В.З. Каржа. Багаты інфармацыйны іх змест дапаўняе здабыткі айчыннай гістарыяграфіі, дапамагае з большай аб`ектыўнасцю ствараць цэласную карціну гістарычных падзей

станаўлення і развіцця партызанскага руху на Беларусі ў пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны. Арыгінальнасць гэтай крыніцы заключаецца ў тым, што ў ёй занатоўваюцца некаторыя ключавыя моманты, якія на цяперашні час замоўчваюцца ў айчыннай гістарыяграфіі. Гэта адносіцца да такіх пытанняў, як знішчэнне рэзерву партызанскіх кадраў у сярэдзіне 30-х гадоў, бяздзейнасць асобных партыйных кіраўнікоў, якія былі пакінуты для арганізацыі партызанскай барацьбы, рэпрэсіі 30-х гадоў, што адштурхоўвалі народ ад савецкай улады, не заахвочвалі яго ў разгортванні «ўсенароднай барацьбы» ў абарону гэтай улады. Несумненна, гэтыя дакументы патрабуюць далейшага асэнсавання, аднак факты, якія вынікаюць з іх, пераконваюць у неабходнасці іх выкарыстання пры разглядзе гісторыі партызанскага руху на Беларусі ў пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны.

ЛІТАРАТУРА

1. Гомельщина партизанская. Начало. Июнь 1941 – май 1942 г.: сб. док. и материалов // НАРБ. – Минск, 2010. – Вып. 1. – 238 с.
2. *Корж, В. З.* Моя борьба и труд / В. З. Корж // Неман. – 1998. – № 2. – С. 177–228.
3. Докладная записка «О проделанной работе в тылу врага за период с первых дней войны, т.е. с июня 1941 года по 3-е апреля 1942 года» // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2. – С. 15–19; № 4. – С. 7–16.
4. *Нордман, Э. Б.* Не стреляйте в партизан... / Э. Б. Нордман. – Минск : Беларусь, 2007. – 200 с.
5. *Смирнов, Н. И.* Генерал Корж. Неизвестные страницы... / Н. И. Смирнов. – Минск : Звезда, 2014. – 686 с.

М. В. Стрелец, С. А. Птичкина

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ОРГАНИЗАЦИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ХОЛОКОСТЕ

Хорошо известно о шести миллионах евреев, уничтоженных расистски настроенными гитлеровскими головорезами и их приспешниками. Разумеется, ни о какой зрелой культуре исторической памяти не может идти речи, если общество не будет адекватно оценивать участие в Холокосте и тех, и других. Плохой пример в этом плане подает правящая украинская политическая элита. Она однозначно делает героев из представителей Организации Украинских Националистов (ОУН), Украинской Повстанческой Армии (УПА), на совести которых уход из жизни многих тысяч евреев.

Возглавляемая С. Бандерой ОУН встретила начало Великой Отечественной войны с твердым желанием создать моноэтническое украинское государство, выступавшее как реальный субъект международных отношений и между-

народного права. Хорошо известно, что довоенная Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР) относилась к тем субъектам советской федерации, где был высокий удельный вес нетитульных этносов в структуре населения. По евреям он был самым высоким в масштабах всего СССР – 6 %. Из 5 млн советских евреев 2 800 000, то есть 56 % проживали в Украине [1].

Бандеровцы жестко сосредоточились на том, что путь от полиэтничности к моноэтничности лежит через этнические чистки. Это роднило их с идеологией и политикой Национал-социалистической рабочей партии, возглавляемой Гитлером.

Для ОУН приоритетом номер один в этнических чистках был тотальный геноцид в отношении евреев. Вот высказывание самого авторитетного для оуновцев идеолога Ярослава Стецько: «Считая главным и решающим врагом Москву, которая фактически держала Украину в неволе, а не жидовство, я тем не менее отдаю себе отчет в неизменно вредной и враждебной роли жидов, которые помогают Москве закрепостить Украину. Поэтому я стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов уничтожения жидовства и исключаю их ассимиляцию и т. п.» [2].

Российский исследователь Михаил Мягков пишет: «Бандера, когда только вошел на Украину вместе с германскими войсками, выпустил такой лозунг: “уничтожать евреев, жидов, коммунистов безо всякого милосердия”. Немецкие документы подтверждают, что временами самую грязную работу (расстрел женщин, детей) немцы отдавали украинским националистам. Они порой даже сами удивлялись, до какого зверства они могут доходить в расстреле ни в чем неповинных граждан» [3].

Участие ОУН в Холокосте началось с погромов во Львове, датированных 1–3 июля 1941 года. Члены ОУН, члены украинского батальона «Нахтигаль» сыграли главную роль в уничтожении в эти дни не менее 4 тыс. тамошних евреев. Заместителем командира батальона «Нахтигаль» был видный деятель ОУН, будущий руководитель УПА Шухевич. Доказано также участие германцев, поляков в этом геноциде. Но оно не было решающим. В ближайшие пару недель география подобных погромов уже включала более 20 мест в Восточной Галичине. Оуновцы особо зверствовали в отношении евреев в Золочиве, Тернополе, Бориславе, Дрогобыче, Самборе, Скалате, Бережанах, Чорткове. Очередной погром во Львове произошел 25–27 июля 1941 года и привел к уничтожению 2 тыс. евреев. Июльский скорбный счет касательно западно-украинского еврейства приближался к 25 тыс. Часто дело обстояло так. Еще до прихода немцев оуновцы создавали свою милицию, которая сразу же начинала осуществлять погромы [4].

Представители указанной организации в конце сентября 1941 г. Участвовали в крупномасштабном уничтожении евреев в районе Бабьего Яра. Там было убито 35 тыс. лиц данной национальности. Среди 1 500 палачей, участвовавших в расстрелах в киевском урочище, было 1 200 полицаев из ОУН и только 300(!) членов айнзацгруппы.

Оуновцы составляли ядро батальонов вспомогательной охранной полиции – шуцманшафт. До шуцманшафт уже имелись украинские полицейские формирования. Они действовали с лета 1941 года. Но шуцманшафт решительно превосходили их в плане массовости, организованности, структурированности. У истоков системы шуцманшафта стоял видный деятель ОУН Михаил Омелянович-Павленко. Можно однозначно утверждать, что участие шуцманшафт в ликвидации еврейских гетто на украинской земле было не меньшим, чем германских айнзацгрупп. Совместный расстрел узников гетто и теми, и другими был широко распространенной практикой. Вот только несколько примеров. Осенью 1942 г. 1 400 германских и 12 000 украинских полицейских расстреляли 150 000 узников гетто в Западной Волыни. 7 апреля 1943 г. совместный расстрел имел место в отношении узников Тереховлянского гетто на Западной Украине. Без малого 1 100 человек были лишены жизни. В результате расстрелов, датированных 3 и 5 июня 1943 г., скорбный список соответствующих жертв в городе Тереховля Тернопольской области увеличился на 1 400 человек [3].

Ставка ОУН на тотальное уничтожение евреев более активно поддерживалась западноукраинцами, чем восточноукраинцами. Тамашнее население, идеологически подпитываемое оуновцами, соучаствовало в Холокосте в гораздо больших масштабах, чем это имело место в БССР, всех трех прибалтийских субъектах советской федерации, Польше [2].

После Второй мировой войны уцелевшим лидерам ОУН нередко приходилось выслушивать неудобные вопросы со стороны журналистов, публицистов, историков насчет причин широкого соучастия находившихся под их идейным влиянием западно-украинцев в Холокосте. Традиционно давался набивший оскомину ответ: «Евреи должны были заплатить по счетам за многоплановое участие в реализации разработанной в Кремле программы по советизации Западной Украины в 1939–1941 гг.» [2]. Подобное объяснение рушится как карточный домик с учетом следующих обстоятельств. Процент евреев среди руководства Западной Украины на областном уровне был невысоким. Правда, на районном и городском уровнях он был значительно более высоким, но в то же время в разы меньше удельного веса украинцев и русских, специально присланных из Восточной Украины и РСФСР. Немало западно-украинских евреев стало в эти годы жертвами сталинских репрессий. Например, каждый третий житель Восточной Галиции, депортированный Советской властью, был евреем. Украинские приспешники гитлеровских палачей убивали евреев, родившихся в первые годы царствования Александра II и в последние годы существования Второй Речи Посполитой. Утверждать, что они как-то причастны к советизации Западной Украины – из разряда медицинских фактов. Убивали, конечно, и евреев, относившихся к партгосноменклатуре, и тех рядовых евреев, которые обеими руками были за советизацию. Но далеко не все жертвы Холокоста принадлежали к таковым [1].

Представляется более правильным искать причинно-следственные связи в тех стереотипах, которые прочно укоренились среди украинцев на уровне массового сознания со времён геноцида против евреев, учиненного казаками Богдана Хмельницкого и гайдамаками. Содержание этих стереотипов таково: еврей-враг, еврей-«нехристь», еврей-эксплуататор [4].

Российский исследователь Даниил Романовский справедливо отмечает: «Эпоха раскулачивания и Голодомора в СССР, а затем «строительства германского Рейха» приучила украинских националистов к идее, что массовое убийство – вполне допустимое средство в борьбе за национальную цель. Расизм, прочно вошедший в идеологию ОУН, влек за собой представление, будто евреи «виноваты» (несущественно, в чем – в большевизме или в польском шовинизме) коллективно, как нация, и «наказаны» должны быть коллективно. Отсюда уже был один шаг до геноцида. И он был сделан под влиянием дополнительных факторов, включавших и нацистский антисемитизм, и программу «окончательного решения еврейского вопроса», и общую геополитическую ориентацию ОУН на Германию» [5].

Конечно, невозможно абсолютно точно подсчитать, сколько евреев было уничтожено единомышленниками Бандеры, Стецько, Шухевича. Не будет преувеличением утверждать, что счет идет на сотни тысяч. Всего же на украинской земле жертвами Холокоста стали полтора миллиона представителей народа, давшего миру Гейне, Кантора, Зельдовича, Харитона, Эйнштейна. Число мест массовых расстрелов превысило три сотни.

По классификации ЮНЕСКО народ, проживший в конкретном государстве не менее 500 лет, относится к числу коренных народов. Украинские евреи полностью подходят под эту классификацию. Как видим, украинские по своему этническому происхождению палачи уничтожали один из коренных народов Украины. И еще одно обстоятельство, вытекавшее из ретроспективного взгляда на историю украинских евреев, – Украина многим обязана тамошним евреям. Евреи дали ей больше, чем любой иной нетитульный этнос. Они создали уникальную по своему характеру украинскую разновидность идишестской культуры, сыграли колоссальную роль в становлении капитализма в промышленности на украинских землях, стояли у истоков тамошнего социал-демократического движения, задавали планку по многим направлениям развития фундаментальных и прикладных наук, отметились великими произведениями в мире изобразительного искусства. Перечень подобных констатаций можно продолжать еще долго. Главное, культура исторической памяти предполагает прочное понимание того, что 1,5 млн жертв Холокоста на украинской земле – это не только физическое уничтожение ни в чем не повинных людей по причине их еврейского происхождения. Украина постфактум недополучила много тысяч талантливых людей, которые могли бы принести ей немалую пользу [1].

Автор настоящей статьи полностью согласен со следующим заявлением крупного польского исследователя Холокоста Россолинского-Либе: «Украине нужна конфронтация со своей историей, переосмысление этой истории,

как происходит в Польше после публикаций, доказывающих участие поляков в Холокосте. Это помогает понять, как некоторые поляки вели себя во время оккупации, какую роль сыграли поляки в истреблении евреев» [6].

И последнее. На протяжении многих лет делегация Российской Федерации инициирует принятие на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций резолюции, решительно осуждающей героизацию нацизма. Дословно название резолюции звучит так: «Героизация нацизма: недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [7]. Делегация Украины никогда (!) не поддерживала эту резолюцию. И вновь неизбежно напрашиваются рассуждения об исторической памяти и историческом беспамятстве. Возведение на пьедестал ОУН и УПА – пример «вида практики, который способствует эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Несомненно, что голосование по настоящей резолюции – это тест на зрелость культуры исторической памяти, в том числе и в той части, которая касается исполнителей Холокоста [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Евреи на Украине – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org > wiki > Евреи_на_Украине](http://ru.wikipedia.org/wiki/Евреи_на_Украине). – Дата доступа : 07.02.2020.
2. Украина. Двойка по истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [books.google.by > books](http://books.google.by/books). – Дата доступа : 07.02.2020.
3. Украине напомнили о роли ОУН в уничтожении евреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.tvc.ru > news > show](http://www.tvc.ru/news/show). – Дата доступа : 07.02.2020.
4. *Войцеховский, А. А.* Геноцид против евреев [Электронный ресурс] / А. А. Войцеховский, Г. С. Ткаченко. – Режим доступа : history.wikireading.ru. – Дата доступа : 07.02.2020.
5. Даниил Романовский. Коллаборанты : украинский национализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [jerusalem-temple-today.com > maamarim > drugie > Romanovsk](http://jerusalem-temple-today.com/maamarim/drugie/Romanovsk). – Дата доступа : 07.02.2020.
6. Гжегож Россолински-Либе. Бандера, ОУН, УПА и еврейско-украинские отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [varjag2007su.livejournal.com > ...](http://varjag2007su.livejournal.com) – Дата доступа : 07.02.2020.
7. О резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.mid.ru > o-rezolucii-general-noj-assamblei-oon-bor-ba-s-geroiz...](http://www.mid.ru/o-rezolucii-general-noj-assamblei-oon-bor-ba-s-geroiz...) – Дата доступа : 05.01.2020.

И. С. Благущ

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ: УРОКИ ГЕРМАНИИ

Одной из наиболее выраженных долгосрочных тенденций развития мировой экономики на протяжении последних десятилетий эксперты, опираясь на статистические данные и выводы теории постиндустриализма, считали ускоренный рост сферы услуг. Именно сервисный сектор оценивался и продолжает рассматриваться в качестве основного драйвера экономического роста. В октябре 2019 г. был представлен ежегодный Доклад Всемирной торговой организации о состоянии мировой торговли, основной темой которого стало будущее торговли услугами, демонстрирующей значительный рост и играющей ключевую роль в структуре мировой экономики.

Именно услуги, по мнению экспертов ВТО, стали основой логистического, финансового и информационного обеспечения современной мировой экономики, генерируя более двух третей объемов производства, две трети рабочих мест в развивающихся странах и четыре пятых в развитых [1].

Услуги логистики и связи обеспечивают функционирование глобальных цепочек стоимости, с развитием цифровых технологий повышается доступность услуг телемедицины и образования. Таким образом, развитие именно этого сектора мировой торговли способно в значительной мере повысить потенциал роста как мировой системы хозяйства, так и национальных экономик, в том числе в области достижения Целей устойчивого развития.

В среднем на долю услуг приходится около половины мирового ВВП. С 2005 года торговля услугами ежегодно росла на 5,4 % в год, в то время как торговля товарами – в среднем на 4,6 %, что позволило нематериальному сектору сформировать к 2016 году почти четверть общего объема глобального экспорта товаров и услуг. Наиболее динамично развивались торговля компьютерными услугами и научно-исследовательскими разработками, в этом сегменте зафиксирован самый значительный ежегодный прирост за последнее десятилетие. По оценкам экспертов ВТО, доля услуг в глобальной торговле благодаря устранению политических барьеров, снижению торговых издержек и цифровизации к 2040 году может достичь 50 % [Там же].

По данным World Trade Statistics 2019 в 2018 г. мировой товарный экспорт оценивался на уровне 19,67 трлн долл., а экспорт услуг – 5,8 трлн долл., что соответствует лишь 29,74 % суммарного объема глобального экспорта. То есть по абсолютной величине товарный экспорт все еще доминирует, причем на 70 % поставки товаров формируют обрабатывающие отрасли промышленности [2].

Но традиционная статистика торговли услугами не охватывает все способы предоставления услуг, оговоренные в Генеральном соглашении по торговле услугами (ГАТС). Новый экспериментальный набор данных ВТО, который впервые включает режим коммерческого присутствия в другой стране и тем самым отражает общую стоимость торговли услугами, позволяет скорректировать значение индикатора до 13,3 трлн долл. по состоянию на 2017 год [1].

Сервизация хозяйственных систем, таким образом, рассматривается в качестве инструмента и результата адаптации к тенденциям развития мирового рынка в условиях усиления либерализации и глобализации мировой экономики. В странах ОЭСР более 70 % рабочих мест сосредоточены в сфере нематериального производства. Нарастают доли на глобальном рынке услуг, увеличивая ее в структуре национальных хозяйственных систем, развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком.

«Поэтапный переход к постиндустриальному обществу» и «создание сервисно-ориентированной экономики» в качестве основной долгосрочной цели позиционирует «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» [3]. И в России, и в Беларуси сегодня существует достаточно много сторонников идеи, что постиндустриальный мир является «единственным полюсом хозяйственной мощи» и «современное общество может и должно рассматриваться именно как постиндустриальное» [4, с. 104].

При этом многие развитые страны с сервисной специализацией, на протяжении десятилетий осуществлявшие демонтаж и вывоз индустриальных производств, сталкиваются с растущей зависимостью от импорта товаров и дефицитом торгового баланса. Наиболее развитые экономики мира в группе G-7 – США, Япония, Франция, Великобритания, Канада – не способны обеспечить импортные закупки доходами от товарного экспорта (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Товарный экспорт в мировой экономике и G-7 в 2019 г., тыс. долл

Страны	Экспорт товаров в 2019 г.	Импорт товаров в 2019 г.
Мировая экономика	18,739,914,099	18,998,048,740
США	1,645,174,335	2,568,396,449
Германия	1,486,462,772	1,236,298,731
Япония	705,842,013	720,964,445
Франция	555,100,606	637,949,069
Италия	541,695,309	481,436,402
Великобритания	467,512,252	691,974,115
Канада	446,562,311	453,157,225

Источник: составлено автором на основе [5].

Положительное торговое сальдо формируется только у Германии (+250,164 млрд долл) и Италии (+60,258 млрд долл), все еще сохраняющих в отраслевой структуре экономики более значительную долю промышленного сектора, чем страны-лидеры постиндустриальной трансформации (США, Великобритания, Франция). США, несмотря на меры, направленные на воз-

вращение промышленного производства на территорию страны, за последние четыре года увеличили торговый дефицит более чем на 11 млрд долл., в 2019 г. он достиг значения –923,222 млрд долл. (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Баланс торговли в мировой экономике и G-7 в 2015–2019 гг., тыс. долл

Страны	Торговый баланс в 2015 г.	Торговый баланс в 2016 г.	Торговый баланс в 2017 г.	Торговый баланс в 2018 г.	Торговый баланс в 2019 г.
Мировая экономика	–147,344,413	–128,219,321	–228,536,105	–357,207,306	–258,134,641
США	–812,151,502	–797,653,433	–859,900,212	–946,387,125	–923,222,114
Канада	–9,471,106	–12,443,269	–11,696,393	–9,318,989	–6,594,914
Великобритания	–163,955,375	–224,904,580	–199,060,365	–180,853,894	–224,461,863
Франция	–67,762,380	–69,095,118	–85,278,864	–91,017,161	–82,848,463
Германия	270,276,672	275,824,263	280,190,282	270,614,537	250,164,041
Италия	46,389,996	54,934,951	53,801,314	46,408,623	60,258,907
Япония	–23,430,411	37,517,498	25,921,554	–10,927,953	–15,122,432

Источник: составлено автором на основе [5].

По данным World Bank Group Германия является единственной развитой страной, за период с 2010 по 2018 год увеличившей долю не только индустрии в целом (с 27 до 28 %), но и обрабатывающих отраслей промышленности в ВВП на один процент (с 20 до 21 %), сократив долю сферы услуг в валовой добавленной стоимости (с 62,2 до 61,5 %) [6]. Фактически только Германия в своей группе демонстрирует статистически выявляемую в долгосрочном периоде тенденцию к реиндустриализации экономики на фоне сохраняющихся процессов деиндустриализации национальных хозяйственных систем развитых стран.

Германия является третьим по величине экспортером в мире (примерно 7,9 % мирового экспорта) после Китая и США, реализовав в 2019 г. на внешних рынках товаров на сумму 1,486 трлн долл. (табл. 3).

Таблица 3

Товарный экспорт и импорт Германии в 2015–2019 гг., тыс долл.

Индикатор	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт товаров	1,323,665,116	1,332,489,067	1,444,776,367	1,556,622,939	1,486,462,772
Импорт товаров	1,053,388,444	1,056,664,804	1,164,586,085	1,286,008,402	1,236,298,731

Источник: составлено автором на основе [5].

Осуществляя поставки на высококонкурентные рынки (65,6 % германского экспорта в стоимостном выражении в 2019 году было поставлено в соседние европейские страны, 18,1 % – импортерам в Азии, 10,8 % – в Северную Америку), Германия, тем не менее, демонстрирует положительную динамику продаж: значение индикатора на 12,3 % больше, чем в 2015 году [7].

При этом экспортный потенциал страны обеспечивают и позволяют успешно реализовывать традиционные индустриальные отрасли: Германия в основном экспортирует специализированное оборудование и машины (26,1 % объемов поставок на внешние рынки), транспортные средства (22,3 %), продукты химической промышленности (15,7 %). При этом устойчиво положительное сальдо внешней торговли товарами, достигшее в 2019 году значения +250,164 млрд долл. (наибольший положительный показатель в группе G-7), страна сохраняет с 1952 г. [5].

Наиболее конкурентоспособными отраслями немецкой промышленности остаются относящиеся к четвертому техно-технологическому укладу и формирующие отраслевую структуру индустриальной экономики автомобилестроение, транспортное (вагоностроение, самолетостроение) и общее машиностроение (производство станков, приборов), электротехническое производство, точная механика и оптика, химическая, фармацевтическая и парфюмерно-косметическая промышленность, черная металлургия. По объемам реализации на внешних рынках продукции машиностроения Германия является абсолютным мировым лидером, обеспечивая 20 % годового объема глобальных продаж. Промышленные компании Германии удерживают лидерство в 18 из 31 сегмента мирового рынка машин и промышленного оборудования, генерируя более 77 % доходов за рубежом [7].

Германию отличает сбалансированная хорошо диверсифицированная географическая структура товарных экспортных поставок: 15 крупнейших торговых партнеров, которые сформировали 71,6 % продаж в 2019 году, имеют сопоставимые доли в общем объеме продаж и варьируются в диапазоне от 1,9 до 8,9 % (табл. 4).

Напомним, что географическая структура экспорта Республики Беларусь, который так же, как и экспорт Германии, является преимущественно товарным, характеризуется как высококонцентрированная. На 10 крупнейших торговых партнеров приходится 83 % экспортных поставок, 78 % – на 7 стран, причем этот показатель является достаточно устойчивым на протяжении последних пяти лет [8]. Решить проблему географической диверсификации белорусского экспорта в целом, распределив экспортные поставки, как планировалось, по одной трети на рынки стран ЕС, ЕАЭС и дальней дуги, не удастся.

Основным рынком сбыта для белорусских товаров остается российский: на него приходится от 40 до 46 % экспортных поставок, хотя торговые операции осуществляются более чем со 190 странами мира [Там же]. Такая степень зависимости положительной динамики индикатора от внешних условий на немногих направлениях формирует для национальной экономики Республики Беларусь серьезные внешние риски.

Географическая структура товарного экспорта Германии в 2019 году

Страна-импортер	Абсолютное значение экспортных поставок Германии в 2019 году, млрд долл	Доля страны в экспорте Германии в 2019 году, %
США	132,8	8,9
Франция	119,5	8,0
Китай	107,5	7,2
Нидерланды	93,0	6,3
Великобритания	88,0	5,9
Италия	76,2	5,1
Польша	73,6	5,0
Австрия	70,9	4,8
Швейцария	63,7	4,3
Бельгия	51,6	3,5
Чехия	49,9	3,4
Испания	49,7	3,3
Венгрия	30,1	2,0
Россия	29,7	2,0
Швеция	27,8	1,9

Источник: составлено автором на основе [9].

Германия, таким образом, в условиях нарастающей мировой нестабильности демонстрирует возможности успешной реализации экспортного потенциала индустриальных отраслей. Элиты развития Германии, демонстрируя независимость от англо-саксонской доктрины сервизации экономики, ускоренного расширения сектора услуг, последовательно реализуют самостоятельно разработанную стратегически ориентированную инновационную концепцию реиндустриализации национальной хозяйственной системы. Страна с экспортной квотой 47,4 % ВВП и индустриальной экспортной специализацией при этом формирует и на протяжении десятилетий поддерживает устойчиво положительный торговый баланс.

Пандемия COVID-19, непрогнозируемо быстро разорвав глобальные производственные цепочки и вызвав обвальное сокращение в первую очередь сервисных отраслей (транспорт, торговля, туризм), еще более остро выявила угрозы, создаваемые безоглядной сервизацией и отсутствием в структуре национальных хозяйственных систем диверсифицированного промышленного производства. Деиндустриализация экономики, сопровождающаяся не только количественным сокращением объемов выпуска промышленной продукции и доли сектора в ВВП, но и ухудшением технологической структуры производства, снижением конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, может быть не просто недальновидной, но и опасной.

ЛИТЕРАТУРА

1. WTO World Trade Report 2019 [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/00_wtr19_e.pdf. – Date of access : 20.04.2020.
2. World Trade Statistical Review 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: http://https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts19_toc_e.htm. – Date of access : 23.04.2020.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030.pdf>. – Дата доступа : 25.04.2020.
4. *Иноземцев, В. Л.* Современное постиндустриальное общество : природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М. : «Логос». 2000. – 132 с.
5. Trade Map : Trade Statistics for International Business Development [Electronic resource]. – Mode of access: [https://www.trademap.org/\(X\(1\)S-\(wxymkd45_vpinba45qduyc345\)\)/Country_SelProduct.aspx](https://www.trademap.org/(X(1)S-(wxymkd45_vpinba45qduyc345))/Country_SelProduct.aspx). – Date of access : 20.04.2020.
6. World Development Indicators : Structure of output / The World Bank Database [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.wdi.worldbank.org/table/4.2>. – Date of access: 20.04.2020.
7. Germany Machinery Industry Continues Sustainable Growth [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.bizvibe.com/blog/germany-machinery-industry-growth>. – Date of access : 22.04.2020.
8. Внешняя торговля Республики Беларусь 2018 : статистический сб. [Электронный ресурс] // Нац. статист. ком. Республики Беларусь, 2018. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b5e/b5eeb063dead3c19ec3f27d642270471.pdf>. – Дата доступа : 20.04.2020.
9. Объем экспорта Германии по странам и категориям [Электронный ресурс] // Бизнес-портал Take-profit.org, 2020. – Режим доступа : <https://take-profit.org/statistics/exports/germany>. – Дата доступа : 20.04.2020.

О. П. Дмитриева, В. В. Куницкий

ОБУЧЕНИЕ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (конец XIX в. – октябрь 1917 г.)

В конце XIX – начале XX века евреи были одной из крупнейших национальных общностей территории Беларуси. Согласно сведениям Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в границах пяти белорусско-литовских губерний проживало 1 209 815 евреев, что составляло 14,1 % от всего населения Виленской, Витебской, Минской, Могилёвской и Гродненской губерний. К 1917 г. в результате еврейских погромов и, как следствие, эмиграции евреев из Российской империи в США, Канаду, Арген-

тину и другие страны, а также массовых депортаций и беженства в годы Первой мировой войны, относительная численность евреев Беларуси составила 8,3% от общего числа населения, что на треть ниже показателей переписи 1897 г. И статистических сведений за 1909 г. [1, с. 324–326; 2, с. 515; 3, р. 252]. Вместе с тем евреи Беларуси по-прежнему оставались одной из самых представительных национальных общностей, занимая второе место после белорусов.

Характерной чертой еврейской общности был высокий уровень грамотности по сравнению с другими национальностями, населявшими Российскую империю. Подтверждением служит тот факт, что среди белорусов пяти белорусско-виленских губерний грамотность на русском языке составляла 14 %, в то время как 42 % евреев могли читать и писать по-русски, а грамотность на идиш и иврите у последних была вдвое выше. Также евреи были активно вовлечены в образовательную деятельность Беларуси. В конце XIX – начале XX века 539 человек еврейской национальности реализовывали учебно-воспитательную деятельность в Минске, 3,5 тыс. евреев были заняты в сфере образования в Минской губернии [4, с. 298].

Вместе с тем в конце XIX – начале XX века получить среднее образования мог далеко не каждый представитель еврейской национальности ввиду недостаточного количества школ для евреев, созданных по инициативе правительства. Образование, полученное в хедерах, отличалось религиозностью, а в городских еврейских частных гимназиях, прогимназиях и реальных училищах языком обучения чаще всего был русский.

Кроме того, правительство Российской империи проводило активную политику языковой русификации по отношению к еврейскому населению белорусско-литовского региона, затронувшую и сферу образования. Так, еще в 1861 г. на территории Виленского учебного округа были упразднены казенные еврейские училища второго разряда и вводилось обязательное обучение детей евреев в общеобразовательных учреждениях. После подавления восстания 1863 г. на территории Беларуси стали создаваться народные школы для евреев. Так, 5 января 1864 г. в Вильно была открыта первая еврейская народная школа. В это время по распоряжению генерал-губернатора М. Муравьева также вводилось обязательное обучение русского языка еврейскими мальчиками в возрасте от 8 до 17 лет. Родители, не обеспечившие изучение русского языка своим детям, должны были оплатить штраф в размере от 8 до 15 рублей [5, с. 478].

С началом Первой мировой войны на территории Беларуси русификаторская политика в отношении евреев продолжилась. Министерство народного просвещения Российской империи неоднократно издавало циркулярные распоряжения, касающиеся условий получения евреями среднего образования.

Для детей евреев, стремившихся получить среднее образование, были установлены квоты. В соответствии с циркулярным распоряжением «О приеме евреев в средние учебные заведения» от 2 июля 1914 г. определялся прием евреев в средние учебные заведения по жребию [6, с. 105–107].

Данный циркуляр содержал подробное описание подготовительного этапа, включавшего определение свободных мест для евреев в данном учебном заведении; составление списка всех желающих обучаться в данном учреждении; составление списка евреев, допущенных к жеребьевке; подготовку билетов, содержащих сведения о поступающих.

После подготовительного этапа следовал процесс жеребьевки, который проходил один раз в год накануне осенней приемной кампании. Билеты с информацией о поступающих помещались в ящик и извлекались из него в соответствии с количеством свободных мест одним из следующих лиц: почетным попечителем гимназии, местным раввином или председателем городской думы. В случае их отказа эта функция переходила к председателю педагогического совета.

Также вводился ряд оговорок при осуществлении жеребьевки. Если при наличии двух свободных мест в классе были определены три билета с именами желающих поступить в один и тот же класс, последний билет считался недействительным.

Кандидаты, которые были определены в результате жеребьевки, допускались к вступительным экзаменам и зачислялись в среднее учебное заведение по результатам пройденных вступительных испытаний. К вступительным экзаменам также допускались ученики-евреи подготовительного класса, поступавшие в первый класс наравне с учениками, которые, в свою очередь, поступали в первый класс без прохождения обучения в подготовительном классе, а также ученики-евреи, переходившие из одного учебного заведения в другое [6, с. 105–107].

Первая мировая война внесла некоторые коррективы в порядок зачисления евреев в учебные заведения. Так, 3 апреля 1915 г. циркуляр «О приеме евреев в средние учебные заведения» от 2 июля 1914 г. был дополнен новым распоряжением Министерства народного просвещения – «О порядке приема евреев в средние учебные заведения».

Для детей евреев, воевавших в годы Первой мировой войны, предусматривался особый порядок приема, исключавший жеребьевку. Так, дети евреев, «призванных в действующую армию и получивших отличие, а также убитых и раненых», зачислялись в первую очередь в пределах квоты на обучение для еврейского населения. Евреи, чьи родители были призваны в действующую армию Российской империи для сражения с противником, в случае успешной сдачи вступительных экзаменов зачислялись на оставшиеся свободные места [7, с. 22–23].

Согласно циркуляру дети евреев сдавали вступительные экзамены одновременно с учениками других вероисповеданий, а ответы оценивались с формулировкой «удовлетворительно» или «неудовлетворительно». Лица, прошедшие процедуру жеребьевки и не попавшие в учебное заведение, зачислялись кандидатами и при наличии свободных мест в течение учебного года имели право на поступление в учебное заведение в соответствии со своим порядковым

номером. В случае отсутствия свободных мест евреи, успешно сдавшие вступительные экзамены, могли быть зачислены в другие учебные заведения при условии наличия свободных мест [7, с. 22–23].

Очевидно, что ввиду установленных квот в государственных образовательных учреждениях количество мест для обучения всех желающих было недостаточным. Однако на белорусско-литовских землях действовали и частные еврейские гимназии, обеспечивающие получение среднего образования. Многие из них были созданы по инициативе образованных евреев еще в конце XIX века.

В годы Первой мировой войны центром образования, в том числе еврейского, выступал Вильно. В статье «Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае» в периодическом издании «Журнал Министерства народного просвещения» за 1917 г. отмечалось, что «Старая Вильна, центр Северо-Западного края, естественно являлась и средоточием местного просвещения, западно-русской педагогической жизни. В глухих провинциальных углах среди педагогов, давно обжившихся и утративших биение живого интеллектуального пульса, она являлась своего рода педагогической Меккой <...> [8, с. 87–104].

Примером частной еврейской гимназии может послужить Виленская гимназия П. И. Кагана, официальное название которой – «Частная мужская еврейская гимназия, с правами для учащихся П. И. Кагана». Гимназия была учреждена в Вильно в 1906 г., однако после того как в 1915 г. в городе начались военные действия, учреждение было эвакуировано в Екатеринослав (ныне – город Днепр, Украина). В апреле 1917 г. при гимназии был также создан кружок для изучения сионизма.

Из воспоминаний современников следует, что «<...> еврейская частная гимназия П. И. Кагана – заведение, построенное на строгой демократизации школы и распространении просвещения среди выходцев из мелких уездных городов, местечек Западного края, лишенных возможности при чрезмерно высоком конкурсе для евреев в правительственных гимназиях получить законченное среднее образование» [9, с. 27–60].

Поскольку частная гимназия П. И. Кагана была создана в первую очередь по национальному признаку, в ней, помимо основной программы обучения, большое внимание уделялось изучению родного языка, истории и культуры еврейского народа: «<...> понимая, что просвещение должно быть чуждо всяких крайностей, П. И. Каган отводил должное место и национальному элементу. Историю еврейского народа и древнееврейский язык он считал наиболее полезными предметами из специального цикла, и изучение этих отделов стояло на должной высоте. Бывали у него на литературно-музыкальных вечерах и рефераты по истории еврейской литературы на древнееврейском и русском языках, например, о творчестве поэта Бялика» [Там же, с. 27–60].

Частные еврейские учебные заведения действовали во многих крупных городах Беларуси. В 1914 г. в Минской губернии функционировали ремесленное четырехклассное училище, женская профессиональная школа с общеобразовательным отделением, талмуд-тора, бесплатная вечерняя одноклассная школа для обучения еврейских мальчиков; в Гродно работала частная семиклассная еврейская женская гимназия Л. С. Вальдман [10, с. 79; 11, с. 33].

2 марта 1917 г. царский режим сменился приходом к власти Временного правительства. С этого времени начался период существенных изменений в общественно-политической и национально-культурной жизни страны. Так, 3 марта 1917 г. была опубликована Декларация Временного правительства о его составе и задачах, провозглашавшая уравнивание в правах всех граждан Российского государства независимо от сословной, национальной и религиозной принадлежности. Для всех национальностей, населявших Российскую империю, были объявлены права на самоопределение, использование родного языка, свободу слова, печати, собраний, что, в свою очередь, привело к новым возможностям обучения в средних учебных заведениях для представителей еврейской национальности.

В условиях действия новых властей Министр народного просвещения А. А. Мануйлов, доктор политической экономии, профессор, высказался за отмену ряда циркулярных распоряжений в отношении евреев по причине «их несоответствия изменившимся условиям государственной жизни» [12, с. 73].

На протяжении 1917 г. были отменены более десятка циркулярных распоряжений, принятых Министерством народного просвещения Российской империи в период с 1884 по 1915 г. Среди них следующие циркуляры: «О порядке приема евреев в учебные заведения» от 15 июля 1884 г.; «О праве жительства евреев, поступающих в учебные заведения» от 29 июня 1890 г.; «О свидетельствах о праве жительства для евреев, подвергающихся экзаменам в качестве экстернов» от 14 ноября 1908 г.; «О приеме евреев в средние учебные заведения» от 3 апреля 1915 г.; «О приеме евреев в подготовительный класс средних учебных заведений» от 16 апреля 1915 г. и др.

Многие циркулярные распоряжения периода правительства Российской империи, нарушавшие права евреев на получение среднего образования, утратили свою юридическую силу. Были отменены процентные нормы допуска евреев к экзаменам в качестве экстернов, процедура жеребьевки при приеме евреев в мужские средние учебные заведения, согласование с губернаторами возможности участия в учебных экскурсиях евреев в местах, где был введен запрет на их проживание, а также запрет на выдачу свидетельства учителя лицам нехристианского вероисповедания [Там же, с. 73–75].

Таким образом, в конце XIX – начале XX века достаточно высокий уровень владения евреями Беларуси не только родным, но и русским языком был связан, в первую очередь, с русификаторской языковой политикой со стороны правительства Российской империи в регионе. Евреи Беларуси были одной из наиболее образованных национальностей, проявляли интерес к обучению, однако не всегда имели возможность получить среднее образо-

вание ввиду ограничительных мер со стороны царских властей, которые выражались в установлении квот на обучение в средних учебных заведениях и определении кандидатов посредством процедуры жеребьевки.

В этот период на территории Беларуси также функционировали созданные по национальному признаку частные учебные заведения, где могли обучаться евреи, которым не были выделены места в государственных школах. Детям евреев, проявивших мужество в военных действиях в годы Первой мировой войны, царские власти позволили поступать в средние учебные заведения без жеребьевки.

С марта 1917 г., после прихода к власти Временного правительства и отмены циркулярных распоряжений царских властей конца XIX – начала XX в., ограничивающих права евреев Беларуси на получение среднего образования, перед ними открылись новые возможности для обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дзмітрыева, В. П.* Гарадское насельніцтва ў канцы XVIII – першай палове XX стагоддзя / А. М. Люты, А. М. Філітава, В. П. Дзмітрыева, Г. В. Аляксашына // Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; рэдкал. : В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – С. 303–329.

2. *Дзмітрыева, В. П.* Нацыянальныя супольнасці ў гады Першай сусветнай вайны // В. П. Дзмітрыева / Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. А. Унучак (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – С. 513–526.

3. *Lukowski, J. A.* Concise History of Poland. Third Edition / Jerzy Lukowski, Hubert Zawadzki. – UK : Cambridge University Press. – 2019. – 487 p.

4. *Дмитриева, О. П.* Еврейские библиотеки на территории Беларуси накануне Первой мировой войны / О. П. Дмитриева // Вестн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. Гуман. навук. – 2018. – № 3. – С. 297–305.

5. *Унучак, А. У.* Яўрэйскі рух і яўрэйскае пытанне // А. У. Унучак / Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. А. Унучак (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – С. 477–486.

6. Циркуляры Мин-ва нар. просвещения // Журн. Мин-ва нар. Просвещения – 1914. – Окт. – С. 105–107.

7. Циркуляры Министерства народного просвещения // Журнал Мин-ва нар. просвещения – 1915. – Май. – С. 22–23.

8. Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае. Педагогическая Мекка // Журнал Мин-ва нар. просвещения – 1917. – Июль-август. – С. 87–104.

9. Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае. Еврейская частная гимназия П. И. Кагана // Журнал Мин-ва нар. просвещения – 1917. – Июль-август. – С. 27–60.

10. Памятная книжка Минской губернии на 1915 г. – Минск : Изд. Мин. губерн. стат. ком., 1914. – 232, 185, III с.

11. Памятная книжка Гродненской губернии на 1915 г. : адрес-календарь и стат. справ. сведения. – Гродно : Изд. Гродн. губерн. стат. ком., 1915. – 94 с.

12. Отмена некоторых распоряжений прежних министров народного просвещения // Журнал Мин-ва нар. Просвещения. – 1917. – Июль-август. – С. 73–75.

А. В. Конивец

ЭРМИТАЖ В БЛОКАДЕ И ЭВАКУАЦИИ. ИСТОРИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

В годы Великой Отечественной войны на долю сотрудников Эрмитажа в полной мере выпали все страшные испытания тех лет. Подвиг Эрмитажа, сумевшего сохранить бесценную коллекцию в нечеловеческих условиях блокады Ленинграда, известен. Прежде чем перейти к теме сообщения, напомним основные события жизни Музея в годы блокады. В 1941 г. третий раз за свою тогда почти двухсотлетнюю историю Эрмитаж спасал хранящиеся в нем сокровища. Первая эвакуация была еще во время нашествия Наполеона, вторая – осенью 1917 г., накануне Октябрьской революции, когда существовала опасность оккупации Петрограда немцами. История повторялась: как и в 1917, удалось отправить только два эшелона из сформированных трех. Тогда помешала революция, в 1941 – блокада. В 1917 г. наиболее ценная часть коллекции была отправлена в Москву, в 1941г. – в Свердловск, где филиал Эрмитажа находился на протяжении всех военных лет. Благодаря множеству публикаций эта история сейчас довольно хорошо известна. Однако немногие знают, что к войне Эрмитаж стал готовиться заранее, уже с конца 1930-х гг., поэтому, когда последовал приказ об эвакуации, в музее имелось все необходимое. Было заготовлено огромное количество упаковочного материала: это разные виды бумаги – от оберточной до папиросной, древесная стружка разных размеров, пробковая крошка, клеенка и, конечно, ящики (при этом для шедевров были сделаны специальные, строго по размерам каждой конкретной картины или скульптуры). Сейчас трудно даже представить себе, каких усилий стоило все это организовать тогдашнему директору музея И. А. Орбели, которому порой приходилось прибегать и к угрозам, и к убеждению, а порой и к искусству дипломатии. При этом в любую минуту его могли обвинить в паникерстве, что грозило тогда потерей не только директорского кресла, но и свободы. Но несмотря ни на что первый эшелон ушел на восток уже 1 июля 1941 года. На протяжении долгого пути сопровождающие экспонаты сотрудники до последнего не знали конечного пункта назначения. Второй

эшелон отправился из Ленинграда в Свердловск 20 июля, «всего было увезено 1 миллион 118 тысяч предметов. Третий предполагавшийся эшелон отправлять на восток было опасно, и ящики, предназначенные для него, остались в Эрмитаже на все военное время» [1, с. 181].

Пока ящики с бесценными экспонатами находились в Свердловске, оставшиеся в Ленинграде сотрудники продолжали работать и защищать Эрмитаж. Они дежурили на крышах, сбрасывали зажигательные бомбы, следили за опустевшими залами, хранили оставшиеся в музее вещи и книги. Чтобы понять, в каких условиях они работали, приведем слова академика И. А. Орбели, выступавшего в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе: «На протяжении долгих месяцев шла систематическая их [зданий Эрмитажа и Зимнего дворца] бомбежка и артиллерийский обстрел. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа. <...> Преднамеренность обстрела и повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами Эрмитажу во время блокады, для меня, так же как и для всех моих сотрудников, была ясна <...> 30 снарядов, о которых я говорил, попали в Эрмитаж не в один налет, а в течение длительного периода времени, не более одного снаряда в каждый обстрел» [2, с. 758–761].

И в этой страшной обстановке, находясь в холодных подвалах Эрмитажа, где было оборудовано бомбоубежище, ставшее домом для сотрудников музея, на скудном пайке блокадного хлеба, они продолжали работать. Те сотрудники, которые уже практически не могли передвигаться, помещались в стационар, открывшийся 1 февраля 1942 г. на первом этаже здания Малого Эрмитажа, в Северном павильоне, со стороны Невы. Стационар действовал всего три месяца – до 1 мая. В нем эрмитажники получали дополнительное питание и медицинский уход и имели возможность немного поправив здоровье, вернуться к работе. К сожалению, ко времени открытия стационара музей потерял уже многих – умирать от голода люди начали уже в октябре 1941 года. Умерших переносили во Владимирский коридор, на первый этаж Южного павильона Малого Эрмитажа, со стороны Дворцовой площади. Суровой зимой 1941–42 гг. в этом широком коридоре с каменными полами, а также в небольшом здании царского гаража, расположенного в Черном проезде, отделяющем Зимний дворец от Малого Эрмитажа, был оборудован морг.

В Архиве Эрмитажа сохранились не только приказы, распоряжения и документы, но и большое количество писем и рукописей военной поры. В основном это переписка сотрудников, оставшихся в Ленинграде, с коллегами, находящимися в Свердловском филиале и в разных городах Советского Союза. Кто-то, уехав в начале лета в экспедиции или в отпуск, не смог вернуться в Ленинград, кто-то эвакуировался в первые месяцы войны, кого-то вывезли из города уже в 1942 г. по Дороге жизни через Ладогу.

В Свердловском филиале Государственного Эрмитажа, руководимом заместителем директора музея В. Ф. Левинсоном-Лессингом (1893–1972), работа также не прекращалась. Ящики с экспонатами стояли не распакованными, но это вовсе не значило что они оставались без внимания вплоть до своего возвращения домой 10 октября 1945 года. Периодически проходила выборочная проверка состояния сохранности вещей. Делалось это в присутствии комиссии из нескольких человек, среди которых обязательно был реставратор. Помимо этой рутинной работы, в Филиале регулярно проходили научные заседания, причем, в них нередко заочно участвовали сотрудники, находящиеся на тот момент за тысячи километров от Свердловска. Свои исследования они отсылали коллегам в Филиал, где полученные материалы горячо обсуждались, а критические замечания отражались в протоколах этих заседаний. Примером тому может служить сохранившийся протокол научного заседания ОИЗЕИ (Отдел западноевропейского искусства) от 17 февраля 1944 года. На повестке дня было «Обсуждение конспекта к Истории Искусств М. Я. Варшавской: “Рубенс и фламандское искусство XVII века”» [3, с. 225–235]. «Конспект» состоял из 75 страниц машинописного текста. Вступительное слово на заседании произнес В. Ф. Левинсон-Лессинг, а потом присутствующие сотрудники высказали свои замечания, которые после были отправлены М. Я. Варшавской (1905–1983) в Баку, куда она уехала в отпуск к родственникам еще в начале июня 1941 года. Сохранился ее обстоятельный ответ коллегам – это дискуссия на тему Ренессанса и барокко, «готических традиций в творчестве Брейгеля» и «места Декарта в общем развитии европейской мысли».

В архивных фондах Эрмитажа имеются также материалы, не имеющие прямого отношения к научной деятельности музея. Это многостраничные рукописи, которые не являются исследованиями художественных памятников, в них нет рассуждений на искусствоведческие темы. По свидетельству эрмитажников, переживших блокаду, когда положение было особенно тяжелым, и не было сил и возможностей заниматься научной работой, они конспектировали книги, писали воспоминания или вели дневники. Одним из таких уникальных документов военного времени является дневник заведующего Научной библиотекой музея О. Э. Вольценбурга (1886–1971), члена Русского библиографического общества, после начала войны занимавшегося подготовкой к эвакуации книг и архивных фондов. Несколько лет назад Дневник был передан в Эрмитаж его родственниками и теперь хранится в Библиотеке [4, с. 56–67]. Приведем небольшие выдержки из этого дневника: «Впечатление от последних трех месяцев (декабрь 1941 и январь-февраль 1942), проведенных в Ленинграде – это сплошной кошмар: холод, голод, болезни и смерть кругом... В январе 1942 г. я остался совершенно одиноким в библиотеке Эрмитажа. <...> Среди «лежачих» в стационаре также немало умирающих поступило из бомбоубежищ Эрмитажа ... Всюду слышно о смерти и умирающих. В Доме ученых – бесконечные разговоры о голо-

де, смерти, болезни, эвакуациях и сборах к отъезду. С Марией Сергеевной Дервиз¹, состоящей в стационаре среди проходящих, произошел ужасный случай. В 9-м часу вечера, возвращаясь с ребенком на руках из хлебной лавки на улице Халтурина, близ Эрмитажа, она подверглась нападению грабителя. Получила удар молотком по голове. Умоляла грабителя взять ее хлеб и хлебные карточки, но пощадить ее жизнь ради ребенка. ... М. С. пришлось, перемогая сильную боль и обливаясь кровью самостоятельно, с ребенком на руках, добрести до дому. На следующий день М. С. явилась в стационар с забинтованной головой и рассказала нам за столом подробности нападения и грабежа». Пережив страшную зиму, Вольценбургу вместе с женой, еще несколькими эрмитажниками и семьей композитора Д. Д. Шостаковича удалось эвакуироваться. Вот как он описывает это событие в дневнике: «Вечером 20 февраля, возвратясь из Эрмитажа, я прилег отдохнуть, и послышался стук в квартиру. Наташа [жена О. Э. Вольценбурга] пошла открывать дверь. Я вскочил, ожидая какого-либо посещения, но из дальнейших бесед с различными сотрудниками Эрмитажа я узнал, что такое же предложение, как и я получили еще Е. Г. Лисенков, М. И. Щербачева, А. Н. Кубе, М. В. Доброклонский и А. Н. Болдырев. Согласие дали, кроме меня, лишь Лисенков и Щербачева. Остальные отказались». Вольценбургу передали пакет, в котором «лежала бумага следующего содержания: “Уважаемый тов. Вольценбург. Государственный Эрмитаж сообщает, что имеется возможность послать Вас в ближайшие дни на отдых в г. Кисловодск – сроком 1–1 ½ месяца. Проезд обеспечен в нормальных условиях. С собой имеется право взять членов Вашей семьи. По получению сего прошу немедленно дать ответ в письменной форме. По договоренности моей с Директором на мое имя. Секретарь парторганизации Эрмитажа Васильев 20 февраля 1942”. <...> Никогда до сих пор никто не посылался на отдых, а ещё к тому же на Юг. На следующий день я отправился утром в Эрмитаж и явился к Васильеву, принявшему меня в штабе МПВО. Никакого разговора о возвращении в Л-д до улучшения положения этого города, не может быть и речи. <...> Дело в том, что на последнюю неделю февраля назначено очень большое число сотрудников к эвакуации, причем эта эвакуация происходила при очень тяжелых условиях и сопровождалась увольнением сотрудников из Эрмитажа. Все, кто не соглашался на предложенные им условия эвакуации или так же увольнялись или же переводились на положение технических сотрудников (уборщиков, дежурных по охране, рабочих и т.д.) не взирая на их ученые степени и ученые звания. <...> Упакованы были наши вещи в три чемодана, три мешка с постелями, два рюкзака. Жаль было бросать свою драгоценную

¹ Дервиз М. С., урожденная Принтц (1906–1942) – сотрудник Отдела истории западноевропейского искусства, жена Павла Павловича Дервиза (фон Дервиз) (1897–1942), заведующего Особой кладовой Эрмитажа, снс Отдела западноевропейского искусства. Варвара Павловна Дервиз (1896–1942) – сестра П. П. Дервиза, снс Отдела западноевропейского искусства.

библиотеку, собиравшуюся в течение 35 лет. ... В дорогу собирались наспех и очень многое забыли уложить. Ни одной книги я не взял с собой. [подчеркнуто О. Э. Вольценбургом] Взял лишь очень незначительную часть своей рукописи 2-го тома словаря художников. [О. Э. Вольценбург работал над библиографическим словарем «Художники народов СССР»]. Все остальное осталось на квартире ... на произвол судьбы. <...> Еще при посадке в автобус нам эрмитажным стационаром были вручены подготовленные стационаром пакеты со съестными припасами на одни сутки. Теперь мы вспомнили эти пакеты и решили подкрепиться. В пакете оказались очень вкусные вещи: котлеты, хлеб, масло, сахар, сладкие ватрушки. С голоду мы нажились с жадностью на эти припасы и съели их в один миг».

Благодаря дневниковым записям О. Э. Вольценбурга мы имеем возможность представить себе, как происходила эвакуация, какие трудности приходилось преодолевать во время долгого пути обессиленным голодом людям и каким опасностям они при этом подвергались. Обратимся снова к Дневнику: «К утру 3-его марта выяснилось, что мы поедем в спец. эшелоне с составом артистов гос. театров и профессорами и преподавателями ленинградского университета. Наконец нас посадили в “дачный поезд”, причем вещи наши нагромодили на скамейки кое-как. Холод стоял на дворе жестокий и мы стали замерзать. В середине вагона стояла печурка, возле которой мы успели на наше счастье устроиться... Когда проводник затопил печь, то со всего вагона пассажиры стали приходить к нам греться, кипятить воду в своих чайниках и поджаривать свой хлеб на раскаленной печке». По пути происходили и приятные встречи, о которых автор Дневника не мог не упомянуть: «Познакомился в вагоне с художником-декоратором Игорем Николаевичем Вускович. [(1904–1992) – художник-постановщик, с 1936 г. работал на киностудии «Ленфильм»]. Ехал он в составе Театра им. Ленингр. комсомола в Архангельск. Оказалось, что он меня знает по моей деятельности в Эрмитаже и как библиофила. Сам он усердный собиратель и любитель книги, гл. образом в области искусства. Случай доставил мне в течение всего чрезвычайно долгого и утомительного путешествия иметь собеседника на близкие и любезные для меня темы об искусстве и книгах. В Борисову Гриву приехали мы поздно вечером и с трудом выгрузили наши вещи прямо в снег. Суматоха была невообразимая. Предстояло нам тут же погрузиться на морозе в автомашины-грузовики и ехать ночью через Ладожское озеро в деревню Лаврово, где вновь погрузиться в вагоны того состава поезда, который должен доставить нас на Кавказ. Все это выяснилось гораздо позже, а в момент нашей выгрузки в Борисовой Гриве, мы ничего еще не знали о нашем дальнейшем следовании. ... О нас должен был бы позаботиться кто-либо из представителей от Комитета по делам искусств, но такового нигде не оказалось. Нам было предоставлено заботиться самим о себе». Далее О. Э. Вольценбург описывает, как им, наконец, удалось погрузиться в машину и отправиться дальше: «Мороз был жестокий, но возня среди вещей и постоянное движение и усилия выкарабкаться из под

наваленных узлов и чемоданов, вероятно, нас согрели, и никто из нас не замерз. Когда, наконец, грузовик наш остановился в Лаврове, и мы вылезли из машины, то каким-то чудом оказалось, что мы еще живы и, самое невероятное: все наши вещи были налицо – никто ничего не потерял». В конце концов О. Э. Вольценбург с женой оказались в Гудауте (Абхазия), а после окончания войны вернулся в Эрмитаж и продолжал заведовать Научной библиотекой до 1959 года.

Одновременно с О. Э. Вольценбургом из Ленинграда эвакуировались и сотрудники Античного отдела В. М. Скуднова (1894–1969) и М. М. Худяк (1899–1959). В начале лета они как всегда отправились в экспедицию в Крым на раскопки древнегреческого города Нимфея, расположенного на западном берегу Керченского пролива, начальником которой был М. М. Худяк. Весть о начавшейся войне сломала все планы археологов. Уехать сразу из Крыма не представлялось возможным. Только отправив по почте двадцать два ящика с находками, к середине июля 1941 г. им удалось с большими трудностями вернуться в Ленинград и передать в Эрмитаж золотые монеты боспорского чекана, которые М. М. Худяк вез, зашитыми в пиджак. Марк Матвеевич был назначен заместителем начальника штаба МПВО, сформированного в Эрмитаже. Скуднова и Худяк тут же включились в работу по упаковке эрмитажных сокровищ, а пришедшие, наконец, из Крыма посылки, не распаковывая, оправили вместе с экспонатами Эрмитажа и других музеев 20 июля 1941 г. со вторым эшеленом. Уезжать из Ленинграда они отказались, однако в феврале 1942 г. Скудновой и Худяку все же пришлось покинуть осажденный город. В архиве Античного отдела сохранилось несколько писем В. М. Скудновой, адресованных заведующей Отделом А. А. Передольской (1894–1968) в свердловский Филиал. В одном из писем Варвара Михайловна объясняет причину, по которой они не уехали из Ленинграда еще летом: «Почему мы не поехали в Свердловск? Анна Алексеевна, когда мне Владимир Николаевич [секретарь парторганизации Эрмитажа Васильев] предложил эвакуироваться, то он сказал, что в Свердловск не советует ехать, т. к. зарплатой я, как многие не буду обеспечена, да и предстоит большое сокращение из числа уже живущих в Свердловске. Я решила тогда остаться в Л-граде, но И. Абг. [Орбели] мне велел передать, что он меня уволит сейчас-же если я не уеду». Следующие письма были написаны уже из эвакуации. Путь из блокадного города на далекий Алтай превратился в изнурительное путешествие, растянувшееся на три месяца и чуть не стоившее жизни М. М. Худяку. Первое письмо Скудновой в Свердловск датировано 28 июля 1942 г.: «Милая и дорогая Анна Алексеевна, Вы, наверное мысленно меня похоронили, но я осталась жива. Найдите на карте Алтайскую область, и в южной её части Ойротскую [Горно-Алтайскую] автономную республику – вот где я сейчас живу и работаю. Село Онгудай расположено в 300 километрах от жел. дор. (Бийск). Природа изумительная – красоты очень своеобразные, напоминающие Кавказ, но совсем иные. Все эти красоты понемногу заставляют позабыть и помогают пережить прошлое... Оба

мы в физическом отношении ещё калеки, но выжили и сейчас работаем. Марк Матв. – директор средней школы села Онгудай и будет преподавать историю в 8–9–10 классах, мне поручили историю в младших классах 5–6–7. Назначение мы получили в Облоно Ойрот-Туры. В этом маленьком городке, который превратился в столицу из села, сейчас находится московский педагогический институт имени К. Либкнехта. Библиотека в Ойрот-Туре довольно обширная, я выписала себе все книги, которые смогут мне пригодиться <...> Здесь в Онгуде работу можно развернуть очень большую и интересную – есть клуб. В школе есть волшебный фонарь и очень хорошая диатека. Я смогу показать ребятам и Египет и Рим и средне-вековую культуру. К сожалению, нет Греции, но надеюсь выписать. Собираемся с М. М. организовать кружок по истории, читать лекции в клубе. Живу я при школе; – во дворе, среди огородов стоят маленькие домики. В одном из них я имею очень хорошую комнату в 4 окна с чудесным видом на горы. В комнате плита с лежанкой. Многие учителя сейчас в колхозе на покосе. Я по состоянию здоровья ехать в июле не могу, помогаю по приведению в порядок школы к учебному году и занимаюсь с учениками, готовлюсь к занятиям, набрала из библиотеки парт-кабинета исторического журнала – много интересных статей. <...> Мы получаем 600 гр. хлеба, как эвакуированные из Л-града, а остальные учителя 400 гр. Купить на базаре ничего нельзя. С трудом достаю литр молока в день за 5 р. Поспевают овощи – варю борщ. Все ждём нового урожая и картофеля – здесь поспевают все поздно – холодно. Зимой до 50°, летом особенной жары нет. Зачислена я в школу с 27/VI, а уехала из Л-града 26/II. Прожила четыре месяца без работы, вернее не прожила, а просуществовала. В эшелоне, по пути их Л-града, я очень плохо себя чувствовала, да и М. М. заболел – падал в обмороки, не мог повернуться на нарах на бок без моей помощи. Мы вышли на маленькой станции в 20 км от города Галича в Ярославской области. И вот в грязной маленькой комнатенке я боролась со смертью, которая наступала на М. М. – он лежал в больнице, потом дома месяц целый после больницы не мог ходить. <...> Когда мы окрепли для дальнейшего пути, то 26 мая опять сели в эшелон и поехали. Проехали Урал, Сибирь и сейчас забрались в сердце Алтая. В Свердловске стояли 9 июня на сортировочной, [дорога из Галича до Свердловска заняла две недели!] страшно хотелось поехать в город повидать Вас, но никто не мог сказать через сколько часов или минут уйдет наш состав и пришлось только смотреть, проезжая мимо, на город, где живет Анна Алексеевна» [5, 177–178]. Немного придя в себя, эрмитажники с энтузиазмом взялись за работу. Вот как описывает В. М. Скуднова ситуацию, с которой они столкнулись перед началом учебного года: «Застали мы школу в жутком виде. Начиная с того, что почти все стекла выбиты (точно бомбежка была) все хозяйство развалено, <...> Коллектив учителей принял нас в штыки, но вот уже учителя младших классов приручаются и кажется составят дружное ядро». Постепенно картина меняется в лучшую сторону, и эрмитажники, помимо

ежедневных уроков с учениками по школьной программе, стараются проводить и дополнительные занятия: «27/IX у нас будет конференция учителей старших классов всего аймака (аймак – это район). Я на секции историков буду выступать с планом занятий на первую четверть по истории. Надо составить план по Египту и Ассиро-Вавилонии для V кл., Рим для VI кл. и раннее средневековье для VII кл. кроме того буду преподавать немецкий в 5 классе. Хотели меня нагрузить 8–9–10 классами. Но я отказалась, итак у меня будет каждый день по 5 уроков. Марк Матв. наметил серии лекций, которые будем проводить по субботам и воскресеньям – по истории, географии и литературе <...> Надо сделать, чтобы школьники не хулиганили на улице, а полюбили школу. Но самое важное для меня, что произошло второе рождение Марк Матвеевича. Вы бы его не узнали, да я тоже не узнаю! Как он работает! Куда девалась его лень! Сколько он читает! И все успевает и по хозяйству и покос, и заготовка дров, и чинить телегу, и прослушать учительницу, и поговорить с председателем исполкома и готовиться к лекциям. В клубе он прочел по просьбе парткабинета «Советский патриот». Да как прочел – прекрасно! Вы знаете, я к нему очень строга. Всю лекцию составил и написал сам, я только слушала и радовалась. В Военном Комиссариате читал «Суворов» и просили «Кутузов» и «Олимпийские игры». <...> Очень хорошо относятся к М. М. руководящие партийные товарищи из Онгудая, оказывают ему всяческую помощь. Уже включили электричество в школу, достали стекла для окон, обещан нам рояль из одного села. Первый секретарь прочел оба отчета М. М. об Нимфейской экспедиции и с тех пор называет его профессор и относится с глубоким уважением ... Обращаюсь к Вам, Анна Алексеевна, с просьбой – возьмите шефство над нашей школой! Обращаюсь к филиалу Эрмитажа! Помогите нам. У нас очень бедная библиотека, книг в Онгуде мы не достанем. Купите, что можно, соберите у школьников <...> Купите нам какие-нибудь пособия по истории, и нет-ли фото с Эрмитажных вещей – статуй, картин. Я буду вести кружок истории живописи» [5, с. 179–181].

Несмотря на большую занятость в школе и бытовые трудности, Марк Матвеевич готовил исследование, посвященное святилищу Деметры, которое было открыто в результате раскопок в Нимфее. О судьбе уникального памятника они не могли не думать, хотя, наверное, и прогоняли от себя горькие мысли. Так, 17 мая 1943 г. Скуднова писала А. А. Передольской: «Милая Анна Алексеевна, ведь скоро 2 года, как мы не виделись. Последний раз я видела Вас 23/VI–41 г. на городище Нимфея! А помните наш сад на маяке и беседку! Наверное склеп Деметры разрушен – ужасно. О Нимфее стараюсь не думать» [5, с. 138–139]. М. М. Худяк писал своей заведующей о работе над диссертацией о Нимфее и жаловался на отсутствие необходимых книг: «ведь книг абсолютно никаких нет. Рад, что с моими выводами Вы согласны, рад, что Вы принимаете, что Нимфей основан выходцами с Самоса, а материалами мы докажем. Материалов ведь нет под руками, всё по памяти ...

Вообще страшный зуд к работе, хочется очень писать, начинаю писать свою работу “Раскоп города Нимфея за три года”. Могу представить ее как работу на кандидатскую диссертацию... Мечтаю о возможности поработать в Филиале, посмотреть книги, поговорить с Вами и товарищами». [5, с. 139]. Тем временем приходилось как-то выживать в непривычных условиях сельской жизни и при этом не терять оптимизма и надежды на встречу с коллегами. В ноябре 1943 г. В. М. Скуднова пишет: «<...> без огорода нет жизни в Онгудае. Выдач нет никаких, купить ничего нельзя. Вот капусту 80 вилок, съели у меня гуси и коровы, и мы остались без капусты на зиму. Картошки у нас целое подполье – 100 ведер накопала, а сажала 5. Вот Деметра какой урожай послала мне!» [5, с. 184].

Уже на Алтае из письма коллег М. М. Худяк узнает о смерти своего единственного сына, вывезенного из Ленинграда вместе с детьми эрмитажных сотрудников и умершего по дороге, поэтому, наверное, все свое время и силы он отдает своим ученикам. 28 января 1943 г. Марк Матвеевич пишет: «Хочу приготовить угощение маленьким ребятам, а их у меня много <...> очень много хороших, милых сердцу ребят. Многие из них не видели ласкового взгляда учителя (здесь учителя очень строгие и суровые, ласковые только к себе). Мне удалось открыть специальную столовую для ребят, их вкусно кормят, и я очень рад этому. Ведь я испытал голод, видел детское горе и мне хочется моим детям дать все. Что я могу – знания, ласку, развлечение» [5, с. 185].

В начале 1944 г. Скуднова и Худяк, получив вызов в Свердловск, покинули Алтай и отправились в филиал Эрмитажа. Пробыв в Свердловске несколько месяцев, в середине мая 1944 г., после окончания военных действий в Крыму, М. М. Худяк был командирован в Керчь. На место, где работала археологическая экспедиция, было не добраться – вся территория была заминирована. На помощь пришли наши саперы, а потом выяснилось, что из святилища Деметры, о судьба которого так переживали эрмитажники, исчез алтарь, найденный еще до войны. К счастью, его удалось обнаружить в другом раскопе, в котором немцами был устроен блиндаж. Раскопки в древнем Нимфее продолжились.

Обратимся еще к одному блокадному дневнику¹ – его вела М. С. Коноплева (1871–1946) [6]. Она поступила на работу в Научную библиотеку Эрмитажа в начале 1939 г., но еще с дореволюционных времен была хорошо знакома со многими сотрудниками музея, а с 1918 г. общалась с ними по долгу службы в Комиссии по охране памятников искусства и старины по разбору и учету художественных собраний. 22 июня Мария Сергеевна была на работе, а на следующий день записала: «Эрмитаж закрыт. В залах, вместо посетителей

¹ Частично опубликован (публикация А. Б. Кузьмичевой «22/VI 41 г. Я собиралась идти в эрмитажную библиотеку...») // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том II / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 71–79.

выстраиваются ящики разных размеров, картины начинают исчезать со стен. Очищаются подвальные помещения, где устраиваются бомбоубежища. Часть помещений будет использована для хранения коллекций. День простоял пасмурный, шел дождь – погода не летняя». Уже 24 июня М. С. Коноплева отмечает, что «работа в Эрмитаже резко изменилась: библиотека почти не работает, кабинеты пусты, многие из молодых сотрудников уже уехали на фронт¹. Оставшийся состав занят исключительно снятием картин, упаковкой, составлением описей», а 2 июля она вместе с коллегами присутствовала на «общем собрании, посвященном вопросу об организации добровольческой армии. Всего около 40 человек записалось <...> Одновременно записывалось в трудовую армию много женщин». По свидетельству эрмитажников, занимавшихся упаковкой вещей, предназначенных для отправки в эвакуацию, работа не прекращалась и ночью – спали здесь же, урывками. Но несмотря на это, как отмечает Коноплева, 3 июля «после занятий в Эрмитаже был митинг – обсуждалась речь Сталина [обращение «Братья и сестры...»] и снова все призывались записаться в добровольческую армию». Эвакуация предстояла и сотрудникам, кто-то должен был сопровождать музейные коллекции, а кто-то выезжал в тыл – за Урал или в Среднюю Азию, но Мария Сергеевна решила не покидать Ленинград: «Меня вычеркнули из списков. Зачеркнутых имен в списке много – вообще уезжают неохотно. Всех пугает возможность сокращения где-то далеко в незнакомом городе остаться без площади и заработка». 23 августа она пишет: «Сегодня утром сделала над собой усилие, чтобы снова приняться за научную работу, так как работать на оборону я не могу [М. С. Коноплевой уже исполнилось 70 лет], если не считать дежурств при доме. Проработав часа три, так погрузилась в работу, что настоящее перестало существовать. Окончив занятия даже с некоторым усилием вернулась к сознанию всех ужасов происходящего». Она продолжала ходить в опустевшую библиотеку, работа в которой не прекращалась. М. С. Коноплева отмечает, что уже в сентябре, т.е. после начала блокады, столовая музея «не вмещала и не могла прокормить всех прикрепленных сотрудников Эрмитажа и многочисленных обитателей бомбоубежищ». Приведем выдержку из воспоминаний одной из обитательниц эрмитажных подвалов (Бомбоубежища № 3, оборудованного в Новом Эрмитаже) – А. К. Хоревой, которая, будучи подростком, жила в эрмитажном убежище вместе с матерью и младшей сестрой: «В бомбоубежище был порядок: в бывших хранилищах картин в каждом отсеке посередине стоял огромный стол для скатывания и раскатывания картин, стояли лавки. Вокруг в несколько рядов располагались деревянные кровати-топчаны. Каждому человеку выдавались одеяло, подушка и бельё. Отсеков было несколько, висели таблички с номерами. Картин не было: они давно были в тылу. Стены бомбоубежища (подвала) были невероятной толщины в несколько метров и никакие звуки с улицы к нам не доносились. Высота сводов

¹ В 1941–1943 гг. на фронт ушло 115 сотрудников музея, вернулось с войны 42 человека.

тоже была приличная, никто не пригибался при входе в отсек, кроме архитектора Никольского [Льва Александровича], жившего в соседнем отсеке. В бомбоубежище были вода и электричество, было относительно тепло. Свет полностью включали в семь часов утра – люди уходили на работу – и выключали в 11 часов вечера. Еле светили ночники – все люди спали»¹.

С каждой неделей обстановка в городе ухудшалась, положение сотрудников музея становилось все более тяжелым, подступал голод. И тем не менее, 19 октября состоялось заседание, посвященное классику персидской поэзии Низами Гянджеви. Примечательно, что этот юбилей был отпразднован только в осажденном Ленинграде, даже на родине великого поэта празднование в связи с войной было отложено. Мария Сергеевна присутствовала на торжественном заседании, проходившем при тусклом свете ламп, ток для которых вырабатывала пришвартованная на Неве, прямо перед входом в Эрмитаж, императорская яхта «Полярная звезда»: «Сегодня Эрмитаж тремя докладами скромно отметил 800-летний юбилей азербайджанского поэта Низами». Инициатива празднования принадлежала И. А. Орбели. Как вспоминал Б. Б. Пиотровский, директор Эрмитажа «поехал в Смольный для согласования этого вопроса и для вызова с фронта поэта Н. С. Тихонова и основного докладчика М. М. Дьяконова». Просьба Орбели была поддержана и в политуправлении Ленинградского фронта. Заседание состоялось, и даже «был отпечатан пригласительный билет в типографии Гидрометеоздата, которая работала. <...> Люди сидели в пальто, но все было торжественно и знаменательно. Н. Тихонов в своем корреспондентском очерке писал: “В великолепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя – человеколюбца Низами... В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Советскому Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества”. Было приятно встречать прибывающих с фронта эрмитажников. Приезжал и Игорь Михайлович Дьяконов [брат Михаила Михайловича, сотрудник Отдела Востока] и устроил “вавилонский праздник” – на Древнем Востоке все праздники сопровождалось трапезой, праздника без кормления не бывало. Он привез консервы – шпроты, и после того как все рыбки были разделены между присутствующими, консервное масло было разыграно, его получил А. Корсун [сотрудник Научной библиотеки]» [1, с. 190].

Нужно отметить, что 10 декабря 1941 г., когда норма хлеба для гражданского населения уже была снижена до 125 г, а бойцы местной обороны получали 200 г, в Эрмитаже праздновали еще один юбилей – 500-летие великого узбекского поэта Алишера Навои. Вступительное слово произнес И. А. Орбели, с докладом выступил заведующий отделением Кавказа, Ирана и Турции А. Н. Болдырев, командированный на два дня с фронта, – он служил переводчиком на Балтийском флоте. Поэзию Навои читали поэт В. Рождественский,

¹ Воспоминания А. К. Хоревой были переданы автору данной статьи и в настоящее время готовятся к публикации в издательстве Государственного Эрмитажа.

служивший военным корреспондентом и также прибывший с фронта, и востоковед Н. Ф. Лебедев. Художник М. Мох расписал к юбилею Навои фарфоровый бокал и корбочку, которые были выставлены в зале, где проходило заседание. Как вспоминал Б. Б. Пиотровский, назвавший свой рассказ об этом праздновании «Умирая, не забыли Навои», в 1941 г. Н. Лебедев и М. Мох, после войны работавший художественным руководителем Ленинградского фарфорового завода, «поступили в Эрмитаж на должность чернорабочих, они возили кирпич, закладывали окна подвальных помещений, таскали доски, а в свободное от этих работ время занимались своим основным делом. <...> Н. Лебедев выступал уже полуживым, от истощения он еле двигался ... после второго заседания, 12 декабря, он слег и не смог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвым, покрытым цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи» [1, с. 196].

Зима 1941–1942 гг. была самой страшной, эрмитажники все чаще узнавали о новых потерях. 9 января М. С. Коноплева записывает в дневнике: «Эрмитаж не освещается и не отапливается. Жители “эрмитажных катакомб” оказались в тяжелом положении и выселяются обратно в свои квартиры или на первый этаж самого Эрмитажа <...> Те, кто еще на ногах, обслуживают лежащих и приносят еду из столовой – кошмарная обстановка, которой, конечно, многие долго не вынесут. Плох Альфред Николаевич Кубе...». А. Н. Кубе (1886–1942) – крупнейший специалист по прикладному искусству эпохи Возрождения, хранитель коллекции итальянской майолики, начинавший работу еще в Императорском Эрмитаже в 1910 г., скончался 10 марта. Была очень плоха и сама М. С. Коноплева, но ей на помощь пришел ее брат. «Они [брат с женой] в прямом смысле слова спасли меня от смерти, перевезли к себе и поставили на ноги к маю <...> Не поддержи меня в тот момент дружеская рука, я, конечно, скоро последовала бы за моим старым другом [Коноплева говорит о смерти своей подруги детства М. А. Жебелевой, сестре академика С. А. Жебелева, скончавшегося 28 декабря 1941 г.] – я уже едва могла ходить». Только 20 апреля 1942 г., после долгого перерыва, М. С. Коноплева снова пришла в Эрмитаж. Музей произвел на нее «удручающее впечатление: был теплый, ясный весенний день, двери эрмитажного подъезда закрыты, при входе охватывает холод и сырость, ступени и мраморные плиты пола мокрые. Вчера почему-то проверяли отопление, со второго этажа валил дым. Все оставшиеся в Ленинграде сотрудники, похудевшие до крайности, одеты еще по-зимнему. Ученого секретаря [А. В. Вильм (1898–1974)] я нашла во дворе, с подвязанными скулами, в комбинезоне, с киркой в руке, убирающую грязный лед около бомбоубежищ». Коноплева зашла к «заместителю директора законсервированного Эрмитажа» заведующему отделением гравюр и рисунков М. В. Доброклонскому (1886–1964), который жил в театральном здании на наб. 9 января (ныне – Дворцовой), 32, и узнала, что «в феврале ему было так плохо, что со стороны эрмитажной администрации были приняты срочные меры к его спасению» и что «для научного состава Эр-

митажа пытались получить карточки первой категории. Но Ленсовет отказал». Марии Сергеевне предложили «вернуться на старое место в библиотеку Эрмитажа, так как из числа старых сотрудников не оставалось никого – кто уже уехал, кто скончался». Но она еще недостаточно окрепла после болезни и физически не могла проделывать длинный путь из своего дома за Московской заставой до музея. В мае 1942 г. Коноплева поступила на работу «рядом с домом секретарем втэка Московского района». Она считала, что «возврат к своим занятиям по специальности в близком будущем не возможен – история русского искусства XVIII века едва ли кого-нибудь может теперь заинтересовать, а рисунки, картины, архивы эвакуированы, пришлось идти по линии наименьшего сопротивления и брать работу, которая нужна в данный момент стране». М. С. Коноплева пережила блокаду и встретила Победу в родном городе.

Военные письма и дневники, которые, к счастью, в большом количестве сохранились и даже не все еще до конца разобраны, – это уникальные свидетельства жизни сотрудников Эрмитажа в годы войны в блокадном Ленинграде, в Свердловске и в других городах Советского Союза. Они ценны не только своими бытовыми подробностями, дающими представление о том, в каких условиях приходилось выживать и работать эрмитажникам, что пришлось им перенести за годы войны и блокады. Прежде всего, дошедшие до нас документы говорят о необыкновенной силе духа этих людей, позволившей им преодолеть страшные испытания, которым не удалось сломить их.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пиотровский, Б. Б.* Страницы моей жизни [Текст] : [воспоминания бывшего директора Эрмитажа] / Б. Б. Пиотровский ; [предисл. Р. Джанполадян-Пиотровской]. – Санкт-Петербург : Наука. Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 287 с.

2. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов : в 3 т. Т. 1. Изд. третье, испр. – М. : Гос. изд-во «Юридической литературы, 1955. – 935 с.

3. Протокол заседания и ответ М. Я. Варшавской коллегам (публикация Н. И. Грицай) // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том I / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 225–235.

4. Дневник О. Э. Вольценбурга (публикация А. Б. Кузьмичевой и Т. Г. Шостакович) // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том II / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 56–67.

5. Письма В. А. Скудной и М. М. Худяка, хранящиеся в Отделе Античного мира (публикация Н. П. Гуляевой) // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том I / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 136–142, С.177–185.

6. Дневник М. С. Коноплевой «В блокированном Ленинграде» // ОР РНБ. – Ф. 368. – Д. 1–3.

Карпенко И. А.

**ВОЙНА В МУЗЕЙНЫХ ВЫСТАВКАХ 1944–1950 гг.
СОЗДАНИЕ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ
МУЗЕЯ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА И МУЗЕЯ «СВИРСКАЯ ПОБЕДА»**

Во время Великой Отечественной войны в 1944 г. в Ленинграде и в Ленинградской области открылись два музея, посвященные битве за Ленинград: Музей обороны Ленинграда (первоначально выставка «Героическая оборона Ленинграда») в Соляном переулке и музей «Свирская победа» в городе Лодейное Поле. Оба музея рассказывали о событиях 1941–1944 гг. и были созданы при активном участии армии.

Создание этих музеев – не уникальное событие в истории музейного дела 1940-х гг. Безусловно, Музей обороны Ленинграда был важным явлением в жизни города 1944–1949 гг. и привлекал множество посетителей. В 1946–1948 гг. его посещаемость была сравнима с посещаемостью Эрмитажа. Но подобные военные экспозиции и выставки создавались повсеместно. Музеи во время войны должны были стать «действенными центрами агитационно-массовой и культурно-просветительной работы, всеми доступными средствами способствовать разгрому врага» [1, с. 21]. Так, военные музеи создавали тематические выставки. Например, Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи открыл в Новосибирске выставку «Трофеи Великой Отечественной войны». Краеведческие музеи создавали проекты, посвященные истории войны в их районе или городе. Среди них были музеи Дмитрова, Барнаула, Тамбова и т.д.¹ Все исторические и краеведческие музеи с 1942 г. занимались комплектованием фондов, собирая как трофеи, так и документы, предметы быта, дневники.

Начиная с 1943 г., на освобожденных территориях и в крупных городах открывали трофейные выставки. Самая масштабная из них появилась в 1943 г. В Москве и была демонтирована лишь в 1948 году.

До начала Великой Отечественной войны опыт создания экспозиций, посвященных современной военной истории, уже существовал. В Ленинграде в апреле 1940 г. Дом Красной Армии организовал выставку трофеев советско-финляндской войны. На ней публике демонстрировали самолет, танк, броневик, гаубицу, стрелковое оружие, захваченные во время советско-финской войны, и даже осколки ДОТа с линии Маннергейма. Адрес выставки был «кино “Спартак” на углу проспекта Красных Командиров и 1-й Красноармейской улицы» [2]. Кроме трофеев в залах были представлены портреты участников войны, плакаты, а также специально сделанные макет Карельского перешейка и макет дота. Репортер газеты «Смена» писал: «Сотни

¹ В мае 2020 г. Государственный Эрмитаж провел конференцию «Эрмитажная Академия», посвященную работе музеев в 1941–1945 гг. Материалы размещены на канале музея <https://www.youtube.com/watch?v=99k8BB-titw>

экспонатов выставки показывают победоносно завершённую Красной Армией борьбу за безопасность Ленинграда и северо-западных границ нашей родины. В галлерее героев – портреты тех, кто не щадя своей жизни и крови, с богатырской силой разгромил не только белофинские войска, но и соединённые силы империалистов разных стран» [3].

Создание «галлерей героев» не было новшеством. 23 февраля 1940 г. в Государственном Эрмитаже была открыта выставка «Галерея Героев Советского Союза». Накануне праздника газета «Смена» сообщала: «По инициативе академика И. А. Орбели 23 февраля в Государственном Эрмитаже открывается выставка “Герои Советского Союза”. В галлерее Героев Советского Союза будут показаны прославленные богатыри нашей Родины, легендарные полководцы и командиры времен гражданской войны, бесстрашные советские люди, героически отдавшие свою жизнь за счастье будущих поколений». Портреты героев Гражданской войны и героев Советского Союза были размещены в хронологическом порядке в Министерском коридоре Зимнего дворца. Завершала выставку статуя Сталина. Этот принцип расположения экспонатов должен был приучить публику к одной мысли: Сталин причастен к любому подвигу, все, что совершается важного и величественного в стране, делается при его поддержке и участии.

Предвоенный опыт прославления героизма и объяснения итогов советско-финляндской войны в музеях в дальнейшем был использован при создании Музея обороны Ленинграда и «Свирской победы». Оба музея 1944 г. рассказывали не про историю войны и принесённые ею бедствия, а про массовый героизм и подвиги. Основной акцент в экспозициях делали на военных действиях фронтов и на образах самоотверженных солдат, жертвующих своей жизнью ради победы. В экспозициях будет постоянно подчеркиваться единство этой борьбы, объединение рабочих, солдат, моряков под руководством партии. История гражданского населения, судьбы отдельных людей, повседневная жизнь городов будут оставаться за кадром, либо упоминаться, служа лишь фоном для героической борьбы.

Внимание к военной истории не было случайностью. Оба проекта были сделаны при поддержке высших армейских чинов и военные играли важную роль в жизни музеев. Так, проект «Свирской победы» осуществляли военно-служащие архитекторы, инженеры и художники. Решение об открытии Музея обороны Ленинграда принимал Военный совет Ленинградского фронта и он же определял структуру выставки: «Для руководства организацией выставки создать комиссию в составе начальника Политуправления Ленинградского фронта генерал-майора Д. И. Холостова и выделённых городским комитетом ВКП(б) товарищей: секретаря горкома ВКП(б) А. И. Маханова, директора Ленинградского института истории партии С. И. Аввакумова, председателя Ленинградского отделения Союза советских художников В. А. Серова, начальника управления по делам искусств Ленгорисполкома Б. И. Загурского. Организацию выставки поручить Дому Красной Армии Ленинградского фронта (начальник ДКА – полковник Лазарев) и управлению

по делам искусств Ленгорисполкома (начальник управления Загурский)» [5, с. 158]. Постановление Военного Совета о создании выставки было подписано генералом армии Л. А. Говоровым. Впоследствии он во многом определял судьбу музея, помогая ресурсами (предоставляя солдат для тяжелых работ, технику для экспонирования). Отвечать за проектирование выставки были назначены военные, которые по своему усмотрению приглашали гражданских специалистов.

В «Свирской победе» директор в 1945 г. был военнослужащим и музей имел двойное подчинение: по музейной работе – Центральному музею Красной Армии, в организационно-хозяйственном и политическом отношении – Политуправлению Ленфронта [6].

Открытие новых музеев было важно для продвижения верного взгляда на историю войны. Первые объяснения о задачах экспозиций, их значении потенциальный посетитель получал из репортажей с открытия новых культурных объектов.

Торжественная церемония открытия выставки «Героическая оборона Ленинграда» была приурочена к важной дате советского календаря – 1 мая, Дню солидарности трудящихся. 30 апреля первых посетителей пригласили осмотреть залы в Соляном городке. Репортер газеты «Красный Балтийский флот» писал: «На всех этапах смертельной борьбы с врагом народ вела к победе партия Ленина-Сталина. <...> На выставке хранятся священные реликвии – медали «За оборону Ленинграда», комсомольские билеты, пробитые вражескими пулями и обгаренные кровью защитников Родины, города Ленина. <...> Четыре-пять часов нужно, чтобы только обойти все отделы выставки. Десятки тысяч экспонатов размещены в 30 больших залах. Экспозиционная площадь равна 9 тысячам квадратных метров. Великие примеры героизма, мужества, самоотверженности показывает выставка» [7]. На открытии председатель Ленгорисполкома П. С. Попков сказал: «По решению Военного Совета Ленинградского фронта и городского комитета партии создана выставка, отражающая борьбу Ленинграда с немецко-фашистскими захватчиками, начиная с первых дней Отечественной войны и до полного освобождения города от вражеской осады. По существу создан музей, показывающий героическую борьбу ленинградцев, воинов Ленинградского фронта и моряков Краснознаменного Балтийского фронта» [5]. Журналист «Смены» описал также впечатления первых посетителей музея: «Взволнованные и потрясенные уходят люди с выставки. Здесь, в этих залах, каждый снова пережил лишь недавно ушедшие в прошлое дни великой битвы за чудесный русский город, битвы всех ленинградцев, возглавляемых товарищем Ждановым...» [9].

Музей «Свирская победа» также открывался к дате – к 7 ноября. Репортажи о его создании публиковались заранее. Читателям объясняли выбор места для музея – в июне 1944 г. на этом участке были прорваны укрепления противника [10]. Музей должен был занимать большую территорию. Планировали соорудить несколько павильонов для размещения трофейного

орудия. Один участок советских траншей сохранялся, как памятник тому, что 21 июня 1944 г. здесь началось наступление гвардейцев Свирской части [Там же]. В музейный комплекс входил и грандиозный 17-метровый памятник гвардейцам, над созданием которого работал скульптор-военнослужащий. Задействование «своих» специалистов было привычно для армии. В войсках можно было найти и художников, и скульпторов, и архитекторов, мобилизованных в армию. В конце войны их активно привлекали для создания подобных проектов, и они с радостью возвращались к своей мирной профессии, по-прежнему оставаясь военнослужащими.

7 ноября 1944 г. состоялась церемония открытия музея. Главными экспонатами «Свирской Победы» стала военная техника: «самолеты Героев Советского Союза Кузнецова, Гальченко, <...> Кутахова с многочисленными красными звездочками на фюзеляжах, пушки, танки, минометы, лодка Героя Советского Союза Загидулина, на которой было переправлено через Свирь свыше 300 бойцов» [11]. Упомянутый в репортаже Гальченко, один из участников операции, открывал музей. Церемония открытия проходила перед памятником героям Свири. Это монумент представлял собой огромный постамент, у подножия которого были расположены фигуры солдат, идущих в атаку. На самом постаменте стояла фигура Сталина, указывающая направление атаки.

В музеях не случайным было появление портретов и скульптур Сталина. Его прославление, упоминание о его речах, его приказах, его «выдающейся роли» было обязательным. Вся логика рассказа о событиях 1941–1945 гг. должна была раскрывать один простой тезис: советский народ победил в войне благодаря массовому героизму и мудрому руководству вождя народов. В экспозиции должны были находиться его портреты, фотографии, скульптуры. После 1945 г. обязательно в разделе, относящемся к завершению войны, должны были говорить о его вкладе в победу. Так, в 1945 г. был разработан и позднее открыт в Музее обороны Ленинграда зал Победы, завершавшийся его грандиозной скульптурой. Отступить от этой линии было практически невозможно. Недостаточное прославление вождя могло привести к печальному финалу. Так, в 1949 г. в рамках «Ленинградского дела» была закрыта экспозиция Музея обороны Ленинграда. Одним из обвинений в адрес создателей музея было «недостаточное отражение роли И. В. Сталина» [5, с. 91]. Буквально это означало, что комиссия «посчитала», сколько в экспозиции размещено его изображений и сколько портретов ленинградских руководителей. Коллектив музея до 1953 г. пытался разработать новый проект экспозиции музея, продолжал вести научную работу и работу по комплектованию фондов. Снова открыть залы для публики им не удалось, так как рискнуть и утвердить новый проект экспозиции никто из директоров музея или их начальников не решился. В 1953 г. Музей обороны Ленинграда был окончательно закрыт, а экспозиция о блокаде открылась уже в 1954 г. в другой организации – в Музее истории Ленинграда. Это было сделано благодаря новому директору главного городского музея Л. Н. Беловой.

В советское время конструирование экспозиции предполагало выверенные и утвержденные экспозиционные тексты; ряд обязательных лозунгов, которые должны были объяснить посетителям логику развития событий войны; тематические разделы, которые последовательно должны были раскрывать этапы войны в соответствии с официальным государственным взглядом на ее историю. Этот взгляд и трактовку событий определяла книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Чтобы информация для посетителей была «правильной» каждый этап работы над выставкой или экспозицией проходил утверждение, сначала внутри музея, затем со стороны контролирующих организаций. В случае если представителям горкома или военного округа что-то не нравилось музей обязан был переделать проект или внести в него правки по структуре или по содержанию.

Для музейной экспозиции, особенно исторической, важно присутствие подлинных предметов, артефактов, на основе которых строится рассказ. Подобных экспонатов в отношении Великой Отечественной войны существует ограниченное количество типов. Это, прежде всего, предметы, связанные с военными действиями (оружие, военная техника, обмундирование), а также документы, фотографии, печатная продукция, которая использовалась для агитации и пропаганды (плакаты, открытки, книги). Все это, как правило, типовые бытовые вещи, предметы обихода, одежда и т.д., которые приобретают музейное значение только через личную историю владельца. Например, фрак музыканта Филармонии 1940-х гг. – это предмет интересный для театральных музеев. Но если это фрак музыканта, игравшего в блокадном Ленинграде «Ленинградскую симфонию», он становится ярким, важным экспонатом, значение которого зрителю не нужно подробно объяснять.

На основе существовавшего предметного ряда проще всего было рассказывать об истории военных действий, так как военная техника, тем более трофейная техника, захваченная в бою, вызывала интерес и производила впечатление на зрителя. В музее «Свирская победа» для показа подвигов разных родов войск были выстроены отдельные павильоны: авиации, бронетанковых войск, артиллерии, инженерных войск. В центральном павильоне рассказывалась общая история войны в 1941–1945 гг. и сражений на Свири.

Поскольку на основе трофейной техники и фотографий выстроить рассказ было невозможно, для «Свирской победы» музей заказал художникам картины, рассказывающие об отдельных событиях. В первом же репортаже о музее сообщалось: «Художники и скульпторы – фронтовики, многие из которых являлись непосредственными участниками операций, готовят для экспозиций музея картины, скульптуры, макеты, карты, модели. Художник-фронтвик Титов работает над полотном “Подвиг 12 гвардейцев-комсомольцев, первыми переправившимися через Свирь”» [10]. Крупноформатные живописные работы были важны для экспозиционных залов. Чаще всего они писались по заказу музея для конкретной темы и зала и должны были помогать в работе экскурсоводу. Тема живописного полотна определялась заранее. Как правило, это были темы или сюжеты, по которым невозможно

было найти нужный и впечатляющий посетителя экспонат. Фотографии, несмотря на их подлинность, не считались «экспонатом первого ряда», они служили скорее подсобным материалом. С фотографий нередко художники рисовали картины.

Заказов на макеты, диорамы и диаграммы было много. В военных мастерских в октябре 1944 г. была изготовлена модель 122-мм пушки, вероятно, для павильона артиллерии. Для разных залов были подготовлены макеты «Мост через реку Шуя, восстановленный саперами», «Типы антенн радиостанций, применявшихся в Свирскую операцию», «Взятие Самбатукского укрепрайона финнов» и т.д. Макеты должны были обеспечить наглядность рассказа экскурсовода. Подробные схемы, модели и карты нужны были также для проведения занятий среди военных: в 1945 г. музей был «закреплен» за местным военкоматом.

В Музее обороны Ленинграда также многие «экспонаты» создавали на заказ. Это относится, прежде всего, к живописи. Ленинградскими художниками были написаны портреты генерала Л. А. Говорова, адмирала В. Ф. Трибуца, А. А. Жданова, многочисленных военачальников разного рода войск, героев Советского Союза.

Ряд картин, специально сделанных для музея, попали в экспозиционные залы для иллюстрации идеологических постулатов. Например, в зале «Начало войны» одна из стен была закрыта огромным полотном, изображающим Сталина, указывающего солдатам на врага. Картина должна была иллюстрировать расположенный под ней лозунг: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперед к победе». Качество такого произведения искусства-иллюстрации сомнительно, тем не менее оно оказалось в музейном зале. Работой из этого же ряда было полотно Н. Л. Бабасюка «А. А. Жданов и А. А. Кузнецов у прямого провода во время переговоров с Москвой». Картина иллюстрировала тезис о неустанной заботе правительства о Ленинграде. Из ряда таких же произведений-иллюстраций она выделяется благодаря тому, что после 1949 г. автору пришлось замазать на холсте фигуру Кузнецова, арестованного по Ленинградскому делу. Из-за изображения Жданова полотно не было уничтожено и находится в коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Несмотря на обилие заказных живописных работ невысокого художественного качества, Музей обороны Ленинграда запоминался посетителям благодаря ярким художественным образам. Одним из создателей музея был художник Н. М. Суетин. Он расположил в одном из залов пирамиду из немецких касок. Эта инсталляция для образованного зрителя была прямой отсылкой к «Апофеозу войны» Верещагина. Посетитель, не знающий этой картины, все равно запоминал ее как важную часть музея. В одном из репортажей из музея журналист сделал подпись к фотографии с пирамидой из касок: «Их здесь несметное число. Глядя на эти “Альпы”, сердце радуется, что с владельцами этих касок – гитлеровскими выкормышами – под Ленинградом уже произведен расчет полный и справедливый» [12]. Вероятно, иные ассоциации эта

инсталляция вызывала у делегаций из Великобритании и США. В Нью Йорке в 1918 г. была создана пирамида из 12 тысяч трофейных немецких касок. Во время парада победы по случаю окончания Первой мировой войны колонны проходили мимо нее. Скорее всего, эту историю Суетин узнал в Нью Йорке, когда в 1939 г. работал над павильоном СССР на Всемирной выставке и воспроизвел удачную идею в 1944 г.

В зале, посвященном Дороге жизни, был установлен макет ледовой дороги с «электрифицированными» элементами: «с обозначением светящимися линиями и точками ледовых дорог трассы, наших зенитных батарей и огневых точек вражеских позиций» [13, с. 70]. В зале № 4 расположен электрифицированный макет Лужского укрепрайона [13, с. 21]. В залах, посвященных партизанам, располагались макеты и диорамы. Живописные полотна, макеты, диорамы, военная техника, все вместе создавали впечатление огромного, содержательного, современного музея. В 2018 г. в Петербурге в частном музее «Ленрезерв» на основе фотографии декораторами Ленфильма были воссозданы некоторые залы Музея обороны Ленинграда с пирамидой касок, ледовой дорогой, разрушенными фасадами зданий, выставкой трофейной техники (поднятой со дна Ладоги и отреставрированной). Огромный интерес к «Ленрезерву» доказывает, что посетителям нравится зрелищность, обилие экспонатов и инсталляций.

Музей «Свирская победа» и Музей обороны Ленинграда были посещаемы. К важным государственным и памятным военным датам они проводили различные мероприятия с участием приглашенных фронтовиков. Но оба музея просуществовали недолго.

В 1949 г. была закрыта экспозиция Музея обороны Ленинграда, но музей существовал еще несколько лет. В 1951 г. он успел получить коллекцию «Свирской победы», полностью закрытой и расформированной. В 1953 г. история первого блокадного музея в Соляном переулке завершилась его полным закрытием и передачей коллекции в ленинградские музеи. Темой блокады занялись другие городские учреждения.

Так, в 1954 г. при поддержке Ленгорисполкома в Особняке Румянцева, филиале Музея истории Ленинграда, открылась выставка «Ленинград в Великой Отечественной войне». Ее авторы использовали многие экспозиционные приемы, придуманные Суетиным и его коллегами, а в музейных залах оказались экспонаты из Музея обороны Ленинграда и из музея «Свирская победа».

Коллекции этих музеев не были уничтожены и до сих пор используются в выставках. Изменяется подход к показу событий 1941–1945 годов. С течением времени все больший интерес у публики и у музейных кураторов вызывает не абстрактный массовый героизм в сведениях о военных операциях. Становятся интересны судьбы конкретных людей, в том числе и не совершавших никаких подвигов, а просто живших, старавшихся помочь выжить своим близким, насколько возможно выполнявшим свою привычную работу в условиях страшной войны, закончившейся в 1945 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лупало, Н. Г. Вклад музеев исторического профиля в мобилизацию духовных сил советского народа на разгром врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. Г. Лупало // Музейное дело в СССР. – М., 1985.
2. Ленинские искры. – 1940. – 16 мая.
3. Смена. – 1940. – 12 мая.
4. Смена. – 1944. – 21 фев.
5. Музей Ленинградской Победы. – СПб. : ГММОБЛ, 2019.
6. Докладная записка. «О состоянии Филиала ЦМКА “Свирская Победа” на 15 августа 1946 г.» // Лодейнопольский краеведческий музей. Инв. № IV-6657.
7. Красный Балтийский Флот. – 1944. – 30 апр.
8. Литературная газета. – 1944. – 1 мая.
9. Смена. – 1940. – 30 апр.
10. Смена. – 1944. – 18 окт.
11. Смена. – 1944. – 11 нояб.
12. Смена. – 1944. – 1 мая.
13. Выставка «Героическая оборона Ленинграда». Очерк-путеводитель. – Л. : Искусство, 1945.

П. А. Концевой

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ РЕПАРАЦИОННЫХ ПОСТАВОК И ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРИ СОЗДАНИИ МИНСКИХ АВТОМОБИЛЬНОГО И ТРАКТОРНОГО ЗАВОДОВ (1945 – начало 1950 гг.)

Определенный вклад в восстановление промышленности БССР в послевоенный период внесли репарационные поставки, которые осуществлялись в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. В ходе тяжелых политических дискуссий представители стран антигитлеровской коалиции сошлись во мнении, что общая сумма репараций с Германии не должна превышать 20 млрд долларов, а доля, причитавшаяся СССР, должна составить 50 % от этих выплат [1, с. 254]. Reparации включали в себя в том числе промышленное оборудование, демонтированное с германских предприятий, поставки товаров из текущего производства германских заводов, а также «использование германского труда» [Там же, с. 253]. Минский автомобильный завод (МАЗ) и Минский тракторный завод (МТЗ) являлись одними из тех предприятий, при строительстве которых в значительной мере использовались германские репарации.

В довоенное время на месте будущего Минского автозавода размещалась танковая часть [2, л. 49]. Во время оккупации германская фирма «Даймлер-Бенц» при участии военно-строительной организации «Годт» на территории

танкового городка построила авторемонтный завод для вермахта [3], получивший название «Gross K-Werk». К строительству предприятия были привлечены 11 специальных строительных немецких фирм и 300 технических специалистов. С 1 октября по 30 июня 1942 г. оккупантами на строящийся завод было завезено 284 вагона с техникой, оборудованием, строительными материалами [4, с. 54]. Завод использовался для ремонта автомобильной техники, принадлежавшей германской армии, и считался одним из крупнейших предприятий в оккупированной Восточной Европе. На нем было занято 5000 рабочих [3].

При строительстве завода использовался труд советских военнопленных и местного населения, в том числе евреев. Рабочая сила поставлялась на завод также из белорусских деревень после операций по борьбе с партизанами [Там же]. Организация «Тодт» постоянно требовала увеличения количества рабочей силы, а тяжелая физическая работа носила принудительный характер [5, с. 123]. Например, в начале октября 1942 г. на строительстве завода «Gross K-Werk» были заняты более 3500 рабочих, в том числе: 1050 советских военнопленных и 2463 гражданских рабочих (932 человека – белорусы, 429 – поляки, 104 – французы и итальянцы, 878 – немцы) [4, с. 54]. В результате принудительного труда советских военнопленных, местных жителей и иностранных граждан было построено более тридцати закрытых ремонтных павильонов, общая площадь которых превышала 76 000 м² [Там же]. В частности, на территории завода находился производственный корпус площадью в 52000 м², бетонные дороги, эстакады, железнодорожные пути, а также ряд других сооружений [2, л. 49].

Летом 1944 г. наступление советских войск развивалось столь стремительно, что нацисты не успели уничтожить завод. При отступлении оккупанты смогли разрушить лишь незначительную часть его сооружений, которые были быстро восстановлены. На оставшейся после отступления оккупантов материальной базе в 1944 г. был создан автосборочный завод Министерства автомобильной промышленности СССР [Там же]. Постановление ГКО № 6360 «Об организации автосборочного завода и завода по ремонту танков в районе города Минска» было подписано И. В. Сталиным всего через шесть дней после освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, 9 августа 1944 г. [6].

Уже в августе 1944 г. был пущен цех ремонта автомобилей, а с 7 ноября того же года предприятие перешло от восстановления старых советских автомобилей и ремонта трофейных М.А.Н. к сборке из готовых деталей американских армейских грузовиков Studebaker, Mack, Ford, Dodge и Chevrolet [Там же]. Для этого напольный конвейер с Горьковского автомобильного завода, где до этого проходила их сборка, был передан в Минск [7, л. 27].

К лету 1945 г. у советского руководства сформировалась идея строительства полноценного автомобильного завода в Минске с использованием уже имеющейся материальной базы. Началом создания Минского автозавода считается 26 августа 1945 г., когда Государственный Комитет обороны принял постановление «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности». В результате принятых решений в Красном Урочище под Минском, на базе бывшего автосборочного завода, развернулось строительство завода больше-

грузных автомобилей [8, с. 26]. Данные факты из истории завода в советский период не предавались широкой огласке, и только открытие архивных фондов позволило историкам более всесторонне взглянуть на, казалось бы, давно уже исследованную проблему.

Существовавшие со времен войны корпуса с началом строительства Минского автомобильного завода были реконструированы, при этом площадь главного корпуса увеличилась до 72 000 м² [2, л. 49]. По другим данным, к началу августа 1953 г. площадь главного корпуса была увеличена только до 56 365 м² [9, л. 63]. Одновременно с реконструкцией старых цехов строились новые производственные площади.

Первые поставки оборудования по ремонтам на МАЗ начались весной 1945 г. Так, уже в конце мая этого года на завод поступило 590 единиц промышленного оборудования из Вены, а также ожидалась отгрузка станков из Данцига, Берлина и Померании [10, л. 94]. Ремонтные поставки на МАЗ осуществлялись с автозаводов «Австро-Фиат» в городе Вене и «Фрамверке» в городе Хайнихене; завода коробок скоростей в городе Берлине; металлорежущего завода «Цеблик» в городе Мариенберге; заводов фирм «Иоганнес Гроссфусе» в городе Дебельн и «Дойчен Кюльунд Крафтмашинен» в местечке Бранд-Эрбисдорф [11, л. 50]. На автозавод в счет ремонтов поставлялись: паровые котлы, электрогенераторы постоянного и переменного тока, металлорежущие станки, кузнечно-прессовое и деревообрабатывающее оборудование [12, л. 133–134]. По состоянию на ноябрь 1946 г. на автозавод поступило 3 253 единицы промышленного оборудования на сумму 13,9 млн рублей, из которых 3 233 единицы стоимостью 13,3 млн рублей было поставлено на завод в счет ремонтов [13, л. 22]. Часть станков, которые не могли быть использованы заводом, впоследствии были переданы другим предприятиям. Такое движение оборудования создает значительные трудности для объективного выявления роли ремонтов в становлении флага белорусского автомобилестроения. Тем не менее можно с уверенностью отметить, что в 1946 г. большинство станочного парка Минского автомобильного завода составляли станки, поставленные по ремонтам. После ряда перераспределений, по данным на конец 1948 г., за предприятием числилось 2 886 единиц оборудования, из которых 2 014 являлись металлорежущими станками [11, л. 50]. По другим данным, которые приводятся по итогам единовременной переписи оборудования по автозаводу на 1 июня 1948 г., на МАЗе числилось 2 249 единиц металлорежущего, кузнечно-прессового, деревообрабатывающего оборудования, из которого 2 182 станка было получено по ремонтам [14, л. 3].

Необходимо обратить внимание на то, что на МАЗ поступало не только ремонтное оборудование, но и различные инструменты и инвентарь. В своих воспоминаниях главный энергетик, впоследствии директор Минского автозавода И. М. Демин отмечал, что «конструкторский отдел был укомплектован в основном трофейным оборудованием чертежными и множитель-

ными приборами...». По его мнению, оборудованный данным образом отдел к исходу 1946 г. «уже смог... обеспечивать документацией выпуск прицепов и будущий автомобиль» [15, с. 318].

Во многом благодаря своевременному вводу в эксплуатацию полученного ремонтного оборудования уже к 7 ноября 1947 г. были собраны первые пять самосвалов модели МАЗ-205. В 1948 г. на Минском автозаводе было выпущено 206 автомобилей [16, с. 248], а уже в декабре 1949 г. произведен пуск главного конвейера.

В конце 1940-х гг. на Минском автозаводе велось строительство второй очереди предприятия, которая была введена в строй в 1950 г., в результате чего начался выпуск 25-тонных карьерных самосвалов МАЗ-525. Причем производство автомобилей всех моделей составило уже 2 399 единиц [17, л. 10, 11]. Быстрые темпы роста позволили предприятию не только достигнуть планируемых объемов производства, но и превысить их. Так, уже в 1951 г. было выпущено 25 тыс. автомобилей, что на 10 тыс. машин больше от запланированного объема [18]. Данные результаты были достигнуты в столь короткий период в том числе и благодаря использованию оборудования, полученного по ремонтам, которое успешно применялось белорусскими автомобилестроителями.

Еще одним крупным предприятием, на котором использовалось ремонтное оборудование, являлся Минский тракторный завод. Он начал возводиться на основе авиационного завода, работавшего здесь в 1944–1945 гг. [19, с. 326]. 9 мая 1946 г. вышло постановление № 1142 Совета министров СССР «О строительстве Минского тракторного завода Министерства сельскохозяйственного машиностроения» [20, л. 52]. Значительная часть станков прибыла на МТЗ с тракторного завода «Фамо» в городе Шенебеке, самолетостроительного завода фирмы «Хейнкель» в городе Ораниенбурге, а также со склада станции Бард. Всего минские тракторостроители получили 1 246 ремонтных станков, из которых 819 были металлорежущими [11, л. 51]. Кроме того, на предприятие поступили в порядке перераспределения со Сталинградского тракторного завода германские материалы стоимостью 311,4 тыс. рублей. В то же время Минский тракторный завод передал на другие предприятия оборудования на сумму 427,6 тыс. рублей, а также 320 единиц ремонтного оборудования, ненужного для завода. Об этом руководство предприятия сообщило в Министерство сельскохозяйственного машиностроения СССР еще в октябре 1946 г., но о переправке этого оборудования к сентябрю 1947 г. приказа еще не поступило [21, л. 164–165].

Ремонтное оборудование сравнительно оперативно монтировалось в возводимых цехах тракторного завода. К 1 ноября 1947 г. в цехах МТЗ было смонтировано порядка 300 единиц оборудования [22, л. 44]. Однако зафиксирован и ряд примеров небрежного отношения к его хранению. Например, во время проверки завода, состоявшейся осенью 1947 г., члены комиссии обратили внимание на то, что неустановленное оборудование было разбросано по всей стройплощадке, а навесы для его хранения отсутствовали [21, л. 164–165]. Хотя еще 25 марта 1946 г. заместителем директора МТЗ

Поликарповым было подписано распоряжение о строительстве трех складских площадок для временного хранения ремонтного оборудования [23, л. 41]. Результаты проверки МТЗ и других заводов БССР были отображены в справке «О принятых мерах по улучшению хранения неустановленного промышленного оборудования на предприятиях Союзной и Союзно-республиканской промышленности». В этом документе отмечалось, что тракторный завод получил 1675 единиц демонтированного оборудования, из которых было смонтировано к началу июля 1947 г. только 882 единицы, а 793 единицы находились на территории завода и готовились к установке. К недостаткам в хранении неустановленного оборудования на предприятии комиссия отнесла то, что на площадке с оборудованием не были построены навесы. Часть оборудования содержалась в запакованном виде, но часть его, хотя и смазанная, хранилась совершенно открытой или прикрытой сверху толем [24, л. 2, 3].

Несмотря на выявленные недостатки в хранении полученного ремонтного оборудования, а также другие трудности, завод был возведен и начал выпуск продукции в кратчайшие сроки. Первым серийным изделием МТЗ стал гусеничный сельскохозяйственный трактор «Кировец КД-35», сконструированный специалистами Липецкого тракторного завода и Всероссийского научно-исследовательского автотракторного института «НИТИ». Его выпуск начался 4 ноября 1950 г. и продолжался всего девять месяцев, до августа 1951 г. За это время с конвейера сошло 406 таких машин. Одновременно с этим заводчане занимались проектированием первого белорусского колесного трактора, и 18 июля 1949 г. первый опытный образец этой машины вышел из ворот экспериментального цеха. Он впоследствии стал основой для создания серийной машины МТЗ-2. В 1949 году было выпущено 7 опытных образцов, которые подверглись длительным заводским испытаниям [25]. Успешное освоение новой для промышленности БССР отрасли состоялось в том числе и благодаря применению ремонтных поставок.

Для компенсации материального ущерба, нанесенного БССР в годы Великой Отечественной войны, правительством страны было принято решение о привлечении к труду немецких военнопленных, имевшихся в значительном количестве на территории Беларуси. Руководствуясь постановлением Комитета Обороны от 4 июня 1945 г. и постановлением Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б № 855-339сс от 21 мая 1946 г. «О трудовом использовании военнопленных», весь контингент, содержащийся в лагерях на территории БССР, был распределен между различными министерствами и ведомствами [26, с. 74]. Труд немецких военнопленных использовался в том числе и при возведении и пуске минских автомобильного и тракторного заводов. Так, в апреле 1947 г. на строительстве Минского автомобильного завода работали 3 700 военнопленных, а в возведении тракторного завода участвовали 4 500 военнопленных [26, с. 77–78].

Немецкие военнопленные чаще всего привлекались к неквалифицированным трудозатратным работам. В некоторых случаях их труд организовывался недостаточно эффективно. Например, 12 мая 1947 г. на копание котло-

вана одного из будущих цехов МТЗ было направлено 47 военнопленных, которые должны были отвозить грунт при наличии всего шести вагонеток. После остановки экскаватора (в 15.00), которая произошла из-за отсутствия горючего, эта группа работников продолжила погрузку и отвозку грунта до конца рабочего дня вручную при наличии всего 8 лопат, при этом 50 % данной группы простаивало. Еще один случай неэффективного планирования труда военнопленных зафиксирован на строительстве МТЗ 29 мая 1947 г. В тот день на прокладку кабеля было выделено 98 человек, которые в ожидании инструмента простояли 50 мин., и только после этого получили 50 лопат, 15 кирок и лишь 5 топоров, несмотря на то, что копание траншеи производилось в лесу [27, л. 164]. Поэтому проблеме повышения эффективности труда военнопленных на возведении МТЗ уделялось значительное внимание.

Еще одним фактором, снижавшим отдачу от трудоиспользования военнопленных, был саботаж и совершение диверсий самими военнопленными. Как отмечает А. В. Шарков, ряд германских военнопленных, создавая видимость выполнения работ, на самом деле пытались нанести как можно больше ущерба разоренному войной хозяйству республики. Например, военнопленный лагеря № 168 Шмидт в январе 1947 г. совершил диверсию в сварочном цехе Минского автомобильного завода. На следствии он показал: «26 января 1947 г. я работал в ночную смену. Не имея никакого желания трудиться на русских и, как немец, чувствуя ненависть к России, я решил вызвать простой цеха путем короткого замыкания главного электроцита. Проходя по цеху и воспользовавшись тем, что около главного щита из русских никого не было, я положил два металлических стержня на все три фазы рубильника. Получилось короткое замыкание, из-за которого работа завода была остановлена на 6 часов» [26, с. 121].

Однако, несмотря на ряд недостатков, привлечение военнопленных к строительству МАЗа и МТЗ, несомненно, сыграло положительную роль и ускорило ввод в строй данных белорусских предприятий.

Таким образом, промышленное оборудование, поставленное по репарациям, составляло в 1945 – начале 1950 гг. существенную часть станочного парка таких белорусских предприятий, как МАЗ и МТЗ. В определенной мере в процессе строительства данных заводов использовался также труд немецких военнопленных, однако эффективность этого труда не всегда была высокой. Учитывая роль репараций, необходимо прежде всего помнить, что главная заслуга в послевоенном возрождении промышленного потенциала БССР принадлежит самоотверженному белорусскому народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР ; редкол. : А. А. Громько (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). – 302 с.

2. Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 37.
3. Минск : немецкие фирмы в оккупированной Восточной Европе [Электронный ресурс] // Принудительный труд. – Режим доступа : <http://www.ausstellung-zwangsarbeit.org/ru/minsk.html>. – Дата доступа : 24.10.2019.
4. *Новікаў, С. Я.* Працоўныя рэсурсы як стратэгічны фактар германскай акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі (1941–1945 гг.) / С. Я. Новікаў // Літвін, А. М. Вяртанне ў рабства : прымусовая праца насельніцтва Беларусі, 1941–1945 гг. / А. М. Літвін, Я. А. Грэбень, С. Я. Новікаў ; агул. рэд. А. М. Літвіна. – Мінск, 2010. – С. 22–88.
5. *Новікаў, С. Я.* Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі, 1941–1944 гг. : агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2002. – 219 с.
6. Минский автомобильный завод. История [Электронный ресурс] // Центр МТС-сервис. – Режим доступа : http://www.mts.kz/maz/istoriya_maz. – Дата доступа : 10.01.2019.
7. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 14.
8. *Блистинов, М. М.* Минский автомобильный : очерк истории завода / М. М. Блистинов, Ю. К. Богушевич, Е. Г. Вайнруб. – Минск : Беларусь, 1972. – 240 с.
9. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 791.
10. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 10.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 58.
12. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 72.
13. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 2931.
14. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 82.
15. *Демин, И. М.* Истоки будущего / И. М. Демин. – М. : Профиздат, 1981. – 390 с.
16. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. / Ин-т истории Акад. наук БССР ; редкол. : П. Т. Петриков (пред.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984–1987. – Т. 3 : Рабочий класс БССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960). – 1985. – 485 с.
17. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 1291.
18. Минский автомобильный завод [Электронный ресурс] // Autohis.ru : история автомобилестроения. – Режим доступа: <http://autohis.ru/maz.php>. – Дата доступа: 24.10.2019.
19. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал. : М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 2. – 1995. – 560 с.
20. ГАМинО. – Ф. 3341. Оп. 1. Д. 93.
21. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 9. Д. 1049.
22. ГАМинО. – Ф. 3341. Оп. 1. Д. 275.

23. ГАМинО. – Ф. 3341. Оп. 1. Д. 98.

24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 13.

25. История продукции [Электронный ресурс] // Минский тракторный завод. – Режим доступа : <http://www.belarus-tractor.com/company/production-history/>. – Дата доступа : 24.10.2019.

26. *Шарков, А. В.* Военнопленные и интернированные на территории Беларуси : роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1955 гг.) / А. В. Шарков ; под ред. В. П. Павлова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1997. – 159 с.

27. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 596.

И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская

СТАНОВЛЕНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ГОСУДАРСТВ

Заключая в августе 1939 г. экономические и политические соглашения с гитлеровской Германией, Советский Союз никогда не упускал из виду возможность уже в ближайшем будущем военного столкновения с нацистским государством. Но сотрудничество Советского Союза с Германией вызвало однозначно негативную реакцию как большинства политических сил в Соединенных Штатах, так и на Британских островах. Однако в условиях начавшейся 1 сентября 1939 г. новой мировой войны и всей непредсказуемости ее течения, развития и поворотов руководители и США и Англии не склонны были основательно портить отношения с Москвой, отдав предпочтение сохранению их на приемлемом уровне, не доводя до серьезного обострения. Принимая 27 июля 1940 г. советского полпреда в Вашингтоне К. А. Уманского, заместитель государственного секретаря США Самнэр Уэллес, выражая точку зрения американского правительства, отметил: «Пора обеим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреватые новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту создающуюся в отношениях между нашими странами» [1, с. 167–168].

Что касается президента Соединенных Штатов: Ф. Рузвельт, являясь убежденным противником гитлеровской Германии, никогда не верил в возможность существования советско-германских договоренностей на долговременной основе. Его позиция способствовала сохранению положительной динамики в состоянии советско-американских отношений в начальный период Второй мировой войны. Это проявилось, в частности, при принятии конгрессом в марте 1941 г. закона о ленд-лизе. Правительство Ф. Рузвельта не допустило включения в него положения запрещающего распространение действия закона на Советский Союз в случае войны между Германией и СССР. Р. Шервуд писал по этому поводу: «Некоторые из более робких друзей Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский

Союз. Однако он был тверд в этом пункте, поскольку уже тогда представлялось, если не вероятным, то возможным, что и Россия подвергнется нападению Германии или Японии, а может быть и обеих вместе» [2, с. 440].

Правительству Великобритании (его в мае 1940 г. возглавил У. Черчилль) чрезвычайно важно было добиться нормализации отношений с Советским Союзом. В результате советско-финляндской войны они обострились до крайности. Английский посол был отозван из Москвы. Готовились совместные англо-французские силовые действия против СССР. Стремясь улучшить отношения с Советским Союзом, У. Черчилль назначает нового посла в Москву. Им стал Стаффорд Криппс, человек левых взглядов, депутат парламента от лейбористской партии, активный сторонник англо-советского сотрудничества. Посол развернул в Москве кипучую деятельность по налаживанию двусторонних отношений, в частности, по проведению широкомасштабных переговоров на высшем уровне. Но Советский Союз, понимая позицию Великобритании и официально не отвергая ее, вынужден был в условиях уже полыхавшей в Европе войны вести себя весьма осмотрительно с тем, чтобы не дать Германии повода быть обвиненным в нарушении Договора о ненападении.

При этом следует подчеркнуть, что и на Британских островах и за океаном отчетливо осознавали значимость позиции Советского Союза в начавшейся войне. Неспроста Кордэлл Хэлл, государственный секретарь в администрации Рузвельта и один из многоопытных американских политиков, однажды отметил: «Россия, как в полусонном, так и в активном состоянии, есть и будет огромным фактором в вопросах войны и мира в Европе и в Азии...» [1, с. 16].

Свою точку зрения на ход событий Второй мировой войны Ф. Рузвельт изложил в своей речи 27 мая 1941 г. Президент заявил, что Соединенные Штаты будут оказывать помощь всем, кто «силой оружия сопротивляется гитлеризму или его эквиваленту». Это вытекало из интересов национальной безопасности США. Президент объявил, что в США вводится «неограниченное чрезвычайное положение» [3, с. 391]. Приближение вероятных сроков нападения гитлеровской Германии на СССР привело к постановке вопроса об оказании возможной помощи СССР на порядок дня англо-американских отношений. 15 июня 1941 г. У. Черчилль попросил Ф. Рузвельта определиться по этому вопросу: «Если разразится эта новая война, – писал он президенту, – мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер» [4, с. 189].

Президент Рузвельт в этом вопросе был полностью солидарен с британским премьер-министром. Более того, он считал необходимым публично поддержать Черчилля. Вопрос был настолько важным, что Рузвельт не стал отправлять свой ответ телеграфом, а вызвал находившегося тогда в Вашингтоне американского посла в Англии Джона Гилберта Вайнанта и приказал ему срочно лететь в Лондон, дабы передать Черчиллю, что США поддержат «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника» [Там же, с. 190]. Дж. Вайнант считал поручение пре-

зидента чрезвычайно важным, и для того чтобы Черчилль узнал мнение Рузвельта как можно раньше, приказал командиру бомбардировщика на котором он летел в Лондон продолжить полет над Атлантикой, даже когда отказал один из моторов [3, с. 393].

21 июня американский посол, прибыв в Лондон, посетил У. Черчилля и проинформировал его о позиции Ф. Рузвельта в связи с возможным развитием событий на востоке Европы, а в 8 часов утра следующего дня премьер-министру сообщили о нападении Германии на Советский Союз. В делящейся уже почти два года Второй мировой войне Англия уже не являлась одинокой. Она обрела могучего союзника, с которым предстояло наладить взаимоотношения и сотрудничество.

В тот же день, в 9 часов вечера, У. Черчилль выступил со специальным заявлением по радио. Его главная мысль состояла в том, что Британская империя полна решимости «уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима... Мы никогда не станем договариваться, – говорил премьер-министр, – мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Его (Гитлера) вторжение в Россию – это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова.

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно также как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [9, с. 192–193].

Вместе с У. Черчиллем над подготовкой этого выступления работали министр иностранных дел А. Иден, начальник генерального штаба фельдмаршал Д. Дилл, министр снабжения лорд У. Бивербрук, находившийся в то время в Лондоне британский посол в Советском Союзе С. Криппс, американский посол в Великобритании Дж. Вайнант [6, с. 135]. Содержательность и мобилизующий характер речи британского премьер-министра высоко оценил советский посол в Лондоне И. М. Майский. Она носила программный характер, в ней были расставлены четкие акценты на вопросах дальнейшего развития событий Второй мировой войны. Между тем советское правительство с учетом обстоятельств, в которых оказалась страна 22 июня, не откликнулось своевременно на это, безусловно, незаурядное выступление премьер-министра [7, с. 521–522].

Реакция правительства Соединенных Штатов на начало Великой Отечественной войны была более сдержанной, чем Великобритании. Первое официальное заявление правительства прозвучало 23 июня во время пресс-конференции, которую провел исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес. «По мнению правительства Соединенных Штатов, – заявил он, – любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят неизбежное падение нынешних германских руководителей, и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня главная опасность для американского континента» [3, с. 188].

Выступление Ф. Рузвельта прозвучало 24 июня. Он заявил, что США готовы оказать Советскому Союзу всю возможную помощь. Правда президент не стал этот вопрос конкретизировать, а добавил, что значительная часть поставок будет по-прежнему направляться в Англию, а также что американская помощь СССР может быть эффективной только в случае длительной войны [2, с. 27].

Позиция администрации Ф. Рузвельта, направленная на поддержку Советского Союза в войне, была подтверждена и по дипломатическим каналам. 26 июня и. о. госсекретаря С. Уэллес заявил советскому послу в Вашингтоне К. Уманскому: «Американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии. Американское правительство... считает, что тот отпор этой агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован... борьбой за честь и свободу СССР, но и соответствует историческим интересам Соединённых Штатов Америки. Поэтому, в соответствии с заявлениями, уже сделанными президентом, американское правительство заверяет советское правительство, что оно готово оказать в этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами» [5, с. 45–46].

Но в Советском Союзе считали это недостаточным и, как подчеркнул 29 июня 1941 г. В. М. Молотов в беседе с американским послом в Москве Л. Штейнгардтом, в Советском Союзе оценили позицию, занятую США в связи с нападением Германии, как «не вполне ясную» [Там же, с. 47].

Политический диалог практически отсутствовал. Поставки военных материалов в первые месяцы войны осуществлялись на платной основе, не понятна была позиция США в отношении Японии, что весьма беспокоило Советский Союз, который, несмотря на наличие договора о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., не исключал возможность японской агрессии на Дальнем Востоке.

Нападение Германии на Советский Союз внесло оживление в процесс отношений с Великобританией и стимулировало его перерастание в сотрудничество. 27 июня в Москву прибыли члены военно-экономической и дипломатической миссий во главе с английским послом в СССР С. Криппсом [Там же, с. 135].

8 июля в Лондоне начала работать советская военная миссия, которую возглавил генерал Ф.И. Голиков заместитель начальника Генштаба РККА, начальник Главного разведывательного управления [7, с. 527].

Стаффорд Криппс вел переговоры с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Сталину он вручил личное послание У. Черчилля, которое положило начало переписке руководителей союзных держав в годы войны. Результатом переговоров было подписание 12 июля 1941 г. Соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Договаривающиеся стороны обязались оказывать

друг другу всестороннюю помощь и поддержку и на протяжении всей войны без обоюдного согласия не вести никаких переговоров с противником и не заключать с ним никаких договоренностей [8, с. 130–132].

Соглашение положило начало формированию антигитлеровской коалиции. В первом ответном послании Сталина Черчиллю сказано, что «Теперь... Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией». В этом послании, полученном в Лондоне 18 июля, впервые поднят и вопрос о втором фронте: «Мне кажется, – писал Сталин, – что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт борьбы против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)» [9, с. 18–19].

В Соединенных Штатах отношение к Советскому Союзу и его противоборству с Германией было более сложным, чем в Великобритании. В стране существовала большая поляризация политических сил. Президенту Ф. Рузвельту приходилось преодолевать серьезное сопротивление изоляционистов, противников оказания помощи СССР.

В целом, вопросы становления межсоюзнических отношений, а вместе с ними и организация поставок СССР военных и других материалов, и в Лондоне, и, особенно, в Вашингтоне в начале войны решались не так быстро, как хотелось бы. В немалой степени, в частности, это было связано и с прогнозами, имевшими место в столицах западных стран, по которым Советский Союз будто бы не в состоянии длительное время сопротивляться натиску нацистской Германии. Но постепенно эти отношения стали наполняться практическим содержанием.

Особенно значимой в этом плане была поездка в Москву советника президента США Гарри Гопкинса. В июле 1941 г. Гопкинс был направлен Рузвельтом в Англию для переговоров с Черчиллем. Мысль о посещении Советского Союза для ознакомления с конкретной ситуацией в стране и потребностями фронта возникла у Гопкинса спонтанно во время разговора с советским послом в Лондоне И. Майским. Рузвельт инициативу поддержал. А 28 июля на летающей лодке «Каталина» из Шотландии он отправился в Архангельск [7, с. 541–542]. 30 и 31 июля Гопкинс имел две продолжительные беседы со Сталиным и получил исчерпывающие ответы на все интересовавшие вопросы. Его доклад в Вашингтоне о результатах этой поездки произвел на Рузвельта сильное впечатление и имел большие последствия. «Я глубоко уверен в этом фронте, – сообщал Гопкинс, – моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить» [10, с. 188].

Во многом результатом этой поездки было принятое 2 августа решение правительства США об экономическом содействии Советскому Союзу, которое, по определению советского посла в Вашингтоне К. А. Уманского, было, своего рода «американским эквивалентом советско-английскому соглашению от 12 июля 1941 г.» [6, с. 139].

Между тем налаживание отношений с государствами, которые находились в лагере противников гитлеровской Германии (Великобританией и США), было связано с определенными трудностями. Недоверие к советскому руководству со стороны западных держав в начале войны проявилось, в частности, в том, что СССР не был привлечен к подготовке первого документа союзников, фиксировавшего их цели и намерения в проходившей войне. Таким документом была англо-американская декларация (Атлантическая хартия), разработанная и принятая на встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля, проходившей 9–12 августа 1941 г. на борту британского линкора «Принц Уэльский», стоявшего в бухте Арджентиа-бей канадского острова Ньюфаундленд. Документ был обнародован 14 августа 1941 г. В нем содержались «общие принципы национальной политики» США и Великобритании «после окончательного уничтожения нацистской тирании». Они заключались в отказе от территориальных приобретений и территориальных изменений, которые не находятся «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», признании права народов на самоопределение и избрание себе формы правления, восстановлении суверенитета «тех народов, которые были лишены этого насильственным путем», достижении «полного сотрудничества между странами» и т.п. [6, с. 167].

Советскому Союзу предложено было присоединиться к этому документу. Однако то обстоятельство, что СССР не был привлечен к разработке декларации вызвало серьезное недовольство советского руководства, которое к тому же считало, что англо-американский документ не лишен недостатков, в частности, он мало что дает для решения актуальных вопросов военного сотрудничества и в то же время отражает стремление лидеров США и Великобритании монополизировать обсуждение вопросов будущего мира без учета мнения других союзников [11, с. 71].

«Что касается декларации Черчилля – Рузвельта, – писал Молотов советскому послу в Лондоне накануне Межсоюзнической конференции, проходившей в ноябре 1941 г., – то мы не можем просто присоединиться к ней хотя бы потому, что она подготавливалась и опубликована без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, несущего теперь всю тяжесть войны и гитлеризмом... потому, что наши товарищи страшно раздражены тем, что СССР хотят превратить в бесплатное приложение других держав» [12, с. 144].

СССР не стал присоединяться к Хартии, однако на собравшейся 24 сентября в Лондоне Межсоюзнической конференции стран, воюющих с Германией, в которой участвовали представители СССР, Великобритании, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и движения «Свободная Франция», советский посол в Лондоне И. М. Майский огласил декларацию правительства Советского Союза. В ней выражалось согласие с основными принципами Атлантической хартии и оглашались цели советской внешней политики. В декларации подчеркивалось, что главная «задача народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников», – добиться скорейшего

разгрома агрессоров. Кроме того, в ней говорилось о стремлении Советского Союза к установлению в послевоенном мире отношений сотрудничества между государствами, подчеркивалась важность принципа самоопределения наций, право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны. Выражая согласия с основными принципами Хартии, советское правительство одновременно заявляло, что их практическое применение «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [6, с. 163–166; 13, с. 342–343].

Очередным шагом на пути укрепления союзнических отношений трех держав явилась состоявшаяся в Москве 29 сентября – 1 октября 1941 г. конференция представителей СССР, США и Англии, которая согласовала вопрос о поставках Советскому Союзу различного вооружения, материалов и оборудования с октября 1941 г. до конца июня 1942 г. Советскую делегацию возглавлял нарком иностранных дел В. М. Молотов, американскую – спецпомощник президента, ведавший вопросами ленд-лиза А. Гарриман, английскую – министр снабжения лорд У. Бивербрук [6, с. 144].

1 октября 1941 г. был подписан согласованный документ, который получил название «Первый московский протокол», а 7 ноября американское правительство распространило на Советский Союз действие закона о ленд-лизе [Там же, с. 145–146].

Согласованию точек зрения союзников по вопросам войны и послевоенного устройства мира служили англо-советские переговоры в Москве 16–20 декабря 1941 г. во время визита в СССР А. Идена, министра иностранных дел Великобритании. Они знаменовали собой новый этап в деле консолидации антигитлеровской коалиции. Переговоры совпали по времени с решительными изменениями в ходе Второй мировой войны. Начавшееся 5–6 декабря 1941 г. контрнаступление Красной армии под Москвой стало первым серьезным достижением Советского Союза в войне. 7 декабря японский флот нанес удар по главной военно-морской базе США в Тихом океане Пёрл-Харбор, а 8 декабря Япония объявила войну США и Великобритании. 11 декабря войну США объявили Германия и Италия. Масштабы Второй мировой войны значительно расширились, вовлекая в свою орбиту новые страны и континенты. Но в это же время происходит и чрезвычайно важное событие на фронте мобилизации сил для борьбы с агрессорами. В ходе конференции глав правительств США и Англии, которая проходила в Вашингтоне 22 декабря 1941 г. – 14 января 1942 г., Ф. Рузвельт и У. Черчилль подготовили и согласовали с советским правительством проект декларации стран, выступавших против блока вражеских государств. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Китая и 22 союзных с ними держав одобрили этот документ. Впоследствии он получил название Декларации Объединенных Наций. Произошло юридическое оформление военно-политического союза между СССР, США и Великобританией [14, с. 235–236].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Печатнов, В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. / В. О. Печатнов. – М. : Терра – Книжный клуб, 2000. – 752 с.
2. Шервуд, Р. Рузвельт и Гопкинс : в 2 т. / Р. Шервуд. – М. : Изд-во Иностран. лит., 1958. – Т. 1. – 679 с.
3. *Яковлев, Н. Н.* Франклин Рузвельт – человек и политик / Н. Н. Яковлев. – М. : Междунар. отношения, 1969. – 504 с.
4. *Черчилль, У.* Вторая мировая война : в 6 т. / У. Черчилль. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1998. – Т. 3 : Великий союз. – 368 с.
5. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : Документы и материалы : в 2 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1 : 1941–1943. – 510 с.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8 : Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.
7. *Майский, И. М.* Воспоминания советского дипломата / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 711 с.
8. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – М. : ОГИЗ, Гос. изд-во полит. лит., 1946. – Т. 1 : Документы и материалы. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. – 803 с.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г. – 471 с.
10. Вторая мировая война. Краткая история. – М. : Наука, 1984. – 591 с.
11. *Наринский, М. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны / М. М. Наринский, А. М. Филитов. – М. : МГИМО, 1999. – 158 с.
12. СССР и германский вопрос 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации : в 2 т. – М. : Междунар. отношения, 1996. – Т. 1 : 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – 784 с.
13. *Майский, И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. / И. М. Майский. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941–1943 год. – 398 с.
14. Мировые войны XX века : в 4 кн. – М. : Наука, 2002. – Кн. 3 : Вторая мировая война. – 597 с.

А. М. Кушнярэвіч

ГЕРМАНСКИ КАМПАНАЕНТ РАННЯЙ ЭТНІЧНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

Вывучэнне этнічнай гісторыі таго альбо іншага народа, пытанні міжэтнічных кантактаў, узаемаадносін, узаемаўплываў былі і застаюцца актуальнымі праблемамі сучаснай этнакультуралогіі. Таму мэта публікацыі – на аснове

вынікаў археалагічных даследаванняў ахарактарызаваць змены ў культуры Беларусі часоў рассялення на яе тэрыторыі готаў у рамках распрацоўкі аднаго з раздзелаў індывідуальнай навуковай тэмы, прысвечанай германа-беларускім этнакультурным кантактам ад старажытнасці да Навейшага часу ва ўсёй іх разнастайнасці.

Этнакультурныя стасункі паміж германцамі і этнічнымі супольнасцямі Беларусі вядомы са старажытных часоў і ўзыходзяць да апошніх этапаў першабытнасці. Тады ў час перасялення з розных рэгіёнаў паўднёвай Скандынавіі аднаго з германскіх плямёнаў – готаў – у Паўночнае Прычарнамор'е на тэрыторыі паўночна-усходняй Польшы, паўночна-заходняй Украіны і паўднёва-заходняй Беларусі ў апошняй чвэрці II ст. н.э. распаўсюдзілася вельбарская археалагічная культура жалезнага веку, насельніцтва якой атаясамліваецца з народамі, што ўваходзілі ў згаданы ўсходнегерманскі племянны саюз. Яе назва паходзіць ад аднаго з першых шырока даследаваных могільнікаў каля мястэчка Вельбарк у Ніжнім Павісленні. Спачатку яе помнікі аб'ядноўвалі пад назвай венедакскіх ці гота-гепідскай культуры. На тэрыторыі Беларусі і Украіны яе помнікі часам называюць помнікамі тыпу Брэст – Трышын – Дытынічы. Усе даследчыкі адзначаюць поліэтнічны характар вельбарскай культуры. Побач з готамі, якія сталі галоўным этнічным кампанентам культуры, у яе склад уваходзілі гепіды, вандалы, бургунды і іншыя германскія плямёны. На ўсходзе гэта культура не распаўсюдзілася далей ракі Гарынь. На тэрыторыі паўднёва-заходняй Беларусі адкрыты звыш дзесяці помнікаў і месцазнаходжанняў вельбарскай культуры. Яны размешчаны на берагах рэк Заходні Буг, Лясная, Мухавец, Прыпяць, Ясельда, Гарынь [1, с. 298–299]. Найбольш даследаваным помнікам вельбарскай культуры на Беларусі з'яўляецца могільнік Брэст – Трышын на р. Мухавец. Помнікі вельбарскай культуры на яе тэрыторыі датуюць II–IV ст.: Вялічкавічы (Камянецкі р-н), Велямічы (Столінскі р-н), Брэст – Трышын і Дружба (Брэсцкі р-н) і інш. Таму арэал распаўсюджвання вельбарскай культуры ў Беларусі абмяжоўваецца толькі рэгіёнамі Палесся – брэсцкім Пабужжам і Цэнтральным (Пінска-Тураўскім) Палессем. З гэтай культурай можна звязаць таксама асобныя знаходкі, выяўленыя ў Верхнім Панямонні [2]. У цэнтральным Палессі помнікі вельбарскай культуры лакалізаваны пераважна ў міжрэччы правых прытокаў Прыпяці – Стыры і Гарыні. Найбольш рэпрэзентатыўныя яе матэрыялы вядомы па даследаваннях на Пабужжы. Тут арэал рассялення носьбітаў вельбарскай культуры ахопліваў цячэнне Заходняга Буга і ніжнюю частку яго правых прытокаў – Мухаўца, Лясной і Пульвы. Матэрыялы вельбарскай культуры на беларускім Пабужжы паходзяць з помнікаў рознай ступені даследаванасці. Выключнае становішча сярод іх займае могільнік у Брэсце – Трышыне, які з'яўляецца адным з эталонных для тэрыторыі Усходняй Еўропы помнікаў вельбарскай культуры [3, с. 300]. З помнікамі вельбарскай культуры на тэрыторыі Брэсцкага Пабужжа і Верхняга Панямоння сёння можна звязаць 8 помнікаў і месцазнаходжанняў (Збунін, Скорбічы, з 1964 г. в. Дружба, Брэст – Трышын – Брэсцкі раён; Ратайчыцы, Вялічкавічы Камянецкі раён; Пятровічы – Жабінкаўскі раён). Аб помніках

вельбарскай культуры з тэрыторыі беларускага Цэнтральнага Палесся сёння можна скласці толькі самае папярэдняе ў'яўленне. Арэал распаўсюджвання гэтай групы помнікаў вызначаюць асобныя знаходкі і комплексы, размешчаныя ад Пінска на захадзе да Тураўшчыны на усходзе і ад верхніх прытокаў Прыпяці на поўначы да верхняга цячэння Гарыні на поўдні [3, s. 330]. Найбольш прадстаўнічыя матэрыялы вельбарскай культуры тут былі атрыманы ў час даследаванняў на грунтовых могільніках зарубінецкай культуры (Велямічы, Атвержычы – Столінскі р-н, Лемяшэвічы – Пінскі раён) [Там жа, s. 332]. У наш час немагчыма адназначна сказаць, як далёка прасунулася насельніцтва вельбарскай культуры ў каланізацыі Заходняга Палесся і ці ўтваралі тут «готскія» пасялені суцэльны этнічны масіў ад Пабужжа да Тураўшчыны. Невядома таксама, адкуль мог накіравацца міграцыйны паток насельніцтва вельбарскай культуры, якое засяліла частку беларускага Цэнтральнага Палесся з тэрыторыі брэсцкага Пабужжа па Прыпяці, з Панароў'я ўніз па Ясельдзе, праз Валынь па правых прытоках Прыпяці, ці з розных рэгіёнаў і ў розныя часы. Аднак пры гэтым вынікі археалагічных даследаванняў сведчаць, што ў познерымскі перыяд гэта група пасяленцаў усталявала цесныя і стабільныя сувязі з роднасным насельніцтвам Заходняй Валыні. Падобна на тое, што на развітым і познім этапах познерымскага перыяду «готы» Пінска-Тураўскага Палесся з'яўляліся акраінай, паўночнай часткай валынскага этнакультурнага масіву [2, с. 334; 4, 449]. Адметнасць вельбарскай культуры на фоне іншых культур цэнтральнай і усходняй Еўропы найбольш ярка праяўляецца ў пахавальным абрадзе, якому ўласцівы дзве традыцыі: монарытуальныя па абраду крэмацыі (Брэст – Трышын) і бірытуальныя пахаванні (Пятровічы, Велямічы, Скорбічы) [5, с. 187; 6, с. 8–9]. На Беларусі выяўлены толькі безкурганныя могільнікі вельбарскай культуры. Рэшткі надмагільных канструкцый не прасочваюцца. У Пабужжы могільнікі культуры лакалізуюцца на пясчаных узвышэннях рачных тэрас на адлегласці ад 0,3 да 1,5 км, звычайна на тых жа берагах рэк, што і звязаныя з імі пасяленні. Апошнія размяшчаюцца на высокіх участках рачных тэрас, часта ў месцах упадзення ў рэкі іх невялікіх прытокаў ці ручаёў. Ва ўсім арэале культуры яе носьбіты жылі ў неўмацаваных пасяленнях. Найбольш характэрным тыпам пабудовы з'яўляюцца двухкамерныя (жылая і гаспадарчая частка) наземнае жыллё слупавой канструкцыі, так званыя доўгія дамы, плошчай каля 80–100 м². Былі пашыраны таксама землянкі слупавой канструкцыі і гаспадарчыя пабудовы плошчай каля 16–25 м². Аснову гаспадаркі вельбарцаў складала ворыўнае земляробства і металургія. Сярод зернавых культур перавагу аддавалі аўсу, ячменю, просу, пшаніцы, жыту, вядомым яшчэ ў I–II ст. У час жатвы выкарыстоўвалі сярпы і косы. Зерне малолі з дапамогай ручных жорнаў. Займаліся развядзеннем авечак, коз, з поўсці якіх выраблялі тканіну. Гандаль таксама займаў значнае месца ў гаспадарчай дзейнасці. Насельніцтва культуры кантралявала ключавыя ўчасткі «янтарнага» і балтыйска-чарнаморскіх гандлёвых шляхоў, якія звязвалі народы балтыйскіх рэгіёнаў з Рымскай імперыяй. Для вельбарскай культуры на Беларусі, як і на іншай тэрыторыі яе распаўсюджвання, характэрны ў асноўным ляпны посуд. Толькі зрэдку знаходзілі ганчарныя

сасуды [3, с. 300]. Посуд (як важны элемент матэрыяльнай культуры вельбарцаў) – дастаткова разнастайны: гаршкі, збаны, вазы, конаўкі, міскі. Значная колькасць посуду ўпрыгожана разнастайным арнамантам у выглядзе кругавых ліній, насечак, наколаў, пазногцявых уцісканняў, расчосаў, якія нярэдка ўтвараюць складаныя камбінацыі. Керамічны комплекс дапаўняюць гліняныя прасліцы. Найбольш пашыраны біканічныя прасліцы, частка з іх упрыгожана кропкавым арнамантам або вертыкальнымі ці касымі баразёнамі [Там жа, с. 303]. Акрамя керамічных вырабаў, на тэрыторыі на помніках вельбарскай культуры Беларусі знойдзены побытавыя рэчы і прылады працы. Часцей за ўсё сустракаюцца касцяныя грабяні, а таксама касцяныя шпількі, бронзавыя іголки, фрагмент брытвы, часткі жалезных замкоў, фрагменты шкляннага посуду. Часта сустракаюцца ўпрыгажэнні (бранзалеты, падвескі, пацеркі), прадметы аздобы касцюмаў (фібулы, паясныя спражкі, наканечнікі папругі) [1, с. 300–303].

У другой палове II–IV ст. групы вельбарскіх пасяленцаў у Турава-Пінскім Палессі ўтваралі культурнае адзінства з насельніцтвам заходняй Валыні і носьбітамі вельбарскай культуры, якія жылі на правабярэжжы сярэдняй Віслы ў Мазовіі і Падляшшы. У канцы IV ст. у сувязі з нашэсцем гунаў, зруйнаваўшых протадыржаўныя сацыяльна-палітычныя ўтварэнні готаў у Паўночным Прычарнамор’і, помнікі вельбарскай культуры, якіх налічваецца больш за дваццаць у Беларусі, як і на большай частцы арэала гэтай культуры, спыняюць існаванне [2, с. 156]. Аднак сляды вельбарскага насельніцтва захаваліся не толькі ў выглядзе археалагічных помнікаў, але і ў назве этнасу на беларускай зямлі. Так, жыхары Панёмання, размешчанага паўночнай брэсцка-пінскага Палесся, берасцейцаў-пінчукоў, валынян і значную частку палешукоў называлі этнонімам *гідуны*, які бытаваў і сярод мясцовага насельніцтва разглядаемага рэгіёна [7, с. 43–44; 8]. На думку даследчыкаў, першапачатковае літоўскае *гуды* таксама адпавядае сярэднявечнаму этноніму *готы*, які выцякае ад лацінскага *Gothi*. Сябе ж яны называлі эндэтнонімам *Gutans*, *Gutos*, ад якога, напэўна, паходзіць этнонім *гуды*. Для старажытных жа балцкіх плямёнаў готы былі паўднёвамі суседзямі. Таму падобна на тое, што літоўцы паўторна перанеслі назву готаў на іншыя плямёны з поўдня – славян [9, с. 268–269]. Старажытныя гуды пакінулі сляды ў назвах многіх пасяленняў, якія сустракаюцца галоўным чынам ў басейне верхняга Нёмана і яго правых прытокаў. Да апошняга часу захаваліся шматлікія назвы населеных пунктаў з корнем *гуд*: *Гуды* ў Лідскім і Валожынскім раёнах, *Гудзені* ў Воранаўскім і Стаўбцоўскім раёнах *Гудагай*, *Гудовічы*, *Гудалішкі* ў Астравецкім і другіх раёнах. У беларускай мове захавалася шмат запазычванняў з готскай мовы, найперш звязаных з хатняй гаспадаркай: *hlevu* ‘хлеў’, *hlebu* ‘хлеб’, *bljuo* ‘блюда’, *kotilu* ‘медны кацялок’. Сустракаюцца эканамічныя тэрміны: *dulgu* ‘доўг’, *lihva* ‘прыбытак’ і асобныя ваенныя тэрміны: *meci* ‘меч’, *helm* ‘шлем’ [10, с. 267–268].

Такім чынам, вельбарская культура, галоўную ролю ў фарміраванні якой адыгралі готы, існавала на тэрыторыі паўднёва-заходняй Беларусі ў апошняй чвэрці II–IV ст. Сляды вельбарскага насельніцтва захаваліся ў этнаніміі і тапаніміцы Заходняй Беларусі, а таксама яе матэрыяльнай культуры згаданага часу.

У беларускай мове атрымалі распаўсюджванне самыя раннія запазычванні германізмаў з готскай мовы. Іх этымалогія дазваляе глыбей зразумець гісторыю і накірунку германа-беларускіх этнакультурных кантактаў ранняга часу.

ЛІТАРАТУРА

1. *Вяргей, В. С.* Помнікі вельбарскай культуры / В. С. Вяргей // Археалогія Беларусі : у 4 т. / А. А. Егарэйчанка [і інш.] ; пад. ред. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. – Мінск, 1999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – С. 298–317.

2. *Беявец, В. Г.* Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння / В. Г. Беявец // Гісторыка-археалагічны зборнік / гал. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2008. – Вып. 22. – С. 154–156.

3. *Беявец, В. Г.* К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси / В. Г. Беявец // Nowe materiały i interpretacje : stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej / Muzeum Archeol. w Gdańsku ; pod. red. M. Fudzińskiego, H. Panera. – Gdańsk, 2007 – S. 293–344.

4. *Беявец, В. Г.* Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжу II/III – пачатку V ст. / В. Г. Беявец // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период : к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя : в 2 кн. / О. Н. Левко [и др.] ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Беявец. – Минск, 2016. – Кн. 1. – С. 384–450

5. *Русанова, И. П.* Вельбарская культура / И. П. Русанова // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. : сб. науч. ст. под ред. Б. А. Рыбакова. – М., 1993. – С. 183–191.

6. *Вяргей, В. С.* Усходнія германцы на Беларусі ў 2-ой чвэрці I тысячагоддзя н.э. / В. С. Вяргей // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава : зб. навук. арт. / пад рэд. М. П. Касцюка ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 1997. – С. 7–10.

7. *Клімчук, Ф.* Заходнепалескі этнонім гідуны / Ф. Клімчук // Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязей I тыс. н.э. : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 9–10 каст. 1996 г. ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі / рэдкал.: М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 43–45.

8. *Клімчук, Ф.* Этническая структура населения Брестской области (к вопросу о «скрытых» этносах) [Электронны рэсурс] / Ф. Клімчук. – Рэжым доступу : <http://brama.brest.by/nomer12-13/artic03.shtm>. – Дата доступу : 24.04.2020.

9. *Дзярновіч, А.* «Гуды» як гістарычны назой беларусаў па літоўску: «готы» ці варвары / А. Дзярновіч // Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя стэрэатыпы і палітычныя канструкты : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Варшава, 9–10 снеж. 2011 г. – Варшава, 2013. – С. 267–273.

10. *Тугай, В. В.* Гуды в истории Беларуси / В. В. Тугай, С. П. Кубека // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 14 крас. 2017 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2018. – Вып. 16. – С. 267–272.

И. Р. Чикалова

«БЕЗ ЧЕСТИ, БЛАГОРОДСТВА И СЕРДЦА»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРМАНИИ И НЕМЦЕВ В РОССИИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вплоть до развязывания боевых действий в ходе Первой мировой войны в России были достаточно сильны германофильские настроения. Это вполне объяснимо с учетом многовековых немецко-российских военных, экономических и культурных связей и наличия прочно обосновавшейся в России многочисленной немецкой диаспоры. В верхнем эшелоне государственной иерархии сказывались семейные отношения членов царствующих домов России и Германии. Если верить свидетельству статс-секретаря германского морского министерства Германии гроссадмиралу Альфреду фон Тирпицу, «сам Николай II был настроен в пользу Германии». И еще: «Николай II, который в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: “Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией”, в 1914 году также не желал войны с нами» [1, с. 196, 199]. Выходцы из Германии дворянского происхождения охотно принимались на государственную службу. Этническими немцами, уже родившимися в России и за поколения обрусевшими, были многие российские государственные деятели: премьер-министры М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, министры Е. Ф. Канкрин, М. Ф. Рейтерн, Н. К. Гирс, В. Н. Ламсдорф, Г. П. Ольденбургский, А. Вюртембергский, К. Ф. Толь, Н. К. Шауфус, Э. Б. Кригер-Войновский, Б. Х. Миних, П. И. Меллер-Знакомельский, А. Ф. Редигер, А. В. Моллер, Ф. П. Врангель, В. К. Плеве. III Отделением ведал Л. В. Дубельт, позже – А. Р. фон Дрентельн. Число же генералов и чиновников с немецкими родовыми корнями поистине неисчислимо. В российской армии в 1914 г. доля генералов немецкого происхождения составляла более 20 %. В Императорской академии наук в 1914 г. из 862 сотрудников 162, или 18,7 %, имели немецкие фамилии [2].

Подчас складывались целые сообщества, объединяемые национальными корнями. В. В. Брусилов, в будущем выдающийся русский генерал, в 1911 г. получил назначение в Варшаву. Здесь на него произвела «странное впечатление» варшавская высшая администрация: «везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор – ее родственник, барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессен, управляющий

контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привисленской железной дороги Гескет и т.д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом: “Брусиллов”. Зато после меня получил это место барон Рауш фон Траубенберг». Сам генерал-губернатор Привисленского края и одновременно командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Скалон «немец до мозга костей. Соответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, она должна командовать Россией». Брусиллов заключает: «Я знаю хорошо, что многие из этих людей с немецкими фамилиями были искренними русскими патриотами и честными людьми, но видимость этого подбора смущала многих» [3, с. 46–47].

Не только высший слой общества, в целом немецкая диаспора, представляла значительный слой населения в стране (с началом войны «немецкое засилие в России» станет мишенью для ура-патриотов). Этот фактор создавал психологически благоприятную почву для российско-германских контактов. Германию высоко ценили за высокий уровень науки и образования, доступного и для иностранцев, в том числе и русских. Множество состоятельных людей предпочитало отдыхать на немецких курортах. В среде российских интеллектуалов образ немца ассоциировался с образом носителя высоких идеалов культуры. Было достаточно и других, подчас еще более существенных, оснований военного, политического, экономического и культурного характера, чтобы стремиться к достижению союза с Германией. В их числе свое место занимал и опыт сравнительно недавних вполне благоприятных межгосударственных отношений.

В области политики традиционалисты выступали за союз с Германией и развивали идею континентального блока. Эта позиция была изложена лидером группы правых в Государственном совете П. Н. Дурново в записке императору Николаю II, поданной ему в феврале 1914 года. Будущее для страны он видел в тесном сближении с Германией, жизненные интересы с которой у России нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств, примиренной с Германией Францией и связанной с Россией оборонительным союзом Японией [4, с. 199]. «Записка Дурново» не вызвала практической реакции вечно колеблющегося императора, была оставлена без ответа и отправлена в канцелярию. Тогда взгляды Дурново и его единомышленников разделяли далеко не все.

Германское стремление к мировому господству, проводившаяся в его русле политика «Drang nach Osten» вызывали стойкие опасения. Да и многие авторитетные современники личными наблюдениями могли подтвердить агрессивный характер германской идеологии. Летом 1914 г., незадолго до начала войны, генерал А. А. Брусиллов находился на отдыхе в немецком курортном городе Киссингене, где стал свидетелем праздника в местном парке: «Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками,

была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших “Боже, царя храни” и “Коль славен”, мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпалась со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церковей накренились и валялись наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского “1812 год”. Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церковей под грохот фейерверка загремела немецкий национальный гимн... Впечатление было сильное. “Но чья возьмет”? – подумалось мне» [3, с. 50–51].

С приближением большой войны развернулась настоящая русско-германская «газетная война». Начало ей положила немецкая сторона. 2 марта 1914 г. официоз немецкого внешнеполитического ведомства «Кёльнская газета» («Kölnische Zeitung») поместила статью «Россия и Германия», предупреждавшую немецкое общество о нависшей над ним опасности. Россия, отмечалось в статье, планирует совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 года. К этому времени «Большая программа» перевооружения русской армии, разработанная под руководством военного министра В. А. Сухоминова, будет выполнена, и русско-французский тандем получит существенное преимущество над Тройственным союзом. Единственный выход для немцев «Кёльнская газета» видела в превентивной войне против России и Франции, еще не готовых полностью к военному столкновению. Эту идею сразу подхватили многие немецкие и австрийские издания, начавшие информационную войну против России [5, с. 104–105].

Российская пресса ответила антигерманскими публикациями. Рупор партии конституционных демократов газета «Речь» заявила, что немецкие газетные выступления обусловлены противодействием России немецким планам захвата Малой Азии. Самая массовая в России газета «Русское слово», популярная со множеством читателей газета «Новое время», орган торгово-промышленных кругов «Утро России», газета партии октябристов «Голос Москвы» расценили немецкие угрозы как предостережение России от попыток изменения выгодного для Германии торгового соглашения 1904 г., устанавливавшего высокие торговые пошлины на импорт из России зерна и масла, но не защищавшего российскую промышленность от германских экспортеров. Ряд газет прямо предупреждал об угрозе перерастания конфликта в войну. «Голос Москвы» считал выступления немецких газет попыткой запугать Россию перспективой войны в случае отказа от условий будущего торгового договора, а «Новое время» предупреждало: война с Германией и Австрией может начаться в любое время, единственный выход – быть готовой к ней (см. подробнее [5]).

Не остались в стороне и официальные лица. «Биржевые ведомости» 12 марта 1914 г. опубликовали статью без указания автора под красноречивым названием «Россия хочет мира, но готова к войне». Статья отмечала, что «Россия... не думает о войне, но готова ко всяким случайностям», в статье подчеркивалось, что военное министерство отказалось от оборонительной тактики: «идея обороны отложена, и русская армия будет активной». И в заключение следовало недвусмысленное предостережение: «Если хочешь мира – готовься к войне... Россия, в полном согласии со своим Верховным вождем, хочет мира, но она готова!» [6]. Подозревали, что статью инспирировал военный министр В. А. Сухомлинов с санкции Николая II. Сам Сухомлинов в мемуарах не отрицал свою причастность к появлению статьи [7, с. 298–299]. Статью из «Биржевых ведомостей» приветствовали многие российские газеты.

Считая дальнейшее нагнетание напряженности несвоевременным, ведомства иностранных дел обоих государств приняли меры к прекращению полемики, но «газетная война» марта 1914 г. способствовала нарастанию в общественном настроении (это относится как к Германии, так и к России) взаимных антипатий и психологически подготавливала массы к восприятию предстоящее объявление войны с позиций национального патриотизма.

1 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег телеграфировал послу в Петербурге: известите, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией. В тот же день посол в Санкт-Петербурге Фридрих Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту об объявлении Германией войны России. Великая война началась. Так, например, писал ректор Санкт-Петербургского университета, профессор Э. Д. Гримм: «Правительства давно чуюли неизбежность войны, дипломатия вела свою шахматную игру, генеральные штабы составляли планы мобилизаций и кампаний, и вся эта работа была совершенно необходима. <...> Но то, что придает этой войне ее истинный, грозный характер, то, что должно быть прежде всего учтено, если кто-либо желает понять значение совершающегося, это именно то, что сражающиеся народы сделали эту войну своей, признали ее “настоящей” и вносят в нее всю доступную каждому из них сумму напряжения духовной и материальной энергии. Когда она началась, одни отнеслись к ней как к празднику своей силы, другие как к неустранимому испытанию, но все сразу поняли, что решаться тут будет не вопрос самолюбия и не вопрос о приобретении или утрате стольких-то квадратных миль территории, а вопрос национально-государственного существования, вопрос о всем будущем данной национальной жизни и всей европейской культуры» [8, с. 1].

На фоне раскручивавшейся спирали войны многие публицисты, общественные и политические деятели, ученые испытывали что-то наподобие почти радостной эйфории. Как писал в 1914 г. депутат I Государственной Думы,

профессор Московского университета С. А. Котляревский, «мы переживаем великий перелом – и не только в той сфере, в которой непосредственно проходит война. Создаются новые отношения между государствами и между народами, закладываются новые основания для устройства этих государств, новые пути развития этих народов, но кроме всего этого, меняется та духовная атмосфера, в которой жило и с которой свыклось современное человечество» [9, с. I]. Многие публицисты, общественные и политические деятели, ученые надеялись, что с окончанием войны «человечество вступит в новую эру, а международная жизнь в корне преобразится» [10, с. 11].

Разворачивавшиеся военные события имели своим откликом появление множества публикаций, большей частью популярного характера, направленных на формирование соответствующего имиджа участников конфликта: «Он наш соратник, сподвижник, мы связаны с ним узами крови», – писал К. И. Чуковский на страницах «Нивы» об английском солдате [11, с. 318]. И наоборот, в отношении Германии и немцев. Начало было положено вбросом идеи о несовместимости «гуманистического» мировоззрения союзников и идеологии «германизма». 15 октября 1914 г. французский философ Эмиль Бутру опубликовал в парижском журнале «Revue des deux Mondes» письмо под названием «Германия и война». Оно сразу же было переведено и издано отдельной брошюрой на русском языке. Представляя брошюру, издатель писал: «Бутру противопоставляет мировоззрение латинских народов, мировоззрение гуманистическое и христианское, мировоззрению, господствующему ныне в Германии, в основе которого лежит апофеоз эгоизма и германизма» [12; 13].

Противопоставление «германизма» врагов и «гуманизма» союзников стало рефреном множества вышедших в России публикаций. Это были отдельные издания и серии брошюр «для народа», – например, цикл «Война и культура», издававшийся Исторической комиссией Общества распространения технических знаний. Ее редакторами были историки А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета. Одна из брошюр, «Немецкая культура и война», была написана А. К. Дживелеговым [14]. В ней он попытался ответить на поставленные им самим вопросы: «Почему исчез без остатка старый германский рыцарский дух и появилось злое коварство? Почему высокая культурность оказалась маской, из-под которой глядит теперь на всех, оскалая зубы, чуть не первобытное варварство?.. Почему вспыхнувший было перед войной в рабочем классе порыв благородного идеализма погас так легко, и волны милитаристической горячки покатались из конца в конец по родине Канта, апостола вечного мира?» [14, с. 1–2]. Ответы на эти вопросы Дживелегов ищет в истории Германии. Начиная с объединения в 1870 г., Германия, считает автор, превратилась в Великую Пруссию и сохранила в имперской конституции стиль военного государства – нигде милитаризм не был так тесно связан с самим духом государственности, как в Германии. Был преобразован сам дух бюргерства. «Ему, наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную

силу: он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем: он проникся высокомерием. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через побежденную страну: он проникся верою в немецкий гений и в звезду Германии. Его, готовившегося наслаждаться миром, напугали идеей реванша и перспективой потери всех завоеванных благ: он сделался жесток» [14, с. 58]. Эти качества, заключает Дживелегов, сделались национальными, немец «возомнил себя царем мира».

В потоке публицистических (и не только) разоблачений немецкого коварства прочно обосновалась тема немецкого засиления в России, потенциального внутреннего предательства со стороны немецкой диаспоры и существования развернутой системы германского шпионажа. Тон ей задавал издатель массовой консервативной газеты «Новое время» Б. Суворин. В течение первых месяцев войны его газета ежедневно помещала в среднем по две статьи о немцах, проживающих на территории империи. Как пишет в своей работе Э. Лор, «это был буквально поток публикаций, обвинявших немецкое меньшинство в шпионаже, расселении согласно заранее составленному германскому колонизационному плану, захвате всех значительных постов в экономике, угнетении русских рабочих и открытых симпатиях к врагу» [15, с. 37].

«Защищать родину внутри страны», избавиться от «немецкого засиления в России», потому что «практически немцы приносят нам огромный вред, как активные германские пособники и как шпионы, при чем такими шпионами являются не отдельные, небольшие единицы, а почти поголовно все немецкое население» поставило задачей Общество 1914 года [16, с. 2]. Оно развернуло активную пропагандистскую и практическую деятельность. «Мирное завоевание России немцами» – с таким докладом, сразу же опубликованным отдельной брошюрой, выступил на чрезвычайном общем собрании членов Общества 13 марта 1915 г. И. И. Сергеев [17]. В нем он утверждал, что к началу войны около 70 прибалтийских немцев с дворянскими титулами и российским подданством состояли на военной службе в Германии [17, с. 59–60]. «Золото Рейна» – в брошюре с таким названием сотрудник «Нового времени» А. М. Селитренников (псевдоним Андрей Ренников) на примере немцев-колонистов юго-запада России аккуратно подводил читателя к мысли, что все они являются агентами Германии [18]. С откровенно националистических позиций выражал надежду на конец немецкого влияния в России профессор Варшавского университета В. В. Есипов: «Пришел уже конец засилению немцев в России. <...> Справилась Россия с алкогольным дурманом, справится и с дурманом немецким» [19, с. 7]. Отказаться от иноземного влияния во всем, переименовать немецкие названия городов, очистить речь от немецких слов – предлагает В. В. Есипов на страницах первого выпуска сборника материалов, посвященных вопросу борьбы с так называемой внутренней Германией. У сборника было весьма говорящее название – «Немецкое зло» [20].

Риторика националистов совпадала, будь-то профессура (не все же были интеллигентными кадетами), будь-то представители генералитета. Бывший ректор Варшавского университета П. И. Ковалевский с «профессиональной» точки зрения психиатра ставил диагноз немецкой нации, «скотские чувства» которой «ныне даже усилились»: «чрезмерная жратва и широкое пьянство создали современного немца, тупого хищника, лжеца и бесстыдного», «поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, и при том варваром низшего сорта, без чести, правды и порядочности», «порядочность для них – дело условное» [21, с. 6, 9, 14]. В состоянии антигерманской истерии, с чисто военной прямолинейностью генерал-майор Н. Поливанов утверждал: «Современный немец, где бы он ни проживал, – к Востоку или Западу от нашей границы, в одинаковой степени нравственный выродок, дегенерат, физическое существо без моральной подкладки, без чести, благородства и сердца» [16, с. 8]. Поэтому доверять никому нельзя. Так, Н. Поливанов пишет: «Германский шпионаж является всепоглощающей организацией еще мирного времени, во главе которой стоят посольства и все консулы. Взглянув на карту немецкого расселения за последние 45 лет, мы прежде всего увидим, что немцы селятся по известному, строго разработанному военному плану: они окружили вражескими кольцами все наши крепости, заняли важнейшие переправы, усеяли колониями все главнейшие стратегические направления. Уже один только характер расселения сам по себе исключает всякую возможность считать колонистов лояльными, не говоря о вопиющих фактах» [Там же, с. 2–3].

Факт всепроникающего германского шпионажа подкреплялся утверждениями и фактами, приведенными в достаточно большом по объему исследовании «Немецкое шпионство», которое не оставляло места сомнениям о существовании разветвленной немецкой шпионской сети [22]. На 336 страницах книги, составленной помощником военного прокурора А. С. Резановым, демонстрируются задачи, идеология (пангерманизм), цели, масштабы, организационные формы и методы немецкого шпионства в разных странах, в том числе и в ходе уже развернувшейся войны. Автор приводит множество интересных деталей, в том числе по использованию мирного населения в шпионской деятельности, формированию кадров шпионов из людей разного социального положения, роль в этом деле немцев-колонистов в России, особенно в прибалтийском крае. В ряде случаев он ссылается на переведенную на русский язык книгу о немецком шпионстве во Франции П. Лянуара, который, по словам переводчика, «настолько углубил и расширил исследование вопроса, что читателю представляется совершенно отчетливая картина всей системы германского шпионства» [23, с. V].

Резанов не оставляет сомнений у читателя о том, что немецкое шпионство и накануне войны «преследовало значительно более широкие цели, выполняя задачи, поставленные не только германским генеральным штабом, но также и министерством иностранных дел. Вся внешняя политика немцев была основана на работе их шпионов, почему, исследуя эту область немецкой деятельности, порою бывает невозможно провести резкую черту между

работой немецких политиков и немецких шпионов» [22, с. 61]. «К сожалению, кодекс немецкой морали для многих стал понятен только после того, как разразившаяся война сорвала фиговый листок со всех немецких действий. Правила международной чести немецкие политические и военные деятели считали глупыми предрассудками, удобными лишь для того, чтобы служить маской немецкой официальной подлости» [Там же, с. 62]. Откуда же берется подобное пренебрежение нормами морали, задается вопросом Резанов. И сам на него отвечает: «Политики, ученые, публицисты, – одним словом, весь лагерь обнаглевших немцев, т.е. добрых $\frac{3}{4}$ современной Германии, считали, скажем недавними словами редактора “Zukunft’a” Гардена, что немцы – сверхнация, призванная господствовать над всем миром» [Там же, с. 62–63].

Уже начало войны показало, что немецко-австрийские войска не намерены придерживаться общепризнанных норм морали в отношении мирных граждан захваченных территорий, оберегать очаги и памятники мировой культуры, попавшие в зону военных действий. Вторгнувшись в Бельгию германские солдаты 25–27 августа 1914 г. подожгли и превратили в пепел университетский город Лёвен и его знаменитую богатейшую библиотеку, а затем, уже на территории Франции, 20 сентября обстреляли из артиллерии Реймский собор – выдающийся памятник архитектуры и место коронации практически всех французских монархов. Возмущение и осуждение вызывали не только варварские методы ведения войны, но и согласие с ними в Германии. Даже немецкие ученые, в обращении «К культурному миру», подписанном 93 интеллектуалами, пытались защитить милитаризм и обосновать правомерность агрессии: это неправда, что Германия виновница войны, «неправда, будто наши войска безжалостно обрушились на гор. Лёвен», «неправда, будто война ведется нами с нарушением требований международного права» [24]. Мир эти оправдания не принял, расценив германских милитаристов как «современных тевтонов с новейшей техникой», «варваров XX века». Поднялся поток возмущений и протестов российских ученых не только в отношении методов германской армии, но в связи позицией немецких интеллектуалов [25, с. 3–5].

С первых дней войны прессу заполнил поток сообщений о недопустимом в цивилизованном государстве отношении к русским, которых война застала в Германии. В Германии работало много сезонных рабочих. Их было много: в 1910 г. в Германии проживало 137 697 русских подданных [26, с. 54]. К началу войны их, видимо, было больше, но сколько точно, трудно сказать. Газеты писали, что с началом войны в Германии задержали около 45 тыс. сельскохозяйственных рабочих из России [27, с. 14]. Говорили и о нескольких сотнях тысяч русских, оказавшихся на германской территории к моменту объявления войны [28, с. 8]. Они были интернированы.

Кроме того, в различных городах Германии, в том числе Берлине, оказалось множество русских, приехавших в Германию по делам предпринимательства, на учебу, отдых и курортное лечение [29; 30; 31]. Эти люди

относились к российской политической, военной, научной и культурной элите. В Германии накануне войны оказались многие видные сановники, генералы, профессора, адвокаты. Наиболее информированные вовремя уехали. Те, кто недооценил опасность и не успел, уже на третий день войны были задержаны и под контролем властей высланы из страны. Но случилось это не скоро, а путь домой оказался полон унижений и издевательств. К тому же многие мужчины призывного возраста вообще были интернированы и оставались в Германии до конца войны.

В российских газетных заметках и обличительных брошюрах приводились рассказы очевидцев о злключениях интернированных представителей разных социальных слоев и профессиональных групп, в том числе деятелей науки и культуры. Составитель одной из них, М. А. Берг, в брошюре «Варварства германцев», ставшей доступной для читателей уже 8 августа 1914 г., привел свидетельства о злключениях русских, вынужденных на территории Германии претерпевать издевательства и насилия, а подчас и быть жертвами убийств, совершенных не только обывателями, но даже солдатами и офицерами [32]. Эта публикация не была единственной. В том же году на материалах прессы того времени А. С. Резанов выпустил сборник «Немецкие зверства» [33; 34]; тогда же на основе газетных материалов вышла «Черная книга немецких зверств» [35]. Эмоциональное изложение событий, характерное для этих публикаций, не может быть основанием для игнорирования содержащейся в них информации, помещаемые в газетных публикациях и брошюрах факты сообщались очевидцами, а их было так много, что исключается сама мысль о возможной фальсификации. Тем более, что вышли не только брошюры с пересказом свидетельств очевидцев, но и книги, содержащие собственноручно написанные показания участников событий.

Среди них выделяется сборник «В немецком плену» – свидетельства виднейших деятелей науки, культуры, государственных служащих, людей, не обремененных высокими званиями [36]. Чтобы составить представление о книге, приведем два фрагмента из нее. Профессор Московского университета И. М. Гольдштейн был задержан при попытке уехать из Германии и почти два месяца провел в плену в Ростке: «Нас поместили в комнате размером 6×9 аршин. Здесь спали на соломе вповалку 38 человек. Спали вместе мужчины, женщины, дети, здоровые и больные. Все было грязно и отвратительно. Жалобы имели своим единственным последствием грубую ругань. При этом немцы неизменно добавляли: – Русские свиньи привыкли к грязи у себя дома. Эти свиньи были: русские врачи, профессора, сановники в чине тайного советника и т.д. <...> Больше всего меня возмущали издевательства немцев, которые развлекались тем, что на глазах толпы русских делали театральные приготовления к расстрелу. Раздавали солдатам боевые патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катафалки и т.п. Конечно, с дамами делались

истерики, да и мужчины чувствовали себя не очень хорошо» [36, с. 62–63]. Посол России в Германии С. Н. Свербеев свидетельствует: «Я ехал впереди на автомобиле американского посла. Меня толпа не задела. Раздавались лишь враждебные возгласы. Но пассажиры следующих автомобилей были жестоко избиты толпой. Хотя Берлин официально опроверг факт избиения чинов русского посольства, но это было в действительности. Толпа избивала палками не только мужчин, но и дам. Серьезнее других пострадал г. Храповицкий – его избивали в кровь. В толпе, избивавшей русских, была не только берлинская чернь – преобладали интеллигенты... В пути нам не было предоставлено никаких удобств, и нам отказывали даже в стакане воды» [Там же, с. 79].

Подобными фактами изобилуют и воспоминания других участников эвакуации из Германии. Н. П. Карабчевский, выдающийся адвокат, председатель Петербургского совета присяжных поверенных, описал свои личные впечатления о вынужденном пребывании в стране, с началом войны ставшей враждебной [28]. Его первым шоком стало внезапное осознание краха казалось бы незыблемой формулы: право выше силы. «Пока многие годы мы дивились показной германской культуре, пока систематически заполняли все его курорты и самые нехитрые неудобные закоулки, немцы аккуратно, настойчиво, с лакейской обстоятельностью грабили нас на многие миллионы... На своих “курортных гостей” немцы так и смотрели: варвары ежегодно несут установленную дань германской культуре» [28, с. 8]. С началом войны все изменилось: «курортные гости» превратились в «цивильных пленных». Соответственно стало иным и отношение к русским: из предупредительного до угодничества моментально трансформировалось в оскорбительное, унижающее человеческое достоинство, сопровождаемое психическим и физическим насилием, необоснованными обвинениями в шпионаже и арестами. Собственно, об этом вся книга.

Если злоключения выезжавших из воюющей Германии ограничивались «всего лишь» унижением, издевательствами и побоями, то судьба населения оккупированных немецкой армией территорий была трагичной. Буковинский, президент г. Калиша, центра Калишской губернии Царства Польского, рассказал о гибели возглавлявшегося им города и его жителей. Тотчас после захвата города последовал приказ: «доставить для 820 человек продовольствие, состоящее из кофе, мяса и хлеба». Это было только начало: «На следующий день немцами была конфискована городская касса, из которой забрали около 30-ти тыс. наличными». Город пережил бы грабеж, но под предлогом защиты от какой-то неизвестной колонны «в течение 15-ти минут весь немецкий отряд выступил на улицы в полной боевой готовности, и спустя несколько минут раздались выстрелы из ружей и пулеметов. Стрельба с минуты на минуту усиливалась, и, как оказалось, жертвами этой стрельбы пали до 400 невинных жителей города». Затем «все имущество, все продукты, мебель, платья – все, что представляло какую-нибудь ценность, было вывезено немцами

на фурах, принудительно доставляемых окрестными помещиками и крестьянами в Германию. Ограбленные же дома впоследствии были сожжены». И общий вывод главы города: «Число погибших невинных жителей трудно определить, так как сотни убитых сами пруссаки закапывали без малейшего содействия и без присутствия кого-либо из местных жителей. Но число это можно определить не менее как в 4000 жертв. Убивали целые семьи, не щадили ни маленьких детей, ни женщин. В одном лишь доме Щетинского перебили больше 40 людей» [36, с. 118, 122, 124].

Названные и другие подобные им публикации оперативно развенчивали германофильство. Такую же роль играли публикации, основанные на личном опыте пребывания в плену. Военный врач М. П. Базилевич собрал и письменными показаниями очевидцев закрепил бесчисленные случаи нарушения международных норм содержания военнопленных. Лично пережитое в лагере и показания еще 110 военных врачей, оказавшихся в таком же положении, и составили содержание книги о жизни русских солдат и офицеров в плену. Базилевич пишет: *«То, что мы увидели, то, что нам пришлось переживать, свидетелями каких страданий и унижений человеческого достоинства нам пришлось быть в долгие годы плена, живя в различных солдатских лагерях и рабочих командах, рассеянных по всей Германии, превосходило не только всякую смелую, но просто большую фантазию»*. И далее следуют более 200 страниц показаний, лично написанных военнопленными. В них свидетельства ужасающих условий содержания, следствием чего стала массовая гибель от голода, эпидемий, истязаний и непосильного труда. По подсчетам Базилевича в лагерях число умерших «уже теперь нужно исчислять не менее как в 400 000 человек» [37, с. 3–4]. Надо сказать, опубликованные по горячим следам рассказы военнопленных многочисленны [38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46], и все они отличаются лишь местом действия, но ни один не свидетельствует о цивилизованном отношении в лагерях к солдатам и офицерам русской армии. Собственно, таким же оно было и по отношению к гражданским лицам, имевшим несчастье попасть в жернова германской или австрийской административной или правовой системы.

Общественности быстро становилось известно о преступлениях германских войск на оккупированных территориях. К сбору информации о них и обнародованию ее подключились правительственные учреждения России и Франции. В обеих странах были созданы комиссии для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны войсками противника. Документы французской комиссии, расследовавшей преступления германской армии на территории занятых департаментов Франции, были переведены на русский язык и опубликованы в 1915 году [47; 48]. То, что нашли местные жители после ухода немецких войск, отброшенных на сотню километров после битвы на Марне, «представляло собой картину такого опустошения и носило следы таких зверств, подобно коим нельзя найти на протяжении

всей современной истории; когда же к этим немым свидетелям присоединились голоса пришедших в себя невольных очевидцев всего здесь происходившего под гнетом “культурных” германцев, то из всего этого получилась такая, поистине ужасающая картина, которой до сих пор не могло, отказывалось допустить самое смелое, даже самое разнузданное воображение» [47, с. 5].

Российская Чрезвычайная следственная комиссия, состав которой назначался императором, выпустила два тома документов о преступлениях немецких, австрийских, турецких и болгарских войск на оккупированных территориях, совершенных в апреле – декабре 1915 года [49]. К ним добавился еще один сборник показаний, выпущенный в 1917 году [50]. Свидетели рассказывали о грабежах, о принудительном труде, об изощренных наказаниях, о травле собаками и расстрелах, об особо жестоком обращении с казаками. Среди документов встречаем и такой: «В последних числах декабря 1915 г. партия, находившихся в г. Вильно русских пленных солдат, численностью до 300 человек, была отправлена к железнодорожной станции на р. Вилейке для разборки железнодорожного моста, взорванного русскими при отступлении. По прибытии на место работ оказалось, что под уцелевшей частью моста заложена невзорвавшаяся мина. В виду очевидной опасности от могущего ежеминутно произойти взрыва, пленные отказались приступить к работе. По распоряжению коменданта гор. Вильно всех пленных заперли тогда в станционный пакгауз, и последний был подожжен, причем пленным было объявлено, что они будут выпущены из горящего здания лишь тогда, когда выразят согласие подчиниться распоряжению и станут на работу. <...> Видя неминуемую гибель, пленные вынуждены были сдаться и выразили согласие приступить к опасной работе. ...произошла давка, и около 50 человек, не успевших выскочить из объятых пламенем пакгауза, погибли, а около пятнадцати человек получили более или менее опасные ожоги. Погибшие были тут же наскоро преданы земле, а спасшиеся на следующий день приступили к разборке моста. Во время работ действительно произошел взрыв и пятнадцать русских воинов увеличило собою общее число жертв германского варварства» [Там же, т. 1, с. 22–23].

Благодаря действиям самих немецких солдат на занятых территориях состоялась окончательная трансформация образа Германии и немцев в *варвара XX века*. Столь драматическое перевоплощение культурных немцев заставило подключиться к оценкам поступков Вильгельма II и его подданных даже знаменитого психиатра, академика В.М. Бехтерева. Он выпустил в 1916 г. популярную брошюру «Вильгельм – дегенерат нероновокого типа» [51]. По Бехтереву, Вильгельм II «представляет собой личность не совсем обычную, и при том личность, которую вполне нормальной с строго научной точки зрения признать было бы трудно» [Там же, с. 10]. Он хвастлив (в мире нет вопросов, которые решались бы без воли германского императора; где раз немецкий орел захватил владение и запустил свои когти в землю, там земля становится немецкой и немецкой останется), склонен ко лжи (на немцев

напали), цинизму и жестокости (пощады не давать, пленных не брать, поражать врагов среди своего же народа – и тогда стрелять в собственные семьи). «Нужно ли еще, – заключает Бехтерев, – новых доказательств тому, что Вильгельм не только сторонник самых суровых мер, но и является представителем ярого деспотизма и жестокосердия?» [51, с. 10–12]. Бехтерев характеризует императора как человека с признаками психического вырождения, и в этом отношении сравнивает его с римским императором Нероном, который отличался таким же психологическим типом, с пониженным чувством нравственного чувства. При этом утверждения о психической ненормальности императора неосновательны. Ни сам император не был сумасшедшим, ни германский народ не был подвержен массовому психозу, как об этом говорят. В его деятельности всего лишь в концентрированном виде проявилась идеология милитаризма, что в полной мере соответствовало последовательно выраженному в течение нескольких десятков лет стремлению к мировому господству [Там же, с. 7, 8–9]. Но это, замечает Бехтерев, – систематическая работа германского ума, а не проявления сумасшествия, поэтому он «не может подлежать освобождению от ответственности за свои поступки и действия ни перед современниками, ни перед историей, и вместе с теми слоями германского общества, которые его поддерживают, должен нести на себе всю тяжесть моральной ответственности, за все те бедствия, которые он причинил своей стране воюющим с ней народам» [Там же, с. 43].

К 1917 году в политической и интеллектуальной повестке страны произошли грандиозные перемены. Оставление армией после почти шестимесячного отступления огромной территории, большие потери, беженство и страдания мирных жителей привели к смене настроений в обществе и особенно в армии. На смену алчному, циничному немецкому варвару пришел другой немец – простой германский солдат, много месяцев сидевший напротив русского солдата в окопах, растянувшихся по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Крево – Барановичи – Пинск. Этот немец, хоть и враг, но также уставший от войны и мечтавший о возвращении домой. В таких условиях пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями уступил место другому призыву – закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, кто ее развязал. На смену врагу внешнему пришел враг внутренний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тирпиц, А.* Воспоминания / А. Тирпиц. – М. : Воениздат, 1957. – 656 с.
2. Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 год. Выпущена 20 марта 1914 года. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1914. – [3], IV, 245, [3] с.
3. *Брусилов, А. А.* Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. ; Л. : Гос. изд-во, Отдел воен. лит., 1929. – 249, [14] с.

4. *Дурново, П. Н.* Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича / П. Н. Дурново // Красная новь. – 1922. – № 6 (10). – С. 178–199.

5. *Котов, Б. С.* Образ врага накануне вооруженного конфликта: русско-германская «газетная война» марта 1914 года / Б. С. Котов // Предпосылки Первой мировой войны : сб. док. Междунар. конф. 9–11 июня 2013 г. – Вильнюс, 2013. – С. 104–115.

6. Биржевые ведомости. – 1914. – 12 марта (27 февр. по старому стилю).

7. *Сухомлинов, В.* Воспоминания / В. Сухомлинов. – Берлин : Рус. универсальное изд-во, 1924. – 438 с.

8. *Гримм, Э. Д.* Борьба народов / Э. Д. Гримм // Вопросы мировой войны : сб. ст. / под ред. М. И. Туган-Барановского. – Петроград : Кн. склад «Право», 1915. – С. 1–20.

9. *Котляревский, С. А.* Война // Вопросы философии и психологии. – 1914. – Кн. 124 (IV). – С. I–VII.

10. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / В. Б. Аксенов [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Петров. – М. : РОССПЭН, 2014. – 982 с., [28] л. ил.

11. *Чуковский, К.* Англичане / К. Чуковский // Нива. – 1915. – № 16–17. – С. 318.

12. *Бутру, Э.* Германия и война / Э. Бутру. – Петроград : Изд. С. Т., 1914. – 40 с.

13. *Бутру, Э.* Германия и война / Э. Бутру // «Немецкое зло» : сб. ст., посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1915–1917. – Вып. 2. – 1917. – С. 5–21.

14. *Дживелегов, А. К.* Немецкая культура и война / А. К. Дживелегов. – М. : Изд-во «Печать т-ва И. Н. Кушнеров», 1915. – 63 с.

15. *Лор, Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : НЛЮ, 2012. – 301 с.

16. *Поливанов, Н.* О немецком засилии / Н. Поливанов. – 2-е изд. Петроград : Книгоизд-во «Общество 1914 года», 1916. – [2], 10 с.

17. *Сергеев, И. И.* Мирное завоевание России немцами : доклад, прочитанный в чрезвычайном общем собрании членов «Общества 1914 года», 13 марта 1915 г. / И. И. Сергеев. – Петроград : книгоизд-во «Общество 1914 года», 1915. – 68 с.

18. *Ренников, А. (Селитренников А. М.).* Золото Рейна: О немцах в России / А. Ренников. – Петроград : Тип. Товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915. – [2], 395 с.

19. *Есипов, В. В.* Германцы. I. Жестокий народ. II. Жестокое право / В. В. Есипов. – Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1915. – [2], 48 с.

20. *Есипов, В. В.* Славяне и немцы / В. В. Есипов // «Немецкое зло» : сб. ст., посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». – М. : тип. А. И. Мамонтова, 1915–1917. – Вып. 1. – 1915. – С. 21.

21. *Ковалевский, П. И.* Немцы – психологический очерк / П. И. Ковалевский // Наши враги. Очерки / ред. П. И. Ковалевский, С. Г. Сыромятников, А. М. Михайлов. – Петроград, 1915. – Вып. 1. – С. 1–72.

22. Немецкое шпионство : кн. сост. по данным судеб. практики и др. источникам / А. С. Резанов. – Петроград : М. А. Суворин, 1915. – VIII, 336 с.

23. *Лянуар, П.* Немецкое шпионство во Франции / пер. с фр. Н. М. Лагова. – СПб. : Изд. В. Березовский, 1910. – VI, 174 с.

24. Воззвание 93-х представителей к цивилизованному миру // Оправдание представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России / изд. В. И. Адамович. – Петроград : типо-лит. С. К. Пентковского, 1915. – С. 6, 8.

25. *Ростовцев, Е. А.* Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – № 3. – С. 3–21.

26. Карманная энциклопедия войны 1914 года: 1. Статистический справочник. 2. Лексикон военного времени. 3. Географический словарь. 4. Атлас театров военных действий. – Петроград : Тип. Е. М. Брумберга, 1914. – 159 с., 6 л. карт.

27. *Милютин, В. П.* О влиянии войны на состояние рабочих сил в России / В. П. Милютин. – М. : Тип. О. Л. Сомовой, 1914. – [2], 28 с.

28. *Карабчевский, Н. П.* Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения / Н. П. Карабчевский. – Петроград, [1915]. – 129 с.

29. Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. – Вып. I. – 24 с.

30. Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. – Вып. II. – 104 с.

31. Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. – Вып. III. – 58 с.

32. Варварства германцев / сост. М. А. Берг. – СПб., 1914.

33. *Резанов, А. С.* Немецкие зверства : Кн. составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам / А. С. Резанов. – Петроград : М. А. Суворин, 1914. – XXIV, 220 с.

34. *Резанов, А. С.* Немецкие зверства : Кн. составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам / А. С. Резанов. – 2-е изд., доп. – Петроград : М. А. Суворин, 1915. – XXIV, 438 с.

35. Черная книга германских зверств / под ред. и со вступ. ст. М. В. Головинского. – СПб. : Орбита, 1914. – 56 с.

36. В немецком плену : рассказы / Рассказы проф. Н. Кареева, К. Станиславского, А. Дживелегова, проф. И. М. Гольдштейна, Н. Сперанского, К. Мазинга, бывшего посла в Берлине С. Н. Свербеева, президента гор. Калиша Буковинского и др. – М. : «Наши дни», 1915. – 184 с.

37. *Базилевич, М. П.* Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы : материалы, собранные М. П. Базилевичем в плену и среди 110 вернувшихся из плена русских врачей / М. П. Базилевич. – Петроград : Тип. т-ва Суворина «Новое время», 1917. – 208 с.

38. *Григорьев, С.* Два месяца в германском плену (впечатления, наблюдения, выводы) / С. Григорьев. – Одесса : Порядок, 1914. – 104 с.

39. *Курмояров, И.* Страшная повесть: Рассказы русских солдат, бежавших из недр германского плена / И. Курмояров. – Петроград : Грамотность, 1915. – 19 с.

40. *Сергиевский, Н. Н.* Записки пленника. Два с половиной месяца в плену у немцев / Н. Н. Сергиевский. – Петроград : Изд. журн. «Наша старина», 1915. – 116 с.

41. *Кривцов, А.* Жизнь русских воинов в плену / А. Кривцов. – 1916. – 20 с.

42. *Кривцов, А.* Истязания и убийства русских раненых воинов / А. Кривцов. – 1916. – 32 с.

43. *Навоев, П. Е.* Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии / П. Е. Навоев. – Петроград, 1915. – 47 с.

44. *Румша, К. Ю.* Пребывание в германском плену и геройский побег из плена / К. Ю. Румша. – Петроград : Скобелев. ком., 1916. – 107 с.

45. *Якушев, Д. П.* В плену у немцев: письма и рассказы русских военнопленных / Д. П. Якушев. – Петроград, 1916. – 38 с.

46. Наши воины в плену / Всерос. союз городов. Петрогр. обл. ком. Отд. о военнопленных. Комис. изучения быта и защиты прав. – Петроград : Синод. тип., 1917. – 41 с.

47. Организованные преступления германской армии / пер. с фр. Н. М. Лагова. – Петроград : В. А. Березовский, 1915. – 103 с.

48. Германские зверства : официальный отчет французской комиссии для обследования действий неприятеля, нарушающих постановления международного права / пер. с фр. с предисл. В. Саблера. – Петроград, 1915. – 25 с.

49. «Наши враги» : Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 года по 1 января 1916 года : в 2 т. – Петроград : Сенат. тип., 1916.

50. Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии: по доп. сведениям / Чрезвычайная следственная комиссия. – Петроград : Сенат. тип., 1917. – 49 с.

51. *Бехтерев, В. М.* Вильгельм – дегенерат неронового типа / В. М. Бехтерев. – М. : Наша жизнь, 1916. – 44 с.

Шиманская Н. А.

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКГБ–НКВД НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

В период оккупации территории Беларуси немецко-фашистскими войсками органами государственной безопасности велась большая работа по организации и осуществлению диверсий на промышленных объектах, линиях связи, транспортных коммуникациях с целью дезорганизации противника, что позволяло небольшими силами при минимальных потерях или вообще без потерь наносить существенный ущерб захватчикам.

В Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» указывалось на необходимость создания в тылу противника диверсионных групп для уничтожения коммуникаций противника [4, с. 123]. Организация этой работы Директивой НКГБ СССР № 168 от 1 июля 1941 г. поручалась подразделениям НКГБ–УНКГБ прифронтовой полосы [Там же, с. 136–137].

С первых дней войны на оккупированной территории Беларуси начали создаваться диверсионные резидентуры, для руководства которыми оставались оперативные сотрудники, имевшие достаточный опыт агентурной работы. Так, 16 июля 1941 г. УНКГБ по Гомельской области была создана резидентура «Электрик» для проведения диверсионной работы в городах Гомель, Новобелица и Добруш. В июле 1941 г. организована резидентура «Николаева» для проведения диверсионной работы на железнодорожном узле Осиповичи. В Мозыре в августе 1941 г. созданы резидентуры «Ефима Поликарповича» и «Макара Петровича» с задачей проведения диверсий в городе, на военных объектах и железной дороге. Резидентуры снабжались техническими средствами и взрывоматериалами [10, л. 19–22].

С целью подготовки квалифицированных кадров разведчиков и диверсантов для организации подрывной и разведывательной работы в тылу противника в июле 1941 г. НКГБ БССР были организованы специальные курсы, которые укомплектовывались работниками неоперативных отделов и милицейским составом. За время работы курсов было произведено два выпуска – в августе и сентябре 1941 г. – с общим количеством 378 человек [Там же, л. 27; 7, с. 7].

Для действия в тылу противника из оперативных сотрудников НКГБ БССР формировались оперативные группы, в задачу которых входило:

а) организация партизанских отрядов из партийно-советского актива, оставшегося на занятой противником территории и руководство их боевыми действиями;

б) уничтожение баз и складов немецкой армии;

в) выявление и уничтожение вражеской агентуры, предателей и изменников Родины, перешедших на службу к немцам;

г) ведение глубокой разведки в тылу противника [10, л. 12–13].

Перед отправкой на оккупированную гитлеровскими войсками территорию с личным составом спецгрупп проводились проверочные занятия на знание ими стрелкового и подрывного дела, а также тактики поведения в тылу противника. При этом внимание уделялось умению обращаться не только с советским, но и с немецким оружием и боеприпасами, особенностям минирования различных видов дорог (железной, мостовой, асфальтной и т.д.), способам маскировки заминированного участка, проведению диверсий при всевозможных условиях, разнообразными способами. Отрабатывались тактические приемы одиночных и групповых действий при различных условиях [13, л. 10–13].

В тылу противника разведывательно-диверсионные группы распределялись по областям БССР следующим образом:

Витебская область – 30 групп из 381 человека, из них 9 районных (63 человека);

Минская область – 15 групп из 169 человек;

Гомельская область – 7 групп из 63 человек;

Могилевская область – 4 группы из 269 человек;

Полесская область – 3 группы из 13 человек [10, л. 33].

Задачи по совершению диверсий на главных коммуникационных линиях, связывающих фронт с тылом, срыву мероприятий немецкого командования по перевозке войск, а также на базах, складах и других важных объектах военного значения активно выполнялись всеми спецгруппами, работавшими в тылу противника.

Так, спецгруппой «Пленный», действовавшей в Витебской области под руководством Зайцева, 1 сентября 1942 г. на железной дороге Полоцк – Витебск в результате диверсии был разбит паровоз и 6 вагонов с боеприпасами, движение на дороге прервано на 18 часов. На следующий день этой же группой был подорван еще один эшелон с живой силой противника. При взрыве было разбито 30 вагонов. В момент крушения группой по эшелону был открыт огонь. В результате крушения и обстрела убито 700 немецких солдат и офицеров [Там же, л. 111].

При подготовке диверсий на охраняемых объектах противника велась большая предварительная работа по установлению связей с работающими на них лицами, так как установить мины и заряды могли только люди, имеющие свободный допуск на них и не вызывающие подозрений у охраны. Так, агент Минской оперативно-чекистской группы «Полицкий» в сентябре 1942 г. в Борисове организовал поджог генераторов на электростанции фабрики «Профинтерн», а на самой фабрике – лесоцехов, выпускавших материалы для

деревянных частей самолетов [10, л. 114–115]. Военнопленным Ковшевым 6 декабря 1942 г. по заданию уполномоченного особого отдела одного из партизанских отрядов были организованы диверсии на электростанции, радио- и телефонной станции в Слуцке [1, л. 48].

19 января 1943 г. агентом-диверсантом Витебской ОЧГ «Дина» путем закладки специального заряда было взорвано здание Витебской городской полиции [10, л. 115]. В тот же день опергруппой «Медведева» с помощью магнитных мин взорван крупный воинский склад противника возле ст. Калининичи. В результате пожара, длившегося 2 дня и сопровождавшегося сильными взрывами, сгорело более 100 вагонов боеприпасов, воинского имущества и снаряжения. Опергруппой «Четвертые», действовавшей в Минской области в период с 8 по 26 сентября 1943 г. на автомагистрали Минск – Москва в районе Смолевич, взорвано 3 моста и выведен из строя подземный кабель, связывавший ставку германского командования с фронтом [Там же, л. 116].

Помимо непосредственного осуществления диверсий, действующим в тылу врага спецгруппам предписывалось создавать подвижные диверсионные группы с задачами организации диверсии на стратегически важных железнодорожных и шоссейных коммуникациях противника. Их основной целью было определено воспрепятствование вывозу войск, техники и угону советских людей в Германию [14, л. 6].

Выполняя эту задачу, спецгруппой «Неуловимые» за время нахождения в тылу противника создано 4 диверсионные группы общей численностью 21 человек, подготовлено 17 диверсантов-одиночек. Спецгруппой «Альфа» – 7 диверсионных групп общей численность 49 человек, спецгруппой «Дружба» – 3 диверсионные группы из 47 человек, спецгруппой «За Родину» – 3 диверсионные группы из 20 человек, спецгруппой «Возрождение» – 3 диверсионные группы из 13 человек, спецгруппой «Авангард» – 3 диверсионные группы из 45 человек, спецгруппой «Буря» – 3 диверсионные группы из 27 человек [10, л. 56–58, 60, 65, 66, 68].

В так называемой школе диверсантов, действовавшей при спецгруппе НКГБ «Новаторы», прошли хорошую подготовку минно-подрывному делу в общей сложности 40 человек. В течение их боевой работы в тылу врага среди личного состава подрывников «Новаторов» не было случаев небрежного или неосторожного обращения с взрывчатыми веществами либо несчастных случаев при минировании железнодорожного полотна [9, с. 126]. Спецгруппой создано 4 диверсионные группы общей численностью 120 человек, которыми пущено под откос 53 эшелона противника, разбито и повреждено 50 паровозов, 390 вагонов и платформ, выведено из строя 1 800 м железнодорожного полотна [10, л. 63].

В июне 1943 г. НКГБ БССР была создана спецшкола, которая в течение одного года произвела несколько выпусков и подготовила 283 подрывника, 4 разведчика и 129 радистов [Там же, л. 77].

Программа обучения включала в себя ряд циклов. В рамках политико-экономического цикла до слушателей доводились политические и экономические цели войны Германии против СССР. Специальный цикл предназначался для изучения основ агентурно-разведывательной деятельности, форм и методов работы с местным населением оккупированных областей, а также особенностей ведения разведки иностранными спецслужбами, методы работы германской разведки против партизан и пути борьбы с агентурой противника. В военном цикле самое большое количество учебных часов было отведено на тактическую подготовку. Кроме того, серьезно изучалась топография, стрелковое и минно-подрывное дело [8, л. 1].

Все окончившие спецшколу подрывники и разведчики, а также подавляющее большинство радистов в составе оперативных или диверсионных групп были направлены в тыл противника для организации там подрывной и разведывательной работы. Направляемые в тыл противника группы соответствующим образом экипировались и снабжались в достаточном количестве вооружением, боеприпасами и взрывчатыми веществами. Дополнительно, по требованию групп, самолетами выбрасывался необходимый груз [10, л. 78].

С июня 1943 г. по 1 июля 1944 г. было подготовлено и направлено в тыл противника 62 спецгруппы с общим количеством участников в них 707 человек. Группы имели в своем составе опытных чекистов, радиста, подрывников, закончивших спецшколу НКГБ БССР или имевших практический опыт диверсионной деятельности в тылу врага. Велась постоянная работа по укреплению групп. С 1 июня 1943 г. по июнь 1944 г. было подготовлено и направлено в тыл противника в состав опергрупп 124 опытных оперработника НКГБ БССР [Там же, л. 48–50].

За период оккупации Беларуси спецгруппами органов государственной безопасности проделана значительная работа по осуществлению диверсий на железной дороге. Результаты деятельности отдельных спецгрупп НКГБ–НКВД БССР за период оккупации приведены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Результаты диверсионной работы отдельных спецгрупп НКГБ–НКВД БССР на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 гг. [Там же, л. 56–67]

За Родину	Пущено под откос эшелонов	16
	Разбито паровозов	8
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	125
	Уничтожено цистерн с горючим	43
Возрождение	Пущено под откос эшелонов	23
	Разбито паровозов	91
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	181
	Уничтожено и повреждено железнодорожного полотна	2 155 м

Неуловимые	Пущено под откос эшелонов	8
	Разбито паровозов	80
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	209
	Уничтожено цистерн с горючим	119
Березина	Пущено под откос эшелонов	24
	Разбито паровозов	14
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	146
	Уничтожено цистерн с горючим	100
Отважные	Пущено под откос эшелонов	9
	Разбито паровозов	7
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	100
	Уничтожено и повреждено железнодорожного полотна	2 300 м
Дружба	Пущено под откос эшелонов	23
	Разбито паровозов	25
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	171
	Уничтожено и повреждено железнодорожного полотна	836 м
Буря	Пущено под откос бронепоездов	1
	Пущено под откос эшелонов	43
	Разбито паровозов	43
	Разбито и повреждено вагонов и платформ	628
	Уничтожено и повреждено железнодорожного полотна	5 229 м

Непосредственно в тылу противника спецгруппами НКГБ из принятого пополнения под руководством опытных подрывников создавались диверсионные группы. Только за один год с июня 1943 г. по июнь 1944 г. в тылу противника была создана 151 диверсионная группа (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Размещение диверсионных групп, созданных в тылу противника с июня 1943 г. по июнь 1944 г. [10, л. 52, 53].

Область	Количество диверсионных групп
Минская	12
Витебская	14
Могилевская	18
Гомельская	3
Полесская	6
Вилейская	24
Барановичская	11
Пинская	34
Брестская	9
Белостокская	20
Всего	151

В конце 1943 г. – начале 1944 г. было организовано и заброшено в тыл противника 39 диверсионных групп общим количеством до 400 человек из квалифицированных подрывников, во главе с опытными оперативными работниками НКГБ БССР. В каждой группе был радист с рацией, что обеспечивало двустороннюю связь всех опергрупп с Наркоматом [10, л. 101].

Используя накопленный опыт борьбы с противником в его тылу и проведенную большую работу по созданию новых диверсионных групп, а также реорганизации и укреплению оперативным составом, боеприпасами и средствами связи ранее действовавших групп, НКГБ БССР за шесть месяцев 1944 г. была проведена значительная диверсионно-подрывная работа на территории Беларуси, особенно в предшествовавшие операциям Красной армии месяцы апрель–июль 1944 г. [Там же, л. 101–102].

В результате указанных мероприятий диверсионная деятельность спецгрупп и отрядов НКГБ за первое полугодие 1944 г. резко возросла (табл. 3, 4).

Т а б л и ц а 3

Результаты диверсионной деятельности спецгрупп НКГБ БССР на транспортных коммуникациях противника [Там же, л. 91–105].

Мероприятия	июнь– декабрь 1941 г.	1942 г.	1943 г.	январь– июль 1944 г.	Всего
Пущено под откос:					
эшелонов	2	192	311	573	1 078
бронепоездов	–	5	3	6	14
Уничтожено и повреждено:					
паровозов	–	156	385	717	1 258
вагонов и платформ	–	2 543	2 738	4 917	10 198
железнодорожного полотна	1 000 м	18 528 м	30 585 м	31 389 м	81 502 м
железнодорожных мостов	7	37	26	11	81
шоссейных мостов	72	83	134	114	403
цистерн с горючим	–	48	408	277	733

Т а б л и ц а 4

Результаты деятельности спецгрупп НКГБ БССР на объектах противника (за исключением транспортных коммуникаций) [Там же, л. 130–131]

Мероприятия	июнь– декабрь 1941	1942	1943	январь– июль 1944	Всего
Уничтожено и повреждено					
промышленных предприятий	1	40	98	40	179
административных учреждений		17	37	19	73
складов	10	40	65	45	160
линий связи	28 700 м	44 880 м	105 095 м	94 079 м	272 754 м

Представленные данные убедительно демонстрируют значительное увеличение количества диверсий на объектах противника в 1943 году. Размах диверсионной деятельности в 1943 г. констатировали и сами гитлеровцы. В одном из приказов 559-й тыловой комендатуры говорится: «В настоящее время бандиты с исключительной активностью пытаются нарушить порядок и безопасность в тыловом районе, производя диверсии в немецких учреждениях, органах русского управления и на железнодорожных предприятиях. Следует рассчитывать на увеличение числа диверсий в результате применения мин» [2, с. 90].

Еще одним важнейшим направлением деятельности органов государственной безопасности являлась ликвидация представителей оккупационной администрации. Приказом И. В. Сталина «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. предписывалось «беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага» [3, л. 1, 2; 6, с. 210].

Требования по созданию невыносимых условий для оккупантов и лиц, с ними сотрудничающих, а также по их уничтожению выдвигались в ряде руководящих документов СНК СССР, ЦК ВКП(б), НКГБ СССР [4, с. 137].

Спецгруппам НКВД–НКГБ ставились задачи «...по мере выявления уничтожать изменников Родины, полицейских, агентов гестапо, представителей военной и гражданской администрации немецких оккупантов» [5, с. 559].

В этом направлении органами государственной безопасности велась активная деятельность. Так, в мае 1943 г. Л. Ф. Цанава докладывал в ЦШПД о том, что спецгруппа НКГБ БССР «Соседи» имеет агентурную возможность провести ряд активных мероприятий по уничтожению штаба корпуса самообороны, а также редактора «Белорусской газеты» В. Козловского и просил П. К. Пономаренко согласовать данные мероприятия [12, л. 450].

18 августа 1943 г. командир спецгруппы «Четвертые» А. В. Метелкин лично пробрался в г. Минск с целью изучения возможностей ликвидации В. Ивановского, который сотрудничал с оккупантами с начала Великой Отечественной войны, а 17 ноября 1941 г. был назначен бургомистром г. Минска [Там же, л. 472].

В результате длительной и кропотливой работы чекистам удалось подготовить и осуществить ряд операций по ликвидации ряда наиболее активных коллаборационистов: редактора прогерманской газеты «Новый путь», издаваемой в Витебске, А. Л. Брандта, руководителя так называемой Белорусской народной громады Ф. Акинчица, редактора прогерманской «Белорусской газеты» В. Козловского, бургомистра Минска В. Ивановского [15, с. 88–91].

Пристальное внимание органов государственной безопасности вызывали и другие активные коллаборационисты. В частности, Р. Островский, с начала Великой Отечественной войны занимавший различные должности в оккупационной администрации, а после провозглашения 21 декабря 1943 г. Белорусской

центральной рады назначенный ее президентом. Велась работа и в отношении его заместителей – Н. Шкилёнку и Ю. Соболевскому, возглавлявшему одновременно Белорусскую краевую оборону, главе Союза белорусской молодежи М. Ганько и др.

Спецгруппой «Четвертые» агентам «Ястреб» и «Коршун» в январе 1944 г. было дано задание «через знакомую женщину, которая пекла кондитерские изделия для Островского, организовать его отравление». Однако, когда к операции все было готово, часть агентов-исполнителей были арестованы, поэтому реализовать план не удалось. Та же участь постигла резидента «Ракета», готовившую ликвидацию Ю. Соболевского и Н. Шкилёнка. Резиденту «Чайковский» была поставлена задача уничтожения Р. Островского и М. Ганько. Агент «Воронцов» собрал сведения о прислуге Островского, которую планировалось использовать для ликвидации последнего [12, л. 667–668, 717–718].

Той же спецгруппой в мае 1944 г. в г. Минске была создана группа из 3 человек с заданием «совершения теракта над Островским и другими членами Рады». Связь с чекистской спецгруппой осуществлялась через агента «Зоя», которая передавала в город задания «по установлению адресов и наиболее удобных мест» для совершения операций, доставляла оружие и боеприпасы [Там же, л. 550, 738].

Чекистами изучались возможности ликвидации Р. Островского, не только в г. Минске, но и в Слуцком районе, уроженцем которого он являлся, в случае его приезда к родственникам или знакомым.

Так, спецгруппе «Южные» в мае 1944 г. ставилась задача по немедленному установлению в деревне Заполье Слуцкого района Минской области, уроженцем которой является Р. Островский, и в других населенных пунктах его родственников и близких знакомых с целью подобрать надежную агентуру, способную совершить операцию по уничтожению коллаборациониста в Минске или в Слуцком районе [14, л. 88].

Для исполнения данного требования спецгруппой был подобран и в мае завербован агент «Техник», являвшийся хорошим знакомым заместителя Р. Островского по Слуцкому району Хихлуши (начальник окружной самоаховы). Ему была поставлена задача устроиться на работу в окружную самоахову Слуцка и, в случае приезда Р. Островского, ликвидировать его. Агент, находясь в близких отношениях с Хихлушей, устроился на работу в окружную самоахову и, постоянно общаясь с последним, имел возможность осведомляться о приезде Р. Островского. В июне 1944 г. коллаборационист, действительно, приехал в Слуцк, однако тщательно спланированная операция сорвалась из-за неожиданного перевода агента на другое место службы [Там же, л. 278–279].

Таким образом, органы государственной безопасности проводили большую и серьезную работу по ликвидации лиц, сотрудничающих с захватчиками, что вызывало страх у изменников Родины, работавших в аппарате местного управления, снижало их активность и одновременно улучшало морально-психологическое состояние местного населения.

Всего в период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г. участниками спецгрупп и отрядов органов государственной безопасности было организовано и проведено 210 мероприятий по уничтожению видных представителей и ставленников немецких оккупантов, агентуры немецких разведывательных органов и изменников Родины. В результате было ликвидировано 2 030 человек [16, с. 163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Докладная записка начальника особого отдела штаба соединения партизанских отрядов // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 11.
2. *Доморад, К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. / под ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
3. О задачах партизанского движения : приказ НКО СССР, 5 сент. 1942 г., № 00189 // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 34.
4. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2000. – Т. 2, кн. 1 : Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). – 718 с.
5. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2003. – Т. 3, кн. 1 : Крушение «Блицкрига» (1 января – 3 июня 1942 г.). – 692 с.
6. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2003. – Т. 3, кн. 2 : От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). – 701 с.
7. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2008. – Т. 4, кн. 1 : Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 г.). – 796 с.
8. Программа специального цикла по подготовке агентурных разведчиков для засылки в тыл врага // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 16.
9. *Соловьев, А. К.* Они действовали под разными псевдонимами / А. К. Соловьев ; под ред. С. М. Симонова. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 200 с.
10. Центральный архив КГБ Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). – Ф. 3. Оп. 3. Д. 11.
11. ЦА КГБ РБ. – Д. 98. Т. 1. Ч. 1.
12. ЦА КГБ РБ. – Д. 98. Т. 1. Ч. 2.
13. ЦА КГБ РБ. – Д. 98. Т. 2. Ч. 1.
14. ЦА КГБ РБ. – Д. 99. Т. 1.
15. *Шиманская, Н. А.* Деятельность органов государственной безопасности по ликвидации представителей немецкой администрации и их пособников на территории Беларуси (1941–1944) / Н. А. Шиманская // Вестн. ПГУ. Сер. А, Гуманит. науки. – 2017. – Вып. № 9. – С. 86–93.
16. Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя. – Минск : Международ. Центр интеграц. информ. обществ. Пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.

ФОРТЫ ГРОДНЕНСКОЙ КРЕПОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

4 августа 1912 г. российский император Николай II подписал указ о строительстве новой крепости в Гродно. Крепость должна была состоять из 13 фортов, 19 литерных опорных пунктов и 23 номерных опорных пунктов. Кроме того, планировалось строительство открытых батарей для пушек крупного калибра, пороховых погребов, аэродрома, плотин, дорог, узкоколеек и других вспомогательных построек. Строительством крепости руководил военный инженер генерал-майор Дмитрий Павлович Колосовский. Комендантом крепости стал бывший начальник 26-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Михаил Никифорович Кайгородов. При строительстве крепости использовался принцип фортовых групп: каждый основной форт усиливался развитой системой опорных пунктов и подготовленных оборонительных и огневых позиций.

Форты Гродненской крепости сыграли определенную роль в годы Первой мировой войны. В августе 1914 г. новые подразделения русской армии прибывали в Гродно, где пополняли запасы продовольствия, приводили себя в порядок. Этому способствовали огромные крепостные склады, лагеря и городки войск гродненского гарнизона.

К сентябрю положение на фронте в районе крепости Гродно было достаточно неопределенное. Слабая, только что укомплектованная 10-я армия рассчитывала на укрепления крепости Гродно, которые должны были остановить германцев. Командующий армией генерал В. Е. Флуг следующим образом характеризовал положение того момента: «Развитие немцами их успеха над 1-й армией и, в частности, углубление прорыва в промежутках между 1-й и 10-й армиями грозили слабо вооруженной и далеко еще не оконченной постройкой Гродненской крепости опасностью ускоренной атаки». Тем не менее в крепости уже была артиллерия, существовали и бетонные брустверы в фортах, прикрывавших западное направление.

Первые бои в районе Гродненской крепости закончились достаточно благоприятно для русской стороны. Германцы были отброшены от Гродно. 20 сентября был взят город Сувалки. Августовская пуца была очищена от германских сил. Крепость Гродно в этих боях сыграла роль базы для 10-й русской армии. Непосредственной угрозы со стороны германской армии для нее не существовало, однако крепость готовилась к новым боям. В самой крепости продолжались строительные работы. Укреплялись передовые позиции группы форта № IV, но до окончания возведения оборонительных сооружений было еще далеко.

В сентябре 1915 г. германские войска вновь подошли к крепости. Для нее это были последние бои Первой мировой. В ночь на 2 сентября 1915 г. было принято решение разоружения и подрыва фортов Гродненской крепости. Таким образом, бои за крепость Гродно были скоротечными, а город был взят германскими войсками за несколько дней. Началась почти четырехлетняя немецкая оккупация, в ходе которой Гродненская крепость использовалась германской армией.

Оценивая роль Гродненской крепости в боях Первой мировой войны, необходимо вспомнить слова известного специалиста-фортификатора В. В. Яковлева о том, что в мировую войну все крепости сыграли роль, но не всегда в той степени, как это предполагалось в мирное время. Гродненская крепость, несмотря на незавершенность строительства фортификационных сооружений, являлась для русской армии важной операционной базой, местом формирования и обучения частей, принимавших затем участие в боевых действиях на фронте, пунктом материально-технического обеспечения войск, сильным моральным фактором для войск и населения [1, с. 210].

В годы Второй мировой войны укрепления крепости использовались эпизодически. В июне 1941 г. бои велись за земляной форт № IV. В последующем из всех фортов Гродненской крепости оказались задействованными только два: форт № I и форт № II.

В районе форта № I 17–20 июля 1944 г. держали оборону несколько рот 455-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии РККА. Будучи окруженными перешедшими в контратаку силами боевой группы 3-й танковой дивизии СС «Мёртвая голова», оборонявшиеся советские солдаты и офицеры несколько раз отбивали атаки противника. Так, 1-й и 2-й батальоны (командиры батальонов капитаны С. А. Беляев и М. И. Копанёв) 455-го полка, а также другие подразделения, имея только несколько 45-мм орудий, противостояли танкам и штурмовым орудиям боевой группы СС. Сопrotивление окруженных войск на позициях форта организовал заместитель командира полка по строевой части майор М. В. Сидорец. Даже разрушенный форт № I был неприступен для танковых орудий. Специально для штурма немцы привлекли 16-ю саперную роту из состава 3-й танковой дивизии СС. Один из участников штурма отмечал: «Мы пробиваемся далее к укреплениям. Однако, заградительный огонь так силен, что мы вынуждены отойти назад. Атака должна быть повторена в темноте» [2]. Во время одного из штурмов крепости, когда немцы уже взобрались на развалины форта, майор М. В. Сидорец вызвал по радио огонь своей артиллерии с другого берега Немана на себя. Решение об открытии огня по своим же солдатам, оборонявшимся на форту № I, отдавал сам командующий 50-й армией генерал-лейтенант И. В. Болдин, державший ситуацию с 42-й дивизией на личном контроле. Огонь советской артиллерии дал результат – немцы были вынуждены отойти с позиций форта.

Он остался в руках советской армии. В ночь на 19 июля большинство оборонявшихся прорвалось к Неману. В форту осталась только рота лейтенанта Н. Г. Подгурского. Теперь оборона была уже малоэффективной. Радиостанция была выведена из строя, закончился неприкосновенный запас, подходили к концу боеприпасы. Малое количество солдат не позволяло занять весь периметр обороны форта. Бои происходили непосредственно на развалинах бетонного бруствера. Бойцы сражались до последнего. Немецкие саперы вспоминали: «...Мы *подкатываем* бочки с бензином к фортификационным укреплениям, выливаем их содержимое в трехэтажное устройство каземата и поджигаем его. Мы надеемся, что огнём принудим русских к сдаче в плен. Однако, этого недостаточно! Только несколько красноармейцев сдаются, большинство ещё держится... Едва мы оказываемся внутри, снова гремят выстрелы. Здесь помогают только несколько ручных гранат. Я беру несколько гранат и бросаю их вниз: после их взрывов до моих ушей доносятся хрипы и стоны. Мы освобождаем верхний этаж. Но далее дела не идут. Мы запаасаемся толовыми шашками, чтобы выкуривать казематы дальше. Между тем русские опомнились от первого шока и заняли оборону. Теперь нам очень тяжело проникнуть в казематы снова. Наша хорошая и жесткая подготовка служит нам добрую службу. Мы продвигаемся вперед до самого нижнего этажа и бросаем несколько шашек. Мы так же осматриваем средний этаж и выходим опять на воздух. Однако русский гарнизон не сдается. Это упрямые и жесткие парни. С пленным красноармейцем мы пытаемся теперь убедить гарнизон сдаться. Пленный “Иван” переводит. В ответ русские застрелили своего товарища. Бои вокруг укреплений разгорятся вновь...» [2].

По немецким данным штурм укреплений форта № I закончился к двум часам дня 20 июля. Вот, что записано об этом в немецких документах: «...Мы захватываем кроме всего прочего 15 минометов и несколько противотанковых пушек. 40 убитых и примерно 30 раненых – это потери врага...» [Там же]. Лишь 8 солдат из последней группы оборонявшихся советских солдат и офицеров смогли вырваться из руин форта № I. До подхода советских частей их укрывал житель деревни Соловьи Б. П. Якуцевич. Оставшиеся на форту лейтенанты Н. Г. Подгурский и А. И. Шипеев застрелились, предпочтя смерть позорному плену.

Оборона форта № I Гродненской крепости по своему героизму не уступает знаменитой обороне Брестской крепости в 1941 г. Сейчас на форту установлен памятник в честь погибших солдат и офицеров 455-го стрелкового полка. Кроме того, памятник солдатам полка установлен и в деревне Загораны.

Форт № II, или как его еще называли местные жители «Наумовичский форт», приобрел трагическую известность во время Второй мировой войны. Именно это укрепление немцы выбрали для проведения массовых расстрелов

мирного населения и военнопленных советских военнопленных из Шталага 324, расположенного в районе Фолюша – Колбасино. Для подвоза жертв фашисты использовали узкоколейную железнодорожную ветку от станции Лососно, проложенную в 1940 году советскими войсками для строительства укреплений на новой границе. Также людей привозили из города на грузовых машинах. Людей расстреливали на краю Фортового рва и крепостной дороги. На протяжении 1942–43 гг. здесь были проведены несколько казней. В октябре 1942 г. после убийства польскими партизанами немецкого офицера и ранения полицейского немцы взяли в заложники жителей города. После нескольких обращений родных и друзей арестованных в заложниках оставили 25 человек. На форту № II они были казнены 20 октября 1942 г.

Среди них были одни из лучших гродненцев того времени – биолог преподаватель городской гимназии и создатель гродненского зоопарка Ян Кохановский, вице-президент Гродно Роман Савицкий; судьи Винцент Гед-ройц, Эдвард Шокальский, нотариус Мечислав Завадский; врачи Илья Журавский и Казимир Казакевич; учитель математики Юзеф Мрачковский, преподаватель гимнастики Зигмунт Мрозовский; учитель Юзеф Ванатовский; директор табачной фабрики Ян Шиманский; инженеры Владимир Бёске и Мечислав Альбрехт и др.

В 1943 г. здесь были расстреляны жители города Липска (сейчас территория Польши). Среди них была Марианна Бернацка, которая добровольно вызвалась в число осужденных вместо своей невестки, и позже была включена в число мучеников Второй мировой войны. Есть информация, что на форту расстреливали и евреев из гродненского гетто. Летом 1944 г. немцы сжигали эксгумированные трупы, пытаясь скрыть следы своих преступлений [3, с. 26].

Такова история фортов Гродненской крепости в Великой Отечественной войне. По сей день они остаются памятниками историко-культурного наследия Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лютик, Д. В.* Неизвестная крепость Российской империи. Историческая реконструкция событий / Д. В. Лютик, А. Р. Семенчук, С. А. Пивоварчик. – Гродно : ЮрСаПринт, 2014. – 248 с.

2. *Лютик, Д. В.* Форт № I [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fortressgrodno.by/index.php?id=44>. – Дата доступа : 20.03.2020.

3. *Лютик, Д. В.* Сквозь пожары Мировых войн: путеводитель с I-го по V-й форты Гродненской крепости / Д. В. Лютик, А. Р. Семенчук. – Гродно : ЮрСаПринт, 2017. – 54 с.

БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ Ё ГІСТАРЫЧНА-ПАЛІТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ
ПОЛЬСКОЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ Ё ПЕРШАЙ ТРЭЦІ ХХ ст.¹

Вывучэнне польскімі гісторыкамі беларускага пытання, перспектывы нацыябудаўніцтва і стварэння ўласнай дзяржаўнасці пачалося яшчэ ў пачатку ХХ ст. Гэты перыяд характарызаваўся шчыльнай сувяззю публікацый па нацыянальнай праблематыцы з грамадска-палітычным жыццём. Часта аўтары з'яўляліся не толькі навукоўцамі, але і актыўнымі дзяржаўнымі дзеячамі, прадстаўнікамі палітычных партый і рухаў. Даследаванні беларускага пытання адрознівала невялікая адлегласць па часе ад непасрэдных падзей і працэсаў, якія вывучаліся. Закладзеныя ў першай трэці ХХ ст. традыцыі вывучэння і інтэрпрэтацыі беларускай праблемы знайшлі свой працяг у пазнейшыя часы. Акрамя ацэнкі польскімі навукоўцамі і палітычнымі дзеячамі нацыябудаўнічага праекта беларусаў, нас цікавіць менавіта сувязь гісторыі і палітыкі, якім чынам гістарычная аргументацыя выкарыстоўвалася для палітычных праграм дзеянняў, абгрунтавання слухнасці тых ці іншых палітычных канцэпцый. З другога боку гістарычны наратывы знаходзіўся ў цеснай сувязі з палітычнай афіліяцыяй аўтараў, што ставіць пытанне аб іх ўзаемнай абумоўленасці.

Вялікі ўплыў на інтэрпрэтацыю праблемы мела палітыка польскай дзяржавы і канцэпцыі ўсходняй палітыкі Польшчы, якія рэпрэзентавалі розныя палітычныя сілы. Польскія нацыянальныя дэмакраты прадстаўлялі ідэю інкарпарацыі тэрыторый, што ўваходзілі раней у склад Рэчы Паспалітай. Іх лідар Р. Дмоўскі сцвяржаў, што ў беларусаў няма перспектывы стварэння ўласнай нацыі і дзяржавы. Прызнаючы некаторыя культурныя адрозненні, ён абгрунтоўваў польскую цывілізацыйную місію на ўсходзе ў сэнсе далучэння мясцовага насельніцтва да польскай мовы і культуры. Гістарычная аргументацыя тут праяўлялася ў звароце да гісторыі Рэчы Паспалітай і акцэнце на паліназіцыйныя працэсы сярод шляхты ВКЛ [1, s. 66, 114], што па аналогіі павінна было падкрэсліваць і польскую місію на беларускіх землях і ў ХХ ст.

Трэба адзначыць, што традыцыя звароту да спадчыны Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай з'яўлялася агульнай для розных палітычных сіл міжваеннай Польшчы. Але ў гістарычна-палітычным дыскурсе інструменталізацыя гісторыі прыводзіла да розных высноў.

Польская сацыялістычная партыя, у адрозненне ад нацыянальных дэмакратаў, вітала беларускія імкненні да эмансіпацыі. Іх праграма накіраваная на стварэнне «самастойнай дэмакратычнай Рэчы Паспалітай» сцвярджала аб неабходнасці ўвядзення роўных правоў для ўсіх народаў, якія ўвайдуць

¹ Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД у рамках навуковага праекта Г20Р-011.

у склад дзяржавы. Калі нацыянальныя дэмакраты сцвярджалі аб неабходнасці пабудовы монанацыянальнай унітарнай дзяржавы, то сацыялісты абгрунтаўвалі неабходнасць федэратыўнага ладу. Гісторыя Рэчы Паспалітай і польскі культурны ўплыў на землях былога ВКЛ разам з гаспадарчымі сувязямі павінны былі абгрунтаваць імкненне адсунуць граніцу далей на ўсход з мэтай аслаблення Расійскай імперыі. Сцвярджалася, што палякі на гэтых тэрыторыях складаюць толькі частку насельніцтва і таму павінны шукаць паразумення з прадстаўнікамі іншых народаў для вырашэння лёсу агульнай айчыны [2, s. 107–108].

Ідэю федэрацыі, пабудаванай на спадчыне Рэчы Паспалітай пасля расколу партыі, падтрымлівала ППС-Левіца. Між іншым гучалі прапановы стварэння Злучаных Штатаў Усходняй Еўропы. Дзеячы ППС-Фракцыі, як Ю. Дабмроўскі, выказваліся за стварэнне федэрацыі разам з Вялікім Княствам Літоўскім і Курляндыйяй. За аднаўленне Польшчы ў граніцах 1772 г. выступаў Э. Абрамоўскі ў распрацаванай праграме Саюзу Польскіх Рыцараў, які падкрэсліваў, што мэтай Саюза з'яўляецца стварэнне незалежных Польшчы, Літвы і Беларусі, вольных і роўных народаў якіх будуць мець агульную айчыну ў граніцах да падзелаў Рэчы Паспалітай.

Лютаўскія пераўтварэнні 1917 г. ў Расіі ўзмацнілі федэратыўныя погляды польскіх сацыялістаў. У пастанове партыйнага з'езда ад верасня 1918 г. сцвярджалася аб неабходнасці ўстанаўлення граніц з апорай на права народаў да самавызначэння, лёс зямель былога Вялікага Княства Літоўскага павінен быў вызначацца воляй народаў гэтых тэрыторый. У той жа час перспектывы беларускага нацыябудаўніцтва ацэньваліся хутчэй негатыўна. Рэзалюцыю I Усебеларускага з'езда аб неабходнасці стварэння незалежнай Беларусі польскія сацыялісты разглядалі як немагчымую да рэалізацыі. У Маніфесте Часовага ўрада да польскага насельніцтва гучалі заклікі да польскага насельніцтва аб аб'яднанні з беларусамі і літоўцамі з мэтай адбудовы гістарычнай Літоўскай дзяржавы ў яе гістарычных граніцах з захаваннем сувязі з Польшчай [2, s. 110].

Маніфест ППС ад сакавіка 1918 г. адносна міжнароднай палітыкі зноў дэклараваў права Беларусі на незалежнасць, адначасова асуджаючы польскі анэксіянізм і сцвярджаючы пажаданасць сувязі з Польшчай. Падчас польска-савецкай вайны сацыялісты ў цэлым падтрымлівалі акцыю Ю. Пілсудскага ў красавіку 1919 г.

Найбольш дэталёва погляды польскіх сацыялістаў раскрываюць публікацыі дзеячаў ППС. Адным з найбольш вядомых членаў партыі, блізкім супрацоўнікам Ю. Пілсудскага быў Леон Васілеўскі, які адначасова з'яўляўся і навуковым спецыялістам па нацыянальных меншасцях. Яшчэ ў пачатку XX ст. ён падкрэсліваў, што тэрыторыю гістарычнай Літвы пераважна засяляюць беларусы. У яго гістарычным наратыве Беларусь прадстаўляецца дзяржавай,

у якой беларуская мова была мовай арыстакратыі, беларушчына гучала ў дварах Ягелонаў, ёй быў напісаны Літоўскі Статут. Вялікія князі літоўскія хоць і былі літоўцамі, але цалкам трапілі пад цывілізацыйны і народны ўплыў беларускага славянскага насельніцтва ВКЛ. На думку Васілеўскага, ні Крэўская, ні Люблінская ўніі не ліквідавалі самастойнасці ВКЛ, тым не менш, польскі ўплыў значна пашырыўся ў Літве пасля стварэння Рэчы Паспалітай. І толькі пасля падзелаў сувязь Літвы і Польшчы стала яшчэ больш моцнай, чым у часы незалежнасці. Характэрна, што ўжо менавіта пасля далучэння да Расійскай імперыі польскасць тут атрымала найбольшае пашырэнне. Барацьба з польскім уплывам пачалася толькі пасля паўстання 1830–1831 гг. Падаўленне другога паўстання 1863–1864 гг. стала пачаткам расійкай палітыкі па поўнаму вынішчэнню польскасці на землях Беларусі [3, s. 5–6, 21–22]. У інтэрпрэтацыі Васілеўскага гісторыя беларускіх зямель перыяду ВКЛ набліжаецца да сучаснай «беларускай» канцэпцыі дзяржавы, якую ён называе Літвой, але падкрэслівае значнасць беларускага ўплыву. Гісторыя Беларусі ў Васілеўскага губляе кантынuitэт у выніку страты дзяржаўнасці ВКЛ, падзелаў Рэчы Паспалітай і палінізацыі эліт, што абумоўлівае яго ацэнку перспектывы беларускага руху ў пачатку XX ст. як вельмі слабых. Аргументамі пацвярджэння гэтай тэзы былі: адсутнасць беларускай інтэлігенцыі і літаратуры, малалікасць беларускіх школ, слабасць беларускіх палітычных партый і пры нізкім узроўні іх падтрымкі беларускім сялянскім насельніцтвам [3, s. 72]. На гэтай аснове ён рабіў вывад аб тым, што беларускі рух ніколі не атрымае шырокага развіцця і не знойдзе прызнання. У выніку, паводле Васілеўскага, да новай польскай дзяржавы павінна была належыць каталіцкая частка Беларусі, якая захавала польскія традыцыі.

Васілеўскі выказваўся падобным чынам адносна актывізацыі беларускага руху ў гады Першай сусветнай вайны, не звяртаючы асаблівай увагі на гістарычны кантэкст, хаця да гэтага, згадваючы падзеі рэвалюцыі 1905–1907 гг. сцвярджаў, што беларусы праявілі незвычайную актыўнасць і беларускі рух ад стану амаль неіснавання перайшоў да такіх далёкаідучых патрабаванняў [4, s. 279].

У 1920-я гг. пасля Рыжскага міру і далучэння Заходняй Беларусі да Польшчы Васілеўскі не так негатыўна ацэньваў беларускі нацыятворчы патэнцыял. Ён пісаў аб неабходнасці ўлічваць існаванне вялікай колькасці беларусаў у Польшчы, на погляды якіх значны уплыў аказвае існаванне беларускай савецкай рэспублікі. Задачай польскай дзяржавы, на яго думку, павінна было быць задавальненне ўсіх патрэб нацыянальных меншасцей праз стварэнне тэрытарыяльнай аўтаноміі для беларусаў, забеспячэнне выкарыстання беларускай мовы ў праваслаўнай царкве і школьнай адукацыі [5, s. 72].

Блізкіх поглядаў быў Тадэўш Галуўка, сацыяліст з акружэння Ю. Пілсудскага, які таксама прытрымліваўся канцэпцыі федэратыўнага ладу адроджанай Польшчы. У сваіх працах ён абгрунтоўваў ідэю стварэння дзяржавы

на ўзор Рэчы Паспалітай, якая паўстала на падставе Люблінскай уніі 1569 г. На яго думку, гэта дзяржава не толькі адрознівалася вялікімі памерамі, але і талерантнасцю да сваіх грамадзян. У той жа час ён разумеў, што ў свядомасці насельніцтва пасля падзелаў Рэчы Паспалітай адбыліся істотныя змены і зараз да незалежнасці імкнуцца ўжо не толькі палякі, але і беларусы, але пагрозай для самастойнасці гэтых народаў з'яўляюцца больш моцныя суседзі – Германія і Расія. Таму выхад Галуўка бачыў толькі ў супрацоўніцтве ўсіх народаў, якія змагаюцца за свабоду. Незалежнасць Польшчы немагчыма без незалежнасці Літвы, Латвіі, Эстоніі, Фінляндыі, Украіны і Беларусі, сцвярджаў ён [6, s. 94–95]. Разам з тым у сваёй публікацыі аб адносінах польскай дзяржавы да суседзей лічыў, што беларусы ў значнай ступені захоўваюць рысы пасіўнай этнаграфічнай масы, а палякі на ўсходзе з'яўляюцца найбольш культурным і дзяржаватворчым элементам [7, s. 11]. Федэрацыя з Польшчай павінна была ўяўляць паратунак для «буферных» народаў, як ён называў у тым ліку беларусаў, якія не маглі самастойна функцыянаваць. На думку Галуўка, калі застануцца сам на сам, то знікнуць на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў.

Падчас польска-савецкай вайны, калі польскімі войскамі быў заняты Мінск, Галуўка прапаноўваў стварыць Нацыянальную раду, якая павінна была б выказацца аб будучыні беларускіх зямель. Калі б яна выказалася за незалежнасць, то Польшча павінна была б прызнаць яе і ў склад Беларусі ўвайшлі б тэрыторыі Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў або пераважна землі з праваслаўным насельніцтвам. Усходняя граніца дзяржавы павінна была б знаходзіцца на мяжы 1772 г. [2, s. 116].

Пасля заключэння Рыжскага міру, аналізуючы нацыянальнае пытанне ў Польшчы, Галуўка папярэджваў аб недапушчальнасці палітыкі паланізацыі нацыянальных меншасцей, бо яна выклікае толькі нянавісць да польскай культуры і народа. Будучыню добрых адносін палякаў з беларусамі ён бачыў праз палітыку садзеяння развіццю беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці. У выпадку, калі б незалежная беларуская дзяржава паўстала, лічыў, што існаваць яна магла б толькі з апорай на Польшчу, з якой павінна мець саюзныя адносіны або нават унію. У рамках міжваеннай польскай дзяржавы Галуўка абгрунтоўваў неабходнасць аўтаноміі для беларусаў або ваяводскага самакіравання на пачатковым этапе, з самастойнасцю праваслаўнай царквы і ўлікам інтарэсаў беларускага насельніцтва ў сферы адукацыі [8, s. 34–37].

Такім чынам, гістарычна-палітычны дыкурс польскіх сацыялістаў адлюстроўваў іншы падыход да асэнсавання гістарычнай спадчыны і вырашэння беларускага пытання ў параўнанні з нацыянальна-дэмакратычным лагерам. Аднаўленне польскай дзяржавы падштурхнула да асэнсавання ўзаемаадносін з суседнімі народамі з улікам іх нацыя- і дзяржаватворчых працэсаў. Для Польскай сацыялістычнай партыі было ўласціва паслядоўнае адстойванне

федэратыўных пачаткаў арганізацыі дзяржаўнага ладу. У саюз з Польшчай павінны былі ўвайсці і беларусы, але іх здольнасць да стварэння самастойнай дзяржавы і нацыі лічылася малаверагоднай. Беларусы разглядаліся ў якасці этнаграфічнай масы, без дакладна акрэсленай ідэнтычнасці. У гэтым сцвярджэнні польскія сацыялісты прынцыпова не адрозніваліся ад нацыянальных дэмакратаў, але высновы рабіліся прынцыпова іншыя. У адрозненне ад патрабавання асіміляцыі і паланізацыі беларускага насельніцтва і тэрыторый, што вылучалі эндэкі, сацыялісты, наадварот, прапаноўвалі падтрымліваць і развіваць беларускую нацыянальную самасвядомасць з мэтай заваявання прыхільнасці беларускага насельніцтва і ў выпадку паўстання незалежнай беларускай дзяржавы, забеспячэння саюзных адносін Беларусі і Польшчы. З такім падыходам ідэя польскай цывілізацыйнай місіі на ўсходзе набывала новае гучанне, пэўныя элементы якой мы можам знайсці ў канцэпцыі УЛБ Гедройца-Мерашэўскага.

ЛІТАРАТУРА

1. *Dmowski, R.* Myśli nowoczesnego Polaka / R. Dmowski. – Warszawa : Wydaw. Zachodnie, 1934. – 116 s.
2. *Gomółka K.* Kwestia białoruska w programie PPS w latach 1918–1919 / K. Gomółka // *Studia polsko – litewsko – białoruskie.* – Warszawa : PWN, 1988. – S. 107-126.
3. *Wasilewski, L.* Litwa i jej ludy / L. Wasilewski. – Warszawa : [s.n.], 1907. – 77 s.
4. *Wasilewski, L.* Litwa i Białoruś. Przeszłość – terażniejszość – tendencje rozwojowe / L. Wasilewski. – Kraków : “Książka”, 1912. – 361 s.
5. *Wasilewski, L.* Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce / L. Wasilewski. – Warszawa : “Głos Prawdy”, 1927. – S. 77–83.
6. *Werschler, I.* Tadeusz Hołówko (1889–1931) – polityk zapomniany / I. Werschler // *Nowy Prometeusz.* – 2011. – № 1. – S. 93–99.
7. *Hołówko, T.* Stosunek Państwa Polskiego do jego sąsiadów / T. Hołówko // *Przedświt.* – 1919. – № 1–2. – S. 7–14.
8. *Hołówko, T.* Kwestja narodowościowa w Polsce / T. Hołówko. – Warszawa : nakł. Księgarnii Robotniczej, 1922. – 72 s.

IN MEMORY

АНАТОЛЬ ВАСІЛЬЕВІЧ ШАРКОЎ
18.04.1948 – 20.01.2020

А. В. Шарков

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БССР

Нацистская Германия 1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут по средневропейскому времени начала вооруженную агрессию против Польши. Войска вермахта в течение первой недели прорвались на многих участках обороны и продвинулись в глубь страны. Начавшийся в первые дни войны отход польских войск быстро превратился в беспорядочное отступление. Германские войска двигались к центру страны с севера, северо-запада, постепенно замыкая польскую армию в огромный «котел».

Правительство Польши, видя безвыходность положения, оставило страну и эмигрировало 16 сентября в Румынию. Однако многие польские патриоты продолжали сражаться. Солдаты и офицеры, целые воинские части, оставшись верными присяги, в эти тяжелые дни проявили величайшую стойкость и мужество, выполняя воинский долг. Однако, несмотря на мужественное сопротивление польских военнослужащих, германская армия, обладая значительным военным превосходством, уже к 15 сентября заняла Брест и пересекла «линию Керзона», признанную международным сообществом в 1919 г. западной границей Советского государства.

Отошедшие на Люблинщину соединения польской армии к 17 сентября были окружены и 25 сентября капитулировали. 28 сентября была подписана капитуляция Варшавы. 5 октября польская войсковая группировка «Полесье», под командованием генерала Ф. Клеберга дала последний бой германским захватчикам. В условиях фактического разгрома польской армии и распада польского государства, а также имевшейся договоренности между Германией и СССР было принято решение ввести войска Красной армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины, которые были оккупированы Польшей в 1920 г.

К вечеру 16 сентября 1939 г. группировка войск Красной армии была выведена на исходные рубежи для освободительного похода. В приказе, зачитанном личному составу войск Западного и Украинского фронтов, разъяснялись политические и военные цели военной кампании. Подчеркивалось, что Красная армия направлена на территорию Западной Беларуси и Западной Украины «выполнить революционный долг и свою обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку белорусам, украинцам, трудящимся

края, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов» [1, с. 27]. Войскам категорически запрещалось бомбить с воздуха и обстреливать артиллерией населенные пункты. От военнослужащих требовали лояльного отношения к бойцам польской армии, которые не оказывают сопротивления, соблюдают законы войны. В приказе заявлялось, что Красная армия не завоевательница, а освободительница своих кровных братьев – белорусов и украинцев. В 5.00 17 сентября части Белорусского и Украинских фронтов перешли советско-польскую границу и, преодолев сопротивление польской пограничной охраны, заняли территорию Западной Беларуси и Западной Украины. К 25 сентября войска достигли рубежа по р. Западный Буг и Сан, который был установлен в результате советско-германских секретных договоренностей. На пути движения советские войска почти не получали сопротивления польских вооруженных сил, за исключением отдельных случаев. По свидетельству польских источников, в этот период произошло около 40 случаев сопротивления пограничных патрулей частям Красной армии. Серьезные бои имели место под Кобрином, Шацком, Гродно, Вильнюсом, Белостоком и Самбором. Основные силы польской армии в столкновениях не участвовали. Целые части и соединения добровольно складывали оружие. В результате ко 2 октября в советском плену оказалось 452 536 человек, в том числе 18 789 офицеров [2, с. 25].

Среди пленных находилось значительное количество лиц белорусской и украинской национальности, которых накануне Второй мировой войны было призвано в польскую армию более 80 и 100 тыс. человек соответственно [3]. Отправившись сражаться в польскую армию против фашистов, оборонять свое отечество, когда Германия напала на Польшу, они вдруг оказались противником на своей земле для войск Красной армии, которая пришла на территорию Западной Беларуси и Западной Украины после подписания пакта Молотова–Риббентропа для обороны интересов друзей – белорусов и украинцев. И поскольку войска были польские, белорусы и украинцы, служившие в них, оказались вне закона. Поэтому и судьбу их новая власть определила таким образом: плен и лагеря вдали от родины.

Однако вернемся на несколько лет назад от описываемых событий. Руководство НКВД, а именно на этот наркомат советским правительством было возложено решение всех вопросов, касающихся военнопленных, тщательно готовилось к их приему. Прежде всего, было решено обновить нормативно-правовую базу, регулирующую вопросы плена в советском государстве. В первой половине сентября 1939 г. на замену действующему «Положению о военнопленных», утвержденному ЦИК и СНК СССР еще 19 марта 1931 г. и переставшему теперь удовлетворять руководство страны, был подготовлен проект нового положения, который 20 сентября был одобрен Экономическим советом при СНК СССР. Хотя этот проект и не был утвержден СНК СССР, это не помешало НКВД руководствоваться им в своей деятельности в отношении военнопленных.

Следует отметить, что необходимость разработки и утверждения Положения о военнопленных была вызвана причинами, уходящими своими корнями в 20-е годы. Дело в том, что 27 июля 1929 г. в Женеве на международной конференции были приняты конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Советский Союз не участвовал в работе этой конференции. И хотя обе конвенции были тесно связаны друг с другом, руководство СССР решило принять лишь одну из них. 25 августа 1931 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов подписал соответствующую декларацию, и с 26 марта 1932 г. конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» вошла в силу для СССР. Конвенция «Об обращении с военнопленными» (вплоть до подписания в 1949 году в Женеве новой конвенции о военнопленных) так и осталась проигнорированной советским руководством по причине того, что режим, установленный конвенцией, по их мнению, представлялся малоудовлетворительным. В силу указанных обстоятельств, не связывая себя формально какими-либо конвенциями по этому вопросу, СССР разрешил его в порядке своего внутреннего законодательства. Таким образом, 19 марта 1931 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР было утверждено Положение о военнопленных, действовавшее на территории СССР в начале советско-польской кампании 1939 года.

Еще до того, как проект «Положения о военнопленных» был одобрен Экономическим советом, а конкретнее 19 сентября 1939 г., приказом наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия за № 0308 «Об организации лагерей военнопленных» было образовано Управление по военнопленным (УПВ). В этот же день был утвержден и штат Управления, окончательное название которого – «Управление по делам военнопленных и интернированных» (УПВИ) – стало с июля 1940 г., когда в лагеря НКВД для военнопленных поступили интернированные из Литвы польские граждане. Начальником УПВ был назначен майор П. К. Сопруненко, работавший ранее в секретариате НКВД СССР, комиссаром – полковой комиссар С. В. Нехорошев, переведенный из ГУЛАГа (Главного управления лагерей). Заместителями начальника УПВ являлись лейтенант госбезопасности И. И. Хохлов (отвечал за оперативную работу), майор И. М. Полухин (ответственный за охрану и учет военнопленных), М. А. Слуцкий (ведавший финансовыми и хозяйственными вопросами).

В соответствии с содержанием задач, решаемых Управлением по военнопленным, было организовано его структурное построение. Штат УПВ состоял из 56 человек. Структурно в него входило пять отделов – политический, режимный, учетно-регистрационный, отдел снабжения и санитарный. Соответственно их возглавляли С. В. Нехорошев, А. В. Тишков, И. Б. Макляревский, Н. В. Соколов. В НКВД СССР контроль за работой УПВ был возложен на заместителя наркома внутренних дел СССР комдива В. В. Чернышева, ведавшего также ГУЛАГом. Основная задача УПВ состояла в непо-

средственном руководстве организацией лагерей, размещении, приеме, учете, содержании и трудовом использовании военнопленных и интернированных, в решении организационных, материально-технических и других вопросов. Среди них одним из первоочередных был вопрос о развертывании приемных пунктов, лагерей-распределителей и лагерей-стационаров для поступающего контингента военнопленных польской армии, выработке норм обеспечения их жилыми помещениями, вещевым довольствием и т.д.

Между тем военнопленные поляки стали поступать на приемные пункты уже 17 сентября 1939 года. Для их приема первоначально было открыто восемь пунктов – по четыре на территории Беларуси и Украины. В частности, на белорусской территории эти пункты дислоцировались на станциях Заболотники, Хлюстино, Друть, Жлобин [4, л. 164]. Однако усиливающийся поток военнопленных, а также других арестованных поляков вынудил НКВД уже к 20 сентября направить руководителям оперативных групп указание, в котором, в частности, отмечалось: «По договоренности с Генштабом РККА развертываются новые пункты приема военнопленных: по БССР – на станциях Ореховно, Радошковичи, Столбцы, Тимковичи, Житковичи; по УССР – на станциях Олевск, Шепетовка, Пограничная, Волочинск, Ярмолинцы, Каменец-Подольский, куда части РККА будут доставлять военнопленных». Существующие пункты к 21 сентября предписывалось перенести в указанные места дислокации в глубине занимаемой территории. Военнопленных из них «направлять под конвоем в открываемые лагеря». Далее в указании предписывалось, что из Белоруссии военнопленные эшелонами (автотранспортом) следуют в Осташковский, Юхновский, Козельский, Вязниковский и Оршский лагеря, а из приемных пунктов Украины – в Путивльский, Козельшанский и Старобельский. «Обращаю ваше внимание, – подчеркивал нарком НКВД Л. П. Берия, – на необходимость серьезной, продуманной организации работы по обслуживанию пленных... Обеспечить при этом четкий порядок, дисциплину, хорошее обращение с пленными... При конвоировании не допускать ни одного побега... Ежедневно докладывать о количестве принятых на пунктах приема военнопленных и отправляемых в лагеря» [5, с. 34].

Пункты НКВД СССР по приему военнопленных (приемные пункты) организовывались по приказу наркома внутренних дел Союза ССР. Организация пунктов и руководство их дальнейшей деятельностью возлагалось на Управление НКВД СССР по делам военнопленных через НКВД, УНКВД республик, краев и областей, на территории которых располагался приемный пункт. В частности, в соответствии с реализацией приказа наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия об организации новых приемных пунктов на территории Беларуси. Нарком внутренних дел республики Л. Цанава своим приказом произвел назначение на руководящие должности вновь открытых пунктов для приема польских военнослужащих, сложивших оружие. Так, начальником приемного пункта Ореховно был назначен В. З. Широко, по-

мощником – Я. Д. Эпштейн, оперработником – П. А. Макаров; начальником приемного пункта на ст. Радошковичи – К. К. Демидов, помощником – А. А. Маев, оперработником – И. И. Качан; начальником приемного пункта на ст. Столбцы – А. И. Макаревич, помощником – З. Г. Вольсон, оперработником – Ф. Н. Бабич; начальником приемного пункта на ст. Тимковичи – А. И. Войтко, помощником – В. З. Малкин, оперработником – А. А. Терешкевич. На приемный пункт Житковичи были назначены только начальник и оперработник, которыми соответственно являлись К. А. Перевалов и С. Д. Соловьев. Руководство приемных пунктов в своей деятельности руководствовалось «Временной инструкцией о работе пунктов НКВД по приему военнопленных», утвержденной заместителем наркома НКВД СССР комдивом Чернышевым 29 декабря 1939 г., а также распоряжениями и указаниями управления НКВД по делам о военнопленных, НКВД республики и УНКВД области, на территории которой дислоцировался приемный пункт.

Этим же приказом начальникам горотделов и райотделов, на территории которых дислоцировались вновь открытые пункты приема военнопленных, предписывалось оказать практическую помощь руководству пунктов в подыскании и немедленном освобождении необходимых помещений, обеспечении снабжения продовольствием, гужевым и автомобильным транспортом, хозяйственным инвентарем и другими необходимыми материалами. На начальников горрайотделов внутренних дел также возлагалась персональная ответственность за нормальную работу пунктов. Обеспечение пунктов положенным питанием военнопленных по утвержденным нормам возлагалось на начальника отдела исправительно-трудовых колоний (ОИТК) НКВД БССР младшего лейтенанта госбезопасности Раппе, ему же указывалось на строгое соблюдение установленных норм [6, л. 165].

Прием военнопленных от частей Красной армии производился лично начальником приемного пункта или его помощником в любое время дня и ночи по спискам, заверенным командованием части. При этом больные и раненые военнопленные направлялись в военные госпитали. Приему на пункты также подлежали беженцы.

При приеме на пункты весь поступающий контингент до их размещения по жилым помещениям подлежал тщательному обыску, а вещи досмотру. При обыске подлежали изъятию: все виды оружия, бинокли, фотоаппараты, игральные карты, топографические карты и планы местности, финские ножи, спиртные напитки, литература, служебные документы и различные записи, электрические фонарики, свистки, компасы, противогазы, военное снаряжение (сверх одного комплекта), крупные суммы денег (свыше 1000 руб). По окончании обыска составлялся акт в трех экземплярах, в котором обозначались все изъятые при обыске предметы. Первый экземпляр с изъятими предметами направлялся в райвоенкомат (трофейную комиссию), второй экземпляр – в Управление НКВД СССР по делам военнопленных и третий экземпляр оставался в делах пункта.

На изъятые при обыске деньги военнопленному выдавалась квитанция.

Не подлежали изъятию у военнопленных: обмундирование, постельные принадлежности, белье, котелки и другая посуда, деньги, табак (папиросы), спички (зажигалки). Военнопленным также оставляли часы, кольца, портсигары, личные письма и фотокарточки (за исключением военных фотографий), предметы религиозного культа, канцелярские принадлежности.

При обнаружении при обыске военнопленного предметов, не обозначенных выше в перечне, вопрос об изъятии или оставлении на руках военнопленного этих предметов решался по усмотрению начальника пункта. Если обнаруженные предметы не являлись собственностью военнопленного (части и детали от машин и т.д.), они подлежали изъятию.

Поступающий в приемные пункты контингент подвергался санобработке (баня, дезинфекция). Военнопленные, заявившие жалобы на болезненное состояние, подвергались медосмотру. В случаях, когда среди направленной на приемный пункт партии военнопленных выявлялся эпидемический больной или поступившая партия имела контакт с таким больным, при их приеме на пункт накладывался карантин, и по указанию врача приемного пункта проводились противоэпидемические мероприятия. В каждом случае эпидемического заболевания информировалось местное УНКВД и Управление по делам военнопленных. Отправление военнопленных с пунктов, где был наложен противоэпидемический карантин, впредь до указаний Управления НКВД СССР по делам о военнопленных временно прекращался. Впоследствии врач приемного пункта ежедневно проводил обход помещений военнопленных, осуществлял текущий санитарный и пищевой надзор и оказывал нуждающимся необходимую помощь.

Для лучшей организации учета военнопленных и управления ими весь спецконтингент, находящийся на приемном пункте, разбивался на сотни и из их числа назначались старшие сотни.

Все движение содержащегося в приемных пунктах контингента фиксировалось в ежедневных строевых записках, и эта информация также в зашифрованном виде поступала в Управление по делам о военнопленных НКВД СССР.

Развернутые для содержания военнопленных приемные пункты представляют собой обнесенную колючей проволокой высотой в 2,5 метра территорию. С внутренней и внешней сторон ограждения имелись предупредительные зоны, проход в которые был запрещен. На территорию имели право входить по своим удостоверениям сотрудники пункта и работники НКВД, командированные на пункт. Для пропуска, в случаях необходимости, на территорию пункта устанавливались разовые пропуска единого образца, которые выдавались за подписью начальника, а в его отсутствие дежурным по пункту и только лицам, пребывание которых вызывалось служебной необходимостью.

Охрану военнопленных на приемных пунктах, дислоцированных на территории Беларуси, осуществляли военнослужащие 15-й конвойной бригады войск НКВД под командованием полковника Рыбакова. Взаимоотношения начальника приемного пункта с командиром подразделения, несущего охрану пункта, определялись приказом НКВД СССР от 19 сентября 1939 г. за № 0390. Войсковое подразделение, несущее службу охраны приемного пункта, в административно-строевом отношении командованию приемного пункта не подчинялось, но выполняло требования последнего в отношении временного усиления наружной охраны на отдельных секторах или постах; выделения боевого состава для ликвидации массовых беспорядков или бунта военнопленных, для пресечения готовящегося их массового побега или для отражения нападения на приемный пункт извне, а также при проведении внезапных массовых осмотров помещений военнопленных.

Командир дежурного подразделения по прибытии в приемный пункт по вызову начальника приемного пункта или дежурного по приемному пункту поступал в их распоряжение до прибытия командира воинского подразделения. По прибытии в приемный пункт командир войскового подразделения принимал командование караулом и дежурным подразделением, действовал по плану, разработанному совместно с начальником приемного пункта. Он же не вмешивался в распоряжения командира войскового подразделения, отдаваемые последним караулу и дежурному подразделению. Вместе с тем командир обязан был выполнять задания начальника приемного пункта по восстановлению порядка. Предварительные устные оперативные задания начальник приемного пункта обязан был подтвердить письменно.

Командование приемного пункта не вправе было требовать от войскового подразделения выделения боевого состава: для конвоирования военнопленных в баню и лечебные учреждения, другие пункты; для охраны военнопленных на работах, проводимых вне пункта (если по этому вопросу не имелось специальных указаний Главного управления конвойных войск); для охраны новых пунктов (отделений), не предусмотренных при организации приемного пункта.

Конвоирование военнопленных в другие пункты осуществлялось конвоями по распоряжению штаба конвойных войск НКВД СССР. За побег военнопленных, совершенный через вахтерские проходные приемного пункта, состав караула ответственности не нес.

Поступающий в приемные пункты контингент размещался дифференцированно. Военнопленные офицеры, государственные чиновники, полицейские, жандармы и члены контрреволюционных партий содержались отдельно от солдат и младшего начальства. Отдельно от мужчин размещались военнопленные женщины.

Жизнь, быт и нормы поведения военнопленных определялись распорядком дня, который устанавливался в соответствии с уже упоминавшейся выше Временной инструкцией. В дневное время от подъема до отбоя содержащемуся в приемных пунктах контингенту разрешалось свободное перемещение

внутри охраняемой зоны. После отбоя всякое передвижение по территории пункта без разрешения администрации было запрещено. Время подъема и отхода ко сну в соответствии с распорядком дня для военнопленных устанавливалось в зависимости от местных условий. Распорядок дня приемного пункта, как правило, был следующим: подъем 7.00, утренний туалет и уборка помещений – 7.00 – 7.30, утренняя проверка – 7.30 – 8.00, завтрак – 8.30 – 9.30, работа на территории пункта – 9.30 – 16.30, обед – 16.30 – 18.30, культурно-массовая работа – 18.30 – 21.00, ужин – 21.00 – 22.00, вечерняя проверка – 22.00 – 22.30, отбой – 23.00. К обеспечению контроля за поведением военнопленных и соблюдением ими распорядка дня внутри зоны устанавливались вахтерские посты, а также привлекались все сотрудники пункта. Следует отметить, что курение в занимаемых военнопленными помещениях категорически запрещалось. Для курения отводились специальные места во дворе пункта, а в холодное время – специальное помещение, снабженное бочкой с водой.

Военнопленных разрешалось привлекать к работам по хозяйственному обслуживанию нужд пункта, причем вывод их на работы за зону пункта производился только под конвоем. Лица, выводимые на внешние работы, сдавались дежурным по пункту по списку старшему конвоя и по списку таким же образом принимались обратно. Часовые, сотрудники пункта и находящиеся в наряде вахтеры должны были немедленно пресекать всякую попытку военнопленных установить связь с окружающим населением. Какое бы то ни было использование труда содержащегося контингента в личных целях, покупка вещей у военнопленных, как и прием от них подарков и иных услуг, сотрудникам пункта категорически запрещалось и рассматривалось как недопустимая связь со всеми вытекающими в этом случае последствиями.

По отношению к содержащемуся контингенту со стороны администрации, охраны и сотрудников приемного пункта требовалось вежливое обращение. На неправомерные в их отношении действия военнопленные могли подавать жалобы и заявления в адрес любого вышестоящего органа НКВД или правительственные учреждения. Жалобы и заявления, адресованные в Президиум Верховного Совета СССР и союзных республик, Совнарком СССР, комиссию Советского Контроля, ЦК ВКП(б), комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), народному комиссару внутренних дел СССР, а также Управление по делам о военнопленных, поданные в закрытом виде, подлежали немедленному отправлению адресату.

Среди военнопленных, содержащихся в пунктах, предусматривалось проведение политико-массовой работы по указаниям политотдела Управления НКВД СССР по делам о военнопленных. Свидания, переписка, посылки и передачи находящимся на пункте военнопленным запрещались. Им разрешались чтение газет и книг, игра в шашки, шахматы и другие неазартные игры.

Питание военнопленных осуществлялось по установленным нормам, с выдачей горячей пищи не менее двух раз в сутки и кипятка по потребности.

Обо всех происшествиях на приемном пункте (побег, смерть военнопленного, пожар, беспорядки и т.п.) начальник пункта немедленно доводил до сведения начальника УНКВД и одновременно в Управление по делам о военнопленных НКВД СССР.

Отправка военнопленных с приемного пункта производилась только по нарядам Управления по делам о военнопленных. На группы лиц, отправляемых в лагеря, составлялись этапные списки в трех экземплярах, которые подписывались начальником пункта. Два экземпляра списка выдавались начальнику конвоя (один для лагеря), третий экземпляр с распиской начальника конвоя о приеме этапа оставался в делах пункта. После убытия этапа на основании этапного в книге регистрации в соответствующих графах делалась отметка о дате убытия и места убытия военнопленного. Такая же запись делалась и в случае убытия военнопленного в другие места. Перед отправкой врач приемного пункта выявляет лиц, не могущих по состоянию здоровья следовать с этапом, и визирует эшелонные списки с указанием об отсутствии на приемном пункте эпидемических заболеваний. Следует отметить, что в состав эшелона численностью от 1 000 человек и выше выделялся один специально оборудованный санитарный вагон.

Об убытии этапов из приемного пункта начальник по телеграфу сообщал в Управление НКВД СССР по делам о военнопленных по специально установленному коду.

Как уже отмечалось выше, военнопленные из приемных пунктов следовали в стационарные лагеря НКВД. В соответствии с приказом № 0308 начальникам УНКВД Калининской, Смоленской, Черниговской и Горьковской областей предписывалось развернуть 8 лагерей военнопленных и к 1 октября 1939 года довести их до 68 тыс. человек. Развертывание лагерей военнопленных происходило в соответствии с мобилизационным планом отдела исправительно-трудовых колоний. Так, Осташковский (Калининская обл.) и Южский (Ивановская обл.) лагеря разворачивались на базе бывших детских трудовых колоний НКВД. Путивльский (Сумская обл.), Козельшанский (Полтавская обл.), Старобельский (Ворошиловоградская обл.), Оранский (Горьковская обл.) – на базе помещений бывших монастырей, Юхновский и Козельский (Смоленская обл.) – на базе санатория «Павишев (Павлищев) Бор» и дома отдыха им. М. Горького. К концу 1939 г. с учетом возрастающего поступления спецконтингента численность лагерей увеличилась до десяти, а в 1940 году их стало четырнадцать. Основными задачами, согласно утвержденному 23 сентября 1939 г. В. Чернышевым «Положения о лагере для военнопленных» являлись: содержание военнопленных в условиях изоляции, создание режима, исключаящего всякую возможность побега, проведение агитационной и другой культурно-массовой работы среди содержащегося контингента.

В соответствии с содержанием задач, возложенных на лагерь, было организовано их структурное построение. Организационно аппарат управления лагеря военнопленных состоял из канцелярии, оперативного, политического, учетно-распределительного, хозяйственного, финансового и санитарного отделений, а также команды внутренней и пожарной охраны. Управление всем комплексом деятельности лагеря осуществлялось на основе единоличного руководства начальника, имевшего заместителей и помощника. Деятельность начальника носила исполнительно-распорядительный характер. Он нес всю ответственность за состояние работы всего лагеря.

Правительством СССР для создаваемых лагерей определялось необходимое материально-техническое, продовольственно-вещевое, санитарно-медицинское и другое обеспечение. В частности, 20 сентября 1939 г. Экономический совет при СНК СССР утвердил нормы продовольственного и вещевого снабжения военнопленных. Так, военнопленному в сутки полагалось 800 г. хлеба, 130 г. крупы (вермишель, макароны), 50 г. мяса, 75 г. рыбы, 20 г. сахара, 500 г. овощей, жиры, специи; также на месяц выдавалось 200 г. мыла, 5 пачек махорки и др. Наркоматом торговли для военнопленных было выделено необходимое количество постельных принадлежностей, одежды, белья и др. [7, с. 10–13].

В конце сентября принимаются и другие организационно-нормативные документы, касающиеся содержания военнопленных и деятельности лагерей. Так, 23 сентября 1939 г. были утверждены: «Временное положение о медико-санитарном обслуживании военнопленных в системе Управления НКВД СССР по делам военнопленных» и «Положение о лагере для военнопленных». 25 сентября – директива УПВ «Об организации работы отделений по учету военнопленных в лагерях», а три дня спустя – «Временная инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» и «Правила внутреннего распорядка лагеря НКВД для содержания военнопленных». В этих документах довольно подробно регламентировались не только функции отдельных структурных подразделений (например, отделений по учету военнопленных), но и обустройство лагерей, порядок приема и содержания военнопленных, их права и обязанности, меры дисциплинарного воздействия к нарушителям установленного порядка и т.д. Военнопленным категорически запрещались все виды оружия, спиртные напитки, наркотические и лекарственные средства, всевозможные документы, топографические и игральные карты, деньги (свыше установленной суммы – 100 руб. в месяц), ценные вещи. Разрешалось ношение форменной одежды, знаков различия, наград. Военнопленные могли пользоваться книгами, журналами, газетами, предметами обихода, туалета, письменными принадлежностями. Им разрешалось хранение небыстро портящихся продуктов питания и т.д.

Распорядок дня предусматривал подъем военнопленных в 7.00 часов, отбой – 23.00 часа. В этом промежутке отводилось время на прием пищи, занятие физкультурой, культурно-массовые мероприятия и работы в лагере. Использование труда военнопленных за пределами лагеря не предусматрива-

лось. «Правила внутреннего распорядка...» запрещали грубое и унижающее человеческое достоинство обращение с содержащимся контингентом. К военнопленным, допускающим нарушения установленных правил, предусматривались дисциплинарные взыскания – перевод в штрафной барак (до 1 месяца) или на гауптвахту – до 20 суток, где также разрешалось чтение книг, журналов и газет. Нормы питания нарушителям не снижались. За злостное неповиновение лагерной администрации, также совершение уголовного преступления во время пребывания в плену виновные подлежали судебному преследованию.

Рассматривая организационно-правовые мероприятия государства в отношении военнопленных, отметим, что польских военнослужащих, оказавшихся в руках Красной армии, а затем НКВД, причислить к военнопленным было бы не верно. Согласно нормам международного права и даже действующего в то время в СССР «Положения о военнопленных» военнопленными признавались лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР и которые захвачены при военных действиях. Эта норма распространялась и на интернированных граждан противоборствующей стороны. Но поскольку между СССР и Польшей не было состояния войны, так как ее не объявила ни одна из сторон, то и говорить в этом случае о правовом положении польских военнопленных безосновательно. Ввиду указанных обстоятельств нельзя было направлять польских военнослужащих в лагеря для военнопленных. Но, несмотря на это, реальность оказалась совершенно иной. В лагерях НКВД по его сведениям оказалось 130 242 человека [8].

Однако не все бывшие польские военнослужащие после их разоружения оказались в лагерях. Некоторым выпала иная участь. Так, из-за нехватки мест в приемных пунктах и лагерях многих сдавшихся в плен, на основании постановления СНК СССР «О военнопленных» от 3 октября 1939 г., просто отправляли по домам. Это коснулось той части рядового состава бывших военнослужащих польской армии, родина которых были территории Западной Беларуси и Западной Украины. При этом для строительства дороги Новоград Волынский – Корец – Львов оставлялось 25 000 военнопленных на срок до конца декабря (окончания строительства 1-й очереди).

В ходе выполнения выше указанного постановления правительства «О военнопленных» к освобождению из лагерей и приемных пунктов было намечено 44 651 человек из жителей Западной Беларуси и Западной Украины, из которых впоследствии было освобождено 42,4 тыс. человек, остальные были переданы для трудового использования на предприятия Наркомчермета. Военнопленные офицеры, а также крупные военные и государственные чиновники подлежали отправке в Старобельский лагерь. Пленные разведчики, контрразведчики, жандармы, полицейские и тюремщики направлялись в Калининскую область в Осташковский лагерь.

Освобождение военнопленных (мелкими группами) осуществлялось и позже. В частности, в феврале 1940 г. в докладной записке на имя Л. П. Берии начальник УПВИ Сопруненко писал: «Для разгрузки Старобельского и Козельского лагерей, прошу Вашего распоряжения на проведение следующих мероприятий:

1. Всех тяжелобольных, полных инвалидов, туберкулезников, стариков от 60 лет и выше из числа офицерского состава, которых насчитывается около 300 человек, отпустить по домам.

2. Лиц, из числа офицеров запаса – жителей западных областей УССР и БССР – агрономов, врачей, инженеров, техников, учителей, на которых нет компрометирующих материалов, отпустить по домам. По предварительным данным, из этой категории может быть отпущено 400–500 человек...».

Третий пункт докладной касался большинства содержащихся в лагерях, прежде всего офицеров, полицейских, жандармов и др. Вносилось предложение дела их всех «оформить для рассмотрения на Особом совещании при НКВД». Часть предложений начальника УПВИ была удовлетворена.

Военнопленных солдат, родина которых находилась в немецкой части Польши, предписывалось содержать в Козельском лагере Смоленской области и Путивльском лагере – Сумской до решения вопроса с немецкой стороны об отправке их на родину. В октябре месяце такая договоренность по инициативе германской стороны была достигнута. 14 октября 1939 г. СНК СССР принял постановление № 1691-415 по этому вопросу, согласно которому в октябре и ноябре 1939 г. немецкой стороне через пограничные пункты у Брест-Литовска и между станциями Яготин и г. Дорогуском было передано 42 492 пленных поляка. Следует отметить, что в 1940–1941 гг. по запросам германского посольства немцам было передано еще 562 человека. Вместе с тем германские власти также с октября 1939 г. по весну 1941 г. передали в СССР 13 757 бывших польских граждан. В частности, 16 октября 1939 г. в адрес опергруппы НКВД на Белорусском фронте пришла директива Л. П. Берия о поступлении от германского командования 20 тыс. человек военнопленных по национальности белорусов и украинцев, имеющих семьи на нашей территории.

Трагической оказалась судьба 14 552 польских граждан, содержавшихся в качестве военнопленных в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях и уничтоженных НКВД в марте–мае 1940 г. в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. В этот же день Политбюро не только вынесло решение о расстреле тех польских военных, которые находились в лагерях, но предложило НКВД применить высшую меру наказания – расстрел – к арестованным и находившимся в тюрьмах западных областей Украины и Беларуси 11 тыс. человек, членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков [9, с. 75–86].

Предыстория этого чудовищного акта была следующая. В конце февраля – начале марта (точную дату установить не удалось) в докладной № 794/Б (буква «Б» – личный шифр Берии) в ЦК ВКП(б) «О бывших офицерах польской армии, содержащихся в лагерях для военнопленных» всеильный нарком НКВД писал:

«Совершенно секретно» ЦК ВКП(б) Товарищу Сталину

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р [контрреволюционных. – *А.Ш.*] партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. ... Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против Советской власти...

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков (по национальности свыше 97 % – поляки). Из них:

генералов, полковников и подполковников	– 295
майоров и капитанов	– 2 080
поручиков, подпоручиков и хорунжих	– 6 049
офицеров и младших командиров полиции пограничной охраны и жандармерии	– 1 030
рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков	– 144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляки), в том числе:

бывших офицеров	– 1 207
бывших полицейских, разведчиков	– 5 141
шпионов и диверсантов	– 347
бывших помещиков, фабрикантов и чиновников и членов различных к-р повстанческих организаций и разного к-р элемента	– 465
перебежчиков	– 5 345
	– 6 127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами Советской власти, НКВД СССР считает необходимым...».

Судя по тому, что выписка из решения заседания Политбюро от 5 марта 1940 г. почти слово в слово повторила предложения Берии, процитируем последнее:

«I. Предложить НКВД СССР:

1) ...дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях для военнопленных, – по справкам из дел, представляемых Управлением по делам военнопленных НКВД СССР.

б) на лиц, арестованных – по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК» [9, с. 86–87].

Репрессивно-карательная машина закрутилась быстро и слаженно. Уже 7 марта Берия направил начальнику УПВИ приказ «О составлении точных списков польских офицеров, содержащихся в лагерях для военнопленных». Кроме информации о собственно военнопленных, требовались и обширные данные на членов семьи каждого из них, в том числе близких родственников – родителей, братьев и сестер, их точный адрес жительства. Сведения необходимо было собрать секретно, на основе имеющихся в лагере материалов. Опрос военнопленных на этот счет рекомендовалось осуществлять лишь с целью уточнения имеющихся данных, и то в отдельных случаях. Работу предлагалось завершить в пятидневный срок.

В тот же день в адрес наркомов внутренних дел Белорусской и Украинской ССР и поступило распоряжение Берии «О выселении в Казахстан членов семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии и бывших офицеров польской армии». Им предписывалось в срок до 15 апреля 1940 г. выселить в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех членов семей, содержащихся в лагерях военнопленных и тюрьмах западных областей, бывших польских офицеров, полицейских, жандармов, чиновников и т.д. «Операцию» по выселению требовалось провести «В один день... с наступлением рассвета».

Исходя из всего, в отведенное время уложились. Как свидетельствуют документы, расстрелы начались в марте, а завершилась кровавая расправа в мае 1940 г.

3 марта 1959 г. председатель КГБ СМ СССР А. Н. Шелепин писал Н. С. Хрущеву о том, что на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по решениям специальных троек расстреляно 21 857 человек пленных и интернированных офицеров, генералов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши., из них: в Катынском лесу (Смоленская область) – 4 421 человек, Старобельсктм лагере близ Харькова – 3 820 человек, Осташковском лагере (Калининская область) – 6 311 человек и 7 305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах по учетным делам, заведенным на них как военнопленных и интернированных в 1939 г.».

Руководил непосредственно операцией по уничтожению поляков начальник УПВИ П. К. Сопруненко.

К июлю 1940 г. в СССР осталось чуть более 23,5 тыс. военнопленных и интернированных, из которых около 400 военнослужащих и полицейских, оставшихся в живых и вывезенных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, содержались в Грязовецком лагере, остальные находились в производственных лагерях.

Летом 1940 г. количество обитателей лагерей для военнопленных увеличивается. По приказу НКВД СССР № 00806 от 6 июля 1940 г. «О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства» в лагерь НКВД СССР для военнопленных в Советский Союз должны были вывезти 4 767 человек, в том числе 859 офицеров. В результате выполнения этого приказа по состоянию на 23 июля в Козельский лагерь было доставлено 2 353 польских офицеров и полицейских, в Юхновский – 2 023 рядовых и младшего комсостава.

Еще одну группу польских граждан из 913 человек, в том числе 107 офицеров, НКВД СССР наметил вывезти из Прибалтики, теперь уже Латвии, по приказу № 001211 от 15 августа 1940 г.

По состоянию на 2 июня 1941 г. в лагерях УПВИ НКВД СССР содержалось 27 435 польских граждан.

В сентябре и октябре 1941 г. 25 115 польских военнослужащих и интернированных были переданы на формирование польской армии на территории СССР. Кроме них в лагерях для военнопленных находилось еще 289 польских граждан, не призванных в армию по болезни или как лиц немецкой национальности. Они были переведены в Актюбинский лагерь. По состоянию на 1 января 1942 г. там находилось 265 военнослужащих польской армии, из которых 263 человека являлись лицами немецкой национальности. К 1 марта 1944 г. их осталось 172 человека [9, с. 88–89].

Так сложилась судьба военнопленных польской армии и интернированных польских граждан в СССР.

Развязанная нацистской Германией Вторая мировая война вызвала массовые перемещения не только военнопленных и интернированных бывшего Польского государства, но и иных групп населения. Так, согласно информации комиссара НКВД БССР Л. Ф. Цанавы, на начало 1940 г. на территории

Беларуси находилось свыше 93 тыс. беженцев. Из них 4 90 поляков, 1 703 белоруса, 169 украинцев, 65 796 евреев, 577 русских и 1 396 представителей других национальностей.

Беларусь и Украина одни из первых среди советских республик ощутили на себе военно-политические преобразования после германо-польской войны. В результате раздела Польши советские войска заняли территорию около 190 тыс. км² с населением около 12 млн человек, преимущественно украинцев и белорусов. Линия соприкосновения советских и германских войск в основном совпадала с «линией Керзона» – приблизительной границей расселения поляков с одной стороны, и белорусов и украинцев – с другой. Присоединение Западной Беларуси и Западной Украины к СССР было оформлено решением внеочередной 5-й сессией Верховного Совета СССР в ноябре 1939 г. Государственная граница СССР была отодвинута на 200–300 км к западу.

Польша была объявлена Гитлером генерал-губернаторством с административным центром в Кракове во главе с Г. Франком. Польское эмигрантское правительство, созданное 30 сентября 1939 г. В. Сикорским, квалифицировала советско-германский договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. как четвертый раздел Польши. В декрете польского президента говорилось о непризнании и незаконности любых оккупантов и борьбе вместе с союзниками Польши за полное восстановление суверенитета и независимости Польши в границах до 1 сентября 1939 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол-ва), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / под ред. : М. М. Загоруйко. – М. : Логос, 2000. – 1118 с.
3. *Цімошык, Л.* Брама у неба / Л. Цімошык // Звязда. – 2004. – 27 жніўня.
4. Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 13.
5. *Чайковский, А. С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.) / А. С. Чайковский. – Киев : Парламентское изд-во, 2002. – 503 с.
6. Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 13.
7. *Шарков, А. В.* Тяжкое бремя плена: военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Беларуси 1939–1951 гг. / А. В. Шарков, Е. Н. Мох-Докунова. – Минск : Звязда, 2015. – 200 с.
8. *Шарков, А. В.* Польский «коридор» / А. В. Шарков // Республика. – 2005. – 27 июля.
9. *Шарков, А. В.* Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 194 с.

АНАТОЛЬ ВАСІЛЬЕВІЧ ШАРКОЎ – НЕЗАМЕННЫ ЁДЗЕЛЬНІК КАНФЕРЭНЦЫІ «БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ»

Распачаць свае ўспаміны пра Анатоля Васільевіча Шаркова мне хацелася б з аднаго вельмі важнага для нас абодвух гістарычнага факта – нашага зямляцтва. Ён нарадзіўся праз тры гады пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны на нашай любай малой Радзіме – на вызваленай і часткова адбудаваанай Крупшчыне, у гарадскім пасёлку Халопенічы, што знаходзіцца на поўначы Крупскага раёна Мінскай вобласці. Жыццёвы досвед будучага ваеннага гісторыка паказвае і пры гэтым абгрунтавана пераконвае, што сапраўдныя вытокі сваіх творчых захапленняў і навуковага натхнення, а таксама духоўнай моцы часам неабходна шукаць не толькі ў студэнцкай аўдыторыі ці за кніжным сталом, а значна глыбей. У той бацькоўскай хаце, сямейным радаводзе і на прасторах малой Радзімы, якія даюць нам старт у жыццё, пачынаюць фарміраваць будучую асобу, прывіваючы пачуцці любові, адказнасці, памяці.

Другі важны момант нашых зямляцкіх адносін заключаўся ў тым, што імя савецкага біятланіста Анатоля Шаркова мне было добра вядома яшчэ ў студэнцкія часы, калі самому цягам трох гадоў навучання ў інстытуце даводзілася актыўна займацца падрыхтоўкай да лыжных спаборніцтваў па біятлоне. На трэніроўках час ад часу згадвалася прозвішча беларускага майстра спорту СССР – Шаркова, якога ў канцы 1960-х і ў 1970-я гады добра ведалі не толькі на біятлонных трасах у Раўбічах, але і далёка за межамі Беларусі. Нам з ім не давялося сустрэцца на снежнай лыжні спаборніцтваў, але ўспаміны пра наша агульнае спартыўнае захапленне, трэніровачныя зборы, сакрэты падрыхтоўкі інвентару, перш за ўсё выбару лыжнай змазкі і метадыкі стралковай падрыхтоўкі, не кажучы пра самі гонкі з бегам класічнай мужчынскай дваццаткі з 4 стралковымі рубяжамі, тактыкай праходжання сваіх эстафетных этапаў на лагойскай і іншых трасах у час розных спаборніцтваў і шмат чаго іншага, не пакідалі нас практычны ніколі. Асабліва актыўна мы з ім абмяркоўвалі вынікі правядзення чарговага этапу штогадовых міжнародных спаборніцтваў у рамках Кубка свету па біятлоне. А калі праходзілі зімовыя Алімпіяды, то гэта тэма з перадачай непаўторнай атмасферы барацьбы на біятлонных трасах і заўзятарскага перажывання за сваіх любімых спартсменаў становіліся для нас абодвух галоўнай тэмай не толькі нашых размоў, але і гарачых дыскусій: пытанні камплектавання каманд, тактыка барацьбы на лыжнай трасе, урокі вытрымкі на стралковым рубяжы, трапнасць стральбы біятланістаў па мішэнях на кожным з праведзеных этапаў і г.д. практычна заўсёды знаходзіліся ў фокусе нашых цікавых размоў з вядучым ваенным гісторыкам, доктарам гістарычных навук, прафесарам А. В. Шарковым.

Нагадаю, што крыху больш чым праз 25 гадоў пасля свайго біятлоннага ўзыходжання да вяршыню майстра спорту ён здабывае высокую навуковую ступень доктара гістарычных навук. Аб паспяховай абароне малавядомай тэмы дысертацыі «Утрыманне і працоўнае выкарыстанне ваеннапалонных і інтэрніраваных на тэрыторыі Беларусі ў сістэме органаў унутраных спраў

(1944–1951 гг.)» мне пад вялікім уражаннем распавядаў былы загадчык кафедры гісторыі КПСС МДПІЗМ, а з пачатку 1990-х гадоў – сябра савета па абароне доктарскіх дысертацый у БДУ прафесар У. К. Коршук. Роўна праз 4 гады пасля гэтай даты пачалося наша прафесійнае супрацоўніцтва. Успамінаю сваё хваляванне, калі пасля правядзення ў МДЛУ ў канцы мая 2002 г. першай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» узнікла патрэба ў правядзенні знешняй экспертызы навуковых матэрыялаў, падрыхтаваных для выдання ў якасці матэрыялаў удзельнікаў канферэнцыі. На той час адзін з сяброў рэдакцыйнай калегіі доктар гістарычных навук У. К. Коршук даў параду звярнуцца да маладога прафесара, які літаральна год назад атрымаў гэта вучонае званне, – А. В. Шаркова. Тады ён займаў пасаду начальніка кафедры крымінальна-выканаўчага права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь.

Сустрэча распачалася з агульнага знаёмства, якое адразу зблізіла нас, пра што ішла размова вышэй. У навуковым плане ў рэцэнзента адразу ж узнік інтарэс да тэматыкі канферэнцыі ў МДЛУ. Яго, як ваеннага гісторыка, хто пад навуковым кіраўніцтвам прафесара А. М. Мацко падрыхтаваў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Дзейнасць органаў унутраных спраў у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945)», вельмі цікавіла ваенная праблематыка, якая з першай канферэнцыі ўсё больш вызначалася ў якасці прыярытэтнага напрамку дзейнасці шматлікіх удзельнікаў канферэнцыі. Таму не было выпадковым адназначнае рашэнне рэцэнзента падтрымаць ініцыятыву кафедры гісторыі і беларусазнаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта аб выданні матэрыялаў зборніка першай канферэнцыі, прысвечанай 10-й гадавіне аднаўлення адносін паміж Рэспублікай Беларусь і Федэратыўнай Рэспублікай Германія.

Нагадаем, што сярод задач, якія з першай сустрэчы імкнуліся вырашаць удзельнікі канферэнцыі, вылучаўся пошук адэкватных падыходаў, скіраваных на ўсебаковае даследаванне вузлавых праблем гістарычнага мінулага і сучаснасці: перыяду Другой сусветнай вайны і новага этапу супрацоўніцтва Беларусі і Германіі пасля аднаўлення поўнаваартасных і шматгранных кантактаў у пачатку 1990-х гадоў. Менавіта тады прагучаў зварот рэдакцыйнай калегіі першага выпуска да ўдзельнікаў канферэнцыі, каб з моманту яе правядзення была закладзена трывалая традыцыя па рэгулярных вясновых сустрэчах гісторыкаў у МДЛУ. Гэту ідэю асабліва вітаў паважаны рэцэнзент і пажадаў поспехаў новаму навуковаму праекту ў наданні яму міжнароднага фармату. Дзякуючы слушняй парадзе рэцэнзента наступныя сустрэчы мелі статус «Міжнароднай навуковай канферэнцыі», паколькі ў ёй прымалі ўдзел даследчыкі з розных краін свету, у тым ліку Беларусі, Аўстрыі, Германіі, Вялікабрытаніі, ЗША, Канады, Латвіі, Літвы, Польшчы, Расіі і Украіны.

Так быў зроблены першы крок на нашым 18-гадовым сумесным прафесійным шляху. З моманту першай сустрэчы ў чэрвені 2002 г. мы адразу адчулі патрэбу ў больш блізкіх сяброўскіх адносінах, асабліва пасля таго, як не толькі знайшлі агульныя факты ў сваіх спартыўных біяграфіях, упісаных у

нашу памяць шматкіламетровымі прабежкамі па заснежанай, марознай, іскрыстай лыжні ў Раўбічах і Лагойску, але і высветлелі пытанне нашага агульнага зямляцтва. Пасля гэтага доктар гістарычных навук прафесар Шаркоў А. В. тройчы выступаў у ролі рэцэнзента зборніка матэрыялаў навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць». А з 2005 г. сам становіцца актыўным удзельнікам сустрэч у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце.

Тая роля, якую пачаў адыгрываць А. В. Шаркоў як непасрэдны ўдзельнік вясновых навуковых канферэнцый, сведчыць, хутчэй за ўсё, аб яго незаменнасці: як сябра рэдакцыйнай рады, апантанага выступоўцы, вядучага пленарных пасяджэнняў і аўтара прэзентацый новых выданняў, у тым ліку манаграфій і навуковых выданняў, востры апанент, гарачы дыскутант і заўзятар размоў на розныя тэмы за часам кава-паўзы – гэта малая крыха таго, што сёння хочацца вылучаць у дачыненні да добра вядомага ў свеце даследчыка беларускай ваеннай і пасляваеннай гісторыі.

Галоўная тэматыка яго выступленняў зводзілася да наступнага: «Генералы вермахта і карных органаў нацысцкай Германіі ў палоне», ««Вестарбайтары» на будоўлях Беларусі 1945–1951 гг.», «Аператыўная работа ў лагерах ваеннапалонных на тэрыторыі Беларусі 1944–1951 гг.», «Мерапрыемствы па прыёму тых савецкіх грамадзян, хто вяртаўся на Радзіму з тэрыторыі дзяржаў Заходняй Еўропы (1944–1946)», «Судовы пераслед арганізатараў, кіраўнікоў і удзельнікаў Арміі Краёвай, затрыманых у заходніх раёнах Беларусі ў 1944–1945 гг.», «Міласэрнасць да адоленага праціўніка», «Карная палітыка дзяржавы ў адносінах асоб, якія супрацоўнічалі з нацысцкім рэжымам у гады Вялікай Айчыннай вайны», «Замак гродзенскай турмы ў карнай сістэме Расійскай імперыі». Не без яго бацькоўскай падтрымкі на канферэнцыях двойчы прагучалі выступленні дачкі Алены.

Надоўга заставаўся ў аўдыторыі, дзе ладзіліся пленарныя пасяджэнні з удзелам беларускіх і замежных даследчыкаў, арганізацыйны дух мадэратара А. В. Шаркова. Ён умеў трапна прадставіць кожнага ўдзельніка, знайсці для яго асабліва важныя словы падтрымкі і падказаць пачынаючаму гісторыку напрамак далейшага пошуку, або прапанаваць сваю падтрымку ў форме магчымага апаніравання дысертацыі. Акадэмічны стыль гісторыка адзначалі адразу ж на перапынку ці падчас правядзення кава-паўзы, пры гэтым адначалі прызнае стаўленне прафесійнага гісторыка да моладзі, аспірантаў і саіскальнікаў. Часам вельмі здзіўляліся, каб нечакана для сябе даведваліся, што побач з імі стаіць сапраўдны палкоўнік беларускай міліцыі.

У той жа час афіцыйная роля мадэратара дазваляла А. В. Шаркову задаваць асобным выступоўцам, асабліва замежным, прынцыповыя пытанні. Часам іх пастаноўка пераўтварала аўдыторыю ў гладыятарскую сцэну, на якой сыходзіліся навукоўцы з процілеглымі поглядамі на праблему ці рознымі падыходамі ў іх навуковым даследаванні. Акадэмізм дыскусій не дазваляў

пераходзіць пэўныя межы, аднак напружанне абмеркавання перадавалася аўдыторыі, уключала яе удзельнікаў у процістаянне па пытаннях, што тычыліся ідэалогіі, прыводзіла да пошуку шляхоў усталявання навуковага кампрамісу ці выхаду з сітуацыі. Пры гэтым, вобразна кажучы, навуковец, бывала, у такія моманты як бы апранаў традыцыйны для сябе мундзір вайсковага палкоўніка, якому патрэбна было трымаць абарону любымі сродкамі і не здаць праціўніку. Аднак у такіх умовах бачылася спартыўная зацягасць дыскутанта, праяўляўся яго баявы дух вядзення да перамогі сваёй барацьбы, дасягненне перамогі любымі сродкамі, у тым ліку не заўсёды прымальнымі ў навуковых колах. Удзел у такіх дыскусіях адбываўся па прынцыпова важных пытаннях сучаснай гістарычнай навукі, у якой і сёння сустракаюцца ідэалагічныя стэрэатыпы савецкага часу. Цяперашні час патрабуе рашуча адмовіцца ад іх, аднак не заўсёды гэта атрымліваецца.

Асабліва яркімі фарбамі А. В. Шаркоў мог намаляваць сваё чарговае выступленне, калі прыходзіў у Цэнтр беларускай мовы і літаратуры з падарункамі, у якасці якіх даволі часта выступалі яго новыя кнігі. Так, сярод аўтарскіх дарункаў Цэнтру і бібліятэцы МДЛУ можна назваць наступныя: А. В. Шарков. Архипелаг ГУПВИ : военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1945 гг. – Минск : Тесей, 2003. – 168 с.; А. В. Шарков, В. В. Грозов, Ю. А. Бествицкий. Под крестом судьбы – Минск : Беларус. Правосл. Церковь, 2011. – 431 с.; А. В. Шарков, В. Д. Селеменев. Военские захоронения Первой мировой войны в Беларуси = Soldatengraeberanlagen aus dem Ersten Weltkrieg in Belarus – Минск : НАРБ, 2010. – 187 с.; А. В. Шарков. Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 194 с.; А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич. Жить и помнить : советские воинские захоронения в Европе. Кн. 1. – Минск : Звезда, 2015. – 368 с.; Последний приют солдата [Комплект] = Letzte Ruhestaette fuer die Soldaten / А. В. Шарков [и др.] ; пер. на нем. яз. Е. И. Хорошевич. – Минск : Звезда, 2014. – 208 с.; Е. И. Хорошевич, А. В. Шарков. Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны – Минск : Белпринт, 2018. – 328 с.; А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич. Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны в событиях и лицах – Минск : Звезда, 2017. – 256 с. Большасць з гэтых кніг маюць уласнаручныя подпісы аўтара, які пакідаў свае кнігі ў якасці дакумента бібліятэцы ці Цэнтру беларускай мовы і культуры МДЛУ.

Спецыяльна адзначым, што ўдзельнікі чарговай канферэнцыі ў 2016 г. з вялікай радасцю ўспрынялі навіну аб тым, што па выніках 2015 г. прафесар кафедры крымінальна-выканаўчага права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь А. В. Шаркоў і пазаштатны супрацоўнік галоўнай дырэкцыі міжнароднага вярстання Беларускага радыё А. І. Харашэвіч за стварэнне кнігі-рэквіема

«Жить и помнить», у якой абагульнены вынікі работы па вызначэнні і вывучэнні месцаў пахаванняў беларусаў – абаронцаў Айчыны ў розных куточках Еўропы – сталі лаўрэатамі прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне».

Апошні матэрыял на тэму «Трагедыя вёскі Ола», з якой А. В. Шаркоў выступаў у мінулым годзе на канферэнцыі 5 красавіка 2019 г., выйшаў у чарговым зборніку тады, калі не стала паважанага гісторыка. Ён быў падрыхтаваны разам з сябрам саюза пісьменнікаў Беларусі шматгадовым сааўтарам А. І. Харашэвіч. На чарговай канферэнцыі, запланаванай на 3 красавіка бягучага года, гісторык планаваў выступаць з тэмай «Польскія ваеннапалонныя ў БССР». Аднак гэты не адбылося ў сувязі з тым, што 20 студзеня 2020 г. перастала біцца сэрца паважанага прафесара, доктара гістарычных навук Анатоля Іванавіча Шаркова. Светлая памяць пра яго назаўсёды застаецца ў нашых сэрцах.

У якасці выніковага падсумавання хочацца адзначыць, што, Крупская зямля, багатая сваімі знакамітымі людзьмі і гістарычнымі традыцыямі, безумоўна, паўплывала значна на станаўленне характару і выбар жыццёвага шляху Анатолем Васільевічам. Як зямляк, ганаруся нашым даўнім і працяглым сяброўствам з гэтым прафесіянальным гісторыкам і незаменным чалавекам. Глыбока ўпэўнены, што ў землякоў як з Халопеніч, так і з Крупшчыны ёсць усе падставы ганарыцца такім зямляком, як Анатоль Васільевіч Шаркоў.

*Сяргей Яўгенавіч Новікаў,
кандыдат гістарычных навук*

АНАТОЛЬ ВАСІЛЬЕВІЧ ШАРКОЎ ВЕХІ НАВУКОВАЙ БІЯГРАФІІ І ЛІТАРАТУРНА-НАВУКОВАЯ СПАДЧЫНА

3 красавіка 2020 года ва ўстанове адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт» прайшла XIX міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», прысвечаная 75-й гадавіне Вялікай Перамогі. Важнай асаблівасцю чарговай навуковай сустрэчы гісторыкаў Беларусі, Германіі і Расіі з'яўлялася абмеркаванне праекта «Жыць і памятаць» і серыі кніг А. В. Шаркова і А. І. Харашэвіч, вылучаных для ўдзелу ў конкурсе на саісканне Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь 2020 года ў галіне літаратуры, мастацтва і архітэктуры.

Адкрываў мерапрыемства па абмеркаванні прадстаўленых на выставе ў Цэнтры беларускай мовы і культуры выданняў загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Сяргей Яўгенавіч Новікаў, які ва ўступным слове звярнуў увагу ўдзельнікаў на той сумны факт, што два з паловай месяцы таму пайшоў з жыцця вядомы беларускі гісторык, доктар гістарычных навук, прафесар Анатоль Васільевіч Шаркоў. Цягам апошніх 18 гадоў ён

з'яўляўся актыўным удзельнікам вясновых сустрэч у МДЛУ, выступаў рэцэнзентам першых двух зборнікаў матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», пачынаючы з 2004 г. уваходзіў у склад рэдакцыйнай рады гэтага выдання. Гісторык выступаў з навуковымі дакладамі і паведамленнямі, быў нязменным мадэратарам на шматлікіх пасяджэннях, актыўна дыскутаваў па актуальных пытаннях гісторыі Беларусі ўвогуле і гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў прыватнасці. Прагучалі словы таксама пра тое, што А. В. Шаркоў перадаў у якасці дарункаў Цэнтру беларускай мовы і культуры і бібліятэцы МДЛУ шэраг сваіх аўтарскіх прац, у тым ліку тых, якія ў мінулым годзе вылучаны для ўдзелу ў конкурсе на саісканне Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь. Сярод іх «Жить и помнить: Советские воинские захоронения в Европе», «Последний приют солдата», «Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны», «По следам Советско-польской войны».

Дазвольце коратка нагадаць аўтабіяграфію Анатоля Васільевіча Шаркова. Ён нарадзіўся 18 красавіка 1948 г. у г.п. Халопенічы Крупскага раёна Мінскай вобласці. У 1970 г. скончыў спартыўны факультэт Беларускага дзяржаўнага інстытута фізічнай культуры, у 1983 г. – Мінскую вышэйшую школу міліцыі. Майстар спорту СССР па біятлоне. У 1988 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю «Дзейнасць органаў унутраных спраў у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945)» (навуковы кіраўнік – прафесар А. М. Мацко). У 1998 г. абараніў доктарскую дысертацыю «Утрыманне і працоўнае выкарыстанне ваеннапалонных і інтэрніраваных на тэрыторыі Беларусі ў сістэму ўнутраных спраў (1944–1951)». Прафесар з 2001 г.

Працаваў трэнерам у Лагойску (1970–1975), у органах унутраных спраў Беларусі (1975–1988). З 1988 г. на выкладчыцкай працы ў МВШ МУС СССР (Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь), з 1993 г. – начальнік кафедры крымінальна-выканаўчага права, палкоўнік міліцыі. Ганаровы прафесар Акадэміі права і кіравання Міністэрства юстыцыі Расіі (2004). Адзін з распрацоўшчыкаў Крымінальна-выканаўчага кодэксу Рэспублікі Беларусь і Правілаў унутранага распарадку выканаўчых устаноў (2000). Член Савета Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь і член Савета па абароне дысертацый па юрыдычных навукх пры БДУ. Член рэдкалегіі навукова-тэарэтычнага часопіса «Веснік Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь», «Беларускага гістарычнага ча-сопісу», Весніка Акадэміі права і кіравання Мінюста Расіі «Человек: преступ-ление и наказание» і Інфармацыйнага навукова-метадычнага бюлетэня Дэ-партаменту выканання пакаранняў МУС Рэспублікі Беларусь. Прымаў удзел у ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС. Мае шматлікія ўзнагароды.

Прыярэтымі навуковымі інтарэсамі А. В. Шаркова з'яўляліся гісторыя органаў унутраных спраў Беларусі, Вялікая Айчынная вайна і праблемы ўдасканалення крымінальна-выканаўчага заканадаўства. Ён з'яўляецца аўтарам звыш 250 работ, у тым ліку звыш 10 манаграфічных выданняў.

Падачас пасяджэння ўдзельнікі канферэнцыі перш-наперш спыніліся на асобных момантах навуковай біяграфіі гісторыка Анатоля Васільевіча Шаркова. У яго навуковай дзейнасці прыярэтымі з'яўляюцца праблемы, што былі звязаны з падзеямі ваеннай гісторыі Першай і Другой сусветнай, а таксама Вялікай Айчыннай войнаў. Але з асаблівай цікавасцю ён даследаваў матэрыял пра савецкіх і нямецкіх ваеннапалонных, загінуўшых і ахвярах вайны.

Далей адбылося абмеркаванне наступных прац А. В. Шаркова і А. І. Харашэвіч – «Последний приют солдата», «Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны», «Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны», «Жить и помнить», вылучаных на саісканне Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь у галіне літаратуры, мастацтва і архітэктуры 2020 года.

«Последний приют солдата» (Мінск, Звязда, 2014). Як адзначыў кандыдат гістарычных навук дацэнт А. Г. Цымбал, кніга падрыхтавана і выдадзена да 100-й гадавіны з пачатку Першай сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі, дзе пасля яе засталіся ваенныя пахаванні аўстра-венгерскіх, нямецкіх і расійскіх ваеннаслужачых на тэрыторыі Брэсцкай, Віцебскай, Гродзенскай і Мінскай абласцей Рэспублікі Беларусь. Як у працы адзначаюць сааўтары А. В. Шаркоў, В. Д. Селяменеў, Ю.А. Бествіцкі, А. І. Харашэвіч, на цяперашні час захавалася 248 месцаў пахаванняў Першай сусветнай вайны, з якіх 127 аўстра-венгерскія, 69 – рускія і 52 – нямецкія пахаванні. Найбольшая колькасць месцаў пахаванняў устаноўлена ў Гродзенскай вобласці – 107, Брэсцкай – 69, Мінскай – 54 і Віцебскай – 18. Пры гэтым аўтары адзначаюць, што гэта далёка не канчатковыя лічбы. У кнізе прадстаўлены 248 месцаў вайсковых пахаванняў, 170 сталі аб'ектамі для кнігі.

Кніга знаёміць з многімі месцамі памяці, сярод якіх вылучаецца Смаргонскі раён, дзе ў гады Першай сусветнай вайны адбываліся пазіцыйныя баі паміж рускай арміяй і кайзераўскімі войскамі Германіі. Смаргонь чатыры разы пераходзіла з рук у рукі. У той час у лексікон ваеннаслужачых рускай арміі нават увайшла прымоўка: «Кто у Сморгони не бывал, тот войны не повидал». Пасля спынення кайзераўскіх войск, на тэрыторыі Беларусі пачалася гэтак званая пазіцыйная вайна на рубяжы супрацьстаяння дзвюх армій па лініі Дзвінск – Паставы – Нарач – Баранавічы – Пінск, якая працягвалася больш за два гады – з пачатку кастрычніка 1915 г. да сярэдзіны лютага 1918 г. толькі за 10 дзеён баёў, якія адбываліся ў сакавіку 1916 г. у час Нарачанскіх баёў, на 10 квадратных вёрстах руская армія панесла страты – 78 000 ваеннаслужачых. Значныя страты былі панесены праціўнікам. Усе яны былі пахаваны на беларускай зямлі: хавалі забітых і памерлых, як правіла, прытрымліваючыся пэўных рытуальных абрадаў. Пад пахаванні выбіралі найбольш падыходзячыя месцы – узвышшы, пагоркі, палі, узлескі. Пахаванні праводзілася і ў населеных пунктах, на тэрыторыях грамадзянскіх могілак, побач з цэрквамі і касцёламі. Па перыметры месцы пахаванняў агароджваліся, рабіліся валы, усталёўваліся крыжы, помнікі і абеліскі, у шэрагу месцаў узводзіліся цэлыя мемарыялы з каменя і бетону. Аўтары прыходзяць да важ-

най высновы, што такая мемарыялізацыя была характэрнай для аўстра-венгерскіх і нямецкіх месцаў пахавання, на рускіх жа пахаваннях амаль паўсюль усталёўваліся драўляныя крыжы і агароджы. Пасля заканчэння вайны і ў пасляваенныя гады асобных работ па ўпарадкаванні і доглядзе за месцамі пахаванняў Першай сусветнай вайны на дзяржаўным узроўні ў Беларусі не праводзілася, яны былі фактычна забытыя. Выключэнне складалі некалькі брацкіх магіл расійскіх салдат, на якіх былі ўсталяваны або невялікія помнікі, або памятныя знакі.

А. В. Шаркоў адзначае, што новы перыяд, звязаны з аднаўленнем і ўладкаваннем вайсковых пахаванняў Першай сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі, пачынаецца з канца 1990-х гадоў, калі быў створаны Беларускі рэспубліканскі грамадскі аргкамітэт па ўшанаванні памяці салдат Першай сусветнай вайны. Вялікую работу ў гэтым напрамку праводзіць Упраўленне па ўшанаванні памяці абаронцаў Айчыны і ахвяр вайны (Узброеныя сілы Рэспублікі Беларусь), пры якім дзейнічае 52-ы асобны спецыялізаваны пошукавы батальён. Было выяўлена, што ў Брэсцкай, Віцебскай, Гродзенскай і Мінскай абласцях Беларусі ў цяперашні час захавалася 248 месцаў пахаванняў Першай сусветнай вайны: з іх 127 аўстра-венгерскіх, 69 рускіх і 52 – змешаных (ваеннаслужачых супрацьлеглых бакоў пасля баёў – часам хавалі разам).

Да кнігі зроблены вельмі важны дадатак «Карты вайсковых пахаванняў Першай сусветнай вайны». Сярод навуковых кансультантаў – доктар гістарычных навук А. В. Шаркоў, кандыдаты гістарычных навук В. І. Адамушка і В. Д. Селяменёў. Навуковае значэнне дадатку вызначаецца тым, што ўпершыню падрахтавана карта з абазначэннем месца пахавання і кароткай даведкай да кожнага з іх. Напрыклад, у Мінску на развілцы Старавіленскага тракту і вул. Чарвякова размешчаны брацкія ваенныя могілкі ахвяр Першай сусветнай вайны. Тут пахаваныя больш за 5 тысяч салдат і афіцэраў рускай арміі. Урачыста гэта месца было адкрыта 14 жніўня 2011 г. на каменных плітах, якія знаходзяцца побач з капліцай, ушанаваны імёны 2 468 чалавек.

Аб кнізе **«Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны»** (Мінск, 2014) распавёў кандыдат гістарычных навук старшы выкладчык кафедры агульнай тэорыі і права і гуманітарных дасцыплін БПП-Інстытута правазнаўства, Магілёўскага філіяла П. А. Канцавы.

Выступаючы адметил, што кніга А. В. Шаркова и Е. И. Хорошевич «Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны» является первой в отечественной историографии обобщающей работой по данной тематике. Авторами проанализированы многочисленные документы и мемуарные материалы, затрагивающие историю Ставки Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны на территории Беларуси. Именно комплексный подход позволил авторам прийти к обоснованным выводам и итоговым обобщениям, создать в результате законченное исследование.

В работе в хронологической последовательности проанализирована деятельность Ставки Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны. Раскрыты вопросы о составе Ставки и руководителях Штаба, структуре и комплектовании Русской армии, военные планы Ставки в начальный период и их реализация, передислокация Ставки и смещение Верховного главнокомандующего Русской армией при Великом князе Николае Николаевиче. Завершают главу уникальные фотографии, передающие реальные события тех лет и сюжеты истории Ставки и жизни Верховного главнокомандующего.

Во второй главе показаны события, происходившие в Ставке Верховного главнокомандующего Русской армией при императоре Николае II: представлено его окружение, дана зарисовка царской семьи, показана деятельность Ставки в ходе военной кампании 1916 года и планы на 1917 год; предательство и отречение. В главе 3 «Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией при Временном правительстве» раскрыты вопросы о революционном хаосе в России и развале армии, Верховном главнокомандующем Русской армией, Л. Г. Карнилове, и предпринятых им мерах по спасению армии и государства, противостоянии Карнилова и Керенского, арест мятежных офицеров, их побеге из-под стражи. В главе 4 «Ставка Русской армии после Октябрьской революции» показаны события в Ставке при Верховном главнокомандующем Русской армией Н. Н. Духонине, а также этапы захвата Ставки революционными войсками во главе с Н. В. Крыленко, преобразования старой Ставки и армии, выход России из войны. Такой пошаговый подход авторов наиболее полно раскрывает особенности деятельности Ставки на разных этапах Первой мировой войны.

Книга А. В. Шаркова и Е. И. Хорошевич способствует сохранению памяти о событиях Первой мировой войны, проходивших на территории Беларуси. Фактический материал, приведенный в работе, выводы и обобщения авторов могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, а также стать основой для дальнейших исследований по данной тематике и по близким к ней проблемам.

Кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ В. А. Латышава падзялілася вынікамі агляду кнігі А. І. Харавашэвіч і А. В. Шаркова **«Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны»** (Минск : Белпринт, 2018. – 328 с.). Во вступительном слове к книге «Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны» Бернд Александр Байерль, Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрии в Республике Беларусь (2016–2018 гг.) справедливо отметил: «Патриотические жертвы этой войны с русской стороны были огромны, и они заслуживают достойного почитания их памяти».

«Достойное почитание памяти» – именно так можно охарактеризовать результат работы Елены Ивановны Хорошевич и Анатолия Васильевича Шаркова, нашедший свое отражение на страницах книги «Обелиски памяти

Русской Императорской армии Первой мировой войны». Нельзя не согласиться и с Петером Деттмаром, Чрезвычайным и Полномочным Послом Федеративной Республики Германия в Республике Беларусь (2015–2019 гг.), который сравнил эту книгу с символическим мемориалом всем павшим на полях Великой войны – полосой британских воинских захоронений, простирающейся от побережья Ла-Манша до Соммы и далее (с. 4).

Книга «Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны» выступает продолжением таких авторских работ, как «Воинские захоронения Первой мировой войны» / А. В. Шарков, В. Д. Селеменев (Graz ; Minsk : НАРБ, 2010); Последний приют солдата / А. В. Шарков, В. Д. Селеменев Ю. А. Бествицкий, Е. И. Хорошевич (Минск: Звезда, 2014), изданных одновременно на русском и немецких языках. На их страницах ранее авторы обращались к проблемам сохранения и содержания австро-венгерских, немецких и российских воинских захоронений только на территории Республики Беларусь (Брестская, Витебская, Гродненская и Минские области).

В основу книги «Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны» положены результаты, в том числе полевых исследований, поисковой экспедиции на территории как наших ближайших соседей (Российской Федерации, Польши, Украины, Литвы, Латвии), так и ряда других европейских государств (Австрии, Венгрии, Германии, части Италии (Южный Тироль), Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Франции, Чехии). Объектом внимания здесь выступили «затерянные во времени и памяти скромные погосты, грандиозные мемориалы и одиночные могилы» (Предисловие, с. 6).

Книга в определенной степени отражает генезис культуры памяти в нормативных правовых документах локального характера. Она строится с привлечением значительного количества архивных фотоснимков, например, в случае с военным кладбищем № 14 в с. Цеклин (с. 76), воинским кладбищем № 6, с. Кремпна (86), военным кладбищем в с. Стара Гадка (142) на территории Польши. В Украине, например, – это фотографии церемонии закладки храма-памятника погибшим воинам на Братском кладбище в Киеве 12 июня 1916 г. (с. 209).

Пожалуй, особое исследовательское внимание сегодня заслуживает ряд синонимичных названий в историографии применительно к такой непоправимой катастрофе, как Первая мировая война. Авторы рассматриваемой книги еще в предисловии отмечают интернациональный характер этой отправной точки для крушения идей гуманности в XX веке.

Структура функций исторической науки включает в себя такой элемент, как социальная память. Не зря в современных реалиях сохраняет свою безусловную востребованность первостепенность этой функции. Эту мысль на протяжении каждой страницы доносят до читателей и авторы книги «Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны» Е. И. Хорошевич, А. В. Шарков. Авторы успешно реализуют следующие, так необходимые в современном обществе черты данной функции (утверждение

справедливости и умиротворение), что способствует у нынешних поколений и восприятию общности трагедии. Примером подобного подхода может служить включение в книгу захоронений из г. Пушкино Калининградской области Российской Федерации (территория бывшей Восточной Пруссии). Где на мемориальной плите с пирамидой есть следующая эпитафия:

«Кто тебе служили
С клятвой на устах
Головы сложили
На семи фронтах
А кто тебя любили –
Где теперь оне?
В придорожной пыли
Их прокляли убили
На мировой войне

В память о захороненных здесь 601 русскому и 196 немецких солдатах 1914 – 1915 гг.» (с. 52).

И этот пример на страницах книги не единичен. Так, в издание включены и такие объекты культурного наследия, как захоронение воинов в Российской Федерации: г. Гусев, где «похоронены солдаты Первой мировой войны 1914 г.»: 17 русских и 44 немецких (с. 43); захоронение в п. Ильинское, где «захоронено воинов: 66 русских и 77 немецких» (с. 48); на территории Польши: д. Терновец, «захоронено воинов: 34 русских и 7 австро-венгерских», с. Воля-Цеклиньска, «захоронено воинов: 44 русских, 48 немецких и 22 австро-венгерских» (с. 68), г. Новы-Жмигруд, «захоронено воинов: 149 русских, 5 немецких, 5 австрийских, 1 польский, 1 гражданское лицо» (с. 78), г. Дукля, «захоронено воинов: 3 588 различной национальности» (с. 106), д. Гулков: «Здесь покоятся солдаты войны 1914–1918», г. Ламбиновцы, захоронено воинов: 3 571 русский, 2 602 румынских, 244 итальянских, 286 сербских, 83 британских, 80 французских, 2 бельгийских, 1 греческий (с. 186), Греция, г. Салоники, захоронено воинов: 400 русских, более 8 000 французских, более 7 400 сербских, более 3 000 итальянских и 1 600 британских (с. 241).

Особое внимание следует уделить и реализации указанного выше подхода авторов в привлечении, в том числе, материала о захоронениях воинов Русской Императорской армии, принадлежащих к разным вероисповеданиям. Отдельно отметим, что сама возможность подготовки и издания книги стала возможной в рамках реализации воистину уникального проект «Жить и помнить», осуществляемого при помощи Всехсвятского прихода г. Минска и с благословения его настоятеля протоиерея Федора Повного. Так, Е. И. Хорошевич и А. В. Шарков дают возможность широкой аудитории познакомиться с культурой памяти о русских военнопленных православного и иудейского вероисповедания на военном кладбище в г. Миловице, Чехия (с. 247); группой надмогильных памятников на месте захоронения воинов Русской имперской армии мусульманского (с. 219), иудейского вероисповедания (с. 223), г. Вильнюс, Литва и др.

Авторы «Обелисков памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны» раскрывают и еще одну из проблем, часто выступающих «неудобными» для истории любой войны – военнопленные. Однако, освещение данной темы необходимо не только памяти ушедших, но и живых. Примером могут служить отражение в книге «Обелисков памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны» таких памятных мест среди захоронений воинов, как захоронение военнопленных в Праге, Чехия (с. 267); г. Брунико (с. 290–296), г. Санта Кристина (с. 299–304), Италия; г. Франкфурт-на-Одере, г. Пуххайм, г. Эрланген в Германии и многих других.

Ад наступнай кнізе А. В. Шаркова і А. І. Харашэвіч «Жить и помнить» Кн. 1 (Минск: Звезда, 2015) распавёў загадчык адзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі доктар гістарычных навук, прафесар А. М. Літвін. Ён адзначыў, што гэта выданне будзе карысным ветэранам Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, ветэранам ваеннай службы, дзяржаўным і ваенным структурам, ваенным гісторыкам, моладзі і ўсім, хто цікавіцца гэтай тэматыкай. Кніга можа таксама стаць даведнікам для родных і блізкіх, якія наведваюць месцы пахавання загінуўшых сваякоў за межамі Беларусі.

Гэта кніга была прысвечана 70-годдзю Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг. Аўтары адзначаюць, што яна ўяўляе сабой толькі першую частку па рэалізацыі ўнікальнага праекта, які быў ажыццёўлены ў рамках агульнадзяржаўнай праграмы па ўсенароднай захаванні вечнай памяці аб продках. Ідэя праекта заключаецца ў тым, каб сабраць матэрыял аб воінах, нашых суайчынніках, якія загінулі па-за межамі радзімы ў гады Другой сусветнай вайны.

Праектам прадугледжвалася наведванне месцаў баёў, пошук вайсковых пахаванняў, іх вывучэнне, фотаздымкі, відэазапіс і ўзяцце зямлі з месцаў пахавання для крыпты праваслаўнага храма-помніка ў гонар Усіх Святых і ў памяць аб ахвярах, хто служыў выратаванню Айчыны, у горадзе Мінску. Гэта, безумоўна, дазволіць родным і блізкім, хто не мае магчымасці самастойна ажыццявіць такую далёкую паездку да месцаў пахавання, дакрануцца да святыні-зямлі і памаліцца аб супакаенні душ загінуўшых. Не менш важнай з’яўляецца і інфармацыя аб месцы пахавання і яго стане.

Першая экспедыцыя прайшла па месцах баёў Чырвонай арміі і гібелі савецкіх воінаў у гады Другой сусветнай вайны па рэгіёнам Германіі, Аўстрыі, Венгрыі, Польшчы, Чэхіі, Славакіі і Італіі, з якімі наладжаны кантакт, і дзе была аказана дапамога пры рэалізацыі праекта. У выніку ўдалося наведаць некаторыя месцы, якія прадстаўляюць ўсе катэгорыі ахвяр вайны, што палеглі ў згаданых краінах. Гэта магільны ваеннаслужачых Чырвонай арміі, якія загінулі ў баях, ці тых, хто аддалі жыццё дзеля захавання міру; ваеннаслужачых, якія былі замучаны у нацысцкіх канцэнтрацыйных лагерах; савецкіх грамадзян – прымусовых рабочых, хто памёр ад непасільнай працы, і непаўналетніх вязняў.

У кнізе адначасна, што з мэтай разгрому акупантаў і вызвалення краін Еўропы германскага нацызму ў 1944 – 1945 гг. Савецкія узброеныя сілы праявілі буйныя наступальныя аперацыі – Яска-Кішыніўскую, Львоўска-Сандамірскую, Будапешцкую, Венскую, Берлінскую, Пражскую і інш. У іх бралі ўдзел 11 франтавых аб'яднанняў, 2 франты СПА, 4 флаты, 50 агульнавайсковых, 6 танкавых, 13 паветраных армій, 3 арміі СПА і 3 ваенных флатыліі. Каля 8 млн савецкіх воінаў больш за год вялі ўпартыя баі з ворагам на тэрыторыі 10 краін Еўропы плошчай каля 2,2 млн кв. км. Была цалкам ці часткова вызвалена тэрыторыя Румыніі, Польшчы, Балгарыі, Югаславіі (усходнія раёны), Чэхаславакіі, Венгрыі, Аўстрыі, Германіі (усходнія раёны). Былі вызвалены еўрапейскія сталіцы – Бухарэст, Бялград, Будапешт, Варшава, Вена, Прага, Софія, Берлін.

Як сцвярджаюць аўтары кнігі, звыш аднаго мільёна савецкіх воінаў загінулі ў жорскіх баях на палях Еўропы, выконваючы вызваленчую місію. Воінскія магілы ці могілкі герояў, густа рассеяны ад Буга на захад па еўрапейскіх краінах, што сведчыць аб той вялікай ахвяры, якую савецкія людзі прынеслі ў імя выратавання еўрапейскіх народаў ад гітлераўскага знішчэння.

Вынікамі выканання першай часткі праекта стала тэкставая інфармацыя і фотаматэрыялы па 24 мемарыялах і мемарыяльных могілках савецкім воінам, невядомаму салдату, брацкіх магілах, вайсковых пахаваннях, брацкіх магілах непаўнелетнім вязням у Берліне, (Германія); 9 помнікаў савецкім воінам-вызваленцам, савецкім ваеннапалонным і прымусява выгнаным грамадзянам, інтэрнацыянальных воінскіх могілках; 5 могілках савецкіх воінаў, савецкіх ваеннапалонных, мемарыяльных могілках у Венгрыі; 4 мемарыялах савецкім воінам, пахаванні савецкіх воінаў, брацкай магіле ў Чэхіі; мемарыяльных могілках ў Славакіі; 2 памятных месцах на тэрыторыі Італіі, у тым ліку воінскіх брацкіх могілкаў у Стальена і 180 імёнаў мемарыяла Монтэ-Касіна.

У якасці дадаткаў аўтары прыводзяць 4 дакументы, сярод якіх Загад народнага камісара абароны СССР № 138 з аб'яўленнем палажэння аб асабістым уліку страт і пахаванні загнуўшага асабовага складу Чырвонай арміі ў ваенны час, Спіс савецкіх ваеннапалонных, ураджэнцаў Беларусі, хто памёр у лагеры Цайтхайн (Германія), спіс пахаваных у г. Секешфехервар пасля 1956 г. (Венгрыя), Спіс пахаваных на могілках пад Монтэ-Касіна (Італія).

Важнай адметнасцю гэтай кнігі з'яўляецца багаты фотаматэрыял, зроблены ўласнаручна аўтарамі і шырока прадстаўлены ў кнізе.

Абмеркаванне кніг паказала, што на саісканне Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь у галіне літаратуры, мастацтва і архітэктуры 2020 года вылучаны грунтоўныя працы А. В. Шаркова і А. І. Харашэвіч, якія знайшлі агульную падтрымку ўдзельнікаў канферэнцыі.

*Пётр Аляксандравіч Канцавы,
кандыдат гістарычных навук;
Вікторыя Аляксандраўна Латышава,
кандыдат гістарычных навук;
Сяргей Яўгенавіч Новікаў,
кандыдат гістарычных навук*

СУСТРЭЧЫ НА БРЭСЦКАЙ ЗЯМЛІ

Цяжка пісаць пра чалавека, з якім многа звязана, здзейснена, але які, на жаль, заўчасна пайшоў з жыцця. Наколькі радасней і прыемней гаварыць аб ім на чарговым юбілеі, з нагоды атрымання ўзнагароды, ці нават на звычайным навуковым мерапрыемстве. Я маю на ўвазе доктара гістарычных навук, прафесара Анатоля Васільевіча Шаркова.

Наша першая сустрэча з Анатолям Васільевічам адбылася на пачатку 1990-х гадоў. Як вядома, гэта быў даволі складаны час. Распалася вялікая дзяржава, якая доўгі час была нашай радзімай. З яе распадам знік і звыклы вобраз жыцця. Не ўсе былі гатовыя да новых умоў існавання. Асабліва цяжкім было ўспрыняцце новай парадыгмы, у яснае якой ляжала «я», а не «мы». У складанай сітуацыі апынуліся навукоўцы, выкладчыкі ВНУ, асабліва прадстаўнікі грамадазнаўчага накірунку. Зніклі такія дысцыпліны, як «Гісторыя КПСС», «Навуковы камунізм», «Палітычная эканомія». А гэта азначала і скарачэнне штатаў. Пагоршылася і матэрыяльнае становішча навукоўцаў і выкладчыкаў. Прыстасавацца да змен змаглі самыя моцныя, гатовыя кінуць выклік новым рэаліям. Менавіта такім чалавекам і быў Анатолій Васільевіч Шаркоў. У адзін з майскіх веснавых дзён у мяне ў кватэры прагучаў тэлефонны званок. Дарэчы, кватэра была дзяржаўнай, гэта значыць бясплатнай. Мала таго, мне, як кандыдату навук, выдзяляўся особны пакой. Такім чынам, атрымалася, хаця і не вялікіх памераў, чатырохпакаёвая кватэра. Гэта адзін са штрыхоў савецкай рэчаіснаці. Сучаснай моладзі зрумець такую сітуацыю не магчыма. Званіў мой калега, які сказаў, што да мяне хоча завітаць выкладчык Мінскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта Уладзімір Платонавіч Паўлаў. Уладзіміра Платонавіча я ведаў. Пасля заканчэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта я быў накіраваны на працу на кафедру гісторыі КПСС Брэсцкага дзяржаўнага інстытута імя А. С. Пушкіна. У 1985–1988 гг. я з’яўляўся аспірантам кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага, дзе пачалася мая навуковая дзейнасць па вывучэнні гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны, якая працягваецца і зараз. У 1988 г. пад кіраўніцтвам выбітнага навукоўца, выдатнага педагога, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Мікалаевіча Мацко я абараніў кандыдацкую дысертацыю. У час майго навучання Уладзімір Платонавіч Паўлаў быў ужо кандыдатам гістарычных навук, дацэнтам. Кандыдацкую дысертацыю ён таксама рыхтаваў пад кіраўніцтвам А. М. Мацко. «Знаёмся, – сказаў Уладзімір Платонавіч, – Анатолій Васільевіч Шаркоў, яшчэ адзін вучань паважанага Аляксандра Мікалаевіча, прадстаўнік ваенных гісторыкаў Беларусі». Адзначу, што Аляксандр Мікалаевіч Мацко быў і навуковым кансультантам доктарскай дысертацыі А. В. Шаркова. Як высветлілася з далейшай размовы, Уладзімір Платонавіч і Анатолій Васільевіч займаліся пошукам месцаў пахавання нямецкіх салдат на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Брэст стаў адным з этапаў пошукавай працы. У гісторыкаў быў прыкладны

план пошукаў. Я не з'яўляўся спецыялістам у гэтай справе, але ў некаторай ступені ведаў горад. Таму выступіў у ролі своеасаблівага гіда. Як паказалі далейшыя падзеі, кароткая сустрэча стала пачаткам шчырых сяброўскіх адносін, якія працягваліся да заўчаснай смерці Анатоля Васільевіча.

Пераломнымі ў нашых адносінах сталі 2000-я гады, калі я пачаў працу над доктарскай дысертацыяй. Сустрэкаючыся на разнастайных навуковых мерапрыемствах, пазнаёміліся бліжэй. Менавіта ў гэты перыяд адбылася і наша новая сустрэча на берасцейскай зямлі. Сябры Анатоля Васільевіча ведалі яго, як нястомнага працаўніка, падарожніка, і не толькі па Беларусі, але і за яе межамі. У час аднаго з такіх падарожжаў на тэрыторыі Брэсцкай вобласці па дарозе з Пружан у яго сапсавалася машына. Я запрасіў яго і яго сяброў пераначаваць ў мяне ў кватэры. Аднак яны выбралі начоўку на дачы. Дома я атрымаў наганяй ад сваёй жонкі Валянціны за тое, што не паклапаціўся як патрэбна пра начлег гасцей і не ўгаварыў іх пераначаваць у кватэры. Мы ўсе заначавалі на дачы. Жонка была ўражана. «Доктар навук, прафесар, палкоўнік, а такі просты чалавек», – зрабіла яна заключэнне. Дарэчы, дадзенае заключэнне не падвяргалася сумненню на працягу ўсіх нашых далейшых сустрэч з А. В. Шарковым. І яшчэ на адну асаблівасць характару Анатоля Васільевіча звярнула ўвагу Валянціна – з якой цеплынёй і любоўю гаварыў ён пра сваю жонку Таццяну. Якая яна ў яго клапацівая і таленавітая. Паснедаўшы, мы паехалі рамантаваць машыну. Быў выхадны дзень, і многія аўтасэрвісы не працавалі. Тым не менш мы выканалі задачу. А потым А. В. Шаркоў і яго спадарожнікі паехалі на Мінск. У час гэтай сустрэчы Анатоль Васільевіч упершыню назваў маю жонку «прафесарша». На маю заўвагу пра тое, што я яшчэ не прафесар, ён адказаў: «Будзеш і доктарам навук, і прафесарам. Я ў гэтым не сумняваюся». Яго словы аказаліся прарочымі. Я абараніў доктарскую дысертацыю, атрымаў вучонае званне прафесара. Але на працягу ўсяго перыяду да атрымання азначаных рэгалій Анатолій Васільевіч пры любой сустрэчы ў Мінску абавязкова дадаваў: «Як пажывае прафесарша? Абавязкова перадавай ёй прывітанне».

Асаблівасцю характару Анатоля Васільевіча, як мне падавалася, было тое, што не існавала такіх спраў, якія былі б не пад сілу гэтаму чалавеку. Наступная наша сустрэча стала пацвярджэннем дадзенай высновы і датычыла падрыхтоўкі чарговай кнігі па новай тэматыцы. На гэты раз пошукавая праца была звязана са святымі крыніцамі на тэрыторыі Беларусі. Сааўтарам будучай кнігі з'яўлялася Алёна Іванаўна Харашэвіч, вядомы журналіст, знаўца Германіі і нямецкай мовы. Я, але ўжо разам з жонкай, выступіў у вядомай мне ролі – гіда па тэрыторыі Брэсцкага, Пружанскага, Камянецкага раёнаў Брэсцкай вобласці. Як гэта нярэдка бывае, наша падарожжа зацягнулася. Мы наведалі больш крыніц, чым планавалі, таму ў Брэст вярнуліся позна. Значавалі ў нас, але ўжо ў кватэры. Мы з Валянцінай у чарговы раз упэўніліся, які добразычлівы чалавек Анатоль Васільевіч. Ад яго зыходзіла добрая, пазітыўная энергія. У поўнай меры дадзеныя словы можна аднесці і да яго спадарожніцы – Алены Іванаўны.

Калі напачатку восені 2019 г. прагучаў тэлефонны званок, я ўжо не быў здзіўлены і задаў толькі адно пытанне аб тым, што шукаем на гэты раз. Аказалася, што аб'ектам пошукаў з'яўляюцца месцы пахаванняў удзельнікаў савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. Пакуль Анатоля Васільевіч і Алена Іванаўна даехалі, я, у адпаведнасці з планам, склаў прыкладны маршрут пошукаў на тэрыторыі Брэста. Адны могількі выклікалі маё здзіўленне. Пражыўшы дзесяткі гадоў у Брэсце, я не ведаў пра існаванне ў горадзе даволі вялікага пахавання ўдзельнікаў паўстання С. Булах-Булаховіча. Дарэчы, нягледзячы на прыкладнае месца яго знаходжання, мы доўгі час не маглі знайсці самі могількі.

У Анатоля Васільевіча была яшчэ адна мэта – сабраць успаміны ўдзельнікаў абароны Брэсцкай крэпасці ў верасні 1939 г. Аднак здзейсніць гэтага не ўдалося, бо за некалькі месяцаў да нашай размовы памёр апошні абаронца.

Я ўдзячны лёсу, што ён даў мне магчымасць быць знаёмым з такім цудоўным чалавекам. У мяне ёсць шмат кніг А. В. Шаркова з асабістым подпісам аўтара. Гэта памяць пра выдатнага навукоўца, добрага сябра, чалавека з вялікай літары. На жаль, такія людзі рана сыходзяць з жыцця, не рэалізаваўшы многіх планаў і задумак.

*Уладзімір Васільевіч Здановіч,
доктар гістарычных навук, прафесар*

ПАЛКОЎНІК АНАТОЛЬ ШАРКОЎ.
СІМПАТЫЧНЫ, УРАЖВАЮЧЫ, УСЕБАКОВА КАМПЕТЭНТНЫ,
ВЫСОКААДУКАВАНЫ, ПАСТАЯННА АНГАЖЫРАВАНЫ
І З ВЯЛІКІМ ПАЧУЦЦЁМ ГУМАРУ ПАРТНЁР

28 верасня 2009 г., Гістарычная майстэрня, г. Мінск.

Я выступаю ў Гістарычнай майстэрні і расказваю пра Федэратыўную Рэспубліку Германіі і Трэці рэйх на зямлі ў Мінску, дзе немцы знішчылі гета. Выступаю з тэзісам, што тэмай Трэцяга рэйха ў Германіі займаліся з 1945 г. Крытычнае вывучэнне нацысцкага мінулага праходзіла пэўныя этапы і працягваецца цяпер, паколькі заўсёды выяўляліся і выяўляюцца новыя праявы дыктатуры. І гэты можна патлумачыць уздзеяннем комплекснага характару Трэцяга рэйха, веды пра які выступаюць незаменнымі пры даследаванні гісторыі гвалту. І не толькі ў рэйху, а за яго межамі – таксама ў Савецкім Саюзе – думаюць часта пра праявы такіх этапаў, чым цяпер займаюцца нямецкія даследчыкі. На справе паказваюць гэтыя новыя этапы, якую дынаміку атрымала крытычнае стаўленне да мінулага ў Федэратыўнай Рэспубліцы амаль адразу пасля вайны, а таксама як яно зноў і зноў разгортваецца.

Цягам майго дакладу з першага шэрага на мяне ўсе больш пагрозліва пазіраў адзін годны Спадар. І калі я завяршыў выступленне, ён злосна запырэчыў, што не верыць ніводнаму майму слову. Гэты быў для мяне выдат-

ны шанец, паколькі ў якасці адказу я трымаў у значнай меры практычна новы даклад і пры гэтым здолеў усё больш падрабязна і дыферэнцыявана абгрунтаваць. Але мяне зноў усе ўважліва слухалі, хоць такім чынам час маёй прамавай прамовы быў падвоены.

Пасля ў гэтым жа будынку на былой гетаўскай кухні ладзілася сяброўская вячэра. Спадар з суровым знешнім выглядам таксама быў там. Мне ціха прашапталі: «Гэта палкоўнік!», метрам далей чую: «Ён з'яўляецца прафесарам па крымінальным праве!», яшчэ далей чую: «Ён таксама прафесар гісторыі». Следствам сустрэчы стала дыскусія, якая цягнулася амаль да 4 гадзін раніцы. У выніку стала відавочным яго перакананне ў тым, што я не з'яўляюся «фашыстам». Заключнае слова спадара палкоўніка гучала так: «Раніцай у мяне да 12 гадзін будзе лекцыя. Давайце пабачымся на маёй кафедры ў 12 гадзін і 5 хвілін».

Мы прыйшлі ў вызначаны час. Адразу ж разгарнулася даволі гарачая дыскусія. Мы пажадалі працягнуць яе за часам абеду, на які хацелі яго запрасіць. Аднак было позна, паколькі была прызначана наступная сустрэча з дырэктарам Нацыянальнага архіва Беларусі спадаром Селяменевым. Палкоўнік Шаркоў кажа: «Я іду разам з вамі, паколькі ён мой добры сябра». Пры гэтым назіраў за намі цягам размовы, седзячы ў аддаленні. Я патлумачыў дырэктару даволі падрабязна і грунтоўна з выкарыстаннем розных тэрмінаў нашу просьбу аб магчымасці даследавання нямецкіх злачынстваў у дачыненні да інвалідаў ў Беларусі цягам вайны. Падчас маёй працяглай прамовы Шаркоў сядзеў моўчкі. Потым сказаў толькі адно слова: «Так!» Праз некаторы час ён рашуча наблізіўся да стоса папак на яго працоўным стале: гэты былі даведнікі па фондах архіва, якія для нас мелі асаблівае значэнне. Пры гэтым мы не забыліся спытаць, ці можам мы пазнаёміцца з гэтым не ў агульнай чытальнай зале.

Такім чынам мы атрымалі вось такі выдатны доступ да архіўных спраў у Беларусі, чым былі асабліва ўражаны. І гэта дало магчымасць стварыць цудоўныя абставіны для працы маладых даследчыкаў, але і весці вельмі блізкую, даволі прыязную і прадуктыўную сумесную работу: пад кіраўніцтвам Аляксандара Фрыдмана група пераўтварылася ў выдатны працоўны гурт! Да цяперашняга часу мы перакананы, што гэты стала добрым сігналам для кіраўніка архіва ў выніку прысутнасці Анатоля Шаркова: падчас працы ў архіве мы не сустрэлі аніякіх перашкод на нашым шляху.

З гэтага вырасла даволі глыбокае, вельмі адкрытае і глыбокае сяброўства з Анатолем Шарковым. Яго заўсёднымі гумар праганяў любы страх, які ўзнікаў з розных сюжэтаў жахлівай гісторыі. Яго ўражлівая рашучасць садейнічала таму, што мы толькі ад іншых даведваліся, якой адметнай зоркай ён быў у Савецкім Саюзе. Нямецкія ваенныя злачынствы мы бачылі паўсюдна. Але з ім, сынам аднаго з вядомых партызанскіх камандзіраў, мы маглі весці размову вельмі адкрыта і дзякуючы гэтаму даволі шмат чаму навучыліся ад яго.

Палкоўнік Шаркоў быў з намі на вялікай канферэнцыі, арганізаванай з удзелам розных краін на базе Сарбонскага ўніверсітэта, дзе мы разам з маёй калегай Мары-П'ер Рэй (Marie-Pierre Rey) і спецыялістамі з Савецкага Саюза прадстаўлялі наш праект. Мы прэзентавалі там нашу нямецкамоўную кнігу, у якой разам з іншымі даследчыкамі з Украіны, былой Савецкай краіны, Швецыі і Германіі здолелі прадставіць вынікі працы амаль на 600 старонках у форме асобных паведамленняў. Унёскам палкоўніка Шаркова стаў важны аналіз працэсаў над ваеннымі.

Калі я ў верасні 2016 г. разам з жонкай – французскім гісторыкам – зноў прыехаў у Мінск, Анатоль Шаркоў і спадарыня Алена Харашэвіч здолелі нам паказаць вялікую частку Беларусі цягам толькі трох дзён. Мы былі ўражаны маштабамі разбурэнняў пад час ваенных дзеянняў. У шматлікіх замках і цэрквах мы ўбачылі вялікае майстэрства беларускіх рэстаўратараў. Нас прыемна ўразілі тыя маштабныя аднаўленчыя работы ў беларускіх гарадах і вёсках у пасляваенныя гады. Мы пазнаёміліся з прыгожымі ландшафтамі – асабліва былі ўражаны знаходкай святой крыніцы ў канцы лясных сцяжынак, што зніклі. Мы ведалі, што любіў палкоўнік «Рэмі Мартэн» («Rémy Martin») і перадалі яму на тым месца з вялікім гонарам адну эксклюзіўную бутэльку – але палкоўнік меў рацыю: лепшы каньяк свету ёсць мясцовы беларускі самагон, які ён прывёз з сабой для нас!

З таго часу палкоўнік Шаркоў стаў для нас проста Анатолям!

*Райнар Худэман, доктар гісторыі, прафесар
Пер. з нямецкай мовы С. Я. Новікава*

ВЫСОКОПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ
И ГЛУБОКО ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК.
ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ШАРКОВА

7 ноября 2010 года. Международный научный форум в Гейдельберге. Идет третий день международной конференции «Национал-социалистическая оккупационная печать на территории СССР, 1941–1944 гг.», который проводится в рамках семинара по истории Восточной Европы Гейдельбергского университета имени Рупрехта и Карла. С докладом о судьбах белорусских авторов оккупационной прессы к микрофону подходит профессор Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук А. В. Шарков. Его яркое, детальное и эмоциональное выступление станет одним из самых ярких моментов конференции и запомнится как участникам, так и зрителям. Уже после конференции коллега Николас Уильямс из университета Саарбрюккен с присущим ему британским юмором отметит, что в тот день благодаря громогласному выступлению полковника Шаркова о судьбе главного редактора коллаборационистской «Беларуской газеты» Владислава Козловского, убитого

в ноябре 1943 года советскими партизанами в Минске, посчастливилось узнать и многочисленным прохожим на площади Бисмарка примерно в двух километрах от места проведения конференции.

27 ноября 2012 года. Саарбрюккен. Анатолий Шарков – гость семинара «Гласность, перестройка и распад СССР» в Институте истории Саарландского университета. Он увлекательно рассказывает о своей жизни, о карьере в милиции и командировках в «горячие точки», об участии в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Взоры студентов устремлены на минского гостя, они ловят каждое его слово. И хоть учащиеся и не владеют русским языком, в этом момент создается впечатление, что перевод им вовсе и не нужен. Они понимают Шаркова и без знания языка...

Две личные истории, которые ярко характеризуют этого неординарного человека. Мы познакомились с Анатолием Васильевичем в конце сентября 2009 г. в Исторической мастерской в Минске. Его имя и работы о военнопленных и интернированных на территории Беларуси были мне хорошо знакомы и ранее. Профессор Шарков внес значительный вклад в успешное проведение проекта «Уничтожение душевнобольных в Беларуси 1941–1944 гг.», которым я руководил совместно с профессором Райнером Худеманном с 2009 по 2012 г., а также поучаствовал в создании итогового сборника статей «Дискриминированы – уничтожены – забыты. Люди с ограниченными возможностями в СССР, во время нацистской оккупации и в Восточном блоке 1917–1991». Совместная работа с ним была настоящим наслаждением.

Анатолий Шарков останется в моей памяти высокопрофессиональным ученым, открытым и глубоко порядочным человеком, харизматичным оратором, ходячей энциклопедией советской и постсоветской жизни, а, кроме того, непревзойденным рассказчиком анекдотов и историй из жизни.

Александр Фридман, доктор истории

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Баранава Наталля Пятроўна – рэктар Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Благуш Ірына Сяргееўна – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Брыгадзіна Вольга Васільеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Варанкова Ірына Юр’еўна – старшы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Дзмітрыева Вольга Пятроўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры міжкультурнай прафесіянальнай камунікацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Здановіч Уладзімір Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Кантар Юлія Зорахаўна – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі РДПУ імя А. І. Герцэна, галоўны навуковы супрацоўнік СПб ІГ Расійскай акадэміі навук (г. Санкт-Пецярбург)

Канцавы Пётр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры агульнай тэорыі права і гуманітарных дысцыплін БПП-Інстытута правазнаўства, Магілёўскі філіял

Карпенка Ірына Аляксандраўна – кандыдат гістарычных навук, вучоны сакратар Дзяржаўнага музея гісторыі Санкт-Пецярбурга

Кіенка Дзмітрый Генадзьевіч – кіраўнік навукова-даследчай групы вайскавай гісторыі і археалогіі Беларусі «Рубон», навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Канівец Ганна Валенцінаўна – старшы навуковы супрацоўнік апарата дырэкцыі Дзяржаўнага Эрмітажа (г. Санкт-Пецярбург)

Корсак Алесь Іосіфаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кузняцоў Ігар Мікалаевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры дыпламатычнай і консульскай службы факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – кандыдат гістарычных навук, намеснік загадчыка аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Куніцкі Уладзімір Уладзіміравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры старажытных цывілізацый і Сярэднявечча Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар, прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Латышава Вікторыя Аляксандраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Лісіцына Анастасія Юр’еўна – студэнтка Гродзенскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта

Літвін Аляксей Міхайлавіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Літвіноўская Юлія Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Мох Алена Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, загадчык лабараторыі гісторыка-грамадскай і сацыякультурнай адукацыі навукова-метадычнай установы «Национальный институт образования» Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Поль Гундула – магістрант усходнееўрапейскіх культурных даследаванняў Інстытута славістыкі Патэдамскага ўніверсітэта

Пцічкіна Святлана Аляксееўна – старшы выкладчык кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Ситкевич Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук УО «Гродненский государственный медицинский университет»

Скрабіна Людміла Сямёнаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры філасофіі, гісторыі, паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту (г. Гомель)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Фридман Александр – доктор истории, Саарский университет (Саарбрюккен, Германия)

Хадасевіч Ганна Сяргееўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Худеман Райнер – доктор истории, профессор, Саарский университет (Саабрюккен, Германия)

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Чыкалава Ірына Рамуальдаўна – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі і методыкі выкладання гісторыі БДПУ імя М. Танка, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Шаркоў Анатоля Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, навуковы супрацоўнік Беларускага культурнага цэнтра духоўнага Адраджэння (г. Мінск)

Шыманская Наталля Анатолеўна – вядучы архівіст аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

З М Е С Т

Прывітальнае слова рэктара ўніверсітэта Н. П. Баранавай..... 3

75-ГОДДЗЕ ВЯЛІКАЙ ПЕРАМОГІ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

Кантор Ю.З. 80-летие начала Второй мировой войны:
девиации исторической политики в восточной Европе 5

Здановіч У. В. Штодзённае жыццё гарадскіх і сельскіх жыхароў Беларусі
падчас нацысцкай акупацыі ў ацэнках беларускіх даследчыкаў 13

Літвін А. М. Адзначэнне дзяржаўных савецкіх святаў насельніцтвам
і партызанамі падчас нацысцкай акупацыі Беларусі 19

Новікаў С. Я. Інструменталізацыя гісторыі перамогі
ў Вялікай Айчыннай вайне ў сучаснае навучанне, выхаванне і памяць 44

Поль Г. Мыслить в национальных категориях: «Массив имен»
как мемориал «Австрийским жертвам Холокоста»..... 55

Бригадина О. В. Грабеж историко-культурных ценностей в годы
Великой Отечественной войны: деятельность оперативного
штаба А. Розенберга на оккупированных территориях СССР 65

Воронкова И. Ю. Уроженцы Китая
в Витебском антифашистском подполье (1942–1943) 69

Киенко Д. Г. Минская область как объект исследования
мест падений самолетов (1941–1945). Статистический обзор 75

Корсак А. И. Захоронения партизан на территории Беларуси
периода Великой Отечественной войны..... 80

Хадасевич А. С. Белорусский государственный университет
в первое послевоенное десятилетие: восстановление и развитие 84

Цымбал А. Г. Ахова здароўя грамадзянскага насельніцтва
ва ўмовах акупацыйнай паўсядзённасці (паводле матэрыялаў
Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь», 1941–1943)..... 93

ВЯЛКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

- Кузнецов И. Н.* «Белорусский Катынский список»: проблемы поиска и увековечивания памяти жертв советских репрессий 99
- Кулинок С. В.* К вопросу об уровне подготовки немецкой разведывательно-диверсионной агентуры в годы Великой Отечественной войны (на примере территории Беларуси) 107
- Новікаў С. Я.* Новыя нямецкія дакументы аб малавядомых старонках вызвалення Беларусі (1943–1944) 115
- Мох Е. Н.* Медико-санитарное обслуживание советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944) (на примере шталага № 352) 125
- Скрабіна Л. С.* Дакументы асабістага архіва В. З. Каржа як крыніца даследавання партызанскага руху ў Беларусі (чэрвень 1941 г. – верасень 1942 г.)..... 132
- Стрелец М. В., Птичкина С. А.* Забвению не подлежит. К вопросу об участии организации украинских националистов в Холокосте ... 143
- Благуш И. С.* Торговый баланс индустриальной экспортоориентированной экономики: уроки Германии..... 148
- Дмитриева О. П., Куницкий В. В.* Обучение евреев Беларуси в средних учебных заведениях (конец XIX в. – октябрь 1917 г.) 153
- Конивец А. В.* Эрмитаж в блокаде и эвакуации. История в эго-документах. 159
- Карпенко И. А.* Война в музейных выставках 1944–1950 гг. Создание музейной экспозиции на примере материалов музея обороны Ленинграда и музея «Свирская победа» 172
- Концевой П. А.* Использование германских репарационных поставок и труда военнопленных при создании минских автомобильного и тракторного заводов (1945 – начало 1950-х гг.) 179
- Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И.* Становление антигитлеровской коалиции государств 186

<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Германскі кампанент ранняй этнічнай гісторыі Беларусі	193
<i>Чикалова И. Р.</i> «Без чести, благородства и сердца»: трансформация образа Германии и немцев в России под влиянием событий Первой мировой войны	198
<i>Шиманская Н. А.</i> Боевая деятельность НКГБ–НКВД на оккупированной территории Беларуси (1941–1944).....	214
<i>Лисицына А. Ю., Ситкевич С. А.</i> Форты Гродненской крепости в годы Первой и Второй мировых войн.....	223
<i>Цымбал А. Г.</i> Беларускае пытанне ў гістарычна-палітычным дыскурсе Польскай сацыялістычнай партыі ў першай трэці ХХ ст.	227

IN MEMORY

АНАТОЛЬ ВАСІЛЬЕВІЧ ШАРКОЎ 18.04.1948 – 20.01.2020

<i>Шарков А. В.</i> Польские военнопленные в БССР	232
<i>Новікаў С. Я.</i> Анатоль Васільевіч Шаркоў – незаменны ўдзельнік канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць»	248
<i>Канцавы П. А., Латышава В. А., Новікаў С. Я.</i> Анатоль Васільевіч Шаркоў: вехі навуковай біяграфіі і літаратурна-навуковая спадчына.....	252
<i>Здановіч У. В.</i> Сустрэчы на Брэсцкай зямлі.....	261
<i>Худэман Р.</i> Палкоўнік Анатоль Шаркоў. Сімпатычны, уражваючы, усебакова кампетэнтны, высокаадукаваны, пастаянна ангажыраваны і з вялікім пачуццём гумару партнёр.....	263
<i>Фридман А.</i> Высокопрофессиональный ученый и глубоко порядочный человек. Памяти Анатолия Васильевича Шаркова	265
<i>Аўтары дакладаў і наведарамленняў</i>	267

INHALT

Grußwort der Rektorin von Universität N. P. Baranowa..... 3

75. JAHRESTAG DES GROSSEN SIEGES: DOKUMENTARISCHE NARRATIVE UND FORSCHUNGSANSÄTZE

Kantor Yu. Z. 80. Jahrestag des Ausbruchs des Zweiten Weltkriegs:
Abweichungen der historischen Politik in Osteuropa..... 5

Zdanovich V. V. Tägliches Leben der Stadt- und Landbewohner von Belarus
während der nationalsozialistischen Besatzung
nach Einschätzung belarussischer Forscher 13

Litvin A. M. Feier der sowjetischen Staatsfeiertage durch die Bevölkerung und
Partisanen während der NS-Besetzung von Belarus..... 19

Nowikau S. Ya. Instrumentalisierung der Siegesgeschichte
im Großen Vaterländischen Krieg in moderner Lehre, Bildung und Erinnerung..... 44

Pohl G. Denken in nationalen Kategorien: «Massiv von Namen»
als Denkmal für die österreichischen Opfer des Holocaust 55

Brigadina O. V. Raub historischer und kultureller Werte in den Jahren
des Großen Vaterländischen Kriegs: die Aktivitäten des operativen Stabs
A. Rosenbergs in den besetzten Gebieten der UdSSR..... 65

Voronkova I. Yu. Teilnahme der Eingeborenen in China
am antifaschistischen Untergrund von Witebsk (1942–1943)..... 69

Kienko D. G. Region Minsk als Untersuchungsgegenstand
für Flugzeugabsturzstellen (1941–1945). Statistische Übersicht..... 75

Korsak A. I. Bestattungen von Partisanen auf dem Territorium von Belarus
während des Großen Vaterländischen Krieges 80

Hadasevich A. S. Belarussische Staatliche Universität
im ersten Nachkriegsjahrzehnt: Restaurierung und Entwicklung..... 84

Tsymbal A. G. Gesundheitsschutz der Zivilbevölkerung im besetzten Alltagsleben
(nach den Materialien der Dokumentensammlung
des Generalbezirks «Weißrussland», 1941–1943)..... 93

DER GROSSE VATERLÄNDISCHE KRIEG:
EREIGNISSE – FAKTEN – MENSCHEN

- Kusnezow I. N.* «Belarussische Katyn-Liste»: Such- und Erinnerungsprobleme an die Opfer der sowjetischen Unterdrückung..... 99
- Kulinok S. W.* Zur Frage des Ausbildungsniveaus der deutschen Aufklärungs- und Sabotageagenten während des Großen Vaterländischen Kriegs (am Beispiel des Territoriums von Belarus) 107
- Nowikau S. Ya.* Neue deutsche Dokumente über den wenig bekannten Seiten der Befreiung von Belarus (1943–1944)..... 115
- Moch E. N.* Medizinische und sanitäre Dienste für sowjetische Kriegsgefangene in Lagern auf dem besetzten Territorium von Belarus (1941–1944) (am Beispiel von Stalag Nr. 352) 125
- Skrabina L. S.* Dokumente des persönlichen Archivs von V.Z. Korzh als Quelle der Erforschung der Partisanenbewegung in Belarus (Juni 1941–September 1942)..... 132
- Strelez M. W., Ptitschkina S. A.* Nicht zu vergessen. Zur Frage der Beteiligung der Organisation ukrainischer Nationalisten am Holocaust 143
- Blagusch I. S.* Handelsbilanz der exportorientierten Industriewirtschaft: Lehren aus Deutschland 148
- Dmitrieva O. P., Kunitskiy W. W.* Ausbildung der belarussischen Juden in Mittelschulen (Ende des 19. Jahrhunderts – Oktober 1917)..... 153
- Konivets A. W.* Ermitage in der Blockade und Evakuierung. Geschichte in Ego-Dokumenten..... 159
- Karpenko I. A.* Krieg in Museumsausstellungen 1944–1950. Erstellen einer Museumsausstellung am Beispiel von Museumsmaterialien über Verteidigung von Leningrad und des Museums «Swirskaja Sieg» 172
- Konzewoj P. A.* Verwendung deutscher Wiedergutmachungsgüter und die Arbeit von Kriegsgefangenen bei der Schaffung von Minsker Automobils- und Traktorenwerken (1945 – Anfang der 1950er Jahre)..... 179

<i>Litwinowskij I. A., Litwinowskaja Yu. I.</i> Bildung der Anti-Hitler-Koalition von Staaten	186
<i>Kuschnjarewitsch A. M.</i> Germanische Komponente der frühen ethnischen Geschichte von Belarus	193
<i>Tschikalova I. R.</i> «Ohne Ehre, Adel und Herz»: Transformation des Bildes von Deutschland und Deutschen in Russland beeinflusst von den Ereignissen des Ersten Weltkriegs.....	198
<i>Schimanskaja N. A.</i> Kampfhandlungen des NKGB–NKWD im besetzten Gebiet von Belarus (1941–1944)	214
<i>Lisizyna A. Yu., Sitkewitsch S. A.</i> Forte der Festung Grodno während der Ersten und Zweiten Weltkriege.....	223
<i>Tsymbal A. G.</i> Die belarussische Frage im historischen und politischen Diskurs der Polnischen Sozialistischen Partei im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts	227

IN MEMORY

ANATOL WASILJEWITSCH SCHARKOU
18.04.1948 – 20.01.2020

<i>Scharkow A.W.</i> Polnische Kriegsgefangene in der BSSR	232
<i>Nowikau S. Ya.</i> Anatol Wasiljewitsch Scharkou – Unersetzlicher Teilnehmer der Konferenz „Belarus und Deutschland: Geschichte und Gegenwart“.....	248
<i>Kanzawy P. A., Latyschawa W. A., Nowikau S. Ya.</i> Anatol Wasiljewitsch Scharkou: Meilensteine von wissenschaftlichen Biographie und Literatur-wissenschaftlichen Nachlasse	252
<i>Zdanowitsch U. W.</i> Treffen auf dem Breszki-Gebiet.....	261
<i>Hudemann R.</i> Oberst Anatol Scharkou. Netter Mann, beeindruckend, umfassend kompetent, gut ausgebildet, ständig engagiert und Partner mit einem großartigen Sinn für Humor	263
<i>Friedmann A.</i> Hochprofessioneller Wissenschaftler und zutiefst anständiger Mensch. In Erinnerung an Anatolij Vasiljewitsch Scharkow	265
<i>Verfasser der Beiträge und Berichte</i>	267

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 3 красавіка 2020 г.

В ы п у с к 19

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактары: *В. М. Васілеўская, В. С. Забродская, К. І. Кавалёва*
Ст. карэктар *С. А. Іванова*
Камп'ютарная вёрстка *Н. А. Шаула*

Падпісана ў друк 29.03.2021. Фармац 60×84 1/16. Папера афсетная. Гарнітура Таймс.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 16,04. Ул.-выд. арк. 18,89. Тыраж 100 экз. Заказ 17.

Выдавец і паліграфічнае выкананне : установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2017 г № 1/1499.

ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.